БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. НОЯБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Забытый фельдмаршалъ. (Очеркъ дѣятельности главнокомандующаго въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ). . . . . 235—258
II. Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели. Сообщ. А. Бѣломоръ. (съ планомъ). 259—274
III. Памяти В. И. Даля. (По поводу 40-лѣтія его „Толковаго Словаря"). Сообщ. И. Н. Божеряновъ. . . 275—281
IV. Среди парижскихъ эмигрантовъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Сообщ. Алексѣй Плетневъ. . 285—294
V. Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. (Изъ записокъ кн. Адама Чарторійскаго). Сообщ. К. Военскій. . . 295—304
VI. Къ исторіи 1812 года. Сообщ. Н. Затворницкій. 305—318
VII. Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг. Сообщ. П. Д. Зотовъ. . . 319—330
VIII. Ардаганскій отрядъ. (Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ). Сообщ. В. Комаровъ . . . . . 331—348
IX. Обрядность прежняго русскаго масонства. Сообщ. Тира Соколовская. . . 349—359
X. Къ финляндскому вопросу. (Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго: „Формы правленія" и „сословныхъ привилегій", выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ. Сообщ. Н. А. Т. . 361—388
XI. Пережитое. Сообщ. Л. Д. . 389—394
XII. Марина Мнишекъ и второй самозванецъ. В. Тимощукъ. . . . . 397—412
XIII. Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVII столѣтія. М. Поліевктова . . . 413—425
XIV. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій . . . . 427—437
XV. Къ воспоминаніямъ о графѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Бергѣ. Сообщ. Е. Андреевскій. . . . . 440—456
XVI. Писалъ ли Гоголь Пушкину о „Ревизорѣ"? Сообщ. Н. Лернеръ. . . . . 457—459
XVII. Воспоминанія Н. Левашовскаго. Сообщ. Н. Левашовскій . . . . . 460—464
XVIII. Изъ записной книжки «Русской Старины»:
а) Изъ жизни нашего духовенства—„Горько, отецъ!" Сообщ. А. Сергѣевъ. . 282—284
б) Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго ген.-ад. Александра Михайловича Рылѣева. Сообщ. П. П. . 360
в) Полная неожиданность. Сообщ. А. Е. К. . . . . 395—396
г) Письмо П. В. Лопухина барону Остенъ-Сакену. Сообщ. В. А. Алексѣевъ. 426
д) Пожалованіе въ чинъ до рожденія. Сообщ. Михаилъ Соколовскій. 438
XIX. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: Портретъ генералъ-фельдмаршала Вел. Кн. **Николая Николаевича** и планъ положеній эскадры адмирала Витгефта въ бою 28 іюля 1904 года.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1908 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **«Надежда»**, Морская, 65.
1907.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

49 Гл
25-2-07

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября 1907 года.

Библіографическій листокъ.

И. С. Бѣляевъ. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 1907.

Небольшая книга И. С. Бѣляева сослужитъ немалую службу не только архивисту, занимающемуся старинными документами, но и юристу, историку, филологу, изучающимъ русскую письменность и не имѣющимъ навыка въ чтеніи документовъ. „Чтобы обезпечить возможность непосредственно приступить къ занятію старинными документами, не тратя времени на предварительное изученіе механизма ихъ чтенія въ архивахъ, а имѣть, наоборотъ, въ запасѣ въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе необходимыя для того свѣдѣнія", авторъ выпустилъ свою книгу, „которая тѣмъ и отличается отъ другихъ подобныхъ трудовъ въ этой области, что въ своемъ основаніи имѣетъ прежде всего практическій способъ изученія древней русской скорописи", этого наиболѣе труднаго отдѣла палеографіи. Въ этой области г. Бѣляеву принадлежитъ первый починъ. Тогда какъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ для изученія скорописи давались только снимки съ транскрипціями, г. Бѣляевъ предлагаетъ цѣлый рядъ методическихъ указаній, съ помощью которыхъ уже нетрудно разобраться въ любомъ скорописномъ манускриптѣ. Ему пришлось объяснить впервые, только на основаніи документальныхъ данныхъ, и особыя начертанія буквъ, и титла, и вязные заголовки, и бѣлорусское письмо. Изложивъ въ краткомъ, но содержательномъ общемъ очеркѣ исторію русскаго письма, давъ въ снимкахъ полную скорописную азбуку, гдѣ число типическихъ изображеній каждой буквы доходитъ до десятка, изслѣдовавъ всевозможныя особенности въ начертаніяхъ буквъ, г. Бѣляевъ предлагаетъ рядъ превосходныхъ снимковъ съ типичныхъ образцовъ скорописи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ отъ XVII до XV вѣка, и при томъ по степени сравнительной трудности чтенія. Каждый снимокъ снабженъ не только точной транскрипціей, но и весьма обстоятельными объясненіями, для которыхъ г. Бѣляеву, какъ первому серьезному работнику въ этой сферѣ, пришлось даже самому изобрѣсти номенклатуру. Не совсѣмъ удачны попытки автора дать истолкованіе различныхъ словъ, встрѣчающихся въ прежнихъ актахъ и не употребляющихся въ современныхъ, и его грамматическіе экскурсы, не имѣющіе прямого отношенія къ области палеографіи. Можемъ отмѣтить также двукратную невѣрную транскрипцію одного слова на стр. 36 (снимокъ № 12): „коширские" вмѣсто легко читаемаго „каширские". Книга г. Бѣляева, конечно, пробудитъ интересъ къ изученію русской скорописи и дастъ толчокъ къ появленію другихъ подобныхъ трудовъ. Занимающіеся палеографіей филологи и изучающіе исторію русскаго права юристы найдутъ въ ней полезное пособіе. *В. П.*

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе Очевидца. Спб. 1907.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III выпустило эту книжку, принадлежащую, какъ говоритъ предисловіе, перу „уроженца Галиціи, историка и знатока русско-галицкихъ отношеній", пытающагося заинтересовать русское общество судьбою „трехмиліонной части русскаго народа, которая, политически давно оторванная отъ своего племенного ствола, обречена жить и бороться за свои національныя права подъ тяжкимъ гнетомъ чуждыхъ ей стихій и столь нуждается хотя бы въ нравственной дружественной поддержкѣ великой и независимой братской Россіи". Уже много лѣтъ галичане, борющіеся на два фронта—съ нѣмецкимъ и польскимъ враждебными элементами, упорно добиваются политическихъ и культурныхъ правъ. Объ трудностяхъ этой борьбы говорятъ такіе общеизвѣстные факты, какъ изгнаніе изъ гимназій Галиціи и Буковины русскихъ учениковъ за чтеніе русскихъ книгъ, или привлеченіе администраціей львовскаго греко-католическаго капитула священниковъ-русскихъ къ отвѣтственности за то, что они приняли участіе въ пушкинскомъ юбилейномъ торжествѣ 1899 г. и, будучи католиками и „русинами", чествовали память великоросса и схизматика. И въ настоящемъ году, когда подверглась реформѣ австрійская выборная система и введены

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Генералъ-Фельдмаршалъ

Великій Князь Николай Николаевичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А. А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, П. А. Ефремова, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцева, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Сколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“ и „Житейскія встрѣчи“, **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго“, **Ю. С. Карцева**—„За кулисами дипломатіи“, **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго“, воспоминанія—**Д. В. Скалона**, записки генерала **Домантовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова**, **А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны», А. Толстопятова—«Въ плѣну у японцевъ», переписка основателя „Русской Старины“—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева**, **Де Санглена**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга“—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. И. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенста и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

и

Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Блана—Исторія французской революціи 1789 года.

Первые три тома этого сочиненія уже вышли и разосланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія и все это капитальное изданіе окончится не позже февраля мѣсяца будущаго года.

Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Для удобства редакція предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ **наложеннымъ платежемъ**, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ наложеннымъ платежомъ 3 р. 60 к.

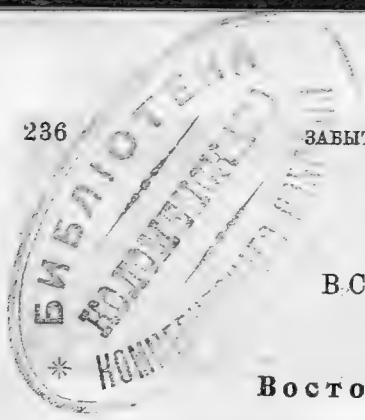
Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербургъ, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала „Русская Старина“, Фонтанка 18, кв. 4.

Забытый фельдмаршалъ.

(Очеркъ дѣятельности главнокомандующаго въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ).

На Туркестанской выставкѣ В. В. Верещагина въ числѣ картинъ была одна: „Забытый“,—это убитый русскій воинъ, оставленный въ степи. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ нашелъ ее тенденціозной и выразилъ свое неодобреніе. Верещагинъ ее уничтожилъ.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, среди царственныхъ могилъ, покоится также „забытый русскій воинъ“, и это побѣдоносный полководецъ, Генералъ-Фельдмаршалъ, Великій Князь Николай Николаевичъ. Цѣль настоящаго очерка—нарушить это забвеніе.



ВСТУПЛЕНІЕ.

Восточный вопросъ.

Его развитіе до войны 1853—1856 г., включительно.

Начало возникновенія восточнаго вопроса во всемірной исторіи опредѣлить трудно. Мнѣнія историковъ въ данномъ случаѣ рѣзко расходятся. Многіе считаютъ его началомъ крестовые походы, когда Европа, поднявшаяся на защиту Гроба Господня, двинулась на борьбу съ Исламомъ. Съ теченіемъ вѣковъ борьба эта въ большей степени перешла въ руки Польши, стремившейся къ освобожденію славянскихъ христіанскихъ народовъ на Балканахъ отъ ига турокъ. Но Польша впослѣдствіи оказалась не въ силахъ продолжать эту борьбу, и Россія, замѣстившая послѣднюю во главѣ славянства, приняла ее на свою долю. Такимъ образомъ подчиняясь неизбѣжному ходу историческихъ событій, наслѣдіе крестоносцевъ перешло въ наши руки. Спрашивается, что выдвинуло Россію на арену этой вѣковой борьбы? Многіе историки приписываютъ это естественному стремленію къ Черному мору Русскаго Государства и вытекающему изъ этого стремленія возрастанію нашего вліянія среди народовъ Балканскаго полуострова, связанныхъ съ нами религіознымъ и кровнымъ родствомъ. Первые признаки этого стремленія относятся къ древнѣйшимъ временамъ нашей исторіи, а именно, къ походамъ на Царьградъ Олега, Святослава и другихъ.

Рельефнѣе оно обозначилось, начиная съ средины XVII вѣка, т.-е. какъ разъ къ началу окончательнаго ослабленія польскаго королевства. Въ теченіе всей второй половины XVII вѣка взаимныя отношенія Московскаго государства и Турціи были враждебны.

Первая турецкая война вспыхнула около 1672 года и являлась слѣдствіемъ нашей политики въ Малороссіи и Польшѣ. Съ этого времени становится замѣтной также связь между Турецкимъ и Польскимъ вопросами относительно насъ. Польша, ослабнувъ, не имѣла болѣе силъ бороться съ Турціею, но должна была отстаивать свою самостоятельность отъ посягательствъ Россіи. Естественнымъ ея союзникомъ противъ насъ оказалась, очевидно, Турція, и такимъ образомъ, Польша изъ врага сдѣлалась союзникомъ послѣдней!

Въ правленіе царевны Софіи въ Европѣ образовался „Священный союзъ“ христіанъ противъ турокъ. Иниціаторами этого союза были: Императоръ Леопольдъ I-й, король польскій Янъ Собѣсскій и Венеція. Россія примкнула къ этому союзу, ради чего заключила даже съ Польшею „вѣчный миръ“.

Этими фактами ограничивается борьба Московскаго государства съ Турціею въ теченіе до-петровскаго періода нашей исторіи.

Но вотъ настаетъ время великихъ реформъ Императора Петра I-го. Въ своемъ стремленіи къ морю молодой государь немедленно обращаетъ свой взоръ на востокъ, и результатомъ его первыхъ походовъ было пріобрѣтеніе Азова. Сѣверная война и колоссальныя внутреннія реформы отвлекаютъ вниманіе царя отъ восточнаго вопроса, но въ 1711 году происходитъ вторая серьезная война съ Турціей, окончившаяся для насъ неудачно. Одной изъ причинъ этой войны было стремленіе защитить вѣру христіанскую и одноплеменныя славянскія народности отъ турецкихъ гоненій. Причина эта легла въ основу возникновенія всѣхъ нашихъ послѣдующихъ войнъ съ Турціей.

Въ теченіе всего XVIII столѣтія Россія опять неоднократно вступала въ борьбу съ Турціей. Русскія войска, имѣя во главѣ своихъ талантливыхъ генераловъ, наносили ударъ за ударомъ турецкимъ ордамъ, и къ концу царствованія Великой Екатерины могущество Оттоманской имперіи было сломлено навсегда.

Въ теченіе первой половины XIX вѣка, до обнародованія Парижскаго трактата 1856 года, и до нашихъ дней, Порта играла въ большинствѣ случаевъ роль ширмы въ рукахъ западно-европейскихъ дипломатовъ, подъ прикрытіемъ которой послѣдніе развивали цѣлую сѣть интригъ, направленныхъ противъ благосостоянія и могущества Россіи.

Война 1806—1812 года кончилась благопріятнымъ для Россіи Бухарестскимъ миромъ; удача эта была тѣмъ болѣе важна, что въ то время мы переживали грозный періодъ Наполеоновскихъ войнъ; однако же миръ оказался непродолжительнымъ. Вспыхнувшія возстанія противъ Турціи въ Морeѣ и Валахіи дали поводъ послѣдней произвести неслыханныя звѣрства,—тогда Россія возвысила голосъ на защиту турецкихъ христіанъ. Но Европейскія правительства ее не поддержали, изъ опасенія, какъ-бы возставшая Греція и Дунайскія княжества не подчинились вліянію Россіи.

Хотя Императоръ Александръ желалъ сохранить всеобщій миръ, но въ октябрѣ 1825 года былъ вынужденъ объявить, что заставитъ Турцію силою оружія исполнить требованія Россіи. Этотъ рѣшительный шагъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Порта

открыто нарушала наши права и договоры. Однако же войну эту пришлось вести уже только его преемнику, Императору Николаю I-му.

Греческій вопросъ былъ разрѣшенъ путемъ соглашенія съ Англіею и Франціею, приведшаго Турцію къ Наваринскому погрому, а разрѣшеніе чисто русскихъ вопросовъ Россія взяла на себя. Въ 1829 г. мы блестяще закончили кампанію переходомъ черезъ Балканы и заключили Адріанопольскій миръ. Съ этого момента въ нашихъ отношеніяхъ произошла перемѣна къ лучшему, и мы становимся даже на сторону Турціи въ ея борьбѣ съ Египетскимъ пашою Мехмедъ-Али. Однако, возрастаніе нашего вліянія на турецкія дѣла не давало покоя европейскимъ кабинетамъ и въ особенности Англіи. Послѣдняя не жалѣла средствъ, чтобы ослабить Россію и создать ей возможно большія затрудненія. Усилія эти достигли цѣли, и наше вліяніе стало замѣтно ослабѣвать.

Въ 1853 году Порта, поддерживаемая западными державами, отказала Россіи въ ея требованіяхъ по охранѣ правъ нашихъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ. Война съ Турціею и ея союзниками становилась неизбѣжною. Тяжело было перенести нашей родинѣ борьбу съ тремя сильнѣйшими державами, много крови вѣрныхъ сыновъ ея было пролито на защиту родной земли и ея чести, но грозная Севастопольская эпопея покрыла неувядаемой славой защитниковъ своихъ, и дорогою цѣною купили враги свою побѣду.

Результатъ войны былъ для насъ неудаченъ, и по Парижскому трактату 1856 года мы обязаны были сдѣлать уступки, поставившія Россію въ положеніе, недостойное великой державы. Ясно, что положеніе это продолжиться долго не могло, оно требовало измѣненій, и разрѣшеніе его вылилось въ видѣ войны 1877—1878 годовъ.

Политическое положеніе Россіи къ началу войны. 1877—1878 г.г.

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ историческую борьбу Россіи съ Мусульманскимъ міромъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ, перейдемъ къ выясненію политической обстановки, въ которой находилась Имперія—къ началу ея послѣдней войны съ Турціей.

Въ нашей дипломатіи царило тогда два направленія. Первое указывало, какъ способъ разрѣшенія всѣхъ нашихъ вопросовъ съ Портою:—согласіе и полную солидарность съ Европейскими державами, допускало ихъ вмѣшательства въ наши дѣла и отрицало всякую попытку съ нашей стороны самостоятельно рѣшать послѣднія, опасаясь болѣе всего неудовольствія Англіи или Австріи. Второе,

наоборотъ, требовало полной самостоятельности въ дѣйствіяхъ, считало унизительнымъ для Россіи подчиняться требованіямъ иностранныхъ правительствъ и ставило себѣ цѣлью возстановленіе вліянія Россіи въ Константинополѣ, въ связи съ недопущеніемъ на Балканскій полуостровъ ни одной Западно-Европейской державы.

Къ сожалѣнію, взгляды высшихъ сферъ министерства иностранныхъ дѣлъ были тождественными со взглядами представителей перваго направленія, и отсюда вытекало, что какой бы результатъ войны ни былъ, намъ нельзя было обойтись безъ вмѣшательства Англіи или Австріи, и, по окончаніи ея, приходилось подчиняться требованіямъ послѣднихъ относительно условій мира съ Турціею.

Втянуть Россію въ борьбу съ Турціей представлялось желаемой цѣлью для западныхъ державъ, такъ какъ, воспользовавшись неминуемымъ ослабленіемъ первой послѣ перенесенной войны, легко было уронить ея вліяніе въ дѣлахъ востока. Такая политика была особенно выгодна Австріи и входила также въ политическіе разсчеты Англіи, всегда готовой создать намъ затрудненія. Германія, встревоженная нашими тогдашними отношеніями къ Франціи, хотя и объявила себя нейтральной, но втайнѣ поддерживала Австрію.

Такое враждебное отношеніе къ намъ державъ было не всѣмъ извѣстно, снаружи казалось, будто Европа искренно готова оказать намъ содѣйствіе въ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Но скоро въ этомъ пришлось разочароваться; уже на Константинопольской конференціи мы убѣдились, что державы не только не хотятъ оказать содѣйствіе, но, наоборотъ, преслѣдуютъ исключительно свои выгоды, стремясь исключительно къ ослабленію и униженію Россіи.

И тутъ наша дипломатія, вмѣсто того, чтобы мужественно отстаивать интересы своего государства, постыдно шла на всѣ уступки, лишь бы только не вызвать неудовольствія Англіи и Австріи.

Что же втягивало Россію въ борьбу съ Турціей? Начиная съ средины семидесятыхъ годовъ, политическій горизонтъ на Балканахъ сильно омрачился; различныя славянскія народности—Сербы, Черногорцы и другія, не будучи болѣе въ силахъ переносить турецкое иго, подняли знамя возстанія. Очевидно, что ихъ плохо вооруженныя и недисциплинированныя войска не могли долго держаться противъ регулярныхъ войскъ Турціи. Сербская армія была на голову разбита въ сраженіи подъ Джунисомъ 17 октября 1876 года, и Черногорія, оставшись одна, не была въ состояніи выдержать борьбу. Силою обстоятельствъ на поддержку угнетенныхъ турецкихъ христіанъ выдвигалась единовѣрная и единокровная Россія, общественное мнѣніе которой высказывалось въ пользу возставшихъ.

Императоръ Александръ II не желалъ войны и всѣми силами старался ея избѣгнуть. Тогдашнія обширныя внутреннія реформы и плохое состояніе нашихъ финансовъ дѣлали какое бы то ни было столкновеніе весьма тяжелымъ для Россіи, но обстоятельства рѣшали иначе: намъ, противъ нашего желанія, приходилось подымать оружіе на защиту балканскихъ славянъ и связанныхъ съ разрѣшеніемъ этого вопроса нашихъ интересовъ.

Итакъ война была неизбѣжна, война началась. Государственный канцлеръ и его ближайшіе сотрудники считали первой необходимостью сохраненіе европейскаго концерта и не признавали самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ безъ одобренія послѣдняго; такъ какъ „европейскій концертъ“ открыто осуждалъ гоненія и звѣрства турокъ, то мы въ правѣ были ожидать сочувствія и поддержки со стороны державъ, составляющихъ этотъ „концертъ“. Въ дѣйствительности же вышло иначе, и вмѣсто союзниковъ мы нашли только враговъ, преслѣдующихъ личныя цѣли.

Какъ только обнаружилось настоящее отношеніе къ намъ западныхъ державъ, сейчасъ же явился вопросъ,—чѣмъ жертвовать? „Европейскимъ концертомъ“, или облегченіемъ участи Балканскихъ славянъ;—честь Россіи требовала немедленнаго рѣшенія въ пользу послѣднихъ. Но какое-то рабское, слѣпое преклоненіе предъ западомъ и трусливое подчиненіе всѣмъ требованіямъ его кабинетовъ не давало достаточно мужества нашей дипломатіи рѣшить вопросъ прямо и открыто, даже въ случаѣ могущей произойти войны съ Англіей или Австріей,—обстоятельства же съ своей стороны не позволяли совершенно отказаться и отъ восточнаго вопроса. И вотъ мы, благодаря дипломатіи, стали точно вымаливать себѣ позволеніе воевать съ Турціей, а затѣмъ, въ продолженіе всей войны, постоянно находились подъ гнетомъ неблагопріятной политической обстановки.

I.

Стратегія и дипломатія.

Безъ дѣльной политики счастливое веденіе войны невѣроятно.
Баронъ Кольмаръ фонъ-деръ-Гольцъ.

Политика вліяетъ рѣшительнымъ образомъ какъ на начало, такъ и на конецъ войны.
Графъ Мольтке.

Генералу Гейсману первому принадлежитъ честь справедливой оцѣнки положенія, въ которое былъ поставленъ Главнокомандующій во время турецкой войны 1877—1878 гг., какъ со стороны дипломатіи, такъ и высшей администраціи.

Въ своемъ почтенномъ трудѣ „Русско-Турецкая война 1877—1778 гг.“ Г.-м. Гейсманъ совершенно справедливо указываетъ, что несоотвѣтствіе между тѣмъ, что было достигнуто побѣдами арміи и окончательными результатами войны, должно быть отнесено къ отсутствію надлежащей связи между политикою и стратегіею. „Дипломатія не дозволяла стратегіи (представляемой высшею администраціею) установить надлежащія между ними отношенія, препятствовала ей въ достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ при какихъ бы то ни было ея попыткахъ къ разъясненію сущности дѣла, создавая, такимъ образомъ, какъ-бы нѣкоторый заколдованный кругъ, изъ коего не было возможности выбраться [1]), иначе сказать: дѣятельность нашей дипломатіи находилась въ полномъ несоотвѣтствіи въ отношеніи къ стратегіи“.

Въ подтвержденіе сказаннаго считаю себя обязаннымъ сообщить извѣстныя мнѣ обстоятельства, такъ какъ на Военно-Историческую Комиссію было возложено Высочайше одобреннымъ докладомъ Военнаго Министра — „составить полное систематическое описаніе всѣхъ событій войны, не вдающееся въ несвоевременную критику, но излагающее съ полною правдивостью фактическую ихъ сторону“, а Комиссія, въ своемъ обращеніи къ читателямъ, признаетъ, что въ настоящемъ описаніи „Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканскомъ полуостровѣ“ многіе иногда и существенные историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта и, сознавая это, проситъ читателей, участвовавшихъ въ войнѣ, сообщить свои замѣчанія и дополняющіе матеріалы.

Въ оффиціальномъ изданіи тома II, стр. 12 приведено, что „Императоръ Александръ II, вообще желавшій сохранить полное согласіе со всѣми прочими державами, склоненъ былъ для достиженія этого ограничить и самые предѣлы неизбѣжной войны: одно время даже послѣ объявленія войны, онъ полагалъ возможнымъ для успокоенія Англіи удовольствоваться занятіемъ части Болгаріи по Балканы и въ этомъ смыслѣ 18 мая послана была русскому посланнику въ Лондонѣ гр. Шувалову инструкція для сообщенія ея англійскому министру лорду Дерби“. Въ примѣчаніи къ изложенному сказано: „объ этомъ обстоятельствѣ, какъ видно изъ дневника, веденнаго адъютантомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полковникомъ Скалонъ, Главнокомандующій узналъ лишь 29 мая“.

Невольно рождается вопросъ: какимъ это образомъ Главнокомандующій не былъ освѣдомленъ о такомъ важномъ рѣшеніи, тѣмъ

[1]) Предисловіе, стр. VII.

болѣе, что Государь Императоръ въ сопровожденіи Военнаго Министра прибылъ въ Плоэшти еще 25-го мая?

Когда Его Высочество былъ вызванъ въ Ливадію, и Государь объявилъ ему о назначеніи Главнокомандующимъ, то на вопросъ Его Высочества: какую Государь ставитъ окончательную цѣль кампаніи, Его Величество отвѣтилъ: „Константинополь!“ Къ этой цѣли Его Высочество неустанно стремился во всю кампанію и достигъ ея вмѣстѣ съ своей побѣдоносною арміею, разсѣявъ врага и лишивъ его возможности какого-либо сопротивленія; но въ эту роковую для Турокъ минуту неожиданной ихъ заступницей и непреодолимымъ для нашего окончательнаго успѣха врагомъ снова выступила наша же дипломатія, неотступно преслѣдовавшая свои виды успокоенія Англіи, породившіе инструкцію отъ 18 мая.

Объ ограниченіи театра дѣйствій Балканами до Главнокомандующаго доходили слухи, побудившіе Его въ письмѣ отъ 5 декабря 1876 года обратиться къ Его Величеству съ слѣдующимъ вопросомъ: „Въ газетахъ прочелъ я, что, будто, если будетъ рѣшено военное занятіе Болгаріи, то только дозволено будетъ дойти до Балканъ; если это вѣрно, то для насъ весьма важно, чтобъ южный склонъ горъ и всѣ проходы и перевалы были за нами, какъ-то: города Софія, Слатица, Казанлыкъ, Сливна, Карнабадъ,—потому что, при могущемъ случиться разрывѣ, во время оккупаціи всѣ важные и трудные перевалы были бы въ нашихъ рукахъ, что значительно облегчило бы наши дѣйствія“.

Одновременно Государь Императоръ въ письмѣ отъ 7 декабря 1876 года сообщаетъ Главнокомандующему:

„Въ четвергъ, или субботу, условія наши должны быть объявлены Портѣ въ видѣ ultimatum. Если она ихъ приметъ, что весьма неправдоподобно, то дѣло разрѣшится мирнымъ путемъ, что, разумѣется, было бы самымъ лучшимъ результатомъ. Въ противномъ случаѣ, намъ придется немедля начать военныя дѣйствія, съ надеждою, что Англія не будетъ намъ препятствовать, такъ какъ она связана будетъ вмѣстѣ съ прочими державами общею подписью представленныхъ Портѣ условій.

Тогда придется тебѣ приводить съ возможною быстротою въ дѣйствіе тотъ планъ кампаніи, о которомъ мы условились здѣсь передъ Твоимъ отъѣздомъ“.

Въ письмѣ отъ 16 мая 1877 года Государь пишетъ Главнокомандующему:

„Сношенія наши съ Англіею весьма натянуты, но я не полагаю, чтобъ она рѣшилась на открытое вмѣшательство до прохода нашего черезъ Балканы, о чемъ мы успѣемъ съ тобою переговорить“.

Какъ выше сказано, Государь Императоръ съ Военнымъ Министромъ прибыли въ Плоэшти 25 мая и объ измѣненіи плана кампаніи не было рѣчи.

Утромъ 29 мая Его Величество съ Главнокомандующимъ выѣзжали къ проходящимъ колоннамъ войскъ.

Былъ жаркій весенній день.

Въ садахъ цвѣлъ виноградъ и фруктовыя деревья. Воздухъ былъ насыщенъ дивнымъ ароматомъ весны.

Послѣ завтрака у Государя Великій Князь возвратился домой и легъ отдохнуть. Воспользовавшись свободною минутою, я пошелъ навѣстить секретаря Министра Иностранныхъ Дѣлъ, князя Горчакова—барона В. А. Фредерикса.

Мы были пріятелями, и оба, какъ віолончелисты, сообща играли и сходились на музыкальныхъ вечерахъ.

Фредериксъ обрадовался моему приходу, но былъ въ ужасно удрученномъ расположеніи духа.

— „Бога ради, помогите мнѣ уйти отсюда,—обратился онъ ко мнѣ,—устройте меня въ армію, попросите Великаго Князя принять меня въ армію, какъ бывшаго преображенца, и назначить въ любой армейскій полкъ“.

— „Что это значитъ, Владиміръ Александровичъ? — спросилъ я,—какъ Васъ понять? Ужели это увлеченіе войной Васъ побуждаетъ проситься въ строй? А гдѣ же здоровье? Развѣ Вы можете вынести утомленіе въ походѣ и бою? У Васъ нѣтъ для этого необходимыхъ силъ, и съ перваго бивака, послѣ дождя или ночной сырости, Вамъ придется отправиться въ дивизіонный лазаретъ и эвакуироваться по госпиталямъ домой. Лучше оставить это увлеченіе“.

— „Нѣтъ,—перебилъ онъ меня, не это меня побуждаетъ къ такому шагу, но полный душевный разладъ—сознавать всю возмутительную дѣятельность, въ которой я вынужденъ принимать безвольное участіе. Вѣдь это Богъ знаетъ, что у насъ творится!“

— „Что же такое можетъ Васъ такъ возмущать?“

— „Помилуйте, мы только что открыли кампанію, не успѣли сдѣлать первыхъ шаговъ, какъ уже ограничиваемъ себя въ дѣйствіяхъ“.

— „То-есть, какъ это ограничиваемъ себя въ дѣйствіяхъ? Я Васъ не понимаю и ничего подобнаго не слышалъ“.

— „Мы дали обѣщаніе за Балканы не идти“.

— „Какъ, за Балканы не идти!“—воскликнулъ я, словно ужаленный.

— „Развѣ Вы этого не знаете?“

— „Ничего не слыхалъ, и почти увѣренъ, что Его Величество этого не знаетъ“.

— „Не можетъ быть! Объ этомъ еще 18 мая была послана Шувалову инструкція для сообщенія лорду Дерби. Меня возмущаютъ до глубины души эти вѣчныя опасенія и успокоенія Англіи. Я не раздѣляю этихъ воззрѣній и страдаю отъ этого угодничества, доходящаго до униженія“.

— „Понимаю Васъ, Владиміръ Александровичъ, но въ строю Вамъ все-таки не мѣсто. Успокойтесь, поживемъ—увидимъ“.

Пораженный такимъ неожиданнымъ открытіемъ, я быстро простился съ барономъ, котораго потребовали къ князю Горчакову, побѣжалъ домой, разбудилъ Великаго Князя.

Едва я отворилъ дверь, какъ Его Высочество, всегда замѣчательно чутко спавшій, не открывая глазъ, спросилъ:

— „Что такое?“

— „Я узналъ отъ Фредерикса,—отвѣчалъ я,—что дано обѣщаніе Англіи за Балканы не идти. Если Вашему Высочеству это уже извѣстно, то простите, что потревожилъ“.

Великій Князь приподнялся и воскликнулъ:

— „Что ты говоришь? Какой вздоръ! Кто это тебѣ сказалъ?“

— „Секретарь Горчакова, Фредериксъ“.

— „Не можетъ быть! Давай его сюда!“

— „Неудобно, Ваше Высочество. Онъ мнѣ довѣрился, думая, что я это знаю. Можно иначе убѣдиться. До Васъ могъ дойти слухъ изъ-за границы, такъ какъ это обѣщаніе сообщено лорду Дерби 18 мая, а у насъ сегодня 29-е; въ какихъ выраженіяхъ—не знаю“.

— „Попроси тогда ко мнѣ Гамбургера“.

— „Слушаю-съ“.

Черезъ десять минутъ Гамбургеръ былъ у Великаго Князя.

— „До меня отъ иностранныхъ корреспондентовъ дошелъ слухъ,—обратился къ нему Его Высочество,—будто-бы нами обѣщано Англіи ограничить театръ войны Балканами. Правда-ли это?“

— „Правда, Ваше Высочество, въ такомъ смыслѣ 18 мая послана была инструкція Шувалову для сообщенія лорду Дерби“.

Его Высочество поблагодарилъ Гамбургера и тотчасъ же отправился къ Государю.

Его Величество потребовалъ къ себѣ князя Горчакова.

Въ ожиданіи выхода Великаго Князя, я ходилъ по садику и въ первый разъ въ жизни разсматривалъ цвѣтъ винограда. Мысли мои роились, какъ пчелы; тишина въ воздухѣ, ароматъ отъ цвѣтенья, щебетанье птичекъ! Передъ глазами идиллія, а въ душѣ буря, такъ какъ рядомъ въ домѣ рѣшается вопросъ кампаніи: остается ли въ

силѣ первоначально данная цѣль—Константинополь!—столь увлекательная для русскаго сердца, или опять осада крѣпостей и несносный четыреугольникъ. Его Высочество вышелъ. Одинъ взглядъ на него, и я успокоился. Вижу, что цѣль кампаніи не измѣнилась. На обратномъ пути Его Высочество разсказалъ мнѣ происшедшее объясненіе, которое дословно записано въ моемъ дневникѣ.

„По прибытіи 25 мая въ Плоэшти въ главную квартиру дѣйствующей арміи, пишетъ Домонтовичъ въ составленномъ имъ „Обзорѣ Русско-Турецкой войны“,—въ особомъ совѣщаніи былъ возбужденъ вопросъ, слѣдуетъ ли инструкцію графу Шувалову и данный Англіи отвѣтъ—понимать въ смыслѣ обязательства не переходить Балканы. Такъ какъ при этомъ было высказано, что такое обязательство, въ угоду Англіи, произвело бы крайне неблагопріятное впечатлѣніе въ арміи и весьма стѣснило бы свободу дѣйствій въ боевомъ отношеніи, то Государю угодно было тогда же по телеграфу приказать гр. Шувалову воздержаться отъ представленія Англіи посланныхъ ему, какъ выше сказано, инструкціи и ноты.

Эта телеграмма была отправлена въ Лондонъ 30 мая, на которую графъ Шуваловъ тотчасъ же отвѣчалъ, что имъ уже было передано англійскому министру иностранныхъ дѣлъ о нашихъ цѣляхъ дѣйствій и требованіяхъ отъ Турціи.

Умѣренности этихъ требованій тогда же удивлялся кн. Бисмаркъ“.

Изъ сопоставленія всего вышеприведеннаго ясно, что представленіе инструкціи *не было остановлено* вслѣдъ за особымъ совѣщаніемъ 25 мая, какъ было рѣшено и приказано Государемъ, и телеграмма *воздержаться* пошла только 30 мая, послѣ вышеописаннаго совершенно случайнаго выясненія. Вотъ почему Главнокомандующему объ измѣненіи окончательной цѣли кампаніи ничего не сообщалось.

Въ Бухарестѣ я получилъ нижеслѣдующее письмо отъ барона Фредерикса, помѣченное 2 іюнемъ.

„Любезный Дмитрій Антоновичъ!“

Позвольте злополучному дипломату, силою обстоятельствъ поставленному въ положеніе солидарности съ образомъ дѣйствій, уже давно идущему въ разрѣзъ съ его личными убѣжденіями,—и выносившему эту нравственную пытку въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ,—подѣлиться съ Вами затаенной радостью при прочтеніи прилагаемой у сего передовой статьи „Гражданина“. Не скрою отъ Васъ, какъ тяжело въ настоящую минуту,—хотя и незаслуженно,—сознавать себя той мишенью, въ которую такъ мѣтко направлены выстрѣлы, предназначенные дипломатіи вообще, но бьющіе спеціально въ насъ!

Но Вы знаете,—и эта мысль меня утѣшаетъ,—что я давно уже не раздѣляю взглядовъ, преобладающихъ въ высшихъ сферахъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и въ этомъ-то и заключается безотрадность положенія подчиненнаго, приговореннаго заранѣе нести часть отвѣтственности за дѣйствія, которымъ, по скромности своего служебнаго положенія, онъ не въ силахъ противодѣйствовать.

Я даже не имѣю права открыто заявлять объ этомъ разладѣ и только могу конфиденціально повѣрить другу то чувство злорадства, съ которымъ прочелъ я филиппику „Гражданина“.

Прошу Васъ возвратить мнѣ по прочтеніи и не выдавать

Искренно преданнаго Вамъ

В. Фредериксъ“.

Вотъ содержаніе статьи отъ 22 мая 1877 года, которую мнѣ прислалъ для прочтенія баронъ Фредериксъ, и которая характеризуетъ дѣятельность высшей дипломатіи.—Должно оговориться, что графъ Игнатьевъ и Александръ Ивановичъ Нелидовъ къ ней непричастны. Это люди—душой и сердцемъ преданные своей родинѣ.

Нѣчто о новыхъ замыслахъ дипломатіи.

Это невѣроятно, это печально, но тѣмъ не менѣе это фактъ.

Въ минуту отъѣзда Государя нашего въ армію дипломатія рѣшила помимо вопроса о желаніяхъ Россіи и независимо отъ достоинства и признанія Русскаго Государя,—что Россія, одна проливающая кровь за свободу славянъ, должна подчинить себя безусловно Англіи и Австріи—относительно условій мира съ Турціей.

Побѣжденная или побѣдительница—Россія-де приметъ тѣ условія, которыя предпишутъ ей Англія и Австрія.

А условія эти слѣдующія:

Первый пунктъ: полная неприкосновенность Турецкой Имперіи. Дальнѣйшіе пункты—постановленіе Константинопольской конференціи, бывшей зимою, и больше ни строки.

Дипломаты Европы это рѣшили, и какъ видно изъ общаго смысла статей органовъ русской дипломатіи: бельгійская газета „Nord“ и „Journal de St.-Petersbourg“ въ Петербургѣ, она-де вполнѣ этому рѣшенію сочувствуетъ.

И такъ еще разъ наступаетъ страшная и критическая минута, для исторіи Россіи—быть въ зависимости относительно своей чести, достоинства своего Государя и своей задачи отъ самыхъ непримиримыхъ своихъ враговъ.

И такъ еще разъ дипломатія, послѣ позорнаго своего фіаско, хочетъ вмѣшаться въ рѣшеніе восточнаго вопроса и обратить потокъ русской крови на полѣ битвы въ шутку и забаву.

И такъ дипломатія хочетъ посмѣяться надъ этою войною и дать ей значеніе военной прогулки.

И такъ то, что, какъ мысль, заставляло краснѣть каждаго русскаго, то дипломаты хотятъ сдѣлать фактомъ.

Россія будетъ признана не воюющею державою, даже не первостепенною державою, а чѣмъ-то въ родѣ вассальнаго народца Англіи и Австріи, получающаго предписаніе драться съ Турками, дойдя до извѣстнаго пункта, и тамъ принять миръ отъ Турціи, на условіяхъ, предварительно рѣшенныхъ Турціею, Англіею и Австріею сообща.

Словомъ, дипломатія рѣшила, что Россія будетъ пушечнымъ мясомъ для Турціи по порученію Европы, и больше ничего, и что бы она, т.-е. Россія, ни дѣлала, миръ съ Турціею не будетъ иначе подписанъ, какъ на условіяхъ позорной Константинопольской конференціи, гдѣ, по увѣренію самихъ дипломатовъ Европы, главная цѣль Англіи и Австріи была насмѣшка надъ Россіею.

Поворотъ въ дипломатіи происходитъ рѣшительный подъ вліяніемъ дипломатическаго давленія изъ Лондона и Вѣны.

Произошло трогательное и единодушное согласіе дипломатовъ на слѣдующихъ началахъ: русское правительство сдѣлало большую ошибку, объявляя войну Турціи, вопреки желанію Англіи и Австріи, еще большую ошибку сдѣлало, внявъ желаніямъ русскаго такъ-называемаго народа.

Германія могла не дозволить вмѣшательства Европы въ войну ея съ Франціею, потому что она—Германія, цивилизованное—Европейское государство,—но Россія должна зависѣть отъ Европы, ибо она полуварварское государство, безъ арміи и безъ денегъ, которое Европа и даже Англія вмѣстѣ съ Австріей могутъ стереть съ лица земли и т. д.

Надо всѣ пощечины, всѣ униженія, все перенести, скорѣе чѣмъ идти на войну съ Англіею и Австріею изъ-за чести Россіи. При подписаніи мира главнымъ должно быть обезпеченіе Турціи, второстепеннымъ:—улучшеніе участи христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ.

. . . . . .

Уже одинъ тотъ ужасный фактъ, что послѣ ноты Лондонскаго кабинета Петербургскому, оскорбившей дерзостью и насмѣшкою не только Русскаго Государя и его народъ, но даже вѣковыя традиціи Европейской дипломатіи, дипломаты наши за границею не только не почувствовали этой пощечины своему Государству, но настойчиво требуютъ униженныхъ и заискивающихъ вымаливаній милости у того же Англійскаго кабинета для Русскаго Царя.

Русское Государство показываетъ, до какого низкаго и безнароднаго нравственнаго уровня можетъ дойти дипломатія, когда ею руководятъ не чувства народной чести, а какое-то рабское пресмыканіе передъ Европою.

Быть русскимъ значитъ—чувствовать себя въ передней и чувствовать, слѣдовательно, себя неловко; цѣль дѣйствій должна быть забота удостоиться войти въ гостиную къ господамъ: господа—это Европа. Затѣмъ, войдя въ гостиную, слѣдуетъ почтительно завѣрить господъ, что честь быть приглашеннымъ въ гостиную господами такъ велика, что если господамъ угодно бить по обѣимъ щекамъ и забавляться этимъ, то столь высокое доказательство интимности тысячу разъ пріятнѣе участи быть въ передней, т.-е. русскимъ и въ Россіи.

Вотъ въ трехъ словахъ политическій катехизисъ дипломатовъ, требующійся Лондону и Вѣнѣ поворотъ въ Русской политикѣ по Восточному вопросу.

. . . . . .

И что бы ни дѣлали дипломаты, ни Лондонскому, ни Вѣнскому, никому не удастся теперь, когда Россія въ упоеніи воинственной доблести и любви за пролившихъ свою кровь воиновъ отдала себя всецѣло своему дѣлу и связала съ нимъ вопросъ жизни или смерти—обратить эту Россію въ холопа Европы и въ труса.

Всякая смерть всякому русскому краше и честнѣе этой повѣшенной надъ Россіею дипломатами ея участи—позора и оскорбленія—самого Бога, и измѣны—тысячелѣтней русской исторіи".

Кн. В. Мещерскій.

(„Гражданинъ" № 20—22 мая 1877 г.).

А вотъ содержаніе статьи отъ 15-го мая 1877 года № 19, которую привожу какъ пророчество.

„*Новый слухъ*... Наглость всего, что подъ разными видами, даже сенсаціонныхъ телеграммъ и пробныхъ шаровъ, исходитъ изъ англійскихъ источниковъ, можетъ только достигать одной цѣли: усиленія безъ того уже сильнаго раздраженія Россіи и ея народнаго мнѣнія противъ Англіи.

Англійскіе дѣятели, повидимому, поставили себѣ задачею:—доводить до послѣднихъ предѣловъ оскорбленіе русскаго національнаго чувства.

Сегодня пущенъ слухъ изъ несомнѣнно англійскаго источника, въ видѣ депеши изъ Берлина, гласящій такъ:

„Полагаютъ, что Россія не противилась бы протекторату Англіи надъ Константинополемъ и Суэзскимъ каналомъ, если бы Англія

съ своей стороны не оказала противодѣйствія протекторату надъ Румыніею, Болгаріею, Сербіею и Черногоріею, съ присоединеніемъ Эрзерумскаго виляета къ Россіи".

Можно ли что-нибудь наглѣе выдумать въ видѣ слуха, заключающаго въ себѣ новую пощечину Россіи.

Россія, какъ одинъ человѣкъ возстанетъ, но не дастъ протектората Англіи надъ Константинополемъ, вотъ что думаетъ и чувствуетъ каждый изъ 80 м. русскихъ. Этого не могутъ не знать англійскіе дѣльцы въ восточномъ вопросѣ, но все-таки пускаютъ этотъ наглый слухъ, полный презрѣнія къ Россіи, по свѣту.

Для чего?

Въ надеждѣ, что снова появится въ „Nord" или въ какомъ-нибудь иномъ органѣ русскихъ дипломатовъ статейка авторитетнаго характера, въ которой на зло всей Россіи и на радость Англіи будетъ сказано, что Россія, проливая свою кровь и издерживая деньги своего народа, *спроситъ у Европы послѣ войны: на какихъ условіяхъ изволите приказать мнѣ принять съ почтеніемъ и преданностью миръ отъ Турціи?*.. Не надо волноваться такими слухами и статьями, но надо быть на сторожѣ... У Россіи измѣнниковъ и враговъ много". Кн. В. М.

Замѣчательно, что князь Мещерскій—этими словами пророчествуетъ о томъ, что совершилось черезъ годъ. Конечнымъ результатомъ инструкціи отъ 18 мая было, что Англія не замедлила заявить свой протестъ, какъ только войска наши, покончивъ съ Плевною, перешли Балканы. Послѣ войны Его Высочество посѣтилъ свою Августѣйшую сестру королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну.

— „Объясни мнѣ, пожалуйста,—обратилась она къ Великому Князю,—какъ братъ, такой вѣрный въ словѣ, нарушилъ его и допустилъ вашъ переходъ черезъ Балканы?"

— „Очень просто,—отвѣтилъ Его Высочество,—потому что онъ такого слова никогда не давалъ, а напуталъ все это Горчаковъ".

II.

Стратегія и высшая администрація.

Планъ кампаніи Его Высочества совершенно соотвѣтствовалъ плану войны.

Главнокомандующій былъ проникнутъ тѣмъ, что единственный вѣрный способъ дѣйствія противъ турокъ—*это быстрый наступательный*, какъ указывалъ Государь въ письмѣ отъ 7 декабря 1876 года, и какъ было проектировано планомъ войны. Но для этого

Московской обл. библиотеки

само собою необходимо было соотвѣтствіе силъ съ поставленною цѣлью, которыхъ Главнокомандующему не было дано. Напротивъ того, въ послѣднемъ отношеніи произошелъ цѣлый рядъ затрудненій со стороны высшей администраціи, о которыхъ будетъ ниже изложено.

Въ „Описаніи Русско-Турецкой войны 1877—1878 г.г. изданія Военно-Исторической Комиссіи“ совершенно произвольно сказано: „*Не трудно замѣтить, что соображенія Великаго Князя Главнокомандующаго 4 марта 1877 г.*, желавшаго покончить войну однимъ ударомъ, основаны были на томъ предположеніи, что *турки не въ состояніи дать русской арміи отпоръ достаточно сильный*, уступая ей въ числѣ, качествѣ, оперативной способности и, какъ предполагали тогда, въ умѣніи вести бой“ [1]).

Далѣе говорится, что „срокъ, данный Турціи съ начала ноября 1876 года и до объявленія войны, въ апрѣлѣ слѣдующаго года, всецѣло обратился въ ея пользу“ [2]). Затѣмъ, что дѣйствительно положеніе турокъ значительно измѣнилось противъ прежняго. Теперь требовалось гораздо больше напряженія со стороны Россіи. *Хотя это и сознавалось руководящими кругами*, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, *что предыдущее оптимистическое настроеніе съ руской стороны, основанное на низкой оцѣнкѣ боевыхъ силъ турокъ*, оставило нѣкоторые слѣды въ умахъ и выказало извѣстное вліяніе на послѣдующія соображенія *и дѣйствія за Дунаемъ*“ [3]).

Еще до кампаніи, заблаговременно въ 1872 г., Великій Князь имѣлъ случай видѣть и составить себѣ ясное понятіе о Турецкой арміи, поэтому не раздѣлялъ и не могъ раздѣлять этого оптимизма и выдержалъ цѣлую борьбу для полученія соотвѣтственныхъ силъ, чтобы исполнить возложенную на него задачу и принятый имъ планъ кампаніи, отъ котораго онъ, въ основныхъ его чертахъ, не уклонялся и, получивъ требуемыя силы, быстро довелъ армію до поставленной ему цѣли—Константинополя.

Въ 1872 г., совершая путешествіе по Востоку и святымъ мѣстамъ, Великій Князь осмотрѣлъ турецкія войска: въ Рущукѣ, Шайтанджикѣ (куда былъ выставленъ отрядъ изъ Шумлы), Константинополѣ, Смирнѣ, Бейрутѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Каирѣ.

Въ Рущукѣ произошла наша первая встрѣча съ турецкимъ воинствомъ; потомъ мы имѣли случай познакомиться съ нимъ поближе во время путешествія по Сиріи, Палестинѣ, и, признаюсь,

---

[1]) Стр. 15.
[2]) Стр. 16.
[3]) Стр. 15.

я сталъ смотрѣть на турецкаго солдата съ большимъ уваженіемъ, замѣтивъ въ немъ прекрасныя качества и, между прочимъ, способность безропотно переносить трудности похода и голодъ.

Повидимому, самую слабую сторону турецкой арміи составляютъ: офицеры, высшее начальство и администація. Въ Дамаскѣ Его Высочество смотрѣлъ ученіе бригады пѣхоты Акифа-Паши съ двумя батареями и двумя эскадронами драгунъ [1]).

Мы смотрѣли на весьма стройное ученье *съ продолжительною пальбою* [2]) *послѣ каждаго перестроенія и атаками.* Ученіе производилось полтора часа, при 28° Реомюра въ тѣни, и за все время Акифъ-Паша далъ людямъ только разъ оправиться [3]). Во время плаванія по Дунаю отъ Базіаша до Рущука Великій Князь, сидя на мостикѣ парохода, осматривалъ берега Дуная. Въ описаніи путешествія Его Высочества мною нарочно вскользь была отмѣчена мѣстность отъ Никополя до Рущука и упомянуты: Никополь, Систово и Зимница, при чемъ указано [4]), что вниманіе Его Высочества обратили на себя, „немного ниже Систова, три наносныя отмели, постоянно измѣняющія свое очертаніе". Это и было мѣсто, избранное Его Высочествомъ для нашей переправы. Изъ приведенныхъ выписокъ, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1876 годъ, ясно видно, что Великій Князь Главнокомандующій, знавшій отлично бытъ и службу войскъ [5]), во время своего путешествія, имѣлъ возможность составить себѣ вѣрное представленіе о достоинствахъ и качествахъ своего противника и зналъ, противъ кого ему придется дѣйствовать.

Вотъ почему, вопреки взгляду, господствовавшему въ высшей администраціи, невѣрно оцѣнившей, какъ говоритъ Гейсманъ, „силу сопротивленія Турціи, и въ особенности численность ея арміи, могущей принять участіе въ оборонѣ своей территоріи противъ насъ" [6]), —Главнокомандующій не причастенъ.

Его Высочество, получившій указаніе цѣли войны—Константинополь—и остановившись на планѣ кампаніи—съ путемъ наступленія черезъ среднее теченіе Дуная на Шипку, Адріанополь, Кон-

---

[1]) Путешествіе по востоку, стр. 20.

[2]) Въ дневникѣ „Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ" гр. Сологуба говорится: „Въ Плевнѣ изумила также безпрерывность ружейнаго, батальнаго огня", стр. 51.

[3]) Тамъ же, стр. 162.

[4]) Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ, стр. 18—19.

[5]) Г.-м. Гейсманъ. „Русско-турецкая война 1877—1878 г.г.". Выпускъ 1, стр. 96.

[6]) Тамъ же, стр. 117.

стантинополь, былъ отлично освѣдомленъ о томъ, что Турція не даромъ потеряла время за всю зиму и оттого, въ видахъ желанія быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, признавалъ, что силы, достаточныя въ 1876 году, не могли быть достаточны спустя почти годъ и цѣлымъ рядомъ представленій просилъ о соотвѣтственномъ увеличеніи его арміи. Наконецъ Главнокомандующій считалъ Турецкую армію лучше вооруженною, и убѣжденіе это подтвердилось съ первыхъ столкновеній при переправѣ и подъ Никополемъ, гдѣ захваченными дальнобойными пушками Его Высочество тотчасъ же перевооружилъ одну 4-хъ ф. батарею, затѣмъ такая же батарея была перевооружена на Шипкѣ, а Скобелевъ перевооружилъ всю 16 див. ружьями Генри-Мартини, которыми были вооружены 70% турецкой пѣхоты.

Еще до объявленія войны, въ Кишиневѣ, Его Высочество уже сталъ настаивать на увеличеніи арміи, чтобы имѣть дѣйствительную возможность исполнить установленный планъ, въ особенности же, когда Государь рѣшилъ прислать въ армію Цесаревича Александра Александровича, и Великаго Князя Владиміра Александровича, а затѣмъ и самъ пожелалъ пріѣхать въ армію, чтобы „раздѣлить съ своими славными войсками ихъ труды, опасности и славу“.

Великій Князь доказывалъ, что это еще сократитъ численность его силъ, потому что потребуетъ обезпеченія достаточными силами командованіе такихъ лицъ, какъ Цесаревичъ, Великій Князь и, главное, личное присутствіе въ арміи Государя.

Въ одно утро Великій Князь возвращается отъ Государя такой радостный и веселый и говоритъ мнѣ:—„Слава Богу! Государь согласился и далъ мнѣ гвардію. Цесаревичъ поддержалъ мои доводы, сказалъ Государю:—Если ты желаешь, папа, чтобы я принялъ командованіе въ арміи, то прошу, дай мнѣ гвардію, съ которой я сжился, и которую знаю, чтобы назначеніе мое въ армію принесло дядѣ существенную помощь и силу, а безъ гвардіи одинъ я только затрудню Главнокомандующаго устройствомъ для меня соотвѣтственнаго командованія“.

Но высшая администрація была убѣждена въ слабости Турціи и считала возможнымъ „обойтись тѣмъ, что есть“.

Походъ гвардіи былъ отмѣненъ, еще не доѣзжая Москвы, о чемъ, сколько помню, телеграфировалъ Его Высочеству Цесаревичъ. А когда Государь самъ прибылъ въ Плоэшти, то, несмотря на повторенныя представленія Его Высочества о необходимости усиленія арміи, согласія не послѣдовало.

Въ своемъ трудѣ Г.-м. Гейсманъ говоритъ: „однако имѣются основанія допускать, что онъ (Главнокомандующій) считалъ назна-

ченныя силы недостаточными и неоднократно *ходатайствовалъ объ увеличеніи численности* арміи гораздо большимъ, чѣмъ предполагалъ составитель плана войны" [1]).

Далѣе сказано:—„во имя справедливости должно признать, что отъ погрѣшностей никто не застрахованъ, а главная отвѣтственность, хотя бы за погрѣшности высшаго командованія, поставленнаго въ подобныя условія, падаетъ не на это командованіе, *но прежде всего на высшую военную администрацію*, которая „въ военное время не давала высшему командованію необходимыхъ силъ и средствъ и не освобождала его отъ извѣстной опеки" и т. д. [2]).

Въ дневникѣ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ, на стр. 70 и 71, говорится:—„такимъ образомъ упреки, высказанные Русскому Главнокомандующему въ иностранной печати по поводу его мнимыхъ ошибокъ, были совершенно неосновательны. Планъ его былъ превосходный и по смѣлости, и по соображенію, и пользованію обстоятельствами.

Овладѣвъ сперва Дунаемъ и Балканами отважными движеніями, онъ перекидывалъ стотысячную армію къ Адріанополю, оторопѣвшему и готовому уже сдаться (какъ впослѣдствіи оказалось), становился у Царьграда въ то время, когда турецкія войска плыли изъ Черногоріи, не чая сокрушительнаго наступленія. Фланги были обезпечены, а съ ними тыловыя сообщенія. Все это было достижимо съ одною арміею, хотя, конечно, выгоднѣе было бы имѣть двѣ арміи: одну—для дѣйствій рѣшительныхъ, другую—на всякій непредвидимый случай. Одна шла бы на Константинополь, другая оберегала бы отъ Турокъ край Предбалканскій. Это уже давно и имѣлось въ виду.

Главнокомандующій *неоднократно* представлялъ о необходимости значительнаго усиленія войскъ, ему ввѣренныхъ.

Но съ одной стороны громадность новыхъ издержекъ, уже и безъ того тягостныхъ для государства, долго останавливала исполненіе домогательства, скорѣе осторожнаго, чѣмъ существеннаго. Но, какъ всегда бываетъ, непредвидимое вступило въ свои права".

Слова эти показываютъ, что представленія Великаго Князя объ увеличеніи арміи были извѣстны въ Императорской Главной Квартирѣ. Въ краткихъ словахъ здѣсь высказанъ планъ Главнокомандующаго, который онъ принялъ и привелъ въ исполненіе, несмотря на всѣ затрудненія, происшедшія отъ недостаточности назначенныхъ для него силъ. Его Высочество считалъ, что *восемь разъ*

---

[1]) Стр. 290.
[2]) Стр. 290 и 291.

входилъ съ представленіемъ о необходимости увеличенія арміи для исполненія возложенной на него задачи, но всѣ представленія ни къ чему не приводили, пока обстоятельства, предвидѣнныя Главнокомандующимъ, не стали ясны и для высшей администраціи, и не вынудили возстановить должное отношеніе между заданіемъ и силами для его осуществленія.

Въ письмѣ изъ Зимницы отъ $\frac{28\text{ іюня}}{10\text{ іюля}}$ Государь писалъ Его Высочеству:

„Кромѣ этого въ концѣ докладной записки Непокойчицкаго къ Воен. Министру, полученной сегодня, онъ упоминаетъ о твоемъ желаніи усилить твою армію еще двумя дивизіями, *что признаю рѣшительно невозможнымъ*, такъ какъ нельзя совершенно оголять наши Западныя губерніи и подавно Царства Польскаго и обѣ столицы. Затѣмъ остаются двѣ резервныя дивизіи, которыя формируются, но на которыя нельзя смотрѣть, какъ на вполнѣ организованныя, боевыя войска".

Послѣдній разъ Его Высочество просилъ объ этомъ изъ Поликрата, но уже подъ очень щекотливымъ предлогомъ, въ письмѣ отъ 29 іюня.

„Я никогда бы не просилъ усиленія меня войсками, если бы армія моя не была бы осчастливлена присутствіемъ при ней своего возлюбленнаго Императора, но заботы мои о сохраненіи Его Величества вынудили меня просить и высказать, что для этой цѣли у меня войскъ мало, потому что при какой бы части ты ни находился—менѣе бригады, а иногда и дивизіи, невозможно тебѣ оставлять, а тѣмъ числомъ войскъ уменьшается у меня резервъ, которымъ я могъ бы двигать по усмотрѣнію въ ту или другую сторону. Я находилъ и нахожу своимъ священнымъ долгомъ это высказать".

Вотъ что на это отвѣтилъ Государь письмомъ отъ $\frac{30\text{ іюня}}{12\text{ іюля}}$ изъ Зимницы.

„То, что касется Моего присутствія въ арміи, произвело на Меня *самое непріятное впечатлѣніе.*

Я, кажется, достаточно доказалъ тебѣ, что ни въ чемъ не могу стѣснять твои распоряженія. Но зная, что *воля Моя—есть раздѣлять съ нашими славными войсками ихъ трудъ, опасность и славу, не подобаетъ Тебѣ изыскивать всякіе предлоги*, чтобъ удалить Меня отъ театра военныхъ дѣйствій, такъ какъ Я не съ тѣмъ пріѣхалъ въ армію, *чтобы слѣдовать въ тылу съ обозами и парками*".

Письмо это очень разстроило Великаго Князя, и вслѣдъ затѣмъ 18 іюля произошла вторая неудача подъ Плевной.

19-го іюля Его Высочество былъ вызванъ Государемъ въ Бѣлу и наконецъ получилъ желаемыя силы, даже съ излишкомъ.—Государь „приказалъ мобилизовать весь Гвардейскій корпусъ“,—какъ сказано въ оффиціальномъ изданіи,—„за исключеніемъ лишь Кирасирскихъ полковъ, а также 24-ю и 26-ю пѣхотныя дивизіи, изъ коихъ гвардія и 24-я дивизія предназначались для немедленнаго усиленія главныхъ силъ „Дѣйствующей арміи“.

— Я отлично помню, что Его Высочество, перечисляя данныя Ему подкрѣпленія, назвалъ еще и Гренадерскій корпусъ, и при этомъ прибавилъ:

„Я благодарилъ, но замѣтилъ, что теперь получу эти силы *пакетиками* и буду задержанъ въ исполненіи своего плана. Лучше было бы дать хотя бы и меньшее число войскъ, но своевременно“.

Какъ уже было выше сказано, Его Высочество неуклонно стремился къ указанной ему цѣли—и въ основѣ во всю кампанію не отступалъ отъ принятаго имъ плана. Отклоненія, вызываемыя обстоятельствами и дѣятельностью противника, только временно задерживали его исполненіе, но при первой возможности Его Высочество бралъ иниціативу въ свои руки и преслѣдовалъ свою цѣль.

Великій Князь, настаивая на увеличеніи арміи, былъ убѣжденъ, что обстоятельства вынудятъ къ этому высшую администрацію, по той же причинѣ онъ такъ дорожилъ представившеюся возможностью захватить проходы въ Балканахъ.

Въ оффиціальномъ изданіи приведено письмо Его Высочества отъ 27-го іюня о движеніи за Балканы и отвѣтъ Государя отъ 27-го іюня, и выведено заключеніе, что „Государь не одобрилъ планъ движенія за Балканы. Получивъ такой отвѣтъ, Великій Князь пока отказался отъ движенія съ главными силами за Балканы и рѣшился съ 8 корпусомъ остановиться въ Тырновѣ, до прибытія не только 11-го, но и 4-го корпуса“. Но при этомъ не приведено письмо Его Высочества отъ 29 іюня, въ которомъ онъ пишетъ:

„Въ Моемъ новомъ планѣ дѣйствій *я отнюдь не напѣревался и не напѣчалъ двигаться далѣе за Балканы*, пока не узнаю, что будетъ дѣлать непріятель.

Я находилъ и нахожу теперь болѣе еще послѣ быстраго занятія Тырнова, необходимость воспользоваться этимъ для имѣнія въ своихъ рукахъ, хотя бы одинъ, или, если возможно, то и два перевала черезъ горы. Этимъ пока хочу ограничиться для того, чтобъ во всякое время быть въ состояніи, смотря по обстоятельствамъ, двинуться за Балканы, когда это найду возможнымъ и нужнымъ воспользоваться успѣхомъ, бывшимъ въ Тырновѣ. Нахожу необходимымъ это сдѣлать, т. к. по всѣмъ свѣдѣніямъ Турки и по сіе время на-

ходятся въ паникѣ. Долго-ли это продолжится—это вопросъ! но она есть, а потому я рѣшилъ: генералу Гурко занять проходы—своимъ отрядомъ, 9-ою пѣхотною дивизіею—занять Тырново и Габрово для поддержки генерала Гурко.—14-ая дивизія останавливается у Борушъ, дабы быть въ возможности ею поддержать войска Наслѣдника, въ случаѣ если Турки атакуютъ Его на Янтрѣ и т. д.".

Государь Императоръ дѣйствительно непосредственно *ни въ чемъ не стѣснялъ распоряженія* Главнокомандующаго за весьма рѣдкими исключеніями, напротивъ того, Его Высочество неоднократно высказывалъ, что присутствіе Государя благодѣтельно въ томъ отношеніи, что Великій Князь имѣлъ всегда возможность личнаго доклада Его Величеству, и „что было бы, если бы Государь не былъ среди арміи и обо всемъ пришлось бы входить съ докладами черезъ высшую администрацію", говорилъ Его Высочество.—Но присутствіе Государя и командованіе на восточномъ фронтѣ Цесаревича въ извѣстномъ отношеніи стѣсняли свободу распоряженій Главнокомандующаго. „Если бы войска на восточномъ фронтѣ"—сказалъ однажды Его Высочество передъ третьей Плевной—„не были подъ начальствомъ Цесаревича, Я бы, пользуясь своимъ центральнымъ, положеніемъ покончилъ бы съ Османомъ-Пашой, а такъ Государь безпокоится, и Я не могу ослабить Цесаревича". Вмѣсто того, чтобы усилить свой резервъ передъ Плевненскимъ боемъ, Главнокомандующій былъ вынужденъ направить на восточный фронтъ передъ самою третьею Плевною, изъ Радомирцъ, еще и 2-ю бригаду 3 див.—Что Государь непосредственно не стѣснялъ Главнокомандующаго относительно исполненія общаго плана кампаніи, можетъ служить доказательствомъ еще нижеслѣдующее письмо отъ 7-го августа командира 14-го корпуса, которое было передано Его Высочеству только для свѣдѣнія, и ни на что не повліяло. Привожу его, какъ критику принятаго Его Высочествомъ плана кампаніи.

„Милостивый государь Дмитрій Алексѣевичъ! Ваше Высокопревосходительство, можетъ быть, изволите найти настоящее письмо мое неумѣстнымъ; рѣшаюсь, однако, откровенно доложить вамъ мое мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Пишу собственно для однихъ васъ и, вполнѣ полагаясь на ваше великодушіе, покорнѣйше прошу прочесть снисходительно и никому не сообщать этого письма.

Послѣ отъѣзда отсюда вашего сына я получилъ частныя свѣдѣнія, что въ Главной Квартирѣ арміи рѣшено, по прибытіи подкрѣпленій, продолжать исполненіе прежняго плана войны, главная идея котораго—движеніе за Балканы. Историки военные, разбирая этотъ планъ, произнесутъ, конечно, строгое осужденіе; и теперь уже пресса, дружелюбная Россіи, начинаетъ его порицать. Сущность плана со-

стояла въ томъ, чтобы, перейдя Дунай, идти тотчасъ прямо за Балканы, оставя передъ Рущукомъ отрядъ для блокады или осады. Полагали, что появленіе наше за Балканами возбудитъ общее возстаніе тамошнихъ христіанъ. Катастрофа, послѣдовавшая за отступленіемъ ген. Гурко изъ занятыхъ имъ мѣстностей—избіеніе христіанъ, оставитъ на долго въ средѣ населенія того края самое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе.

Еще въ бытность мою въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ, я имѣлъ разговоръ съ генераломъ Игнатьевымъ, отъ котораго слышалъ, что онъ указалъ на проходъ Шипку, и что рѣшено идти черезъ этотъ перевалъ на Адріанополь съ двумя корпусами; я возражалъ, доказывая трудность и опасность этого предпріятія и прибавляя, что вѣроятно это побудитъ Англію къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Въ Главной Квартирѣ въ Плоэшти говорилъ я генералу Левицкому, что раціональнѣе было бы заняться сперва осадою Рущука, а послѣ паденія его, идти къ Шумлѣ и осаждать ее; за Балканы же посылать небольшіе отряды, и что вѣроятно взятіемъ Шумлы окончилась бы война. Ген. Левицкій отвѣчалъ, что утвержденъ уже другой планъ.

Извѣстный четыреугольникъ крѣпостей составляетъ главную силу Турціи, пренебречь имъ нельзя.

Вообще въ Главной Квартирѣ замѣтилъ я господство мнѣній, считавшихъ турецкія войска очень слабыми и малочисленными, и убѣжденіе, что быстрые налеты кавалерійскихъ отрядовъ дадутъ важные результаты.

По прибытіи подкрѣпленій, вѣроятно, предпринята будетъ снова атака Плевны.

Полагаю, однако, что Османъ-Паша не дастъ себя окружить и уйдетъ черезъ Ловчу на югъ—можетъ быть за Балканы. Если мы тотчасъ пойдемъ снова за Балканы и потерпимъ тамъ неудачу, то результатъ ея будетъ несравненно хуже дѣлъ подъ Плевной.

По моему мнѣнію, слѣдовало бы по прибытіи подкрѣпленій, если Плевна будетъ брошена непріятелемъ, идти къ Разграду и стараться имъ овладѣть, затѣмъ, остаться тамъ и дѣятельно заняться осадой Рущука. Послѣ паденія его, что можетъ произойти въ концѣ сентября, идти на Шумлу, устроить себѣ подвозъ запасовъ по желѣзной дорогѣ и осадить Шумлу.

Можно полагать, что Шумла не будетъ долго сопротивляться.

Паденіе Шумлы будетъ рѣшительнымъ ударомъ для Турціи, послѣ котораго она, вѣроятно, согласится на выгодныя для насъ мирныя условія.

Рѣшаюсь сказать, что Болгары не стоятъ того, чтобы объ нихъ много заботиться.

Румынія создана Россіей, однако, большой благодарности и сочувствія къ Русскимъ въ румынахъ не видно. То же будетъ и съ Болгарами.

Если бы осада Шумлы долго затянулась, то слѣдуетъ продолжать ее и зимой.

Послѣ переправы черезъ Дунай у Зимницы, если бы главныя силы двинулись на Рущукъ и Разградъ, то теперъ вѣроятно Рущукъ былъ бы взятъ и Разградъ занятъ.

Ошибка нашего плана войны состояла въ томъ, что заняли слишкомъ большое пространство и тѣмъ раздробили силы.

Въ Азіи была сдѣлана подобная же ошибка. Необходимо, чтобы неудачи наши послужили урокомъ и заставили перемѣнить планъ войны, иначе произойдутъ еще большія бѣдствія.

Войну съ турками слѣдуетъ вести, наступая медленно, осторожно. Здѣсь нельзя дѣлать такія быстрыя движенія, какъ въ Средней и Западной Европѣ.

Не понимаю, какъ армія наша обезпечитъ себѣ продовольствіе за Балканами. Не случись перваго дѣла подъ Плевной, то можетъ быть два корпуса съ Великимъ Княземъ перешли бы Балканы и тогда Османъ-паша зашелъ бы имъ въ тылъ.

Думать о зимовкѣ нашей за Балканами едва-ли можно. Занятіе Адріанополя усложнитъ наши отношенія съ Англіей и Австріей.

Кажется, благоразумнѣе было бы ограничиться взятіемъ Шумлы. Можетъ быть изволите меня упрекнуть въ излишней осторожности; полагаю, что намъ надо отказаться отъ рѣшительныхъ предпріятій. Забочусь о сохраненіи ввѣренныхъ мнѣ частей войскъ, а не о томъ, чтобы искать случаевъ писать пышныя реляціи.

Отъ всего сердца желаю, чтобы я ошибся въ своихъ сужденіяхъ, представляя себѣ будущее въ неблагопріятномъ свѣтѣ, но до сихъ поръ, къ несчастію, сбывалось то, что я предвидѣлъ".

По счастію, желаніе отъ сердца генерала Циммермана исполнилось, и на этотъ разъ предвидѣніе его не сбылось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели [1]).

VI.

Телеграмма Намѣстника отъ 25 іюня, подтверждавшая Высочайшее повелѣніе о выходѣ эскадры во Владивостокъ, согласно приказанія была объявлена флагманамъ и командирамъ на послѣднемъ совѣщаніи [2]), собранномъ Витгефтомъ и рѣшившимъ окончательно моментъ и порядокъ выхода.

28 іюля, въ среду, въ 4½ часа утра броненосцы начали выходить изъ гавани и тотчасъ же становились на якорь на рейдѣ, по заранѣе выработанной дистанціи. День выдался свѣтлый и тихій. На горизонтѣ виднѣлись лишь четыре непріятельскихъ миноносца и лодки „Хайенъ“ и „Сайенъ“ [3]). Какъ только вышелъ послѣдній броненосецъ изъ бассейна, эскадра подняла якорь и въ кильватерной колоннѣ тихо тронулась въ море, слѣдуя за караваномъ траловъ. Было 8 час. 15 мин. утра, до наступленія темноты, когда японскіе миноносцы могли бы стать опасными, оставалось почти полъ-сутокъ, и наша эскадра, идя въ среднемъ по 12-ти узловъ, могла бы за это время пробѣжать около 150 миль и къ ночи быть уже въ открытомъ морѣ.

Но японцы зорко слѣдили за Портъ-Артуромъ, и прошло немного времени послѣ выхода эскадры, какъ съ флагманскаго корабля („Цесаревичъ“) были замѣчены идущими отъ острова Кепъ на перерѣзъ японскіе крейсеры 2-го ранга „Матцушима,“ „Итцукушума,“

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. май.

[2]) Рапортъ контръ-адмирала Рейценштейна морскому министру.

[3]) Однако нѣкоторые командиры нашей эскадры этихъ лодокъ не замѣтили.

„Хошидате“ [1]), а за ними и броненосные—„Ниссинъ“ и „Касуга“. Въ то же время у острова Міотоу показались: первоклассный броненосный крейсеръ „Якумо,“ броненосные крейсеры 2-го р. „Такасаго“, „Касаги“ и „Читозе“ и нѣсколько миноносцевъ. Это былъ отрядъ крейсеровъ адмирала Дева. Въ 9 час. 10 мин. утра командующій эскадрою к.-ад. Витгефтъ, имѣвшій свой флагъ на броненосцѣ „Цесаревичъ“, поднялъ сигналъ: „Флотъ извѣщается, что Государь Императоръ повелѣлъ идти во Владивостокъ“.

Вслѣдъ за симъ, сигналомъ же велѣно было приготовиться къ бою.

Въ $10^1/_2$ час. въ разстояніи 10 миль отъ Ляотешана Витгефтъ отпустилъ въ портъ тралящій караванъ, легъ на SO 52° и сталъ постепенно увеличивать ходъ, приглядываясь къ „Ретвизану“. Этотъ броненосецъ еще наканунѣ получилъ серьезную аварію.

На немъ 27 іюля, по приказанію начальника штаба эскадры, начали устанавливать два 6 дм. и четыре 75 м. м. орудій. Баржа съ пушками стояла у борта броненосца и часть 75 м. м. уже была перегружена, какъ съ осадныхъ японскихъ батарей на внутренній рейдъ посыпались снаряды. Одинъ изъ нихъ попалъ въ баржу и утопилъ ее вмѣстѣ съ пушками, другой разорвался на крышѣ носовой башни, при чемъ осколками былъ раненъ командиръ „Ретвизана“ и выведено изъ строя 20-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ. Наконецъ, третій непріятельскій снарядъ сдѣлалъ пробоину въ подводной части на глубинѣ восьми футъ. Пробоина была около 20-ти кв. футъ и черезъ нее ближайшія бортовыя отдѣленія моментально заполнились водою. Для уничтоженія крена пришлось залить соотвѣтствующія отдѣленія противуположнаго борта. Вслѣдствіе этого „Ретвизанъ“ принялъ 500 тоннъ мертваго груза влившейся и влитой воды и сѣлъ на 10 дм. глубже, что въ свою очередь уменьшало ходъ его на цѣлый узелъ. Имѣя полный запасъ угля для перехода во Владивостокъ, „Ретвизанъ“ вслѣдствіе такой аваріи могъ бы развить ходъ не болѣе 15—16 узловъ. Когда Витгефту было доложено объ этой пробоинѣ, онъ колебался, слѣдовало ли „Ретвизану“ идти съ нимъ въ море, или же было благоразумнѣе и безопаснѣе оставить его въ порту. Но командиръ корабля просилъ дать ему изъ порта средства для исправленія и, благодаря энергіи и умѣнію корабельнаго инженера Вешкурцева, успѣлъ въ теченіе ночи подкрѣпить внутреннюю переборку и наложить стальной листъ на пробоину. Вода въ количествѣ 500 тоннъ въ „Ретвизанѣ“ все-таки осталась, и 6 дм. орудія поставлены не были.

---

[1]) По показаніямъ нѣкоторыхъ командировъ, ихъ не было вовсе.

Понятно, что, имѣя такую пробоину, нельзя было развивать полный ходъ эскадры, не считаясь съ заплатою броненосца. К.-ад. Витгефтъ очень заботливо относился къ нему и, разрѣшая вступить въ кильватеръ вслѣдъ за собою, увеличивалъ ходъ постепенно, постоянно справляясь семафоромъ о состояніи переборокъ. Тѣмъ не менѣе флагманъ предвидѣлъ возможность катастрофы и заранѣе приказалъ командиру „Ретвизана“ при малѣйшей опасности выйти изъ строя и слѣдовать обратно съ госпитальнымъ пароходомъ „Монголіею“.

Однако первая задержка въ движеніи эскадры произошла на „Цесаревичѣ“ вслѣдствіе поврежденія рулевого привода. Впрочемъ поврежденіе скоро было исправлено, и тогда эскадренный ходъ былъ доведенъ до 12-ти узловъ

Эскадра шла въ кильватерной колоннѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Цесаревичъ“ подъ флагомъ Витгефта головнымъ, за нимъ „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ подъ флагомъ к.-а. князя Ухтомскаго, „Севастополь“ и „Полтава“, крейсеры перваго ранга „Аскольдъ“ подъ флагомъ к.-ад. Рейценштейна, „Паллада“ и „Діана“. Крейсеръ „Новикъ“ шелъ форзейлемъ, транспортъ „Монголія“ подъ флагомъ Краснаго Креста держался позади колонны, миноносцы „Выносливый“, „Властный“, „Грозовой“ и „Бойкій“ шли съ правой стороны эскадры, „Безшумный“, „Безстрашный“, „Безпощадный“ и „Бурный“—съ лѣвой. (Чер. № 1).

Японскіе крейсеры „Ниссинъ“ и „Касуга“, опредѣливъ составъ нашей эскадры, скрылись изъ вида, а число непріятельскихъ миноносцевъ выросло до 50-ти.

Около 11½ ч. утра на горизонтѣ слѣва показались японскія суда. Скоро опредѣлилось, что это былъ отрядъ изъ броненосцевъ перваго класса „Миказа“ подъ флагомъ адмирала Того, „Фуджи“, „Асахи“ и „Шикишима“ и двухъ броненосныхъ крейсеровъ перваго класса „Ниссинъ“ и „Касуга“. Отрядъ шелъ [1]) построившись въ кильватерную колонну полнымъ ходомъ, очевидно намѣреваясь пройти далеко подъ носомъ „Цесаревича“ на соединеніе съ крейсерами, приближавшимися отъ острова Міотау.

Видя неизбѣжность боя съ главными силами адмирала Того и не имѣя возможности воспрепятствовать соединенію японскихъ отрядовъ, имѣвшихъ громадное преимущество въ ходѣ, Витгефтъ семафоромъ приказалъ „Новику“ занять мѣсто концевого въ колоннѣ и всѣмъ миноносцамъ перейти на ея правый траверзъ. Когда же

---

[1]) По другимъ показаніямъ очевидцевъ и участниковъ боя, впереди шли крейсеры „Ниссинъ“ и „Касуга“.

эскадры сблизились до разстоянія 100 кабельтововъ, Витгефтъ положилъ руль право на бортъ и послѣдовательно поворотилъ влѣво, открывая путь японцамъ для соединенія и въ то же время отвѣчая ему на выстрѣлы.

Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ непріятелемъ въ 12 час. 15 мин. Японскій снарядъ не долетѣлъ, второй, съ того же разстоянія, далъ перелетъ около 3-хъ кабельтововъ. Слѣдующіе снаряды начали ложиться около броненосца, составлявшаго повидимому главную цѣль непріятеля. Ходъ эскадры нашей послѣ поворота былъ доведенъ до 13-ти узловъ, ближайшее разстояніе между эскадрами при расхожденіи контрагалсами было около 46 кабельтововъ. Затѣмъ оно быстро стало увеличиваться. Вниманіе Витгефта и командировъ нашихъ судовъ на этомъ курсѣ кромѣ непріятельскихъ броненосцевъ отвлекали плавающія мины, набросанныя японскими миноносцами, державшимися въ эту минуту вдали отъ главныхъ силъ. Одинъ изъ 12-ти дюймов. снарядовъ съ нашего броненосца попалъ въ японскій крейсеръ 2-го ранга типа „Читозе“ и это, вѣроятно, заставило колонну адмирала Дева поворотить на сѣверъ и направиться въ обходъ „Полтавы“. Предупредить такой маневръ Витгефтъ не могъ, какъ и вообще не могъ вырвать изъ власти японскаго адмирала всей выгоды иниціативы дѣйствій: держаться на солнечной сторонѣ [1]), соединяться по своему усмотрѣнію съ резервами и т. д. Ходъ японскихъ броненосцевъ достигалъ 17-ти и крейсеровъ даже превышалъ 20-ть узловъ, наша же эскадра болѣе 13-ти соединенно идти не могла по причинѣ тихоходности „Севастополя“ и „Полтавы“.

Витгефтъ сигналомъ приказалъ крейсерамъ перейти на лѣвую сторону броненосцевъ и тамъ держаться въ кильватерной колоннѣ. (Чер. № 2). Продолжая идти тѣмъ же курсомъ и удачно избѣгая набросанныя на пути слѣдованія японскія мины, наша эскадра безъ серьезныхъ поврежденій выдержала первый ударъ, несмотря на нѣкоторое превосходство силъ противника. Болѣе всѣхъ пострадали „Полтава“ и „Цесаревичъ“.

Японскій отрядъ броненосцевъ, миновавъ траверзъ нашей эскадры и будучи уже около 100 кабельтововъ отъ нея, поворотилъ вдругъ на 8 румбовъ влѣво, прошелъ около четверти часа въ строѣ фронта и затѣмъ легъ опять на старый курсъ, болѣе и болѣе удаляясь отъ эскадры Витгефта (чер. № 3). Въ часъ по полудни, когда разстояніе между эскадрами увеличилось до 80-ти кабельтововъ, перестрѣлка прекратилась. Витгефтъ воспользовался этимъ моментомъ и снова легъ на S0—62°, доведя ходъ до максимальнаго.—Казалось, еще

[1]) Мнѣ пишутъ, что день 28 іюля не былъ солнечнымъ.

была возможность уйти отъ преслѣдованія врага до наступленія ночи. Быть можетъ оно такъ бы и случилось, если бы ходъ эскадры не задерживали, начавшіе отставать „Севастополь“ и „Полтава“. Конечно ночью японскіе миноносцы могли атаковать не одинъ разъ броненосцы. Но наши экипажи уже достаточно были опытны и тренированы.

А чѣмъ далѣе Витгефтъ уходилъ бы въ открытое море, тѣмъ болѣе отстало бы непріятельскихъ судовъ въ погонѣ за нимъ, и тѣмъ болѣе у него было бы шансовъ достигнуть намѣченной цѣли. Уклоненіе Того влѣво и удаленіе на югъ иностранными корреспондентами объяснялось тѣмъ, что онъ опасался повторенія нашею эскадрою маневра 10-го іюня, когда Витгефтъ, не рѣшаясь вступить въ бой, отказался отъ попытки прорваться и, поворотивъ назадъ, сталъ на якорь подъ защиту портъ-артурскихъ батарей. Адмиралъ Того, по увѣренію корреспондентовъ, заманивалъ въ море русскихъ, показывая видъ, что онъ не намѣренъ настойчиво преслѣдовать ихъ по какимъ, то своимъ соображеніямъ. Однако весь маневръ японскаго адмирала объясняется гораздо проще и естественнѣе. Онъ боялся наткнуться на собственныя свои мины, набросанныя миноносцами. Японская эскадра уходила съ пространства моря, на которомъ она могла потерять любой броненосецъ, какъ потеряла „Хатцусе“ и „Яшима“. Миновавъ опасныя минныя банки [1]), Японская эскадра повернула на 16 румбовъ и въ 1 часъ 15 мин., идя параллельнымъ курсомъ съ нашею, вторично открыла огонь, продолжавшійся до 2-хъ часовъ 40 минутъ. Этотъ второй бой происходилъ на разстояніяхъ отъ 60 до 80 кабельтововъ.

Адмиралъ Того видимо поджидалъ подкрѣпленій отовсюду. До сихъ поръ наша эскадра не имѣла серьезныхъ поврежденій.

Въ „Севастополь“ и „Полтаву“ попало наибольшее число снарядовъ. „Ретвизанъ“ въ первую перестрѣлку получилъ 12-ть снарядовъ, во вторую только два. На „Аскольдѣ“ была снесена дымовая труба, и выведенъ одинъ котелъ изъ дѣйствія. Когда разстояніе между эскадрами увеличилось до 80 кабельтововъ, бой прекратился.

Въ 4 часа по сигналу съ „Цесаревича“ командамъ было приказано ужинать. Но черезъ нѣсколько минутъ съ флагманскаго корабля замѣтили, что адмиралъ Того, державшійся въ это время далеко позади эскадры, снова легъ курсомъ сходившимся съ курсомъ Витгефта (черт. №№ 4 и 5.) По показанію многихъ нашихъ офицеровъ,

[1]) По поводу этихъ соображеній одинъ изъ командировъ, участвовавшихъ въ бою, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Непріятельскій отрядъ управлялся идеально хорошо. Не замѣчалъ не только отставаній, но и растягиванія линій. ***Не думаю***, чтобы при погонѣ могли быть отсталые“.

наблюдавшихъ за боемъ съ миноносцевъ въ это время къ отрядамъ японскихъ броненосцевъ присоединился крейсеръ „Якумо“, бывшій до того, какъ сказано выше, въ отрядѣ Дева. Въ 4¾ ч. съ разстоянія 65-ти кабельтововъ бой начался въ третій рааъ. Въ то же время слѣва, миляхъ въ 10-ти обозначился третій отрядъ японскихъ крейсеровъ 2-го ранга: „Матцушима“, „Итцукушима“ и „Хашидате“. Старый броненосецъ „Чинъ-Іенъ“ держался вдали съ миноносцами. Въ 5 час. разстояніе между эскадрами Витгефта и Того уменьшилось до 40 кабельтововъ. Тогда весь огонь непріятеля былъ направленъ на „Цесаревича“. Японцы по обыкновенію, или, по принятому ими къ непремѣнному исполненію правилу, били всегда въ голову, т. е. адмиральскій корабль, стараясь снести все, что было выше воды: трубы, мостики, мачты и т. д. Послѣ 5 час., когда эскадры сблизились, казалось, наступилъ самый благопріятный и, можно утверждать, единственный моментъ за весь день, когда Витгефтъ, положивъ лѣво руля, могъ со всею своею эскадрою сойтись бортъ о бортъ съ непріятелемъ и жертвою нѣсколькихъ своихъ броненосцевъ погубить такое же количество въ эскадрѣ адмирала Того. Въ этотъ именно моментъ могли бы дѣйствовать наши восемь миноносцевъ подъ прикрытіемъ крейсеровъ адмирала Рейценштейца.

Ни изъ рапортовъ, ни изъ показаній многихъ лицъ, участвовавшихъ въ сраженіи, я не могъ съ точностью, до минутъ опредѣлить время, когда однимъ роковымъ 12-ти дюймовымъ снарядомъ, разорвавшимся на мостикѣ „Цесаревича“, убило командовавшаго эскадрою к.-ад. Витгефта, флагманскаго штурмана лейтенанта Азарьева, флагъ-офицера мичмана Эллиса и 3-хъ нижнихъ чиновъ. Осколками того же снаряда были тяжело ранены начальникъ штаба к.-ад. Матусевичъ и флагъ-офицеры лейт. Кедринъ и мичм. Кушинниковъ. Вторымъ снарядомъ въ то время были ранены командиръ броненосца капитанъ I-го ранга Ивановъ и лейтенанты Ненюковъ, Пилкинъ и Кѣтлинскій, находившіеся въ боевой рубкѣ „Цесаревича“. При этомъ всѣ приборы управленія броненосцемъ были сбиты, и онъ, потерявъ способность управляться, покатился влѣво. Вѣроятно это произошло вскорѣ послѣ 6 часовъ вечера. Крутой поворотъ „Цесаревича“ былъ крутымъ поворотомъ и во всемъ морскомъ боѣ 28 іюля. Неожиданный поворотъ „Цесаревича“ произвелъ замѣшательство, которое могло погубить всю эскадру. Но командиръ „Ретвизана“ (капитанъ I-го ранга Щенсновичъ) въ этотъ, по истинѣ критическій моментъ, проявилъ сообразительность и доблесть, которыя спасаютъ отъ гибели уже обреченныхъ на нее и вмѣстѣ съ тѣмъ спасаютъ почти безповоротно загубленное дѣло (черт. №№ 6 и 7).

Наши несчастія въ минувшую войну на морѣ были такъ велики,

что доблестное поведеніе многихъ моряковъ едва было замѣчено и до сихъ поръ не получило заслуженной оцѣнки. О блестящемъ дѣлѣ отряда миноносцевъ 26 февраля подъ командою капитана I-го ранга Матусевича, нынѣ контръ-адмирала, въ Россіи мало кто даже знаетъ, утопленіе „Стерегущаго“ до сихъ поръ не выяснено окончательно. Кто изъ русскихъ знаетъ подробно о томъ, какъ храбрый капитанъ 2-го ранга Шельтингъ отражалъ на „Бобрѣ“ японскія атаки 13 мая и затѣмъ сумѣлъ благополучно возвратиться въ портъ, несмотря на блокаду его съ моря? А между тѣмъ исторія всѣхъ войнъ свидѣтельствуетъ, что только храбрые и доблестные давали побѣды своей родинѣ, что только беззавѣтно исполнившіе свой долгъ заполняли своимъ умѣньемъ и своимъ примѣромъ пробѣлы въ матеріальной части. Но все это было и можетъ быть лишь тогда, когда родина помнила заслуги своихъ воиновъ и тамъ, гдѣ воздавала имъ должную честь, не потому, чтобы они нуждались въ почестяхъ или въ матеріальномъ вознагражденіи, а потому, что все это вмѣстѣ ставило ихъ въ положеніе руководителей и воспитателей цѣлой плеяды будущихъ воиновъ и поощряло молодость.

Командиръ „Ретвизана“ послѣдовалъ въ первый моментъ за „Цесаревичемъ“. Но замѣтивъ, что онъ не останавливается на обратномъ курсѣ и продолжаетъ циркуляцію, Щенсновичъ пришелъ къ заключенію, что адмиральскій корабль вслѣдствіе невѣдомой аваріи вышелъ изъ строя, и что если всѣ послѣдуютъ за нимъ, то эскадра собьется въ нестройную кучу, представляющую чрезвычайно выгодную цѣль для разстрѣла непріятельскимъ флотомъ. Не видя и не ожидая никакихъ приказаній съ „Цесаревича“ или „Пересвѣта“, командиръ „Ретвизана“ положилъ лѣво на бортъ и пошелъ прежнимъ курсомъ SO—60°, сближаясь съ непріятелемъ подъ угломъ пятнадцати градусовъ. Этимъ маневромъ Щенсновичъ привлекъ на себя весь огонь непріятельской эскадры и оттянулъ ее отъ нашей, сбившейся въ кучу. Здѣсь произошло что-то странное и непонятное. Несмотря на сближеніе съ непріятелемъ, на сыпавшіеся снаряды со всѣхъ японскихъ броненосцевъ, стрѣлявшихъ только по „Ретвизану“, попаданій въ него оказалось очень немного. Можно думать, что отважный маневръ „Ретвизана“ смутилъ японцевъ, и они торопливо и дурно прицѣливались, боясь столкновенія. И дѣйствительно, когда разстояніе до японской эскадры уменьшилось до 17-ти кабельтововъ, Щенсновичъ, замѣтивъ въ этотъ моментъ, что его броненосецъ уходитъ въ воду вслѣдствіе сильной течи черезъ пробоину, рѣшился таранить ближайшій къ нему непріятельскій броненосецъ. На „Ретвизанѣ“ оставалось два орудія 12 д. и 2—6 д. Моментъ дѣйствительно былъ удобный. Къ несчастію, Щенсновичъ не успѣлъ исполнить своего рѣшенія, такъ какъ въ

это мгновеніе былъ раненъ осколкомъ разорвавшагося снаряда. Испытывая невыносимую боль и, главное, уже не надѣясь на вѣрность глазомѣра, необходимаго въ такомъ трудномъ и рискованномъ предпріятіи, командиръ „Ретвизана“ счелъ благоразумнымъ послѣдовать за эскадрой, выстраивавшейся въ кильватерную колонну по „Пересвѣту“. Маневръ „Ретвизана“ остановилъ японскую эскадру, увеличившуюся въ это время только-что прибывшимъ крейсеромъ „Асама“ [1]), и спасъ „Цесаревича“ отъ окончательнаго разстрѣла. За то же время лейтенантъ Пилкинъ, благодаря прикрытію отъ выстрѣловъ, успѣлъ перенести управленіе кораблемъ изъ рубки въ центральный постъ и завести румпель-тали. Старшій офицеръ „Цесаревича“ капитанъ 2-го ранга Шумовъ, заступившій мѣсто раненаго командира, съ величайшимъ трудомъ сдѣлалъ сигналъ: „Адмиралъ передаетъ командованіе князю Ухтомскому“. Послѣдній же безъ малѣйшихъ колебаній рѣшилъ возвратиться въ Портъ-Артуръ, до котораго было всего 90 миль, и гдѣ возможно было кое-какъ исправиться и возобновить растраченные въ бою снаряды. Мачты на „Пересвѣтѣ“ были сбиты въ продолженіе дневного боя и сигналъ „слѣдовать за мною“ былъ сдѣланъ флагами, развѣшанными по борту броненосца.

Не всѣ, однако, подчинились такому распоряженію новаго флагмана. Впрочемъ не всѣ и разобрали сигналъ. К.-ад. Рейценштейнъ также поднялъ сигналъ отряду крейсеровъ „слѣдовать за мною“, повернувъ на югъ, уходя отъ своего начальника и эскадры со скоростью 20-ти узловъ. Естественно, что за „Аскольдомъ“ имѣлъ возможность слѣдовать лишь одинъ „Новикъ“, такъ какъ крейсеры „Діана“ и „Паллада“ не могли идти болѣе 15 узловъ. Въ критическій моментъ к.-а. Рейценштейнъ упустилъ изъ виду, что исполнить его сигналъ было невозможно.

Когда стемнѣло и японскій флотъ удалился на востокъ, а миноносцы стали преслѣдовать уходящую въ Артуръ нашу эскадру, отъ нея отдѣлились „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Діана“, а также миноносцы „Безстрашный“, „Безпощадный“, „Безшумный“, „Грозовой“ и „Бурный“. На разсвѣтѣ значительно уменьшившаяся числомъ вымпеловъ, эскадра приблизились къ острову Роундъ и, благополучно миновавъ подъ управленіемъ командира „Побѣды“, капитана I-го ранга Зацареннаго, всѣ минныя заграждения, вошла въ Портъ-Артуръ. Такъ печально окончилась эта послѣдняя попытка спасти эскадру.

Описывая бой 28 іюля, я руководствовался письменными показаніями участниковъ этого дѣла—командировъ, конечно не всѣхъ.

[1]) Это былъ именно „Изума“, броненосный крейсеръ 9 т. тоннъ. По свѣдѣніямъ „Kinkodo“ на немъ былъ 1 ч. тяжело раненъ въ послѣдній моментъ боя. Kinkodo. Co. Vol. II, p. 500.

Но должно быть очень трудно и даже невозможно вести свой корабль во время боя, сражаться и наблюдать за общимъ его ходомъ. Тщательно провѣряя всѣ показанія, я не могъ, однако, совмѣстить ихъ и вѣроятно не могъ не впасть въ погрѣшности. Такъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ бой начался со 100 кабельтововъ, другіе же утверждаютъ—съ 50. „Плавающихъ минъ я не видѣлъ. Утверждаю, что такія мины только казались, на самомъ дѣлѣ ихъ не было и, кто знаетъ минное дѣло, можетъ съ увѣренностью сказать, что таковыя мины не осуществимы"—пишетъ мнѣ к.-а. Щ. По поводу соединенія разрозненныхъ японскихъ эскадръ и состава ихъ онъ же замѣчаетъ: „Матцушима", „Итцукушима" и „Хашидате"—не видѣлъ, также и крейсеръ „Асама" не появлялся. Соединенія японскихъ эскадръ вовсе не было. Непріятель дѣйствовалъ въ раздробь. Эскадра наша шла все время ровно, отстававшихъ „Севастополя" и „Полтавы" не было. Сигнала ужинать адмиралъ не дѣлалъ".

Однако въ японскомъ описаніи этого боя, въ Kinkodo показано число раненыхъ и убитыхъ на крейсерѣ „Изумо".

Что же касается плавающихъ минъ, то объ нихъ всѣ мы слышали и отъ участниковъ боя 14 мая. Очевидно, самыми достовѣрными свидѣтелями по этому вопросу были бы японцы. Но они воздерживаются отъ дачи показаній.

Во всякомъ случаѣ, я употребилъ всѣ усилія и приложилъ всѣ старанія, чтобы изложить рѣшающее дѣло, бой 28 іюля, покончившій существованіе нашего флота и лишившій насъ Портъ-Артура и Сахалина, какъ можно точнѣе.

	Русская эскадра.	Тонны водоизмѣщенія.	Артиллерія. Дюймовыя. 12	10	8	6	м/м 75	Примѣчаніе.
	Броненосцы:							
1	Цесаревичъ	12.900	4	—	—	12	16	Артиллерія 75 м/м калибра не показана какъ на судахъ русской эскадры, такъ и японской. На Новикѣ было 6 орудій 120 м/м. На Севаст. и Полтавѣ были поставлены вмѣсто недоставшихъ орудій по 4 пушки 47 м/м.
2	Ретвизанъ.	12.900	4	—	—	10	20	
3	Побѣда	12.600	—	4	—	10	20	
4	Пересвѣтъ	12.600	—	4	—	10	20	
5	Севастополь	10.900	3	—	—	12	—	
6	Полтава	10.900	4	—	—	12	—	
	Итого . . .	72.800	15	8	—	66	76	
	Не броненосные:							
7	Паллада.	6.700	—	—	—	6	20	
8	Діана	6.700	—	—	—	6	20	
9	Аскольдъ	5.900	—	—	—	10	12	
10	Новикъ	3.000	—	—	—	—	—	
	Итого . . .	22.300	—	—	—	22	52	
	ВСЕГО. . . .	95.100	15	8	—	88	128	

	Японская эскадра.	Тонны водоизмѣщенія.	Артиллерія. Дюймовыя. 12	10	8	6	м/м 75	Примѣчаніе.
	Броненосцы:							
1	Миказа	15.300	4	—	—	15	20	
2	Асахи	15.200	4	—	—	15	20	
3	Фуджи	12.600	4	—	—	10	16	
4	Шикишима	14.800	4	—	—	15	20	
5	Чинъ-Іенъ	7.300	4	—	—	4	—	Держался вдали въ началѣ боя. Въ концѣ боя 6 тяжело раненыхъ.
	Броненосные крейсеры:							
6	Ниссинъ	7.700	—	—	4	14	10	
7	Касуга	7.700	—	1	2	14	10	
8	Якумо	9.800	—	—	4	12	12	12 убитыхъ, 7 тяжело раненыхъ.
9	Асама	9.400	—	—	4	12	12	По японскимъ свѣдѣніямъ крейсеръ Изумо (Kinkodo) *).
	Итого броненосныхъ	99.800	20	1	14	111	120	
	Бронепалубные крейсеры II и III ранга.							
10	Токасаки	4.300	—	—	2	—	12	
11	Касаги	4.900	—	—	2	—	12	
12	Читозе	5.000	—	—	2	—	12	
13	Матцушима	4.300	—	—	1	—	2	
14	Итцукушима	4.300	—	—	1	—	2	
15	Хашидоте.	4.200	—	—	1	—	2	
16	Акатцушима	3.200	—	—	1	—	2	
17	Акаши	2.700	—	—	—	2	—	
18	Сума	2.700	—	—	—	2	—	
19	Asagiri	2.700	—	—	—	2	—	По японскимъ свѣдѣніямъ (Kinkodo) на немъ 9 чел. убитыхъ.
	Итого не броненосныхъ	38.300	—	—	10	6	44	
	ВСЕГО.	138.100	20	1	24	117	164	

[1]) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ японскаго описанія боя въ журналѣ Kinkodo C.

VII.

Въ Портъ-Артуръ возвратились броненосцы „Пересвѣтъ," „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава" и „Севастополь", крейсеръ „Паллада" и три миноносца: „Властный", „Бойкій" и „Выносливый".

Судьба остальныхъ судовъ не долго оставалась неизвѣстною и скоро до Портъ-Артура дошло извѣстіе о томъ, что броненосецъ „Цесаревичъ", крейсеръ „Новикъ" и миноносецъ „Безшумный" пришли въ Кіао-чау, крейсеръ „Аскольдъ" и миноносецъ „Грозовой"—въ Шанхай, „Діана"—въ Сайгонъ и миноносцы „Безстрашный" и „Безпощадный"—въ Цинъ-Тоу. Узнали и о томъ, что не посчастливилось миноносцу „Бурному", наткнувшемуся ночью на камни у Шантунга, и что командиръ миноносца счелъ необходимымъ взорвать его во избѣжаніе захвата японцами.

„Новикъ" успѣлъ въ установленный нейтралитетомъ Германіи срокъ нагрузиться углемъ и намѣревался прорваться во Владивостокъ, обойдя Японію съ востока. По недостатку угля, однако онъ долженъ былъ зайти на Сахалинъ въ Корсаковскій постъ. 7-го августа „Новикъ" прибылъ туда. Но въ Лаперузовомъ проливѣ его уже ожидали крейсеры „Читозе" и „Цусима", получившіе извѣстіе съ Курильскихъ острововъ о пути слѣдованія „Новика".

Нашъ маленькій крейсеръ храбро отбилъ нападеніе болѣе сильнаго—„Цусимы", заставивъ его отступить. Но аваріи „Новика" были таковы, что, хотя бы, безъ нѣкотораго ихъ исправленія идти далѣе немедленно не представлялось никакой возможности. На немъ были повреждены руль и половинное число котловъ, а главное, имѣлось три пробоины въ подводной части. Приступивъ тотчасъ же къ исправленіямъ, командиръ ночью замѣтилъ въ морѣ судовые огни и понялъ, что его караулили два непріятельскіе крейсера. При такихъ обстоятельствахъ ни исправленія, ни прорывъ были немыслимы и командиръ рѣшился взорвать свой крейсеръ.

Остальныя не возвратившіяся въ Портъ-Артуръ суда, какъ извѣстно, были интернированы на все время войны тамъ, куда они скрылись послѣ боя.

Такъ печально окончилась жизнь нашей Тихоокеанской эскадры. А она между тѣмъ имѣла серьезные шансы на успѣхъ. Несомнѣнно, лучшимъ судьею этой эскадры, чей приговоръ не можетъ не считаться компетентнымъ, это покойный адмиралъ Макаровъ.

Онъ же въ инструкціи, данной 25 февраля 1904 года командовавшему крейсерскимъ отрядомъ во Владивостокѣ, между прочимъ писалъ слѣдующее: „Два сраженія, которыя имѣли наши суда съ

японцами, показали, что въ артиллерійскомъ дѣлѣ преимущество лежитъ безспорно на нашей сторонѣ. Наши снаряды лучшаго качества, чѣмъ японскіе. Они имѣютъ болѣе правильный полетъ и болѣе обезпеченный разрывъ [1]). Также, повидимому, мы имѣемъ большую мѣткость огня. Хладнокровіе нашихъ экипажей свидѣтельствуется всѣми командирами, изъ которыхъ многіе мнѣ говорили, что они замѣчали у людей (прислуги у орудій) скорѣе любознательность, чѣмъ какое-либо другое чувство. Многіе снизу высовывались на верхъ посмотрѣть, какъ идетъ дѣло". Покойный Макаровъ умѣлъ и имѣлъ право цѣнить людей.

И напротивъ, адмиралъ Того послѣ всѣмъ извѣстнаго обстрѣливанія крейсера „Баянъ" 31 марта цѣлымъ отрядомъ японскихъ крейсеровъ отдалъ приказъ, въ которомъ указывалъ, что не слѣдуетъ безполезно тратить снаряды, дурно и торопливо прицѣливаясь. О стрѣльбѣ по „Баяну" 31-го марта иначе и нельзя было отозваться. Бой 28 іюля начался въ 12 час. 15 мин. и съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами продолжался до $6^1/_2$ часовъ. Подъ непріятельскимъ огнемъ наша эскадра находилась непрерывно въ общей сложности 4 часа 25 мин. Около 7-ми час., когда наша эскадра пошла на сѣверъ, японская не преслѣдовала ее. До сихъ поръ не извѣстно совершенно точно, какія поврежденія получили японскіе броненосцы. Но есть нѣкоторыя указанія, судя по которымъ, можно предполагать, что суда эскадры адмирала Того дорого расплатились за смерть адмирала Витгефта. По свѣдѣніямъ Р. Давелюи [2]) у японцевъ убитыхъ было 70 человѣкъ, раненыхъ 158; у насъ же убитыхъ—67, раненыхъ—101.

Если бы эскадра наша не раздѣлилась въ ночь на 29-ое іюля, она, быть можетъ, исправилась бы въ Портъ-Артурѣ, возобновила бы запасы снарядовъ и топлива и, наученная горькимъ опытомъ, еще разъ попыталась бы вырваться изъ бассейна, съ каждымъ днемъ подвергавшагося большему и большему обстрѣлу непріятеля. Японская эскадра оставила поле битвы такъ же какъ и наша не потому, чтобы первая считала себя побѣдительницей или вопросъ о господствѣ на морѣ безповоротно рѣшеннымъ въ свою пользу.

Японскому адмиралу прекрасно было извѣстно, что въ Балтикѣ готовится новая эскадра, и что каждый русскій броненосецъ Портъ-Артурской эскадры, если уцѣлѣетъ и соединится съ балтійскою, только усилитъ послѣднюю. Естественно, что если бы адм. Того

---

[1]) Надобно полагать, что 14 мая 1905 года въ Японскомъ флотѣ снаряды были уже иного, лучшаго качества, доставленные изъ Англіи и Америки.

[2]) La lutte pour l'empire de la mer. R. Daveluy, p. 54.

могъ 28 іюля покончить съ такимъ подкрѣпленіемъ, онъ покончилъ-бы съ нимъ непремѣнно. Этого однако не случилось, надобно думать, вслѣдствіе того, что японцы, во-первыхъ, выпустили за день всѣ свои снаряды, и во-вторыхъ, опасались собственныхъ своихъ миноносцевъ въ ночное время. Быть можетъ они побаивались атаки и нашихъ миноносцевъ.

Адм. Камимура послѣ боя 1 августа съ крейсерскимъ отрядомъ к.-ад. Іессена точно также неожиданно повернулъ назадъ и единственное объясненіе такого маневра—отсутствіе снарядовъ.

Сравнивая бой 28 іюля съ Цусимскимъ 14 мая, нельзя не отмѣтить той легкости, съ которою японскій флотъ погубилъ нашъ. 14 мая бой начался въ 2 часа 5 мин. Черезъ 15 минутъ послѣ начала боя броненосецъ „Суворовъ“ вышелъ изъ линіи, черезъ 35 минутъ „Ослябя“ перевертывается. Затѣмъ гибнутъ „Уралъ“, „Камчатка“, броненосцы „Императоръ Александръ III“ и „Бородино“ черезъ 4 часа 10 минутъ послѣ перваго выстрѣла. Менѣе нежели въ сутки вся громадная эскадра адм. Рожественскаго была уничтожена, и эта блестящая, небывалая побѣда на морѣ стоила японцамъ потери нѣсколькихъ миноносцевъ.

Р. Давелюи, а за нимъ и г. Кладо, описывая бой 28, высказали одну и ту-же мысль о томъ, что адм. Витгефтъ упустилъ благопріятный моментъ, когда могъ разбить японскую эскадру [1]).

По тождественному мнѣнію названныхъ морскихъ публицистовъ, Витгефтъ долженъ былъ воспользоваться разрозненнымъ положеніемъ отряда броненосцевъ подъ непосредственнымъ командованіемъ адм. Того и отрядомъ крейсеровъ адм. Дева, шедшимъ отъ острова Міатау и находившихся миляхъ въ десяти отъ русской эскадры.

Адм. Витгефтъ, говорятъ Давелюи и Кладо, долженъ былъ обрушиться всѣми своими силами на Того съ его шестью броненосцами и разбить его до момента соединенія съ ад. Дева.

Съ перваго взгляда эта мысль совершенно правильна. Силы Витгефта немногимъ уступали японскимъ. Шесть броненосцевъ русскихъ водоизмѣщеніемъ 72 тысячи тоннъ съ 15 орудіями 12 дм. противъ шести японскихъ водоизмѣщеніемъ 76 тысячъ тоннъ съ 16 такими же орудіями, могли долго спорить о побѣдѣ. У Витгефта кромѣ того было еще три первоклассныхъ небронированныхъ крейсера.

Но иниціатива боя принадлежала адм. Того. Его всѣ броненосцы могли легко идти 17 узловъ. Они дѣйствительно обладали такимъ

---

[1]) La lutte pour l'empire de la mer, p. 32. Военные флоты и морская справочная книжка на 1906 г. В. К. А. М., стр. 47—48.

ходомъ, какъ доказали дальнѣйшія событія этого дня. Наши же броненосцы „Полтава“ и въ особенности „Севастополь“ болѣе 14 идти не могли. Крейсеръ „Якумо“ въ отрядѣ адм. Дева, обладавшій двадцати узловымъ ходомъ, несомнѣнно миновалъ бы разстояніе, отдѣлявшее его отъ сражавшихся, и перевѣсъ силъ тотчасъ былъ бы возстановленъ. Наконецъ адм. Того могъ легко уклониться отъ боя, когда онъ былъ выгоденъ для русской эскадры. Пользуясь своимъ ходомъ, японцы всегда ставили нашъ флотъ въ невыгодное положеніе относительно солнца.

Въ разсужденіяхъ и соображеніяхъ о минувшей морской войнѣ ни одной минуты нельзя упускать изъ вида еще и того, что японцы тщательно берегли свои броненосцы отъ всякихъ случайностей, не рисковали ими ни разу (исключенія были конечно 14 мая) и били всегда навѣрняка, правильно думая, что весь ходъ войны на материкѣ, вся судьба Японской имперіи исключительно зависятъ отъ успѣха на морѣ, отъ цѣлости двухъ-трехъ броненосцевъ, безъ которыхъ эскадра адмирала Рожественскаго являлась бы уже грозною силою, способною прервать сообщеніе Японіи съ континентомъ.

Адм. Того былъ такъ остороженъ, что не рисковалъ даже топить по одиночкѣ „Севастополь“ и „Полтаву“, отставшихъ въ то время, когда наша эскадра шла 15 узловымъ ходомъ. Японскій адмиралъ преслѣдовалъ одну цѣль—нанести такія поврежденія нашимъ броненосцамъ, которыя заставили бы ихъ возвратиться для исправленія въ Портъ-Артуръ, гдѣ ихъ непремѣнно искалѣчили бы снаряды осадныхъ японскихъ батарей.

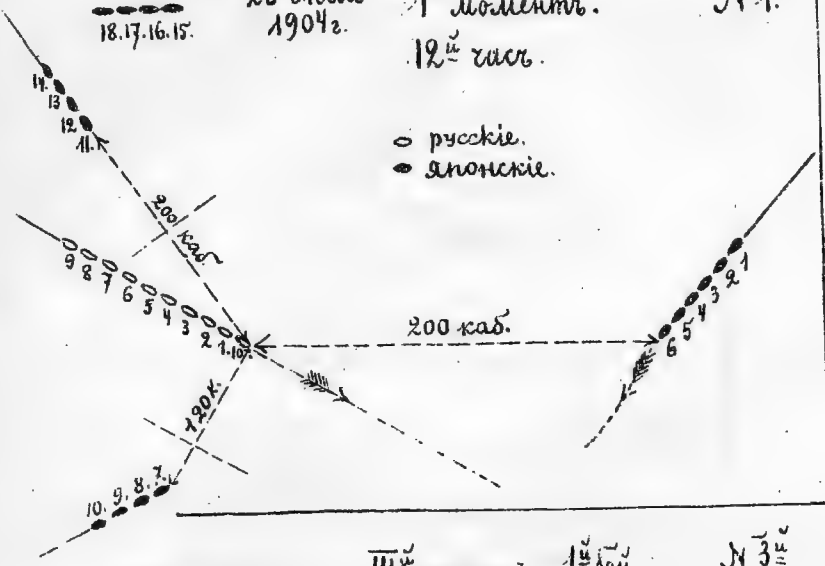
Убѣдившись въ теченіе почти полугода въ томъ, что Портъ-Артурская эскадра въ открытомъ морѣ, въ бою умѣетъ постоять за себя и дерется отчаянно, адм. Того благоразумно уклонялся отъ столкновенія на близкихъ разстояніяхъ даже и при неравенствѣ силъ, котораго Витгефтъ уже не могъ возстановить. Равенство и превосходство надобно было готовить исподволь, сейчасъ же послѣ Японско-Китайской войны. Послѣ же занятія нами Портъ-Артура надлежало торопиться съ этимъ чрезвычайнымъ дѣломъ государственной обороны. Всякое имущество требуетъ охраны и государственное на окраинѣ нуждается въ ней еще болѣе.

О томъ, что Японія собиралась съ силами отомстить Россіи за обиду, нанесенную ей по окончаніи блестящихъ побѣдъ на Ляодунскомъ полуостровѣ надъ китайцами, предупреждали многіе. Въ бытность мою въ Портъ-Артурѣ въ іюнѣ 1903 года я читалъ всѣ представленія въ Петербургъ главнаго начальника занятаго края о нашемъ безсиліи по сравненію съ японцами на морѣ, о безусловной необходимости сооруженія доковъ и мастерскихъ, объ увеличеніи

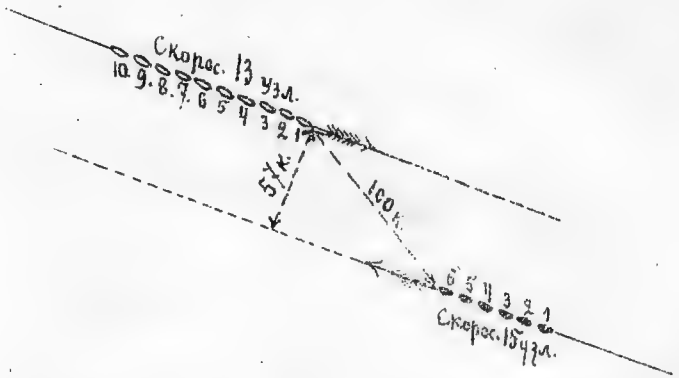
28 Іюля 1904 г. I-й моментъ. 12-й часъ. № 1.

18.17.16.15.

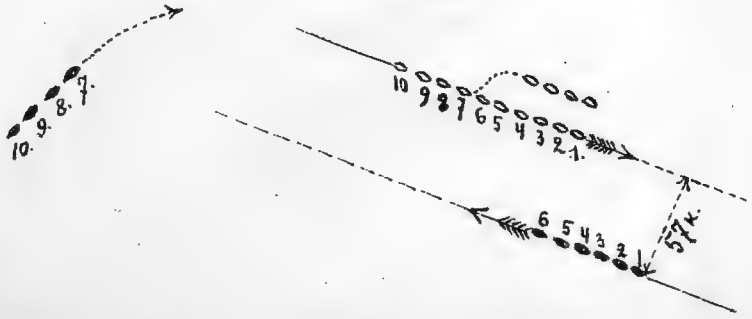
○ русскіе.
● японскіе.



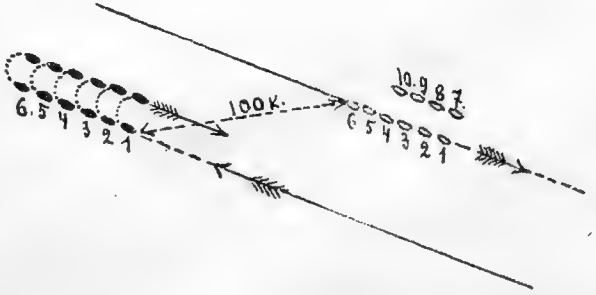
28 Іюля 1904 г. II-й моментъ. Начало боя. № 2.

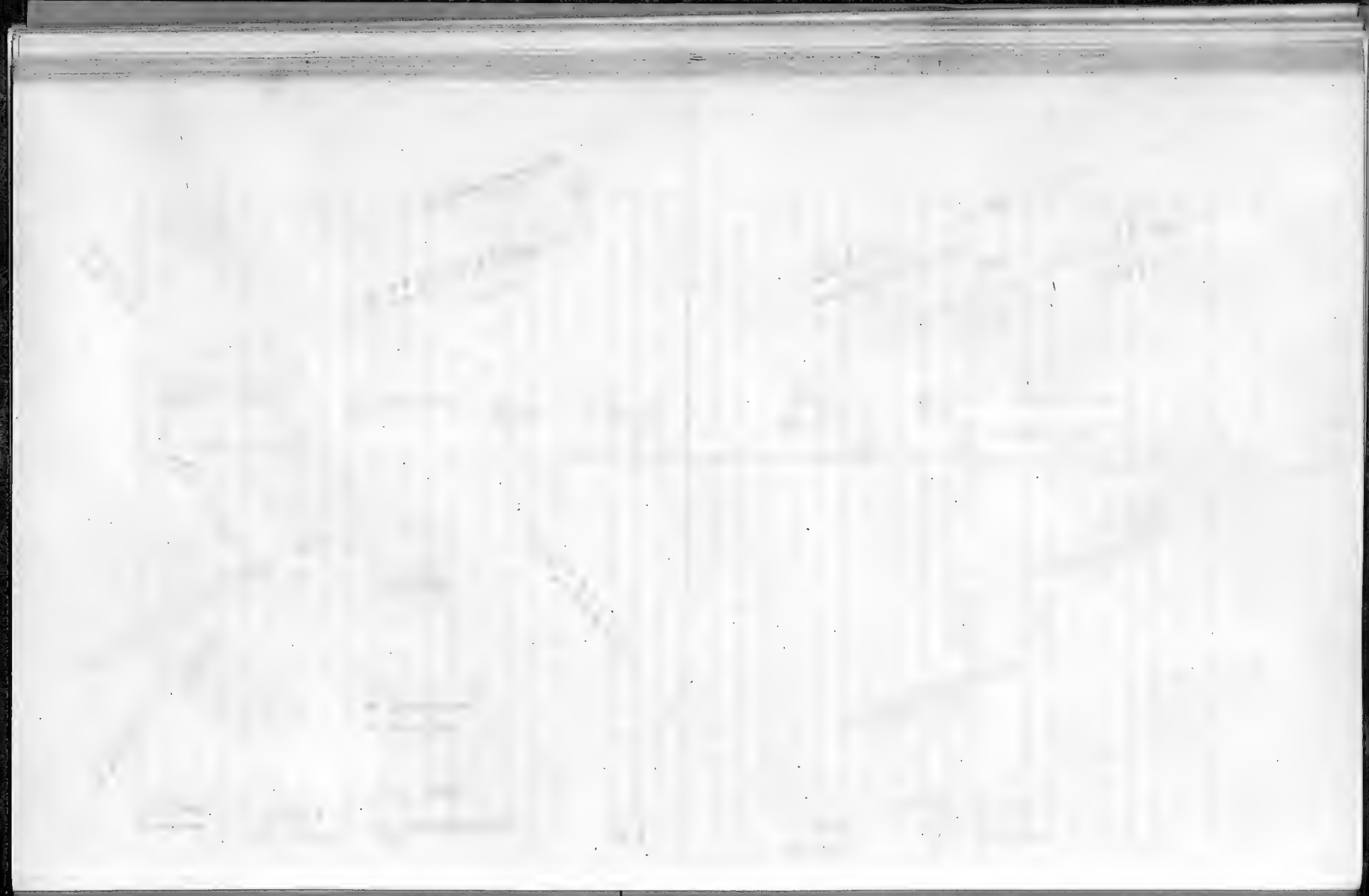


28 Іюля 1904 г. III-й моментъ 1-й бой. № 3-й.



28 Іюля 1904. IV. моментъ. 2-й часъ пополудни. № 4.

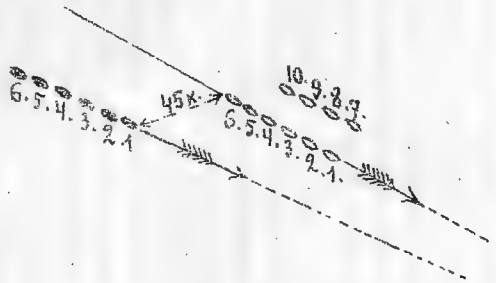




28 іюля 1904 г. V моментъ. №5.

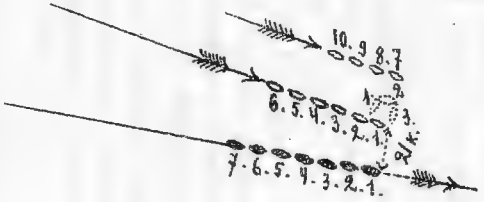
28 іюля. Около 6 час. пополудни. №6

28 Июля 1904г. V моментъ. №5.



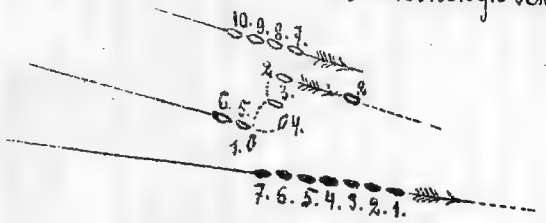
28 Іюля 1904г. Около 6 час. пополудни. №6.

Скученное по=
ложеніе русскихъ.

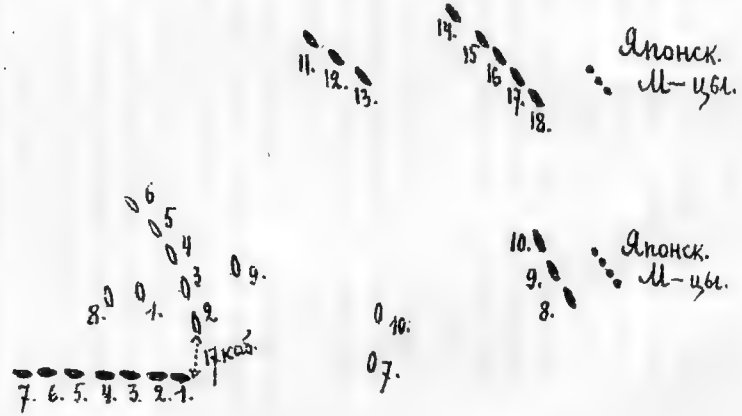


28 Іюля. 1904г. Послѣ 6 часовъ. №7.

Ретвизанъ бросается
на Японскую эскадру



№8.



Тихоокеанской эскадры, о предоставленіи ей возможности плавать, учиться, стрѣлять, маневрировать. Но всѣ, самыя настойчивыя просьбы ген.-ад. Алексѣева, назначеннаго вскорѣ намѣстникомъ, оставались безъ отвѣта и плодили только переписку, комиссіи, совѣщанія, командировки и т. д. Сооруженіе желѣзной дороги вызвало не ускореніе возведенія укрѣпленій вокругъ Портъ-Артура, не созданіе тамъ необходимыхъ для флота учрежденій, а еще болѣе частые наѣзды различныхъ техниковъ высшихъ званій, обозрѣвателей, контролеровъ и образованіе междувѣдомственныхъ комиссій. Объ докахъ шла переписка болѣе четырехъ лѣтъ. А кому же не извѣстно, что флотъ безъ доковъ есть только случайное оружіе. Съ постройкою флота мы запоздали, хотя ассигнованія на корабли были получены морскимъ министерствомъ. Построенные броненосцы новѣйшаго типа стояли въ бассейнѣ, въ такъ называемомъ вооруженномъ резервѣ. Это послѣднее обусловливалось экономіею въ расходованіи угля. Даже запасъ угля въ 1903 году былъ сдѣланъ мѣстнымъ начальствомъ съ превышеніемъ власти и квалифицировался преступленіемъ, такъ строго караемымъ по закону и всегда нетерпимымъ. Только война, начавшаяся черезъ полгода послѣ такого превышенія власти, оправдала мѣстное начальство. Владивостокъ въ іюлѣ 1903 г. былъ совершенно беззащитенъ со стороны Уссурійскаго залива. Объ этомъ я писалъ одному очень высокопоставленному лицу съ мѣста, прося его довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ. Генералъ Куропаткинъ былъ въ то же время во Владивостокѣ и конечно не могъ не знать во сто разъ болѣе меня о беззащитности этой нашей крѣпости, подвергшейся безнаказанной бомбардировкѣ въ февралѣ 1904 г. Зналъ конечно генералъ Куропаткинъ и всѣ дефекты Николаевска на Амурѣ и полнѣйшую беззащитность Сахалина.

И теперь, когда несчастія наши совершились, когда я перечитываю записки погибшихъ за честь родины, предупрежденія, просьбы и требованія пережившихъ бѣдствія осады и смертельныя опасности въ борьбѣ съ подготовленнымъ непріятелемъ, я удивляюсь не тому, что мы потеряли флотъ и Портъ-Артуръ, а тому, какъ долго и упорно защищались наши моряки на морѣ и на сушѣ.

Выше я приводилъ отзывъ покойнаго адмирала Макарова о состояніи Тихоокеанской эскадры. И въ самомъ дѣлѣ 28 іюля она маневрировала, подвергаясь обстрѣлу непріятеля, несмотря на то, что Витгефтъ только въ концѣ апрѣля вступилъ въ командованіе ею, а Того командовалъ и училъ свою семь лѣтъ къ ряду.

Было бы несправедливо ожидать, чтобы наша эскадра не замѣшалась въ критическій моментъ, когда ея головной корабль вышелъ изъ линіи, не предупредивъ остальные, покатился влѣво.

Скорѣе надобно удивляться и тому, что не произошло тараненія задними кораблями переднихъ, что нашлись командиры, рѣшившіеся пожертвовать кораблями, отчаянно бросившись подъ выстрѣлы и тараны цѣлой непріятельской эскадры.

Кое-какія традиціи Тихоокеанской эскадры стараго времени, отжившаго флота половины и конца минувшаго вѣка еще поддерживали духъ въ Портъ-Артурскихъ морякахъ, и онъ далъ имъ силы и бодрость продолжительное время спорить съ японцами за господство на морѣ. А духъ этотъ былъ завѣщанъ русскому флоту героями Севастопольской обороны, учениками славныхъ адмираловъ, лежащихъ въ храмѣ Св. Владиміра. Духъ этотъ жилъ и поддерживался тѣми, которыхъ обвиняютъ нынѣ во всѣхъ несчастіяхъ нашего погибшаго флота, не отличая дѣятельности начальства на мѣстѣ отъ бездѣятельности администраціи въ Петербургѣ.

И право не знаешь, кто выигралъ болѣе, кто счастливѣе: тѣ ли, исполнявшіе долгъ, которые убиты и утоплены или пощаженные судьбою, но преслѣдуемые клеветою и инсинуаціями?

А. Бѣломоръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Памяти В. И. Даля.

(По поводу 40 лѣтія его „Толковаго Словаря“).

Въ истекшемъ январѣ мѣсяцѣ исполнилось 40 лѣтъ, какъ явился на свѣтъ „Толковый Словарь“ Владиміра Ивановича Даля, употребившаго цѣлыхъ 47 лѣтъ на его составленіе. Будь это за границей, въ Германіи или во Франціи, имя Даля тотчасъ бы загремѣло на весь свѣтъ. А у насъ ни одинъ журналъ того времени не проронилъ ни слова, ни одинъ университетъ русскій не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду, за исключеніемъ Дерптскаго университета, который Далю за *русскій словарь* прислалъ латинскій дипломъ и нѣмецкую премію, учрежденную какою-то нѣмкою для наградъ за знаменитые успѣхи въ области языкознанія.

Первое къ себѣ сочувствіе трудъ Даля встрѣтилъ въ „Общ. Любителей Россійск. Словесности“, учрежденномъ при Московскомъ университетѣ. Въ засѣданіи его 25-го февраля 1860 г. была прочитана записка Даля, что имъ сдѣлано по обработкѣ Словаря. Общество подъ пресѣдательствомъ А. С. Хомякова предложило найти средства для изданія „Словаря“. Членъ названнаго общества—А. И. Кошелевъ далъ необходимыя на это дѣло 3.000 руб. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, служившій въ 1840-хъ годахъ при графѣ Перовскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, въ 1862 г. докладывалъ Императору Александру II о напечатанныхъ Далемъ „Пословицахъ Русскаго народа“ и о составленіи имъ первой половины „Толковаго Словаря“. Государь, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, пожаловалъ составителю „Словаря“, собирателю „Пословицъ“ и знаменитому русскому писателю, анненскую звѣзду, а въ 1864 г. по выходѣ въ свѣтъ перваго тома „Толковаго Словаря“ (буквы А—З) Его Величеству угодно было всѣ издержки по изданію „Словаря“ принять на свой счетъ. Когда „Словарь“ былъ конченъ печатаніемъ, покойный М. П. Погодинъ писалъ Академіи

Наукъ: „Словарь Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немыслима. Но вакантныхъ мѣстъ нѣтъ. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій, кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій займетъ первую, какая откроется, вакансію".

Жребій академики бросать отказались, зато единогласно избрали В. И. Даля въ свои почетные члены. Затѣмъ Академія присудила „Толковому Словарю" Ломоносовскую премію, разборъ „Словаря" составлялъ Я. К. Гротъ. Кромѣ того академикомъ Шренкомъ была составлена записка о зоологическихъ названіяхъ въ „Словарѣ", а академикомъ Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ.

Императорское Географическое Общество, мысль о созданіи котораго возникла въ сороковыхъ годахъ на вечерахъ у Даля, увѣнчало его трудъ Константиновскою золотою медалью. Разборы, по порученію этнографическаго отдѣленія Географическаго Общества, были написаны академикомъ Срезневскимъ и членами общества Савваитовымъ и Пыпинымъ. По поводу послѣдняго разбора Даль напечаталъ въ концѣ своего „Словаря"—„Отвѣтъ на приговоръ", въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Все это я написалъ, не видавъ разбора г. Пыпина, на который этнографическое отдѣленіе ссылается; разспросы мои наконецъ объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣнія о томъ, на какія именно слова моего „Словаря" разборщикъ ссылается. Онъ приводитъ ихъ всего только три, говоря: „гармонію онъ (Даль) переводитъ: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, автоматъ—*живуля*, и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ, разборщикъ говоритъ „рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія". Если бы до времени открыто было въ „Словарѣ" моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно не моего сочиненія; можетъ быть оно не печаталось доселѣ, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье. Второе слово *живуля* также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на этотъ разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано въ „Словарѣ" моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и при томъ

напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидитъ живая живуличка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мясцо* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ, какъ автоматъ, взято изъ устъ народа. Мужикъ разсказывалъ, что видѣлъ *живулъ*, въ томъ числѣ и Наполеона (въ ярмарочномъ балаганѣ восковыхъ фигуръ); другой спросилъ, ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: „такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ живулю, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна, на кругахъ". Вотъ откуда я взялъ значенье этого слова и за всѣмъ тѣмъ при переводѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*; правда, слово моего сочиненія, но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ подъ буквою *л*, а оно поставлено только какъ объяснительное при словѣ *гимнастика* и при томъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ, на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованія, и при томъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что „*онъ* (Даль) *ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія*". Свою отповѣдь г. Пыпину кончалъ Даль такъ: „Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ честнаго человѣка, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ не однимъ, и даже не тремя примѣрами, что „Даль ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненія", либо объявитъ, что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ. Это было напечатано въ январѣ 1867 г. и съ тѣхъ поръ А. Н. Пыпинъ не доказалъ и не сказалъ, что онъ ошибся.

Чтобы лучше показать, до какой степени Далемъ были изучены мѣстные говоры, разскажемъ слѣдующее: пріѣхавъ однажды на званый обѣдъ на дачу по недоразумѣнію ранѣе, чѣмъ былъ назначенъ обѣденный столъ, Даль засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Чтобы имъ не мѣшать, онъ вышелъ въ палисадникъ, предъ которымъ стоялъ сборщикъ на построеніе храма, бѣлокурый монахъ, съ книжкою въ черномъ чехлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Даль его спросилъ, изъ какого онъ монастыря?

— Соловецкаго, родненькій,—отвѣтилъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерніи?—сказалъ Даль, зная, что „родимый," „родненькій" одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и пониклымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненькій, тамо-ти въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда,—замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги...

— Не погубите.

Оказалось, что это былъ бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подъ видомъ соловецкаго монаха.

Писатель П. Мельниковъ (Печерскій) писалъ, что когда онъ былъ начальникомъ статистической экспедиціи въ Нижегородской губерніи, „я познакомилъ всѣхъ членовъ съ В. И. Далемъ. Въ 1852 и 53 годахъ мы объѣхали всѣ 3.700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ, составленной мною и Н. А. Милютинымъ, подъ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня и каждаго изъ членовъ предъ каждою поѣздкою В. И. Даль просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры. „А главное, говаривалъ онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье" и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Даля „О нарѣчіяхъ русскаго языка". Въ нѣсколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ было замѣчено дзяканье, господство послѣ *а* звука *у*, замѣняющаго *о*, *в* и даже *л*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (ѣ, я, ю) въ твердыя гласныя (а, у) и измѣненіе буквъ *г*, *к*, въ косвенныхъ надеждахъ на *з* и *ц*.

— Это Бѣлоруссы. Это та же Мензелинская шляхта,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подъ рукой. Поискали и нашли, что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена Литва, т. е. собственно говоря бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то, что дзякающихъ лукояновцевъ окрестные жители зовутъ „панами", а иногда „панскими".

Даль, служа при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра, гдѣ жилъ и самъ министръ. Даль и Надеждинъ (тотъ самый профессоръ Московскаго университета, который былъ сосланъ въ Устьсысольскъ за напечатанье писемъ Чаадаева въ „Телескопѣ" и возвращенный изъ ссылки по ходатайству Перовскаго) вели

самыя важныя дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ нерѣдко помимо даже подлежащихъ департаментовъ. Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ, всеподданнѣйшіе доклады и всѣ записки, предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ.

Всѣ знали, что значитъ Даль для министра, и потому неудивительно, что губернаторы и другія важныя лица, служившіе подъ начальствомъ Перовскаго, взбирались по 90 ступенямъ въ квартиру В. И. Даля; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. Зато всякій даже безъизвѣстный человѣкъ, если приносилъ Далю нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, былъ принимаемъ съ самымъ теплымъ радушьемъ въ его семействѣ. Но такому гостю здѣсь не давали заикнуться о службѣ или дѣлахъ. Даль успѣвалъ удѣлить время и на веденіе записокъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, обо всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ, въ Оренбургѣ и Петербургѣ.

Въ этихъ запискахъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ; дѣйствія графа Блудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій патріаршій престолъ католикоса Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло эмиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищеніи денегъ въ Комитетѣ о раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и кн. Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убійствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковъ Симбирской губ. крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и проч. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоего пола. Словомъ, эта была полная лѣтопись за цѣлыя 15 лѣтъ (1833—1848 г.). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, а также все, что дѣлалось въ Академіи Художествъ и дирекціи Императорскихъ театровъ.

Въ 1848 г. гр. Л. А. Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловымъ и Нессельроде, сказалъ однажды Далю: „До меня дошли слухи, которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону... Что у васъ за собранія по четвергамъ и какія записки вы пишете?“ Даль съ полною откровенностью разсказалъ все графу Перовскому, которому записки были извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненія.

Министръ удовольствовался объясненіемъ, но сказалъ: „Надобно быть осторожнѣе“. Съ того дня четверги прекратились, а драгоцѣнныя записки для исторіи погибли въ каминѣ. Съ окончаніемъ изданія „Словаря“ В. И. Далемъ, долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на его здоровье. Сознавая это, онъ началъ писать „Картины русскаго быта“, которыя явились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1867 и 1868 годовъ и „Бытописаніе“ для народнаго чтенія.

„Бытописаніе“—это Моисеево Пятикнижіе, изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простонародья. Даль имѣлъ также намѣреніе передать Евангеліе на языкѣ простонародья, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и при томъ буквально. Переведенная такимъ образомъ XIII глава Евангелія Матѳея находилась въ рукописи въ собраніи М. П. Погодина.

„Бытописаніе“ Даля прошло много мытарствъ по цензурамъ. Смущало многихъ то, что вмѣсто непонятной народу „скиніи“, у него стояла палатка, шатеръ; вмѣсто „брада Аарона“—Ааронова борода; вмѣсто „стана израильскаго“ (въ пустынѣ)—еврейскій таборъ. Другіе недоумѣвали, возможно ли допустить лютеранину поучать православный народъ.

Третьи находили несогласіе съ хронологіей LXX толковниковъ. Даль сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезли. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись Даля пролежала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали и возвратили автору безъ отказа и безъ приказа. Въ 1869 г. рукопись „Бытописанія“ была переправлена въ Петербургъ; здѣшняя духовная цензура одобрила ее къ напечатанію, но „Бытописаніе“ осталось все-таки ненапечатаннымъ, хотя одно лицо бралось его издать даже съ картинами. Предъ кончиной В. И. Даль свое „Бытописаніе“ передалъ въ рукописи своей свояченицѣ Н. Л. Соколовой.

Въ молодости своей В. И. Даль, по настояніямъ Пушкина, написалъ драматическое произведеніе „Ночь на распутіи или утро вечера мудренѣе“. Содержаніе его фантастическое. Даль разсказывалъ, что Глинка не разъ ему говорилъ, что послѣ „Руслана и Людмилы“ онъ непремѣнно примется за „Ночь на распутіи“. Въ 1859 г. это произведеніе В. И. Даля, названное „оригинальнымъ водевилемъ“, было поставлено на сценѣ Александринскаго театра. Къ довершенію всего дирекція изъ „Ночи на распутьи“ сдѣлала нѣчто въ родѣ балаганнаго представленія. Сцены русалокъ на озерѣ;—превращеніе Оборотня въ зайца, въ полетушку, въ сороку;—наводненіе покоевъ княжняго родича Весны водою текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвушки; Лѣшій, идущій въ лѣсу вровень съ деревь-

ями, а полемъ вровень съ травою; — круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ;—Водяной съ русалками; затопляющіе лѣсъ и проч.—все это дирекція могла бы, если бы хотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени мерзко, что глядя на сцену не вѣрилось, что это Императорскій театръ, а не ярмарочный балаганъ. Разумѣется такой водевиль не имѣлъ успѣха, а авторъ его, жившій въ Нижнемъ, даже не зналъ, что ставятъ его произведеніе. Фактъ этотъ лучше всего рисуетъ понятіе о степени добросовѣстности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ заправилами русской сцены, которымъ являлся незабвенный П. С. Федоровъ. Узнавъ о постановкѣ своей „Ночи на распутіи“, В. И. Даль хотѣлъ было протестовать,—но какъ и кому? При томъ же дѣло сдѣлано; нарядивъ пьесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла уронить поэтическое произведеніе. Бѣдный В. И. Даль, такъ поступали съ нимъ при жизни, а послѣ его смерти зачѣмъ же церемониться было и съ его „Словаремъ“; но время возьметъ свое—и пьеса Даля и его „Словарь“ несомнѣнно воскреснутъ и оживутъ въ умѣлыхъ рукахъ.

И. Н. Божеряновъ.

Изъ жизни нашего духовенства.

„Горько, отецъ!“

Съ 1866 по 1878 годъ Владимірскую каѳедру занималъ архіепископъ Антоній (Павлинскій) [1]), отличавшійся замѣчательною добротою, отзывчивостью къ чужому горю и снисходительностью къ слабостямъ другихъ.

Намъ привелось слышать во владимірской губерніи такой случай съ архіепископомъ Антоніемъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ владыка поѣхалъ по епархіи, избравъ для осмотра монастырей и церквей болѣе отдаленные приходы, расположенные по сосѣдству съ Костромской губерніей. Конечно, консисторія не замедлила сообщить благопріятелямъ маршрутъ архіерея, который какимъ-то образомъ узналъ о такомъ нарушеніи канцелярской тайны и перехитрилъ консисторію: изъ г. Шуи онъ свернулъ съ главнаго почтоваго тракта и углубился въ сторону отъ него, въ самую глушь Шуйскаго уѣзда, обозрѣвая по пути сельскія церкви, говоря поученія и вездѣ бесѣдуя съ сельскимъ причтомъ.

Стояло страшно жаркое и сухое лѣто. Владыка былъ недалеко отъ большого села N, расположеннаго при сплавной рѣкѣ, въ живописной мѣстности. Въ N была старинная, каменная, 3-хъ престольная церковь съ отдѣльной высокой колокольней. Настоятелемъ церкви былъ молодой священникъ, отецъ Петръ, года два—три передъ тѣмъ окончившій Владимірскую семинарію. Часа за два до пріѣзда владыки, въ N прискакалъ верховой, посланный изъ

---

[1]) Архіепископъ Антоній родился въ Костромской губерніи въ селѣ Притыкахъ; въ мірѣ Александръ Ивановичъ. Онъ былъ ректоромъ Новгородской семинаріи, въ 1852 году возведенъ въ санъ епископа Острогожскаго, викарія Воронежской епархіи; съ 1853 г. епископъ Старорусскій; съ 1854—Архангельскій, съ 1857—Нижегородскій, съ 1860 г. архіепископъ Волынскій, съ 1862—Владимірскій, † 1878 г. 29 апрѣля.

сосѣдняго села тамошнимъ священникомъ, который приходился тестемъ отцу Петру. Верховой вручилъ ему записку, въ которой тесть наскоро писалъ отцу Петру, чтобы онъ приготовился къ встрѣчѣ владыки, желающаго быть въ N подъ вечеръ того же дня.

Само собою разумѣется, что отцу Петру предстояло много хлопотъ. „Матушкѣ“ онъ приказалъ приготовить къ вечеру чай, яицъ, сметаны, творогу, однимъ словомъ, всего того, что было въ ихъ небольшомъ хозяйствѣ. „Кромѣ того“, прибавилъ онъ, собираясь идти въ церковь, „ты, Надя, сдѣлай вотъ что. Живя во Владимірѣ, я слышалъ, что нашъ милостивый владыка на счетъ водочки—ни-ни: самъ не пьетъ и не любитъ, когда и другіе ее употребляютъ, но вино отъ лозы виноградной вкушаетъ во славу Божію. Такъ вотъ что: помнишь, къ своимъ именинамъ я привезъ изъ Шуи бутылку хереса; ты ее принеси изъ погреба и угости владыку; кажется, осталось еще пол-бутылки, а много ли ему нужно!“

Отецъ Петръ поспѣшилъ въ церковь и все приготовилъ для встрѣчи архіерея; приказалъ, во время трезвона, зажечь свѣчи у иконъ, разложилъ въ порядкѣ метрическія книги, приготовилъ облаченіе и велѣлъ пономарю караулить пріѣздъ архіерея и трезвонить, какъ только карета его покажется въ околицѣ села.

Архіепископъ Антоній пріѣхалъ въ N, какъ обѣщалъ, къ вечеру, осмотрѣлъ церковь и книги, сказалъ краткое поученіе и благословилъ собравшійся въ церковь народъ. Онъ уже собрался ѣхать дальше, когда отецъ Петръ сталъ убѣдительно просить пожаловать въ церковный домъ откушать чаю и осчастливить причтъ своимъ вниманіемъ.

— Спасибо, отецъ; съ готовностью посѣщу твою хату,—отвѣчалъ владыка.—Ужъ жарко сегодня очень, изморился я совсѣмъ и съ удовольствіемъ освѣжусь чайкомъ.

Владыка Антоній благословилъ жену отца Петра, немножко пошутилъ съ ней, смотря своими кроткими и вдумчивыми глазами на раскраснѣвшееся лицо хозяйки. Онъ почти ничего не ѣлъ, но за-то охотно пилъ чай. Хозяинъ, попросивъ позволенія у владыки, налилъ ему рюмку хересу, прося его хотя бы пригубить. Антоній, немного отхлебнувъ изъ рюмки, взглянулъ на отца Петра и сказалъ съ усмѣшкой:

— „Кисло, отецъ!“

Хозяинъ и хозяйка переглянулись. У обоихъ мелькнула мысль о свадебномъ вечерѣ, когда гости, выпивая за здоровье молодыхъ,

громогласно кричали: „горько, горько!“ Недолго думая, отецъ Петръ, вопросительно посмотрѣвъ на архіерея, поцѣловалъ жену. Владыка изумленно взглянулъ на супружескую чету и только слегка усмѣхнулся.

Послѣ чая повторилось то же самое. Архіепископъ Антоній, „пригубивъ“ изъ рюмки, снова сказалъ: „кисло, отецъ!“, а священникъ снова расцѣловалъ свою молодую супругу.

Уѣзжая, владыка благодарилъ отца Петра за порядокъ и чистоту въ церкви, за аккуратное веденіе метрическихъ книгъ и за угощеніе.

О. Петръ разсказалъ женѣ содержаніе поученія, сказаннаго архіепископомъ, а потомъ они оба посмѣялись надъ выдумкой добродушнаго владыки, заставившаго ихъ два раза поцѣловаться.

— Да почему же это, мать, владыка говорилъ: „кисло“, а не горько, какъ это, обыкновенно, принято? Вотъ этого-то я совсѣмъ не понимаю!

— Ну, такъ случилось; да и забылъ, вѣрно, владыка, что именно нужно говорить въ этихъ случаяхъ,—отвѣчала попадья, убирая посуду и угощенье.

Отецъ Петръ ходилъ по комнатѣ въ радостномъ настроеніи, напѣвая пасхальные ирмосы. Остановившись у стола, онъ взялъ рюмку, изъ которой пилъ архіерей, и покачалъ головой.

— Даже одной рюмки не выпилъ владыка, а насъ только сконфузилъ, заставивъ цѣловаться въ своемъ присутствіи. Ну, такъ я выпью за его здоровье.

И отецъ Петръ выпилъ вино, но сейчасъ же выплюнулъ и схватился за голову.

— Ну, мать, осрамила и безъ ножа зарѣзала! Вѣдь, ты перепутала бутылки и, вмѣсто хереса, принесла бутылку съ уксусомъ.

Картина.

Сообщ. А. Сергѣевъ.

Среди парижскихъ эмигрантовъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Сколько разъ я ни возвращался въ Парижъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго отсутствія изъ него, но когда поѣздъ наконецъ останавливался въ грандіозномъ вокзалѣ „Gare du Nord“ и вдоль вагоновъ раздавался голосъ кондуктора: „Парижъ! Всѣ выходятъ“, мною всегда овладѣвалъ нервный подъемъ чувствъ, при мысли, что я опять дышу однимъ воздухомъ съ парижанами, этимъ удивительнымъ населеніемъ, испытавшимъ на протяженіи своей исторіи столько трагическаго и великаго. И выйдя на платформу, откуда черезъ высокія окна вокзала обрисовываются характерные контуры парижскихъ домовъ, я стою точно ошеломленный, охваченный наплывомъ воспоминаній, образовъ, особаго свойства впечатлѣній, какихъ-то острыхъ и тонкихъ ощущеній, точно вливаемыхъ въ атмосферу Парижа, вѣчно бьющимъ въ немъ ключемъ напряженной колоссальной работы ума и таланта милліоновъ культурныхъ существъ...

Парижъ отличается отъ прочихъ столицъ тѣмъ, что онъ точно задался цѣлью походить на каждую изъ нихъ въ отдѣльности, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался городомъ космополитическимъ, по преимуществу, излюбленнымъ иностранцами, которые притекаютъ въ его стѣны со всѣхъ концовъ свѣта и тотчасъ же чувствуютъ себя здѣсь какъ дома. Въ немъ найдутся памятники и слѣды пребыванія великихъ людей всѣхъ національностей. Онъ представляетъ собой какъ бы всесвѣтный музей, заключающій образчики какъ цивилизаціи, такъ и варварства всѣхъ земныхъ племенъ.

Этотъ космополитизмъ Парижа, сдѣлавшій его сосредоточеніемъ общечеловѣческаго прогресса, заслужилъ ему кличку „мірового мозга“. Это названіе оправдывается тѣмъ, что въ Парижѣ можно

встрѣтить учениковъ, послѣдователей и фанатиковъ всѣхъ міровыхъ идей, интересовъ, искусствъ и религій.—И если далѣе продолжить это сравненіе, можно еще сказать, что мозгъ этотъ заключенъ въ черепѣ, орошенномъ живительною кровью. Новый Галль, который вздумалъ бы изучить этотъ громадный черепъ, именуемый городомъ Парижемъ, могъ бы по существованію того или другого квартала, того или другого памятника заключить о возникновеніи и развитіи тѣхъ или другихъ идей и промышленностей, имѣющихъ свое вѣрное отраженіе во внѣшнемъ планѣ и архитектурѣ города. Наука, торговля, трудъ и удовольствіе, все, что составляетъ предметъ человѣческой дѣятельности, имѣютъ въ Парижѣ свое опредѣленное мѣстонахожденіе, подобно тому или другому строенію черепа.

Вотъ почему Елисейскія поля, бульвары, Латинскій кварталъ вызываютъ въ умѣ представленіе не только объ извѣстныхъ находящихся въ нихъ зданіяхъ, но напоминаютъ о принципахъ существованія, послѣдователи которыхъ точно принадлежатъ къ различнымъ планетамъ. Такое распредѣленіе по разнымъ кварталамъ интеллигентной и общественной жизни Парижа придаетъ ему неизъяснимую прелесть, дающую возможность, смотря по настроенію, перенестись въ ту или другую мѣстность, вполнѣ соотвѣтствующую вашему чувству въ данную минуту. Такимъ образомъ вы встрѣтите въ Парижѣ рядомъ съ чудными дворцами и роскошными садами самыя мрачныя улицы и зловѣщіе притоны.

Эти общія замѣчанія быть можетъ не излишни, для того, чтобы объяснить, какъ въ Парижѣ могутъ уживаться самые разнообразные общественные элементы не только изъ мѣстнаго населенія, но и изъ иностранцевъ. Въ томъ числѣ можно указать и на русскую колонію, живущую и наѣзжающую въ Парижъ и состоящую изъ двухъ противоположностей. Въ то время какъ на Елисейскихъ поляхъ или въ окрестностяхъ Парижской Оперы можно встрѣтить представителей высшей петербургской и московской аристократіи, въ Латинскомъ кварталѣ, по ту сторону Сены, пріютились русскіе студенты и эмигранты, живущіе своей особенной жизнью, своими интересами, но имѣющіе свой вѣсъ и свое значеніе въ общемъ развитіи русской мысли и русской культуры.

При чемъ, какъ мы увидимъ дальше, эти два противоположные соціальные лагеря часто приходятъ въ соприкосновеніе то на политической, то на романической почвѣ, доказывая тѣмъ солидарность всѣхъ классовъ общества, несмотря ни на какіе сословные и условные застѣнки.

Въ этотъ уголокъ русскаго учащагося мірка я себѣ позволю ввести читателя.

Пріѣхавъ въ Парижъ въ 18** годахъ, я помѣстился въ меблированныхъ комнатахъ въ одномъ глухомъ переулкѣ Латинскаго квартала. Утромъ я едва проснулся и лежалъ на кровати, обдумывая программу дня, какъ кто-то энергично постучался въ дверь.

— Войдите! откликнулся я по-русски, въ смутномъ предчувствіи, что это былъ—онъ. И дѣйствительно это оказался онъ, хотя я его не зналъ и съ роду въ глаза не видалъ; тѣмъ не менѣе мы другъ на друга взглянули и поздоровались, какъ старые знакомые, и онъ тотчасъ же усѣлся около моей кровати. Такой случай бывалъ со мной уже много разъ въ жизни, куда бы ни закинула меня судьба, и я потому ничуть не удивился, откуда и какъ онъ могъ знать, что я пріѣхалъ, и что я приму его, какъ стараго знакомаго. Онъ являлся ко мнѣ то въ видѣ фактора, то учащагося, то интеллигента, то журналиста или торговца. Словомъ, это былъ представитель той сверхъ-націи, которая разбросана по всѣмъ уголкамъ обширнаго свѣта и которая, повидимому, создана, чтобы все знать, все контролировать и всѣмъ руководить.

— Моя фамилія Леви, объявилъ онъ,—я студентъ здѣшней медицинской школы и только что узналъ, что вы здѣсь остановились. Вы пріѣхали въ интересный моментъ. Завтра день ежегоднаго „пунша“, даваемаго въ честь Петра Лавровича Лаврова... Вы конечно пожелаете принять участіе... Билетъ для входа стоитъ всего 3 франка.

Я тотчасъ же покорно вынулъ 3 франка изъ кошелька и передалъ ихъ моему визитеру.

— Приходите завтра въ 8 часовъ вечера въ Salle des Conferences, rue Serpentine и спросите тамъ меня, сказалъ онъ, вставая. А пока до свиданія.

Мой гость ушелъ такъ же скоро, какъ и пришелъ.

Популярность П. Л. Лаврова среди тогдашней учащейся молодежи была большая, хотя далеко не такая, какъ Герцена, Тургенева или даже Крапоткина. Лавровъ въ сущности былъ весьма сухимъ теоретикомъ, своего рода педагогомъ отъ революціи, писалъ массу книгъ и брошюръ, статей въ газетѣ „Впередъ“ и другихъ нелегальныхъ органахъ, но въ его натурѣ не было ничего пророческаго, ничего такого, что увлекаетъ и вдохновляетъ молодежь. Тѣмъ не менѣе его квартира въ Латинскомъ кварталѣ въ rue St Jacques, составляла центръ политическихъ эмигрантовъ и русскаго студенчества, и каждый годъ день его рожденія шумно праздновался въ стѣнахъ какого-нибудь общественнаго зданія, гдѣ говорились рѣчи, читались адресы, привѣтствія и телеграммы.

Въ назначенный вечеръ я отправился по указанному адресу и съ трудомъ пробрался въ длинную залу, наполненную публикою, главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи. Виновникъ торжества еще не прибылъ, и я сѣлъ за столикомъ въ ожиданіи его прибытія.

Въ концѣ залы находилась эстрада со столомъ и стульями, гдѣ уже сидѣли выдающіеся представители русской эмиграціи. Много было еврейскихъ типовъ, и между ними мелькалъ и мой вчерашній знакомый г. Леви. Всѣ были возбуждены, говоръ по залѣ стоялъ неумолкаемый. Вдругъ около входа публика зашевелилась и разступилась, и показался старикъ усталаго вида съ длинными всклокоченными волосами и большой сѣдой бородой. Это былъ Лавровъ. Онъ пробрался къ эстрадѣ и усѣлся на предсѣдательское мѣсто. Началось чтеніе телеграммъ и адресовъ. Послѣ всякаго чтенія раздавались аплодисменты и клики одобренія. Содержаніе читаемыхъ привѣтствій было, по правдѣ сказать, довольно однообразно, составленное въ томъ приподнятомъ духѣ, въ которомъ уже столько лѣтъ и десятковъ лѣтъ излагаются въ нелегальной литературѣ „pia desideria“ русской революціи. Характерная черта этихъ пожеланій—это ихъ абстрактность отъ жизни и неопредѣленность политической программы „недовольцевъ“ всѣхъ лагерей, какъ можно бы ихъ назвать однимъ общимъ именемъ. Расплывчатость теоріи будущаго соціально-экономическаго строя русскихъ революціонеровъ, главная причина ихъ неуспѣшности въ проведеніи въ народное сознаніе, ихъ непримѣнимость къ живой дѣйствительности.

Сумма страданья, вложеннаго въ русскую революцію съ цѣлью обновленія принциповъ нашего управленія, конечно не меньше, чѣмъ тѣ жертвы, которыя принесла для той же цѣли великая французская революція. Но результатъ нашей революціи не можетъ сравняться съ той, именно, потому что наша революція не считалась ни съ историческими, ни съ экономическими фактами русской дѣйствительности и работала не столько для русскаго народа, сколько для отдаленнаго счастья всего человѣчества. А Пугачевъ и Стенька Разинъ всегда понятнѣе и ближе народу, чѣмъ Лассаль и Карлъ Марксъ.

Прослушавъ около часа такого чтенія и рѣчей и осушивъ мой бокалъ пунша въ честь маститаго революціонера, я протискался къ выходу и съ удовольствіемъ окунулся въ бурный потокъ парижской толпы.

При выходѣ я столкнулся съ К. М. Станюковичемъ, съ которымъ былъ знакомъ еще по Петербургу.

— Ну, какъ ваши дѣла?—поздоровался я съ нимъ, зная, что у него были какія-то непріятности съ русскимъ правительствомъ.

— Великолѣпно, отвѣчалъ онъ, смѣясь, я теперь такъ чистъ, что могу хоть въ государственную полицію поступить.

Больше я съ нимъ не встрѣчался и по газетамъ узналъ, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ спустя, какъ и слѣдуетъ бывшему моряку, въ дорогѣ, въ Неаполѣ...

Чтобы кончить съ личными воспоминаніями о П. Л. Лавровѣ, упомяну, какъ мнѣ пришлось зимой нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого вечера встрѣтить его похороны на бульварѣ Портъ-Рояль. Узнавъ о его смерти и днѣ похоронъ, я направился къ его квартирѣ, какъ вдругъ на бульварѣ встрѣтилъ небольшую толпу, державшую въ рукахъ красные флаги, среди которой медленно подвигались скромныя дроги съ поставленнымъ на нихъ чернымъ гробомъ. Это была погребальная процессія съ тѣломъ П. Л. Лаврова, направлявшаяся къ кладбищу Монъ-Парнасъ. Отъ времени до времени сопровождавшіе запѣвали революціонные напѣвы и махали флагами. Вдругъ нѣсколько полицейскихъ набросились на манифестантовъ и стали отбирать у нихъ флаги, а нѣкоторыхъ хватали и уводили въ участокъ.

По странному совпаденію, столь рѣдкій въ Парижѣ снѣгъ вдругъ показался именно въ это пасмурное зимнее утро, устилая дорогу тонкой бѣлой пеленой. Казалось, что далекая родина посылала свой прощальный привѣтъ старому русскому революціонеру...

Студенчество и эмигранты представляютъ почти слившуюся воедино колонію, живущую въ Латинскомъ кварталѣ по близости медицинской школы и Сорбонны. Случается довольно часто, что со временемъ легальные переходятъ въ нелегальные, а также и наоборотъ, какъ это было съ Львомъ Тихомировымъ, Дьяковымъ (Жителемъ), Павловскимъ-Яковлевымъ [1]) и другими. Особенно много шума произвело среди эмигрантовъ обращеніе Тихомірова, выпустившаго по этому случаю свою извѣстную брошюру: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“. Дѣло въ томъ, что перемѣна въ убѣжденіяхъ революціоннаго дѣятеля, подобнаго Тихомірову, фактъ, который затрогиваетъ не только его личную судьбу, но всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя прониклись его вѣрой и убѣжденіями и часто пострадали изъ-за этого. Г. С. Жебуневъ, бывшій политическій ссыльный, разсказываетъ интересный и трагическій случай, происшедшій въ далекихъ сибирскихъ тундрахъ и явившійся прямымъ послѣдствіемъ перемѣны убѣжденій Тихомірова.

— Въ Тобольской губерніи, въ Туранской тюрьмѣ, въ камеру политическаго ссыльнаго Константина Стери, зашелъ тобольскій

---

[1]) Судился по процессу 193-хъ.

губернскій прокуроръ и ехидно замѣтилъ: ну, вотъ прочитайте произведеніе вашего славнаго Льва Тихомірова. При этихъ словахъ онъ вручилъ Стери „Московскія Вѣдомости“ со статьей Льва Тихомірова. Имя послѣдняго высоко цѣнилось въ революціонныхъ кругахъ. Сидя въ тюрьмѣ далекаго сибирскаго города, Стери ничего не зналъ о той эволюціи, которая совершилась въ головѣ г. Тихомірова. Левъ Тихоміровъ извѣстенъ былъ Стери, какъ редакторъ революціоннаго органа „Вѣстникъ Народной воли“. Статья Тихомірова какъ громомъ поразила Стери, и онъ, не долго думая, по уходѣ прокурора повѣсился. Къ счастью веревка не выдержала грузнаго тѣла Стери, и онъ съ грохотомъ сорвался съ петли. На шумъ прибѣжалъ тюремный надзиратель и засталъ Стери въ безчувственномъ состояніи.

Другой ссыльный Лебедевъ, находясь въ Сибири, былъ такъ пораженъ слухами объ обращеніи Тихомірова въ легальные, что ему захотѣлось непремѣнно лично провѣрить ихъ. Онъ убѣгаетъ и пріѣзжаетъ въ Парижъ. Узнавъ адресъ Льва Тихомірова, онъ направляется къ нему. Съ трепетомъ онъ подходилъ къ квартирѣ Тихомірова. На звонокъ дверь отворилъ самъ хозяинъ. Когда Лебедевъ объяснилъ ему цѣль своего прихода, тотъ сталъ на него кричать.

— Оставьте меня въ покоѣ, я всѣмъ уже объявлялъ, что не хочу больше имѣть дѣла съ вашимъ братомъ.

Лебедевъ, какъ ошпаренный, вылетѣлъ изъ квартиры г. Тихомірова.

Въ оправданіе г. Тихомірова нужно сказать, что для многихъ эмигрантовъ изгнаніе превращается въ глубокую душевную муку, которую люди безъ желѣзнаго характера не способны вытерпѣть. Объ этой тоскѣ по родинѣ часто говорилъ самъ Герценъ, живя за границей. „Хотя въ тюрьмѣ, да на родинѣ“, говорятъ многіе эмигранты и возвращаются въ Россію, чтобы отдаться въ руки полиціи. Къ тому же для большинства студенчества, не говоря уже объ эмигрантахъ, условія жизни на чужбинѣ матеріально очень тяжелы. Студенты и студентки большею частью дѣти бѣдныхъ родителей, получающіе весьма скудныя средства на проживаніе въ Парижѣ. На эти средства нужно платить за ученье, за квартиру и за столъ. Квартира большею частью нанимается на общія средства и набивается возможно большимъ количествомъ жильцовъ. Этимъ достигаются двѣ цѣли: теплота помѣщенія, нагрѣваемаго даровой теплотой, испускаемой тѣломъ проживающихъ, и дешевизна. Парижская короткая зима при всей ея мягкости переносится русскими гораздо труднѣе, чѣмъ русскіе долгіе холода, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ печей и двойныхъ рамъ въ окнахъ. Поэтому жильцы съ са-

маго утра спѣшатъ покинуть квартиру, ища пріюта въ дешевыхъ кофейняхъ, въ публичныхъ библіотекахъ или въ помѣщеніи болѣе счастливаго товарища, пользующагося теплой комнатой.

За то ночью студенческая квартира имѣетъ видъ ночлежнаго дома. Однажды въ одной изъ такихъ квартиръ пріютился какой-то бѣглецъ изъ Россіи, бывшій военный, лишенный всякихъ средствъ, и такъ какъ не имѣлось ни лишней кровати, ни дивана, то каждый вечеръ для него снимали съ петель дверь гостиной комнаты и укладывали на стулья, и на этомъ своеобразномъ ложѣ онъ устраивалъ себѣ кровать. Не имѣя возможности долѣе существовать, онъ наконецъ по совѣту кого-то вступилъ въ иностранный легіонъ, имѣющій свое пребываніе въ Алжирѣ, куда принимаютъ всѣхъ желающихъ, и въ одинъ прекрасный день, получивъ прогоны изъ военнаго министерства, изчезъ навсегда изъ студенческой квартиры, послѣ чего двери было возвращено ея вертикальное положеніе. Другимъ капитальнымъ вопросомъ въ жизни студента—вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Какъ ни дешевы бываютъ въ Парижѣ завтраки и обѣды въ маленькихъ ресторанахъ, прозванныхъ парижанами „буи-буи“ или въ такъ называемыхъ „кремри“, но и этотъ расходъ часто превышаетъ бюджетъ студента, особенно если бываетъ почему-нибудь задержка съ заказнымъ письмомъ изъ родного угла.

Поэтому студенту необходимъ въ этомъ отношеніи кредитъ, а этого не такъ-то легко найти.

Въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ Латинскомъ кварталѣ появился неизвѣстно откуда и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, настоящій русскій кухмистеръ, задавшійся благою мыслью открыть русскій ресторанъ для господъ студентовъ. Лишне сказать, что появленіе этого оригинальнаго благодѣтеля было весьма сочувственно встрѣчено голодною учащеюся братіею. За нѣсколько мѣдяковъ можно было получить нѣкоторое подобіе русскихъ блюдъ, къ тому же охотно отпускаемыхъ добродушнымъ хозяиномъ въ кредитъ. Порфирій Алексѣевичъ—такъ его звали, любилъ студентовъ главнымъ образомъ, потому, что могъ съ ними отвести душу и говорить по-русски, такъ какъ французскій языкъ ему не давался. При таинственномъ прошломъ, о которомъ онъ не распространялся, онъ не былъ лишенъ юмора. Такъ, когда его спрашивали, зачѣмъ и откуда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, онъ отвѣчалъ, что виною тому былъ исключительно извѣстный политическій дѣятель Дегаевъ, убійца Судейкина. Полиція, чтобы отыскать Дегаева, расклеила по всей Россіи его портретъ въ шести видахъ съ обѣщаніемъ выдать премію въ 10.000 рублей тому, кто его найдетъ. А такъ какъ, заклю-

чалъ Порфирій Алексѣевичъ, я по наружности, какъ оказалось, очень походилъ на Дегаева, то со времени опубликованія его портрета мнѣ прохода не давали. Какъ выйду на улицу, сейчасъ то городовой схватитъ за шиворотъ и поведетъ въ участокъ, то купецъ, то господинъ; разъ десять потерпѣлъ такую непріятность. Наконецъ, мнѣ это надоѣло, взялъ и пріѣхалъ сюда со всѣми пожитками. Слава Богу, здѣсь хотя въ покоѣ оставили. Его такъ и прозвали Дегаевымъ, а кто-то утверждалъ, что это дѣйствительно былъ доподлинно неуловимый Дегаевъ, весьма остроумно придумавшій исторію о своемъ сходствѣ съ революціоннымъ героемъ.

Въ обѣденный часъ въ русскомъ ресторанѣ собирались студенты и студентки, чувствуя себя здѣсь какъ дома, такъ какъ рѣдкій французскій рабочій или мелкій служащій заглядывалъ сюда. Но однажды обыкновенно тихій ресторанчикъ сдѣлался мѣстомъ весьма романическаго происшествія.

Нѣкій студентъ-кавказецъ красивой наружности, приходившій аккуратно въ обѣденный часъ всегда одинъ, вдругъ сталъ посѣщать ресторанъ въ обществѣ очень красивой дѣвушки, изящно одѣтой и повидимому не принадлежавшей къ студенческому кружку. Дѣвушка конфузилась и вообще, казалось, чувствовала себя, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ, хотя никакого протеста не выражала и весьма охотно и даже нѣжно бесѣдовала въ полъ-голоса со своимъ сотоварищемъ. Студенты, которые всегда боятся „чужихъ“ людей даже въ видѣ хорошенькихъ дамъ, навели справки насчетъ хорошенькой незнакомки и ея спутника. Какъ оказалось, это знакомство разыгралось на революціонно-романической подкладкѣ. Кавказецъ былъ студентъ парижской, т. н. „Химической школы“, и какъ многіе студенты, подыскалъ себѣ уроки въ богатомъ русскомъ семействѣ, живущемъ по ту сторону Сены. Его пригласили подготовить мальчика по математикѣ и физикѣ для поступленія въ гимназію. Дѣвушка была сестрой мальчика. Встрѣчая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ учителя своего младшаго брата у себя дома, она имъ увлеклась, также его идеями, и все дѣло кончилось тѣмъ, что она пожелала выйти за него замужъ. Не получивъ на это согласія родителей, дѣвушка сбѣжала изъ дому со студентомъ и присоединилась къ учащейся молодежи. Она поступила на медицинскіе курсы, и впослѣдствіи можно было ее встрѣтить на студенческихъ сходкахъ, а также въ русской библіотекѣ. Чѣмъ кончилась ея судьба, для меня осталось неизвѣстнымъ.

Событія въ Россіи имѣютъ всегда свой отголосокъ среди студенчества. Такъ, когда умеръ Н. Г. Чернышевскій, студенты устроили по этому случаю вечеръ съ чтеніемъ и рѣчами. Въ нанятомъ по-

мѣщеніи была устроена эстрада, на которой былъ установленъ портретъ Чернышевскаго. Нѣкоторые эмигранты выступали по очереди на эстрадѣ, сообщали подробности изъ его жизни, литературной и политической дѣятельности, а также говорили рѣчи по поводу его смерти. По этимъ рѣчамъ легко было судить объ огромномъ вліяніи, которое имѣлъ Чернышевскій на молодежь, несмотря на то, что онъ сошелъ съ активной сцены уже много лѣтъ. Теперь намъ кажется страннымъ, что Чернышевскій, будучи по натурѣ прежде всего вдумчивымъ экономистомъ, публицистомъ и литераторомъ, стяжалъ въ бюрократическихъ сферахъ репутацію опаснаго революціоннаго дѣятеля. Все его дальнѣйшее отношеніе къ власти, послѣ своего ареста, даже отказъ отъ бѣгства, показываетъ, что его участіе въ революціонной дѣятельности было идейное, но не активное. Тяжелая кара, его постигшая, была внушена правительству его моральнымъ вліяніемъ на молодежь и близостью къ болѣе активнымъ дѣятелямъ революціи. Опредѣленный обликъ Чернышевскаго, какъ „учителя“, и безкорыстнаго защитника народныхъ интересовъ, поставилъ его на ту высокую ступень преданности и уваженія къ нему молодежи 60-хъ годовъ, до которой дошли немногіе русскіе политическіе дѣятели.

Одинъ изъ ораторовъ на указанномъ вечерѣ выразился такъ: Россія—страна, гдѣ все происходитъ гдѣ-то въ подпольѣ, точно подъ землей. Николай Гавриловичъ освѣтилъ это темное царство свѣточемъ своего правдиваго слова... Онъ указалъ намъ выходъ изъ царства тьмы... Въ этомъ его слава, въ этомъ его незабвенная заслуга передъ интеллигентной Россіей...

Говоря о русскомъ студенчествѣ въ Парижѣ, нельзя не упомянуть о русской библіотекѣ, основанной отчасти на средства И. С. Тургенева, имя котораго ей присвоено, и помѣщавшейся въ то время въ улицѣ la Glacière. Впрочемъ, какъ многія другія русскія библіотеки, разбросанныя въ разныхъ городахъ запада, парижская библіотека представляла изъ себя довольно печальный видъ. Всего двѣ комнаты на отдаленной улицѣ, грязноватыя и плохо освѣщенныя. На стѣнахъ висятъ портреты нѣкоторыхъ нашихъ извѣстныхъ писателей, а также революціонныхъ дѣятелей. Рядомъ съ ними прикрѣплены бумажки съ предложеніемъ уроковъ и переводовъ. Посѣтителей рѣдко бываетъ много, хотя петербургскія и московскія редакціи газетъ и журналовъ очень любезно и безвозмездно доставляютъ въ библіотеку экземпляры своихъ изданій.

Однажды зайдя вечеромъ въ эту библіотеку, я засталъ въ читальнѣ г. Леви съ какимъ-то молодымъ брюнетомъ, на котораго я не обратилъ, однако, особеннаго вниманія. Нѣсколько дней послѣ

этого въ Парижѣ случилось громкое убійство жандармскаго генерала Селиверстова именно этимъ брюнетомъ, оказавшимся Подлевскимъ. Какъ извѣстно, совершивъ убійство, Подлевскій нашелъ пріютъ у французскихъ журналистовъ, особенно у писательницы г-жѣ Северинъ, давшихъ ему возможность перебраться въ Америку. Какъ разсказывалъ Подлевскій, Селиверстовъ хотѣлъ его подкупить, чтобы онъ указалъ ему русскихъ революціонеровъ, и съ этой цѣлью, сидя за письменнымъ столомъ, открылъ передъ нимъ ящикъ, наполненный деньгами. Въ эту минуту онъ въ него выстрѣлилъ и сейчасъ пустился бѣжать. Онъ больше всего боялся, чтобы не подумали, что онъ въ какой-нибудь долѣ воспользовался деньгами Селиверстова. Впослѣдствіи Подлевскій кончилъ жизнь въ Америкѣ самоубійствомъ.

Для большинства русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся въ Парижѣ, политика занимаетъ однако весьма второстепенную роль въ ихъ заботахъ. Несмотря на близкое общеніе съ эмиграціоннымъ элементомъ, студенчество преслѣдуетъ свою цѣль, т. е. полученіе докторскаго диплома съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и самоотверженностью. Тотъ, кто видѣлъ, при какихъ условіяхъ достигается эта цѣль, какими лишеніями она сопровождается, тотъ долженъ согласиться, что докторскій дипломъ парижской медицинской школы является результатомъ высоко-нравственнаго подвига.

Алексѣй Плетневъ.

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Изъ записокъ князя Адама Чарторійскаго) [1]).

ГЛАВА XI.

Назначеніе министра иностранныхъ дѣлъ.—Графъ Рузумовскій.—Семенъ Воронцовъ.—Винценгероде въ Берлинѣ.—Внѣшняя политика Россіи.—Мои планы относительно Польши.—Высокомѣріе Наполеона.—Необходимость союза съ Англіей.—Миссія Новосильцева.—Его инструкція.—Вопросъ о Мальтѣ.

Я подхожу къ описанію наиболѣе замѣчательной эпохи моей жизни. До сихъ поръ я былъ только товарищемъ министра; теперь вся отвѣтственность должна была лечь на меня.

Канцлеръ Воронцовъ положительно заявилъ, что состояніе здоровья вынуждаетъ его просить объ отпускѣ на нѣкоторое время. Надо было кѣмъ-нибудь замѣнить его; я спросилъ его мнѣніе по этому поводу. „Конечно, только вами“, отвѣчалъ онъ, „это въ порядкѣ вещей, да иначе и быть не можетъ!“ Таково же было и горячее желаніе Императора. Что мнѣ оставалось дѣлать? Слѣдовало ли принимать на себя такой отвѣтственный и опасный постъ? Не лучше ли было бросить все и уѣхать? И вотъ, какъ я разсудилъ. Я ничего не выигрываю, занимая второстепенное мѣсто, занявъ же первое, я не буду ни болѣе, ни менѣе прежняго подверженъ подозрѣніямъ и клеветѣ; удалиться отъ дѣлъ теперь—значило бы отступить передъ трудностью задачи и доказать, что у меня нѣтъ силъ для ея выполненія и для борьбы. Къ этимъ доводамъ самолюбія присоединилась еще другая, болѣе высокая идея, окон-

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

чательно успокоившая мою совѣсть: меня прельщала возможность осуществленія такой системы политики, которая, въ силу справедливости, со временемъ оказала бы счастливое вліяніе на судьбу Польши. Я уже предвидѣлъ разрывъ съ Франціей. Русскіе всегда подозрѣвали меня въ желаніи склонить политику Россіи къ тѣсному союзу съ Наполеономъ; но у меня и мысли такой не было, такъ какъ я ясно видѣлъ, что всякое соглашеніе между этими двумя державами должно неминуемо вредить интересамъ Польши.

Канцлеръ, наконецъ, уѣхалъ. Я принялъ министерство, а Государь радовался, какъ ребенокъ. Русская же молодая партія не скрывала своего гнѣва и безпокойства. Императрица усмотрѣла уже въ моемъ согласіи дурныя намѣренія или по меньшей мѣрѣ неделикатность по отношенію къ Императору, такъ какъ на ея взглядъ, принятіе мною такого отвѣтственнаго поста вопреки общественному мнѣнію (ей такъ казалось) доказывало во мнѣ желаніе подорвать въ народѣ уваженіе къ своему Государю. Императрица перестала со мной разговаривать, кланяться, избѣгая даже смотрѣть на меня; она приложила все стараніе, чтобы дать мнѣ понять о своей немилости, длившейся около года и прекратившейся только по возвращеніи изъ Амстердама.

Изъ этого ясно, что положеніе мое было не изъ легкихъ; но разъ принявъ рѣшеніе, я отъ него не хотѣлъ отказываться и думалъ только о томъ, какъ бы исполнить свой долгъ возможно лучше.

Какъ разъ во время перемѣны въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, поставившей меня во главѣ его, случайно въ Петербургъ съѣхались нѣкоторые изъ выдающихся русскихъ дипломатовъ. Я уже упоминалъ о графѣ Морковѣ, который, узнавъ объ успѣхѣ канцлера, вѣроятно еще болѣе убѣдился въ завершеніи своей карьеры. Получивъ званіе члена совѣта, онъ рѣшилъ почить на дипломатическихъ лаврахъ и уѣхалъ въ свое подольское помѣстье, полученное имъ отъ Екатерины, гдѣ его злость нашла себѣ пищу въ безконечныхъ судебныхъ процессахъ со всѣми сосѣдями. Во все время его пребыванія въ Петербургѣ я считалъ нужнымъ совѣтоваться съ нимъ о текущихъ дѣлахъ и по поводу затрудненій, возникшихъ у насъ съ первымъ консуломъ. Онъ не отказывался выражать свое мнѣніе, но высказывалъ его всегда съ холоднымъ и презрительнымъ видомъ сознанія своего превосходства и уѣхалъ, думается мнѣ, съ убѣжденіемъ, что дѣламъ Россіи грозитъ полный упадокъ, при томъ способѣ, какъ они ведутся. Графъ Разумовскій, вскорѣ по пріѣздѣ изъ Вѣны, сказалъ мнѣ полу-небрежнымъ, полу-снисходительнымъ тономъ: „теперь, вѣдь, вы будете нами управлять!“

„Кажется“, отвѣчалъ я ему. По возвращеніи на свой постъ, онъ считалъ нужнымъ посылать мнѣ только текущія донесенія, а болѣе секретныя и важныя дѣла сообщалъ въ рапортахъ лично на имя Государя. Но этотъ маневръ ему не удался. Александра оскорбила критика его выбора такимъ косвеннымъ образомъ; онъ не могъ допустить, чтобы кто-нибудь по дѣламъ службы смѣлъ выказывать недовѣріе тому, кому онъ самъ довѣрился вполнѣ. Результатомъ этого было отданное имъ приказаніе, чтобы всѣ сообщенія проходили черезъ мои руки. Съ этихъ поръ не было больше случаевъ замалчиванія донесеній со стороны графа Разумовскаго; между нами завязалась подробная переписка. Съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вернувшимся на свой постъ, дѣло обстояло иначе. Впрочемъ, о немъ слѣдуетъ поговорить особо.

Графъ Семенъ, человѣкъ откровенный и справедливый, судилъ о вещахъ и о людяхъ слишкомъ прямолинейно и видѣлъ въ нихъ или одно хорошее, или только дурное; онъ не умѣлъ цѣнить тѣ оттѣнки, которые такъ необходимо всегда принимать въ соображеніе. Въ отношеніи меня онъ цѣликомъ принялъ лестное мнѣніе своего брата, которому такъ безгранично довѣрялъ. Его переписка, находящаяся теперь у меня, свидѣтельствуетъ о его стараніи защитить меня отъ взводимыхъ на меня обвиненій и клеветы и поддержать въ томъ положеніи, въ которомъ я очутился по волѣ Императора и по желанію канцлера. Онъ всѣми способами старался ободрить меня. Упоминая здѣсь о постоянныхъ и многочисленныхъ доказательствахъ расположенія его ко мнѣ, я надѣюсь этимъ отчасти заплатить ему свой долгъ благодарности и уваженія. Но по отношенію къ служебнымъ обязанностямъ ему можно сдѣлать нѣкоторые упреки.

Ошибки графа Семена всецѣло вытекали изъ его безграничнаго поклоненія Англіи, этой единственной странѣ, управлявшейся уже тогда либеральными учрежденіями. Онъ относился къ Питту и къ нѣкоторымъ изъ его сотрудниковъ не только съ полнымъ довѣріемъ, но съ какимъ-то обожаніемъ. Такое чрезмѣрное чувство симпатіи мѣшало ему безпристрастно слѣдить за ходомъ событій и улавливать въ общей массѣ политики дѣйствительное значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, какъ для Россіи, такъ и для Европы. Впрочемъ, тѣ же ошибки были свойственны и представителямъ Россіи въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ тою разницей, что ни графъ Разумовскій, ни въ особенности, г. Алопеусъ, не выкупали своихъ недостатковъ достойными уваженія качествами, отличавшими графа Семена. Личныя дружескія отношенія, завязанныя графомъ Разумовскимъ въ Вѣнѣ, и прислуживаніе г. Алопеуса всѣмъ значитель-

нымъ лицамъ въ Берлинѣ были причиной многихъ неточностей въ посылаемыхъ ими донесеніяхъ. Чрезмѣрно увлеченные желаніемъ, во что бы то ни стало, поддержать хорошія отношенія, они часто не обращали вниманія на наши сообщенія, видоизмѣняя ихъ по своимъ личнымъ соображеніямъ. Чтобы предупредить могущія возникнуть изъ-за этого затрудненія, Императоръ рѣшилъ послать въ Берлинъ Винценгероде, о которомъ я уже говорилъ. Заранѣе предубѣжденный противъ Пруссіи, Винценгероде не сталъ молчать о военныхъ средствахъ этой державы и ненадежной политикѣ ея государственныхъ людей. Его донесенія давали мало надежды на поддержку Пруссіи въ случаѣ разрыва съ Франціей.

Невозможность вполнѣ положиться на свѣдѣнія, доставляемыя графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вызвала отправку туда Новосильцева. Выборомъ этимъ, одобреннымъ самимъ канцлеромъ, графъ Семенъ былъ уже доволенъ. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ короче познакомился съ Новосильцевымъ и оцѣнилъ его умъ и политическую выдержку. Новосильцеву, кромѣ того, было поручено заѣхать въ Берлинъ и прозондировать дѣйствительное настроеніе тамошняго двора и потомъ уже съ тою же цѣлью ѣхать въ Лондонъ. Наконецъ, если бы обстоятельства того требовали, онъ долженъ былъ проѣхать въ Парижъ и предложить тамъ наиболѣе благопріятныя условія для поддержанія мирныхъ отношеній.

Послѣ выхода въ отставку графа Моркова, графъ Разумовскій и графъ Семенъ Воронцовъ являлись самыми выдающимися представителями русской дипломатіи,

Расположеніе ко мнѣ канцлера и его любезное обращеніе со мной помогли побѣдить предубѣжденіе со стороны заслуженныхъ русскихъ дипломатовъ противъ молодого поляка, ставшаго вдругъ ихъ руководителемъ.

Въ началѣ все шло по-прежнему, казалось, что въ министерствѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, но съ теченіемъ времени пассивную систему мирной политики, усвоенную графомъ Кочубеемъ, которой канцлеръ Воронцовъ придалъ нѣсколько болѣе силы и достоинства, становилось все труднѣе и труднѣе поддерживать. Страна, привыкшая къ постояннымъ успѣхамъ Екатерининской политики и къ неожиданностямъ Павла, не могла довольствоваться незначительной и второстепенной ролью, хотя бы эта роль и обезпечивала надолго безпрерывное внутреннее благополучіе. Впрочемъ, политика великой державы не должна быть, по моему мнѣнію, ни пассивной, ни бездѣятельной, ни эгоистичной, лишенной интереса, и не имѣющей въ виду общаго блага. Прежняя русская политика никогда такою и не была. Наоборотъ, никогда ни въ одномъ госу-

дарствѣ, исключая развѣ Римской Имперіи, политика не была болѣе обширной, безпокойной и настойчивой; добавлю еще:—болѣе несправедливой и произвольной.

Во время Ивана Васильевича Грознаго всѣ цари московскіе стремились къ завоеваніямъ и пуская попеременно въ ходъ то силу, то хитрость, сумѣли, съ рѣдкой ловкостью увеличить свое государство на счетъ сосѣдей. При Петрѣ Великомъ русская политика приняла еще болѣе рѣшительный и твердый характеръ, который сохранялся и при его преемникахъ. Всѣ цѣли, съ неустанной настойчивостью преслѣдуемыя Россіей до сихъ поръ и состоявшія въ стремленіи къ подчиненію себѣ большей части Европы и Азіи и населяющихъ ихъ народовъ, были ясно намѣчены и указаны своимъ преемникамъ Петромъ Первымъ; изъ нихъ не было ни одной, къ которой онъ не сдѣлалъ бы уже перваго шага, ни одной, которой онъ не старался бы достичь силой своей энергіи и ума, служившихъ примѣромъ для наслѣдниковъ.

Петръ Великій первый нанесъ смертельный ударъ Швеціи и Польшѣ; онъ началъ борьбу съ Турціей и Персіей, онъ же сталъ на сторону славянъ и грековъ и создалъ у себя европейскіе армію и флотъ. Толчекъ, данный національной жизни его желѣзною волею, чувствовался до сихъ поръ. Мы видѣли передъ собою все тѣ же предпріятія, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ту же цѣль впереди, къ которой Россія не только страшно приблизилась, но съ которой она уже, такъ сказать, соприкоснулась, и Европа не въ состояніи была остановить ея поступательнаго движенія. Внутреннія неустройства только на короткое время задерживали ростъ этой державы, и геній Петра Великаго словно продолжалъ парить надъ Россіей, а его безграничное честолюбіе жило въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей; если разныя затрудненія, переживаемыя въ это время Россіей, и могли вынудить ее отложить на время выполненіе ея завѣтныхъ цѣлей, то можно было сказать съ увѣренностью, что совсѣмъ отъ нихъ она никогда не откажется.

Но вотъ въ политической жизни могущественной Россійской державы наступила минута затишья и упадка. Случилось это въ началѣ царствованія Александра. Онъ былъ такъ молодъ, чистосердеченъ, кротокъ и расположенъ къ добру, такъ пропитанъ либеральными и филантропическими идеями, что, вступивъ на тронъ, сразу отказался отъ жадности, хитрости, чрезмѣрнаго самолюбія и системы захвата, лежавшихъ до тѣхъ поръ въ основѣ русской политики. Всѣ существовавшіе въ этомъ направленіи проекты и предположенія были на время забыты, императоръ ими не интересовался, обративъ все свое вниманіе на внутреннія улучшенія и не

*

на шутку задумавъ осчастливить безъ различія всѣхъ своихъ подданныхъ настолько, насколько это было возможно при существовавшихъ условіяхъ. Позднѣе Александръ былъ вовлеченъ, почти помимо своего желанія, въ текущія событія политической жизни Россіи; но въ началѣ своего царствованія онъ ею почти не занимался, и въ этомъ крылась причина его непопулярности въ народѣ. По характеру онъ былъ непохожъ на русскаго, какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ. Онъ, какъ чуждое, экзотическое растеніе, не былъ самъ счастливъ и не пользовался особымъ расположеніемъ окружающихъ.

Какъ бы то ни было, но поставленный волею судьбы во главѣ дѣлъ русскаго министерства, я чувствовалъ себя въ положеніи солдата, случайно или въ силу дружбы попавшаго въ ряды чужого войска, и храбро сражающагося изъ чувства чести и желанія не покидать товарищей, друзей или хозяевъ въ бѣдѣ. Всѣмъ этимъ былъ для меня Александръ въ ту эпоху. Его безпредѣльное довѣріе дѣлало мою службу ему долгомъ чести и внушало мнѣ искреннее желаніе привести дѣла его въ самое блестящее положеніе, пока они мнѣ довѣрены. Я твердо вѣрилъ, впрочемъ, что смогу сочетать стремленіе Россіи съ моими завѣтными идеалами, заставивъ, такимъ образомъ, послужить на общечеловѣческое благо ту страстную жажду славы и превосходства, которою обуреваемы всѣ русскіе. Цѣль была заманчива, но очень отдалена и требовала настойчивости и послѣдовательности для достиженія ея. Планъ былъ такъ обширенъ, что до разработки его надо было запастись терпѣніемъ и напречь всѣ свои способности. Я уже представлялъ себѣ, какъ будетъ удовлетворена національная гордость въ случаѣ моего успѣха.

Мнѣ хотѣлось, чтобы отъ Александра зависѣлъ миръ всего цивилизованнаго міра.

Эту идею, зародившуюся у меня и не покидавшую меня болѣе, я старался развить и провести въ дѣйствительность. Я составилъ подробный планъ дальнѣйшей политики и въ видѣ циркуляра разослалъ его нашимъ представителямъ у иностранныхъ дворовъ. Онъ долженъ былъ служить для нихъ руководствомъ въ новомъ направленіи и предписывалъ умѣренность, справедливость, законность и полное безпристрастіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Этотъ трудъ, въ основу котораго я положилъ принципы, позднѣе развитые мною въ „Essai sur la diplomatie“, занялъ немало времени. Я усидчиво занимался имъ наравнѣ съ текущими дѣлами. Къ сожалѣнію, трудъ мой былъ напрасенъ. Плодамъ его, которые я надѣялся когда-нибудь пожать, суждено было погибнуть отъ

безчисленныхъ трудностей, встрѣченныхъ мною на пути, а также отъ слишкомъ быстраго хода событій, вызвавшихъ мою отставку.

Проектъ мой долженъ былъ понравиться Александру при тогдашнемъ настроеніи его ума и сердца. Сослуживцы мои, знакомившіеся съ моей политической системой, тоже снисходительно выслушивали часть ея, касавшуюся освобожденія Греціи и славянъ.

Такъ какъ въ основаніе этой системы легла идея исправленія всѣхъ когда-либо совершенныхъ политическихъ несправедливостей, то она, мало по малу, неизбѣжно должна была привести къ возстановленію Польши. Но, чтобы незамѣтнѣе обойти препятствія, ожидавшія мою, совершенно противоположную существующей, политику, я избѣгалъ упоминать даже имя Польши, такъ какъ идея ея возрожденія подразумѣвалась сама собою въ томъ характерѣ, который собирался я придать вообще всей политикѣ, поэтому я говорилъ только о постепенномъ освобожденіи народовъ, несправедливо лишенныхъ своей собственной политической жизни, какъ, напримѣръ, о грекахъ и славянахъ; о нихъ упоминать я не боялся, такъ какъ такая мысль соотвѣтствовала желаніямъ и взглядамъ русскаго общества, но движеніе въ этомъ направленіи естественно должно было, рано или поздно, коснуться и Польши. Это понималось всѣми само собой и, словно по безмолвному соглашенію, всякое упоминаніе о моей родинѣ было исключено. Я чувствовалъ сообразность и необходимость такого замалчиванія. *Никогда ни одинъ русскій, самъ по себѣ, добровольно не бываетъ расположенъ къ полляку; позднѣе я убѣдился, что это правило не имѣетъ даже исключеній, и что невозможно никогда что-либо перемѣнить въ этомъ отношеніи.*

Однажды, въ частной бесѣдѣ моей съ пріятелями и сослуживцами, зашелъ разговоръ о превратностяхъ судьбы, пережитыхъ Польшей, и Новосильцевъ разсказалъ, что, путешествуя по этой странѣ въ эпоху костюшкиной революціи, онъ былъ остановленъ крестьянами, потребовавшими его паспортъ. Такъ какъ документъ этотъ былъ написанъ по-нѣмецки, и никто изъ крестьянъ не могъ его прочесть, то порѣшили послать за однимъ изъ жителей этого мѣстечка, нѣмцомъ. Когда послѣдній пришелъ, Новосильцевъ обратился къ нему по-нѣмецки, умоляя спасти отъ неминуемой смерти. Тронутый его просьбой, нѣмецъ сказалъ крестьянамъ, что нѣтъ никакой причины къ задержанію Новосильцева, который послѣ этого безпрепятственно поѣхалъ далѣе къ принцу Нассаусскому, принимавшему участіе въ осадѣ Варшавы. Выслушавъ этотъ разсказъ, я выразилъ справедливое неодобреніе поведенію нѣмца, приглашеннаго крестьянами для разъясненій.—Какъ!—вскричали мои собесѣдники,—вы не помогли бы

спастись Новосильцеву? Конечно, нѣтъ!—отвѣчалъ я. Мои слова, повидимому, удивили всѣхъ: изъ нихъ они могли убѣдиться, что мы разными глазами глядимъ на вещи. При постоянныхъ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ случаи въ родѣ этого, конечно, повторялись неоднократно. Я не имѣлъ никакого основанія скрывать свое мнѣніе и свои чувства, но никто не былъ о нихъ освѣдомленъ лучше самого Императора, знавшаго меня наизусть.

Хотя часто приходилось слышать упреки въ неопредѣленности и туманности новой системы, въ погонѣ ея за мечтами и утопіями, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что вскорѣ же сказались и серьезные, практическіе результаты ея.

Наполеонъ не выносилъ соперниковъ на своемъ пути къ славѣ. Всѣ попытки, сдѣланныя съ цѣлью встать съ нимъ на вполнѣ равную ногу, терпѣли пораженія. Союзникъ Наполеона вскорѣ долженъ былъ или признать его верховныя права или же сдѣлаться его врагомъ и бороться съ нимъ. Новая политика Россіи продолжалась до тѣхъ поръ, пока инстинктивно отношенія ея къ первому консулу не стали все болѣе и болѣе охлаждаться, и дипломатическія сношенія приняли тонъ, ясно говорившій, что о взаимныхъ уступкахъ уже не можетъ быть рѣчи.

Необходимо было войти въ соглашеніе съ единственной державой, которая, кромѣ Россіи, считала себя способной противостоять Франціи. Повторяю, было необходимо, насколько возможно, выяснить намѣренія и расположеніе Англіи къ намъ, задачи ея политики и все, что могло быть ей предоставлено въ случаѣ полнаго успѣха. Для насъ было очень важно привлечь на свою сторону вліятельный кабинетъ могущественной англійской державы и въ союзѣ съ нимъ идти къ одной цѣли. Но прежде всего надо было освѣдомиться не только о намѣреніяхъ Англіи въ данный моментъ, но и на будущее время, а также взвѣсить всѣ случайности, могущія возникнуть отъ смерти Георга III или перемѣны министерства Питта. Слѣдовало дать понять Англіи, что одного совмѣстнаго желанія борьбы съ Наполеономъ недостаточно для прочнаго союза между ея правительствомъ и Россіей, что союзъ этотъ можетъ быть продолжительнымъ, только въ случаѣ согласія ея положить въ основу его не только общую вражду, но болѣе высокую идею справедливости и человѣколюбія.

Задача была трудная и требовала большой осторожности. Ее довѣрили Новосильцеву, который, въ качествѣ члена министерства и тайнаго совѣта, былъ вполнѣ освѣдомленъ о моихъ взглядахъ, проектахъ и, казалось, лучше, чѣмъ кто-либо, понималъ и раздѣлялъ ихъ. Новосильцевъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Англіи и имѣлъ

тамъ большія связи. Онъ не только прекрасно изучилъ англійскій языкъ, но и соціальное положеніе страны и средства ея существованія. Съ нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ онъ тоже находился въ прекрасныхъ отношеніяхъ (надо было щадить самолюбіе графа Воронцова), и вообще, Новосильцевъ, казалось, какъ нельзя болѣе оправдывалъ нашъ выборъ.

При отъѣздѣ Новосильцевъ получилъ двѣ инструкціи, одну оффиціальную, другую секретную. Въ послѣдней я постарался изложить тѣ положенія, которыхъ необходимо слѣдовало добиться, и тѣ, въ отношеніи которыхъ надо было только прозондировать почву и разузнать намѣренія британскаго правительства. Ему же я довѣрилъ письмо къ г. Фоксу. Принцъ Валлійскій, являвшійся наслѣдникомъ престола послѣ своего отца или замѣстителемъ его въ качествѣ регента, вполнѣ довѣрялъ этому государственному дѣятелю и его партіи. Новосильцевъ засталъ Питта совсѣмъ не расположеннымъ слушать наши предложенія и всецѣло занятымъ своей точкой зрѣнія на дѣла Европы. Графъ Семенъ Воронцовъ, въ своемъ поклоненіи передъ политическими пріемами англійскаго кабинета, готовъ былъ тоже сопротивляться ихъ измѣненію, составлявшему цѣль нашей политики въ этотъ моментъ. Отчасти вслѣдствіе затрудненій, возникшихъ изъ такого положенія вещей, отчасти, и по другимъ причинамъ, но Новосильцевъ не выполнилъ, какъ бы слѣдовало, даннаго ему важнаго порученія. Оно требовало много осторожности, выдержки, а также большой твердости и настойчивости на данныхъ ему инструкціяхъ. Онъ едва успѣлъ заикнуться объ условіяхъ, имѣвшихъ въ нашихъ глазахъ такое огромное значеніе, но ни слова не сказалъ о Польшѣ, такъ же какъ объ общемъ ненадежномъ положеніи Европы, вытекавшемъ изъ цѣлаго ряда несправедливостей, которыя слѣдовало наконецъ исправить.

Кромѣ того, существовали еще пункты, относительно которыхъ Новосильцеву была дана инструкція не заключать по нимъ условій не снесясь предварительно со своимъ правительствомъ. Мы требовали, чтобы Англія исполнила свое прежнее обязательство и вывела свои войска съ Мальты. Этотъ вопросъ послужилъ даже предметомъ преній въ парламентѣ, при чемъ лордъ Нельсонъ подвердилъ, что дѣйствительно Англія общала очистить Мальту и что выполненіе этого обязательства не можетъ повлечь за собою дурныхъ для нея послѣдствій. Какъ бы то ни было, но высокомѣрный отказъ Англіи далъ бы намъ право прекратить переговоры въ самомъ началѣ. Наше предложеніе должно было служить доказательствомъ для всѣхъ искренняго желанія нашей политики слѣдовать по пути правды и дѣйствительнаго блага Европы. При томъ же мы надѣялись, что тре-

бованіе наше должно произвести большое впечатлѣніе на Англію, показавъ ей, насколько заслуживаютъ ея вниманія наши справедливыя требованія. Кромѣ того такое предложеніе несомнѣнно облегчало Новосильцеву поѣздку въ Парижъ. Но онъ уже и не думалъ о ней и возвратился назадъ, предоставивъ всѣ дѣла на благоусмотрѣніе Англіи.

Сообщилъ К. Военскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ исторіи 1812-го года [1]).

IV. Документы, характеризующіе дѣйствительное положеніе французовъ.

Слѣдующія письма прямо выражаютъ вопль наболѣвшей души ихъ авторовъ, всѣ помышленія которыхъ всецѣло находятся во Франціи. Они сгораютъ страстнымъ желаніемъ попасть скорѣе домой, къ своимъ семьямъ, развязаться съ этимъ походомъ, который имъ такъ надоѣлъ, и который причиняетъ имъ столько всевозможныхъ непріятностей. Сильные люди, какъ напримѣръ Мюратъ [2]), и тѣ, потерявъ мужество, сантиментально мечтаютъ только добраться до своего очага.

Въ своемъ письмѣ къ Каролинѣ Мюратъ пытается говорить о дѣлахъ. Но изъ его слабыхъ намековъ трудно уловить что-либо опредѣленное. Онъ говоритъ о ласкахъ Наполеона, которыя приводятъ его въ благоговѣйное умиленіе, о своей любви къ Императору, о событіи 23-го числа (11-го по нашему стилю) и о томъ, что „злодѣи“ (русскіе) поплатились головой за ужасное преступленіе. Можно догадываться, что рѣчь идетъ о разрушеніи взрывами кремлевскихъ достопримѣчательностей, но достовѣрно сказать ничего нельзя.

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г., октябрь.

[2]) Нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности. Мюратъ Іоахимъ (1771-1815), король Неаполитанскій, былъ сыномъ трактирщика въ Кагорѣ. Военную службу началъ рядовымъ въ 12 егерскомъ полку; затѣмъ поступилъ въ гвардію Людовика XVI, гдѣ и сдѣлался адъютантомъ генерала Бонапарте. Въ маѣ 1796 года получилъ чинъ бригаднаго генерала. Въ итальянскую кампанію много содѣйствовалъ побѣдамъ при Ровередо и Риволи. Въ египетской экспедиціи оказалъ чудеса храбрости, которыя и доставили ему громкую извѣстность. Послѣ 18 брюмера женился на сестрѣ

№ 1. Письмо короля Неаполитанскаго къ королевѣ.

„Дорогая Каролина! Только-что получилъ четыре эстафеты сразу, но онѣ привезли мнѣ только твое письмо отъ 16/2-го октября, которое нахожу прелестнымъ. Я цѣню должнымъ образомъ все, что въ немъ есть нѣжнаго; ты всегда добра и относишься сочувственно къ моимъ горестямъ. У меня нѣтъ ихъ уже по тому поводу, который былъ причиною моего унынія, и я горюю только о нашей разлукѣ. Долгое отсутствіе очень тягостно для человѣка съ чувствительной душой. Я сообщалъ тебѣ, что съ 24-го числа я сопровождалъ Императора, и что онъ осыпалъ меня милостями; онѣ дошли теперь до высочайшей степени, почему я и познался настоящую цѣну ихъ только въ тотъ моментъ, когда получилъ извѣстіе о событіи 23-го числа; оно столько же непостижимо, сколько и нелѣпо. Какъ не пришло никому въ голову заговорить о Римскомъ Королѣ. Это было такъ естественно и до такой степени въ порядкѣ вещей. Сколь сильно почувствовалъ я свою любовь къ Императору въ этотъ моментъ. До какой степени онъ оказался выше всякой случайности. Какимъ показалъ онъ себя прекраснымъ супругомъ, добрымъ от-

---

Бонапарте, Каролинѣ. Блистательно дѣйствовалъ при Аустерлицѣ (1806), за что получилъ званіе великаго герцога Бергскаго; въ томъ же году взялъ на капитуляцію Эрфуртъ, сражался при Прейсишъ-Эйлау и взялъ Кенигсбергъ. 23 апрѣля 1808 года безпрепятственно вступилъ въ Мадридъ. Когда же Карлъ IV уступилъ свои права Іосифу Бонапарте, бывшему до тѣхъ поръ королемъ Неаполитанскимъ, то Императоръ отдалъ ему королевство обѣихъ Сицилій. Неаполитанцы приняли Мюрата съ величайшимъ торжествомъ. Въ началѣ нашей Отечественной войны онъ съ 10 тысячами неаполитанцевъ присоединился къ арміи Наполеона, и принялъ выдающееся участіе въ этой кампаніи и, командуя почти всегда авангардомъ, сражался со свойственной ему отвагой.

Спустя 4 дня послѣ Лейпцигской битвы, подъ предлогомъ набрать новыя войска для Наполеона, оставилъ армію и заключилъ съ австрійцами оборонительный и наступательный союзъ, съ которыми дѣйствовалъ противъ вице-короля Евгенія, защищавшаго Италію. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, принялъ его сторону и объявилъ войну союзникамъ. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ, но сраженіе при Толентино (2-го мая) рѣшило дѣло не въ его пользу: неаполитанцы были разбиты и обратились въ безпорядочное бѣгство, а самъ Мюратъ долженъ былъ выѣхать изъ Неаполя, но Наполеонъ не принялъ его. Послѣ ватерлооской битвы долго скитался по югу Франціи, не зная, что предпринять. Однако это было не безопасно. Тулонская полиція положила за его голову крупную награду; тогда онъ спасся на челнокѣ въ Корсику и, надѣясь, что неаполитанцы возстанутъ въ его пользу, прибылъ въ Калабрію, гдѣ атакованъ былъ превосходными силами и послѣ отчаяннаго сопротивленія взятъ въ плѣнъ. 13 октября военный судъ приговорилъ его къ смерти, какъ нарушителя народнаго спокойствія и приказалъ въ тотъ же день разстрѣлять его.

Такъ измѣнчива судьба многихъ героевъ. *Н. З.*

цомъ и милостивымъ Государемъ. Я удостовѣрился въ правильности того представленія о его добромъ сердцѣ, которое я составилъ себѣ. Все спокойно. Злодѣи поплатились головой за ужасное преступленіе, совершенное ими.

Мы вскорѣ двинемся противъ корпуса Витгенштейна; Императоръ собирался было отправить меня впередъ и я повиновался съ удовольствіемъ, но разставался съ нимъ съ грустью . . . . . Словомъ—я счастливъ.

Я хотѣлъ или желалъ бы, чтобъ въ статьѣ о нашемъ молебнѣ было хотя бы только упомянуто мое имя, и чтобы вы казались благодарными Богу за мое спасеніе. Прощай, другъ мой, я ожидаю обѣщанныхъ тобою сорочекъ. Здоровье мое прекрасно; обнимаю тебя отъ всего сердца и продолжаю льстить себя надеждой имѣть возможность обнять тебя нынѣшней зимою. Но пусть это не помѣшаетъ отдѣлкѣ моего помѣщенія. Карафъ отправляется сегодня вечеромъ съ письмами. Онъ привезетъ тебѣ работу, которую я никакъ не могъ отправить тебѣ раньше. Я желаю, чтобы онъ снова принялъ на себя отправленіе обязанностей оберъ-шталмейстера. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ здѣшнимъ морозамъ“.

Lettre du Roi de Naples à la Reine.

Ma chère Caroline, je viens de recevoir quatre estafettes à la fois; elles ne m'ont apporté que ta lettre du 16 Octobre je la trouve charmante, j'apprécie, comme je le dois tout ce qu'elle contient de tendre; tu es toujours bonne et sensible à mes peines, je n'en ai plus sur l'objet qui causait ma mélancolie, je n'en ai que sur notre séparation. Une absence longue est bien pénible pour qui a une âme sensible; je t'ai mandé que depuis le 24 j'accompagnais l'Empereur et qu'il me comblait de bontés. Elles sont à leur comble, aussi je n'en sentis jamais mieux le prix que dans le moment où j'ai appris l'évènement du 23, il est inconcevable autant que ridicule; comment, n'est-il venu dans la tête de personne de parler du Roi de Rome? c'était si naturel, celà était si dans l'ordre! Combien j'ai senti que j'aimais l'Empereur dans ce moment! Comme il s'est montré supérieur à tout évènement! Comme il s'est montré bon époux, bon père et bon souverain. Je me suit confirmé dans l'idée que je m'étais faite de son bon coeur. Tout est tranquille, les scelerats ont payé de leur tête la crime affreux dont ils s'étaient rendus coupables.

Nous partons dans peu pour nous porter contre le corps de Wittgenstein, l'Empereur a été un moment sur le point de m'envoyer en avant, j'obéissais avec plaisir, mais je le quittais avec peine, enfin *jesuisfort heureux.*

J'aurais voulu ou désiré que dans l'article sur votre *Te Deum* mon nom y eut été au moins prononcé et que vous eussiez eu l'air de remercier Dieu de m'avoir conservé! Adieu, mon amie, j'attends les chemises que tu m'annonce. Ma santé est parfaite, je t'embrasse de tout mon coeur. Je me flatte toujours de pouvoir t'embrasser cet hiver. Mais que cela n'empêche pas le travail de mon appartement. Caraffe partira ce soir avec un courier. Il t'apportera le travail, il m'a été impossible de l'expédier plutôt. Je désire qu'il reprenne ses fonctions de premier écuyer. Il n'a pas pu s'accoutumer au froid de ce pays. J

№ 2. Письмо къ дочери.

„Дорогая моя и прекрасная Летиція! Я нашелъ письмо твое очень милымъ и жалѣю, что не могу писать тебѣ почаще. Если это и лишаетъ меня счастья получать твои милыя записочки, за то мамочка твоя часто пишетъ мнѣ о васъ и обѣщаетъ мнѣ твой портретъ. Боюсь, чтобъ онъ не оказался менѣе похожимъ, чѣмъ первый. Вы еще пользуетесь прекрасными днями, мы же здѣсь занесены снѣгомъ и инеемъ. Все предвѣщаетъ намъ суровую зиму. Мы приближаемся другъ къ другу и по занятіи зимнихъ квартиръ я надѣюсь имѣть возможность отлучиться, чтобы поѣхать обнять моихъ милыхъ и нѣжныхъ дѣтей. Какъ счастливъ былъ бы я возможностью побыть съ ними снова. Прощай, дорогая моя Летиція, меня утѣшаютъ письма твои, а любовь твоя и братьевъ твоихъ скрашиваетъ мои досуги и утоляетъ печаль, причиняемую нашей разлукой. Я могу быть счастливымъ только вблизи королевы и съ вами. Рана моя перестала безпокоить меня. Прощай. Сердечно обнимаю милую свою Луизу и благодарю ее за строки, приписанныя ею на конвертѣ. Я весь твой, дочь моя. Обнимаю тебя отъ всего моего сердца“.

Ma bien bonne et belle Létitia, j'ai trouvé ta lettre charmante, je suis peiné de ne pas pouvoir t'écrire plus souvent. Si cela me prive du bonheur de recevoir de tes jolis billets, ta bonne maman me donne souvent de vos nouvelles, elle m'annonce ton portrait. Je crains qu'il ne soit pas aussi ressemblant que le premier. Vous etes encore dans les beaux jours, ici nous avons la neige et les frimats, tout nous annonce un hiver rigoureux. Nous nous rapprochons; et quand les quartiers d'hiver seront pris j'espère pouvoir m'éloigner et aller embrasser mes bons et tendres enfants. Comme je serais heureux de pouvoir me retrouver au milieu d'eux. Adieu ma chère Letitia, tes lettres me charment, ton amour et celui de tes frères charment mes loisirs et les tourments de notre separation. Je ne puis être heureux que près de la Reine, près de vous. Je ne me ressens plus de ma blessure. Adieu, j'embrasse bien ma bonne Louise et je la remercie du mot qu'elle a écrit sur l'enveloppe ou m'a tracé quelques lignes. Adieu, tout à toi ma fille. Io ti abbraccio di tuto il mio cuore.

№ 3. Письмо къ сыну.

„Дорогой Ахиллъ! Въ настоящую минуту я приблизился къ своему семейству на сто миль. Я уже въ Смоленскѣ, откуда писалъ своимъ дѣтямъ. Я приближусь еще болѣе и продолжаю надѣяться имѣть возможность обнять ихъ нынѣшней зимой. Мысль эта утѣшаетъ меня и помогаетъ мнѣ переносить съ твердостью нашу разлуку. Прощай, другъ мой; говорятъ, что эстафета отправляется и я покидаю тебя. Здоровье мое въ отличномъ состояніи. Обними за меня маменьку; говори съ ней обо мнѣ; поцѣлуй Луизу и вѣрь моей привязанности къ тебѣ. Сынъ г-на . . . . . находится здѣсь и

здоровъ. Весь твой любящій тебя отецъ. Императоръ здоровъ и очень ко мнѣ милостивъ".

Mon bon Achille, me voulà plus près de ma famille—de cent lieues. Me voilà à Smolensk, d'où j'ai écrit à mes enfants. Je vais m'en rapprocher encore; et j'espère toujours pouvoir les embrasser cet hiver. Cette idée me console et me fait supporter avec courage notre séparation. Adieu, mon ami, on m'annonce que l'Estafette va partir et je te quitte. Ma santé est parfaite, embrasse bien maman pour moi, parle lui de moi, embrasse bien Louise et crois à toute ma tendresse. Le fils de M-r . . . . est ici et se porte bien. Tout à toi. Ton bon père. L'Emp-r jouit d'une bonne santé et est bien bon pour moi.

Дальше слѣдуютъ письма частныхъ лицъ.

Письмо нѣкоего г-на Боне къ матери въ Кастръ очень кратко, но замѣчательно выразительно. Немногими словами сказано весьма много:

№ 4.

„Мы прошли по самой скверной и опустошенной дорогѣ; лошади, падавшія по пути, немедленно съѣдались".

Комментаріи излишни.

M-r Bonnet à la mère, à Castres.

Nous avons passé le plus mauvais et le plus stérile chemin, les chevaux morts sur la route ont été aussitôt dévorés.

Послѣдующія письма того же характера:

№ 5. Г-нъ Балари къ женѣ.

„Я никогда не буду въ состояніи описать тебѣ положеніе, въ коемъ мы оказались по выступленіи нашемъ изъ Москвы. Безпрестранно тревожимые непріятелемъ и казаками, фланкирующими насъ и днемъ и ночью, среди мертвыхъ и умирающихъ, безъ съѣстныхъ припасовъ и въ странѣ, совершенно раззоренной уже три мѣсяца тому назадъ".

M-r Balary à sa femme.

Je ne pourrai jamais te peindre la situation dans laquelle nous sommes depuis que nous avons quitté Moscou. Harcelés par l'ennemi et les Cosaques qui nous flanquent nuit et jour, au milieu des morts et des mourants, sans provisions, et dans un pays exterminé depuis trois mois.

6. Буденъ, главный комиссаръ службы полевой Императорской почты, графу Лавалетту, главному почтъ-директору.

„У меня мало чего сообщить вамъ относительно службы; мы теряемъ ежедневно по нѣсколько штукъ лошадей изъ-за недостатка корма и вслѣдствіе трусости почтарей; условія затруднительны, но они все-таки виноваты и я заставлю ихъ заплатить за потерянныхъ лошадей и сѣдла".

Boudin Commissaire G-al pour le service en poste de l'Emp-r au C-te de la Vallette Directeur G-al des Postes.

J'ai peu de choses à vous dire sur le service; nous perdons tous les jours quelques chevaux faute de nourriture et par la lâcheté des postillons; les cir-

constances sont difficiles, mais il y a bien de leur faute, je leur ferai payer chevaux et selles perdus.

№ 7. Рео, директоръ продовольственнаго отдѣла при главной квартирѣ, своей женѣ.

„Я сохранилъ свое здоровье и вотъ все, на что ты можешь разсчитывать съ моей стороны во время этого похода. Я буду стараться продолжать жить по возможности лучше; приходится много тратить, чтобы кормиться, спать, на освѣщеніе, на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства, на проѣзды и, наконецъ, на зимнюю одежду. Этотъ разъ приходится покупать все на свой счетъ и мы не встрѣчаемъ никакой поддержки въ странѣ, гдѣ мало жителей, а у тѣхъ, которые остались, нѣтъ желанія придти намъ на помощь".

Réau. Directeur du service des viandes au q-r g-l à sa femme.

J'ai conservé ma santé et c'est tout ce que tu peux espérer de moi dans cette campagne. Je tacherai de continuer en vivant le moins mal possible; il faut dépenser beaucoup pour vivre, pour se coucher, s'éclairer, se fournir de moindres ustensils pour se transporter et enfin pour se couvrir l'hyver. Tout est cette fois ci à nos frais et nous ne recevons aucune facilité du pays où les habitants manquent et la bonne volonté parmi ceux qui restent.

№ 8. Его же къ пріятелю его Малле.

„Нынѣшнее мое положеніе не можетъ ни изгладить изъ памяти моей, ни возмѣстить потери, понесенныя мною въ Испаніи; напротивъ того, я имѣю въ перспективѣ такія же приключенія въ ближайшемъ будущемъ".

Du même à M-r Mallet son ami.

Ma position actuelle ne peut ni me faire oublier ni réparer les pertes que j'ai faites en Espagne; j'ai au contraire la perspective de semblable avanture au premier jour.

№ 9. Отъ дивизіоннаго генерала графа Лаборда къ женѣ.

„Съ начала сей кампаніи я лишился 13 лошадей, что никоимъ образомъ не устраиваетъ моихъ денежныхъ дѣлъ, но я переношу это затруднительное положеніе безропотно: настанетъ болѣе удачное время, которое вознаградитъ меня".

Du G-al de D-on C-te de Laborde à sa femme.

Depuis le commencement de cette campagne j'ai perdu 13 chevaux ce qui n'arrange pas mes finances, enfin je supporte le malaise avec résignation, un tems plus heureux viendra et me dédommagera.

№ 10. Г-нъ Бушъ своей женѣ.

„Любезный другъ, я потерялъ все: карету, лошадей, вещи, слугъ. При мнѣ осталась только бывшая подо мной лошадь и то, что было на мнѣ . . . . Надо думать, что карета моя досталась непріятелю, если только она не увязла и не была разграблена у насъ въ тылу. Большая часть моихъ товарищей потеряли болѣе или менѣе, но я

все потерялъ, совершенно все, и даже 100 серебряныхъ экю, находившихся въ колескѣ".

M-r Busche à sa femme.

Ma bonne amie j'ai tout perdu, voitures, chevaux, effets, domestiques, il ne me reste que le cheval que je montais et ce que j'avais sur le corps... Il y a tout lieu de croire que ma voiture est tombée au pouvoir de l'ennemi, à moins qu'étant restée embourbée elle n'ait été pillée sur les derrières. La plupart de mes collègues ont perdu plus ou moins, moi j'ai perdu tout, absolument tout et même cent écus en argent blanc qui étaient dans la calèche.

№ 11. Графъ Оденардъ своей матери. (Кирасирскій полковникъ и шталмейстеръ Императора).

„Вы безъ сомнѣнія знаете уже о моемъ несчастіи. Всѣ мои экипажи достались непріятелю. Потеря эта громадная и очень меня безпокоитъ, ибо придется замѣнять большую часть потерянnаго. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, завести новые экипажи по чину генерала, ибо меня увѣряютъ, что я внесенъ въ списокъ, который не сегодня завтра будетъ представленъ Императору. Дай Богъ, чтобы Его Величество меня произвелъ. Это утѣшитъ меня и вознаградитъ хоть немного за убытки, понесенные во время этой несчастной кампаніи. И, наконецъ, мнѣ крайне необходимо милостивое вниманіе Государя, для возстановленія моего душевнаго равновѣсія. Я не знаю, куда мы отправимся, но думаю, что довольно далеко, для приведенія въ порядокъ моего изрядно потерпѣвшаго полка, на что потребуется достаточно времени. Мы всѣ въ одномъ положеніи и очень нуждаемся въ отдыхѣ и хорошихъ квартирахъ".

Le C-te d'Audenarde à sa mere.

Vous savez surement le malheur que j'ai eu d'avoir tous mes équipages pris par l'ennemi. Cette perte est énorme et me gène fort, car il faudra remplacer une grande partie de ce que j'ai perdu. J'ai au moins l'espoir de me faire de nouveaux équipages comme G-al car on m'assure que je suis porté sur un travail qui doit être mis d'un jour à l'autre sous les yeux de l'Empr. Fasse le Ciel que S. M. me nomme, cela me recompensera en partie et me consolera des pertes de cette malheureuse campagne. Enfin j'ai bien besoin d'un regard de bienveillance du maitre pour me mettre au niveau. . .

Je ne sais où nous allons aller, je suppose que ce sera assez loin, pour remonter mon régiment qui est abimé, ce qui demandra du tems. Nous en sommes tous reduits au même point et avons grand besoin de repos et de bons cantonnemaents.

№ 12. Его же г-жѣ Френель, въ Люнневиль.

„Вчера я видѣлъ Вьевилли, которому пришлось плохо по прибытіи сюда, у него украли лошадей. Онъ прошелъ пѣшкомъ въ два дня, ничего не ѣвши, цѣлыхъ семнадцать миль. Надобно вамъ сказать, что въ арміи нѣтъ болѣе кавалеріи; тѣ немногія лошади, которыя остались еще, падаютъ отъ холода и голода и не успѣютъ онѣ околѣть, какъ ихъ уже разбираютъ по кусочкамъ. Ежели это

будетъ продолжаться, то вскорѣ лошади останутся развѣ только у одного Императора, потому что тѣ, которыя принадлежатъ ему лично, всегда защищены, по крайней мѣрѣ, по возможности".

à Mad-e de Frénel à Luneville.

. J'ai vu hier la Vieuville qui s'est trouvé mal en arrivant ici, on lui avait volé ses chevaux; il avait fait sans manger en deux jours de tems 17 grandes lieues à pied. Il faut vous figurer qu'il ne reste plus de Cavalerie dans l'armée, le peu de chevaux qui restent tombent de faim et de froid et avant d'être morts, ils sont déjà partagés par morceaux. Si cela continue dans peu de tems l'Emp-r seul aura à peine des chevaux parce que les siens sont toujours à l'abri, ou du moins autant qu'il est possible.

№ 13. Г-нъ Ленцъ г-жѣ Дарю, матери.

„Я выѣхалъ изъ Москвы 16/4-го октября и прибылъ въ Смоленскъ съ жалкимъ маленькимъ обозомъ, который былъ разграбленъ казаками, стащившими, между прочимъ, и мой ящикъ съ провизіей, такъ что я въ теченіе 18 дней питался сухарями и водой. И все это по той причинѣ, что я ношу длинный титулъ: генералъ-директоръ службы запаснаго продовольствія, который не доставилъ мнѣ покуда большихъ хлопотъ; я думаю, все-таки, что мнѣ придется отправиться въ Оршу.

Наши физическія тяготы со времени выступленія изъ Москвы и до сихъ поръ были дьявольскія . . . . . Я считаюсь счастливѣйшимъ изъ всѣхъ, ибо цѣною денегъ и брани съ погонщиками повозокъ, наѣзжавшихъ на мою коляску, мнѣ удалось спасти ее. Ежели только можно назвать спасеніемъ сохраненіе 4 сорочекъ и одного сюртука. Бѣда въ томъ, что все это никого не забавляетъ. Нѣкоторая доля веселости помогла бы намъ не видѣть всего нашего горя; но всѣ, кто лишенъ хотя бы небольшого запаса душевной твердости, исполнены горечи".

M-r Lenz à Mad-e Daru la mère.

J'avais quitté Moscou le 16 Octobre et j'arrivai à Smolensk avec un pauvre petit convoi qui a été houspillé par les cosaques qui ont eu entr'autres choses la malhonnèteté de me piller mon caisson de vivrs, de manière que j'ai été 18 jours au pain de munition et à l'eau. Tout cela parce que j'ai un long titre: Directeur G-al des approvisionnements de reserve, le quel titre ne m'a pas encore donné beaucoup d'occupations, je crois cependant que je vais aller à Orcha.

Nos peines physiques de Moscou ici ont été diaboliques. . . . Je passe pour le plus heureux parce que à force d'argent et de grandes colères contre les fourgons qui approchaient ma calèche je l'ai sauvée. Si l'on peut appeller sauvée n'avoir plus que 4 chemises et une redingotte. Le mal est que tout le monde ne prend pas cela gaiement. Un peu de gaité nous sauverait l'aspect de notre misère. Mais tout ce qui n'a pas l'âme un peu forte est plein d'aigreur.

Докторъ баронъ Ларрей и инженерный офицеръ Монфоръ сравниваютъ испанскій и египетскій походы съ русскимъ.

№ 14. Письмо барона Ларрея женѣ.

„Никогда еще такъ не страдалъ. Египетскій и Испанскій походы были ничто въ сравненіи съ теперешнимъ, и все-таки злоключенія наши далеко еще не окончились. Я чувствовалъ себя очень дурно по пріѣздѣ сюда, но 24 часа отдыха помогли мнѣ придти опять почти въ то же самое состояніе, въ которомъ я былъ при выѣздѣ изъ Москвы. При томъ же я могу сказать все-таки, что здоровъ, а потому не безпокойся. Какъ и товарищи мои, я потерялъ почти все, и мы не имѣемъ никакой надежды на вознагражденіе. Нерѣдко приходилось намъ радоваться кусочкамъ мяса отъ павшихъ лошадей, попадавшихся намъ по пути. Ихъ поджаривали на угольяхъ и въ этомъ заключалась вся наша пища".

Le D-r Baron Larrey à sa femme.

Jamais je n'avais autant souffert. Les campagnes d'Egypte et d'Espagne n'ont rien été en comparaison de celle ci et encore nous ne sommes pas il s'en faut au terme de nos maux. J'étais fort mal en arrivant ici, mais les 24 heures de repos m'ont suffi pour me remettre dans l'état où j'étais à peu près en partant de Moscou, et je puis dire encore me bien porter, ainsi tranquillis toi, mais comme mes camarades j'ai à peu près tout perdu, et nous n'avons aucune espérance de recompense... Souvent nous avons été trop heureux de saisir quelque lambeaux de la chair des chevaux morts que nous trouvions sur notre route. On les faisait cuire sur les charbons des bivouacs, et voilà toute notre nourriture.

№ 15. Отъ г-на Монфоръ, инженернаго офицера, состоявшаго при генералѣ Шаслу, полковнику Деко, начальнику инженернаго отдѣла при военномъ министерствѣ.

„Вотъ мы и въ Смоленскѣ, послѣ двадцатидневнаго безпрерывнаго похода. Всѣ мы чрезвычайно устали, а лошади окончательно изнурены. Четыре дня уже, какъ земля вся покрыта снѣгомъ, такъ что онѣ почти не въ состояніи двигаться. Въ нашемъ паркѣ пришлось уже сжечь нѣсколько повозокъ. И если правда, какъ того ожидаютъ, что мы пойдемъ до Вильно, то я боюсь, что мы не довеземъ ни одной, и что нашъ паркъ будетъ ограниченъ тѣми, кои оставлены были нами при первомъ проходѣ черезъ сей городъ. Какъ бы тамъ ни было, онъ исполнилъ, по крайней мѣрѣ, свое назначеніе въ теченіе всей кампаніи; а если и придется возстановлять его совсѣмъ заново, то участь его будетъ общею со многими другими, потому что я не думаю, чтобы артиллерія справилась лучше насъ съ этими затрудненіями. Вся почти кавалерія идетъ пѣшкомъ. Не найдется даже 100 человѣкъ конныхъ на каждый полкъ. Я встрѣтилъ вчера г-на Дежо довольно здоровымъ; а нѣсколько дней тому назадъ я получилъ извѣстіе о вашемъ двоюродномъ братѣ, который въ 6 кирасирскомъ полку; онъ тоже здоровъ. Въ Смоленскѣ нашли кое-какіе запасы, но вы легко можете себѣ представить, что ихъ не можетъ хватить надолго для такой изголо-

давшейся арміи. А потому я думаю, что мы тамъ недолго пробудемъ. Я полагаю, что главная квартира пойдетъ въ Вильну, а войска будутъ разбросаны по всей Литвѣ. Русскіе должны быть не менѣе насъ утомленными и голодными; это дастъ намъ возможность распространить наши зимнія квартиры, безъ чего дальнѣйшее существованіе будетъ невозможнымъ. Могу васъ увѣрить, любезный Деко, что сія кампанія была ужасно трудная. Всѣ, кто вернулся изъ Испаніи, увѣряютъ, что тамъ былъ рай по сравненію съ тѣмъ, что у насъ здѣсь".

Le S-r Monfort officier du génie employé près le G-al Chasseloup au Colonel Decaux chef de la D-on du Génie au Ministère de la Guerre.

Nous voici, mon cher Decaux, arrivés à Smolensk après vingt jours de marche non interrompue. Nous sommes tous horriblement fatigués. Les chevaux surtout sont sur les dents. Depuis quatre jours, la terre est couverte de neige, en sorte qu'ils ne peuvent presque plus avancer. On a déjà été obligé à notre parc de brûler plusieurs voitures. Si comme on s'y attend nous allons jusqu'à Wilna, j'ai bien peur que nous n'en ramenions guères, et que notre parc ne se trouve à peu près réduit aux voitures que nous fûmes forcés de laisser à notre premier passage dans cette ville. Enfin, il aura, au moins, rempli sa destination pendant toute la campagne, et s'il faut le recréer entièrement il aura cela de commun avec beaucoup d'autres, car je ne crois pas que l'artillerie s'en tire beaucoup mieux que nous. La cavalerie est presque toute à pied: il n'y a pas cent hommes montés par régiment. J'ai vu hier le G-al Dejean, fort bien portant; et j'ai eu il y a peu de jours, des nouvelles de votre cousin du 6-e de Cuirassiers, qui se portait fort bien aussi.

Smolensk offrait quelques ressources; mois vous jugez qu'elles ne peuvent suffir longtems à une armée aussi affamée. Aussi je pense que nous n'y ferons pas long séjour. Je présume que le quartier Général se portera à Wilna et que les troupes seront dispersées dans la Lithouanie. Les Russes ne doivent être guères moins fatigués ni moins affamés que nous; ce qui nous permettra sans doute d'étendre un peu nos quartiers d'hyver, chose indispensable pour pouvoir subsister.

Je puis vous assurer, mon cher Decaux, que cette campagne ci a été furieusement dure, tous ceux qui reviennent d'Espagne assurent que ce sont des roses en comparaison.

№ 16. Отъ г-на Лористона къ его женѣ.

„Не сѣтуй, любезный другъ, на издержки; мы съ Огюстомъ счастливѣе всѣхъ, въ отношеніи лошадей и экипажей; въ этомъ столь славномъ походѣ, столь поспѣшномъ и во время котораго приходится забираться такъ далеко, невозможно не загонять множества лошадей. Когда императору нечего уже было дѣлать въ Россіи, онъ пожелалъ сосредоточить свои арміи, и если непріятель не пожелаетъ мира, мы будемъ въ состояніи заставить его дорого заплатить за свое упорство".

Du G-al Lauriston à sa femme.

. . . . Ne crie pas à la dépense, chère amie, nous sommes Auguste et moi les plus heureux pour les chevaux et les voitures, dans une campagne

aussi glorieuse, aussi précipitée et dans laquelle on pénétre si loin, il est impossible de ne pas crever beaucoup de chevaux. N'ayant plus rien à faire en Russie, l'Empereur a voulu réunir ses armées, et si l'ennemi ne veut pas la paix, nous serons à même de lui faire payer cher son obstination.

Оптимистическое письмо Лористона вызываетъ слѣдующее замѣчаніе, приписанное по-французски неизвѣстной рукой.

№ 17.

„Наше упорство лишаетъ васъ возможности сдержать свое слово. Походъ вашъ былъ очень торопливъ, а отступленіе ваше и того больше. Что вы выиграли, добравшись до Москвы, и чего только не потеряли при отступленіи. Но вы воображаете, что походъ вашъ былъ славенъ. Варвары, опустошившіе Римъ, тоже, вѣроятно, гордились своими подвигами. Истинная слава принадлежитъ Русскому народу, сумѣвшему уничтожить васъ и завоевать свою независимость".

Notre obstination vous met dans l'impossibilité de tenir parole. Votre campagne a été précipitée mais votre retraite l'est bien davantage. Qu'avez vous gagné à vous avancer jusqu' à Moscou et que n'avez vous pas perdu en vous retirant. Vous vous figurez que votre campagne est glorieuse, les barbares qui ont saccagé l'ancienne Rome, se glorifiaient probablement tout de même de leurs exploits. La véritable Gloire est à la Nation Russe qui a su vous extirper, et conquérir son indépendance.

Самъ Наполеонъ находился въ аналогичномъ состояніи. Письмо къ императрицѣ изъ Смоленска также выдаетъ его грустное настроеніе.

№ 18.

„Любезный другъ. Ты видишь, что мы уже на много шаговъ приблизились другъ къ другу. Я отправляю младшаго Монтескью въ Парижъ. Погода холодная, отъ 4 до 5 градусовъ, земля покрыта снѣгомъ. Здоровье мое въ порядкѣ, помню я о тебѣ. За счастіе почту увидѣться съ тобою въ скоромъ времени, ты въ этомъ не сомнѣваешься, потому что знаешь, сколь нѣжно я тебя люблю. Поцѣлуй моего сына. Смоленскъ $\frac{\text{11-го ноября.}}{\text{30 октября.}}$

Lettre de l'Emp-r Napoléon à l'Impératrice.

Ma bonne amie. Tu vois que nous nous sommes rapprochés de bien des pas. J'expedie le petit Montesquiou—à Paris. Le temps est froid 4 à 5 degrés, la terre couverte de neige. Ma santé bonne, je pense à Toi. Je tiendrais à bonheur de te voir bientôt tu n'en doutes pas car tu sais combien je t'aime tendrement. Embrasse mon fils. Smolensk le 11 Novembre. N.

V. Документы о недостаткѣ лошадей во французской арміи.

На-ряду съ страданіями отъ морозовъ и голода французы особенно страдали также отъ недостатка лошадей. „Лошадей! Лошадей и еще лошадей“—восклицаетъ Наполеонъ въ своемъ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу де-Бассано.

№ 1. Письмо герцогу Бассано [1]).

„Г-нъ герцогъ де-Бассано! Прибыло сразу четыре эстафеты, такъ что я получилъ всѣ ваши письма до 7 числа. Я очень доволенъ, что вы призвали въ Ковно 34-ю дивизію. Важнѣе всего, чтобы она тамъ хорошо продовольствовалась. Генералъ Луазонъ сообщаетъ о закупкѣ имъ 600 лошадей для его артиллеріи, и что тотъ же продавецъ предложилъ продать ему еще 10.000 лошадей. Пошлите это предложеніе къ генералу Бурсье съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ эту покупку, если найдетъ это нужнымъ. Скажите генералу Бурсье, что необходимо, чтобы онъ прибавилъ къ сторгованнымъ имъ лошадямъ еще 6.000 для всѣхъ родовъ оружіи и 6.000 лошадей для артиллеріи и военнаго обоза. Мы ежедневно несемъ значительныя потери благодаря морозамъ и холоднымъ ночамъ. Мнѣ нѣтъ надобности разъяснять Вамъ всю важность этихъ закупокъ. Генералъ Бурсье долженъ купить до 30.000 лошадей, а если можетъ, и болѣе. Предѣломъ будетъ то количество лошадей хорошаго качества, которое окажется возможнымъ достать. Лошадей! Лошадей и еще лошадей! все равно кирасирскихъ, драгунскихъ, для легкой кавалеріи, артиллеріи, или военнаго обоза. Въ этомъ мы больше всего нуждаемся. 10.000 человѣкъ пѣшей кавалеріи будутъ вскорѣ отправлены въ Минскъ. Надо, чтобы генералъ Бурсье направилъ ихъ на Кенигсбергъ и Варшаву, въ зависимости отъ того, гдѣ могутъ найтись лошади. Постарайтесь, чтобы не было никакихъ задержекъ, ни замедленій. Напишите князю Шварценбергу, чтобы онъ ускорилъ свое движеніе и растолкуйте ему важность онаго. Ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ герцога Беллюнскаго, разставшійся съ нимъ 9 числа. Я послалъ ему положительныя приказанія. Затѣмъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ $\frac{\text{11 ноября}}{\text{30 октября.}}$ 1812 г.“

Подписано: Наполеонъ.

---

[1]) Маре (Hugues-Bernard Maret, 1763—1839), герцогъ Бассано до революціи былъ адвокатомъ, а затѣмъ, состоя посланникомъ въ Неаполѣ, былъ захваченъ австрійцами въ плѣнъ; въ 1811 году назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и получилъ титулъ герцога Бассано. *Н. З.*

Lettre de l'Empereur Napoléon au Duc de Bassano.

M-r le Duc de Bassano. Quatre Estafettes me sont arrivées à la fois; ainsi j'ai toutes vos lettres jusqu'au 7. J'approuve que vous ayez fait venir la 34-me Division à Kowno. Le principal est qu'elle y soit bien nourrie. Le G-al Loison mande qu'il a fait des marchés pour 600 chevaux pour son artillerie et que le même marchand lui propose des marches pour 10000 autres chevaux. Envoyez cette proposition au G-al Bourcier, pour qu'il passe ce marché, s'il le juge convenable. Dites au G-al Bourcier qu'il est nécessaire qu'il augmente ses commandes de 6000 chevaux de toutes armes et de 6000 chevaux d'artillerie et de transports militaires. Tous les jours nous faisons des pertes considérables par les gélées et par le froid des nuits. Je n'ai pas besoin de Vous faire comprendre l'importance de ces achats. Le G-al Bourcier doit aller haut la main jusqu' à une trentaine de mille et peut-être au-delà. Sa limite doit être qu'il est possible de se procurer en bonne qualité. Des chevaux, des chevaux! et des chevaux! Soit de Cuirassiers, soit de dragons, soit de Cavalerie légère, soit d'artillerie et d'equipages militaires. C'est là le plus grand de tous nos besoins. 10000 hommes de cavalerie à pied vont être dirigés bientôt sur Minskl, il faudra que le G-al Bourcier les dirige sur Koenigsberg et Varsovie, selon les lieux où il doit avoir des chevaux. Veillez à ce qu'il n'y ait aucun délai ni retard. Ecrivez au P-ce Schwartzenberg qu'il hate son mouvement et faites lui en sentir l'importance. J'ai reçu un aide de camp du Duc de Bellune, qui l'avait quitté le 9. Je lui ai envoyé des ordres positifs. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte garde. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

Еще сильнѣе выражена эта потребность въ письмѣ прусскаго генерала Тильмана [1]) отъ $\frac{\text{10 ноября}}{\text{29 октября}}$ къ генералу Вальцдорфу: № 2.

„Вынужденъ диктовать свое письмо къ вамъ, по причинѣ совершеннаго разстройства моего здоровья вслѣдствіе жестокихъ трудовъ. Оба имѣющіеся у меня здѣсь полка почти совершенно спѣшены, и я положительно утверждаю, что черезъ нѣсколько дней не будетъ уже ни одной лошади. Несмотря на это, увѣряютъ, что полки эти могутъ быть здѣсь снова ремонтированы, хотя очевидно, что утрата обозовъ и потери людьми дѣлаютъ осуществленіе этого невозможнымъ. Сіе побудило меня обратиться къ принцу Невшательскому съ оффиціальнымъ запросомъ, объясняя ему, что общая выгода обоихъ Государей требуетъ предоставленія королю способовъ облегчить для него выполненіе обязательствъ его, какъ союзника, и что при нынѣшнемъ положеніи нашемъ единственнымъ къ тому способомъ будетъ отправленіе сихъ двухъ полковъ въ какое-нибудь депо для переформированія ихъ, послѣ чего я берусь доставить 2 Саксон-

[1]) Генералъ Тильманъ (1765—1824) въ 1813 году, когда саксонскія войска продолжали еще дѣйствовать съ Наполеономъ противъ союзниковъ, не желая служить для угнетенія своей родины, перешелъ на русскую службу генералъ-лейтенантомъ и поступилъ снова въ прусскую армію уже по взятіи Парижа. *Н. З.*

скихъ кирасирскихъ полка къ концу будущаго мая мѣсяца на берега Буга или Нѣмана. Гвардейскіе кирасиры, находящіеся въ пути, облегчаютъ сіе дѣло, потому что можно будетъ слить полки—лейбъ-гвардейскій и Застрова—и составить изъ нихъ одинъ полкъ, который при усиленной дѣятельности можетъ быть обученъ и обмундированъ между 1 февраля и 15 апрѣля. Вотъ содержаніе моей просьбы, которая не понравилась принцу Невшательскому. Но генералъ де-Нарбоннъ, изъ любезности ко мнѣ, доложилъ объ этомъ самому Императору. Его Величество нашелъ мое мнѣніе справедливымъ, и я надѣюсь получить вскорѣ приказъ возвратиться".

Lettre du G-al Saxon Tillman au G-al Watzdorff le 10 Nov.

Je dois vous dicter ma lettre, aujourd' hui ma santé étant entièrement dérangée par les fatigues. Les deux régiments que j'ai ici sont presque absolument à pied, et je puis positivement affirmer que dans peu de jours il n'existera plus un seul cheval. Néanmoins, on avance que ces régiments peuvent être remontés ici, quoiqu'il sois clair que la perte de tous les équipages de même que la perte en hommes rend la chose impossible.

Cela me décida à faire une démarche officielle auprés du P-ce de Neuchatel lui représentant que l'intérêt commun des deux Souverains était que le Roi put avoir facilité pour remplir ses engagements d'alliés, et que dans notre position actuelle le seul moyen était de renvoyer les deux régiments dans quelque dépôt p-r les y réorganiser et que je me faisais fort de ramener les deux rég-ts de Cuirassiers Saxons vers la fin du mois de Mai prochain sur les rives du Bug on du Nieman. Les Cuirassiers de la garde qui sont en marche rendent la chose plus facile puisqu' alors on peut amalanager les régiments des gardes du corps et de Zastrow, et en faire un régiment qui avec une grande activité pourra être exercé et équipé depuis le 1-er Février jusqu'au 15 Avril.

Tel est le contenu de ma démarche qui n'a pas plu au P-ce de Neuchatel. Mais M-r de Narbonne m'a fait l'amitié d'en parler directement à l'Emp-r. Sa Majesté trouva mon opinion juste et j'espère biontôt d'obtenir l'ordre de retourner.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Война за независимость славянъ [1]).

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

IX.

Тотлебенъ.—Назначеніе Скобелева командующимъ 16 дивизіей.—Отправленіе парламентера къ Осману-пашѣ.—Дѣло 10 сентября.—Жалобы на интендантство. — Пріемъ, оказанный нашему парламентеру.—Планъ обложенія Плевны.—Нужды арміи.—Шнитниковъ.—Характиристика Скобелева.

Мѣстность здѣшняя скоро распускается отъ дождей, но за то и сохнетъ чрезвычайно быстро, два солнечныхъ дня, и грязь исчезла.

Завтра пріѣзжаетъ великій князь съ Тотлебеномъ.

18 сентября. Поѣхали навстрѣчу великаго князя; жеребецъ Имеретинскаго лягнулъ Померанцова въ ногу такъ сильно, что бѣднаго должны были снять съ лошади и отвезти въ экипажѣ въ его палатку.—Есть на свѣтѣ счастливцы, для которыхъ судьба не скупится на угодливость.—*Скобелевъ* просилъ меня устроить для него командованіе частей, говорилъ, что тяготится неопредѣленнымъ положеніемъ и временными назначеніями.—Я просилъ великаго князя, и его назначили командующимъ 16 дивизіи, такъ какъ Померанцевъ временно командовалъ 4-мъ корпусомъ.—Жеребецъ Имеретинскаго, какъ орудіе судьбы, устраиваетъ дѣло такъ, что Скобелевъ будетъ утвержденъ въ званіи начальника 16 дивизіи.

Дѣло выясняется: *Тотлебенъ* будетъ назначенъ помощникомъ принца, Имеретинскій начальникомъ штаба, я возвращаюсь къ корпусу; чтобы позолотить пилюлю, великій князь привезъ мнѣ Але-

[1]) См. „Русская Старина“, май 1907 г.

ксандровскую звѣзду за 19 августа; а Новицкій произведенъ въ генералы.

Великій князь приказалъ написать къ Осману письмо, предложить ему принять лично парламентера; предлогъ—для переговоровъ уборка почти уже разложившихся труповъ, валяющихся между Румынскими траншеями и редутомъ № 2.—Но кажется, тутъ опять что-то затѣвается.—*Непокойчицкій* говоритъ такимъ тономъ „конечно, ни о чемъ болѣе переговоровъ не будетъ“,—что нужно подозрѣвать заднюю мысль. И зачѣмъ посылаютъ парламентеромъ *Макѣева* (драгоманъ великаго князя, бывшій нашъ консулъ, кажется, въ Смирнѣ), который похваляется своими пріятельскими отношеніями къ Осману,—вѣдь вопросъ объ уборкѣ тѣлъ можетъ быть покончень и письменно.—Темные слухи проникаютъ о новомъ предположеніи подкупить.—Въ принципѣ тутъ конечно нѣтъ ничего предосудительнаго; ежели пруссаки подкупили Базена, почему и намъ не прибѣгнуть къ этому способу.—Да въ нынѣшнемъ вѣкѣ и вообще слѣдовало бы войну замѣнить подкупомъ непріятельскихъ министровъ и военачальниковъ, гораздо бы дешевле стоило.—Намъ, напримѣръ, каждый мѣсяцъ войны, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ по военному бюджету, обходится конечно не менѣе 50.000.000 звонкою монетою;—полгода войны будетъ стоить 300.000.000, кромѣ потери въ людяхъ, остановки въ торговлѣ и промышленности и проч. и проч. Ежели бы вмѣсто начала войны, пожертвовали 100.000.000 на подкупъ турецкихъ государственныхъ людей, то много вѣроятности, что восточный вопросъ могъ быть разрѣшенъ безъ всякаго кровопролитія. Но путь подкупа Османа чрезъ парламентера мнѣ кажется нераціональнымъ; тутъ нужно найти проходъ какъ-нибудь съ задняго двора. Татищевъ сочинилъ и переписалъ письмо къ Осману, и завтра его отвезетъ.

19 сентября. Татищева продержали на турецкихъ аванпостахъ часа три, пока привезли отвѣтъ Османа.—Видно, что послѣ газетныхъ толковъ о подкупѣ русскими Никопольскаго коменданта Гассана-паши, турецкіе паши сдѣлались подозрительны и осторожны.—Османъ откладываетъ на цѣлый день пріемъ парламентера и желаетъ предварительно знать сюжетъ переговоровъ.

20 сентября. Сегодня былъ объѣздъ позицій съ Тотлебеномъ и завтракъ у Румынъ.

Не могу не занести въ дневникъ всеобщій разсказъ о судѣ надъ дѣломъ 10 сентября.—*Бенкендорфъ* и *Скарятинъ*, отправившіеся къ Крылову ближайшей дорогой чрезъ Боготъ и Медованъ, наткнулись на Лошкарева на его бивуакѣ, у Ловчинскаго шоссе; такъ какъ *Крыловъ* очистилъ Д. Дубнякъ, и связь Лошкарева съ лѣвымъ берегомъ

Вида прекратились, то они остались у Лошкарева ночевать, поужинали, и подъ вліяніемъ слышаннаго отъ Лошкарева, доложили великому князю, по возвращеніи, что Лошкаревъ дѣйствовалъ смѣло, рѣшительно, и ежели бы Крыловъ поддержалъ его усилія, то дѣло было бы выиграно, и транспортъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ Плевну, достался бы въ наши руки;—но такъ какъ Крыловъ дѣйствовалъ нерѣшительно, а между тѣмъ турки двинули пѣхоту по правому берегу Вида, чрезъ Трнинъ на Медованъ, то Лошкаревъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ, долженъ былъ поторопиться отступленіемъ. Два Дерфельдена точно также переночевали у Крылова въ Самаретъ-Тростникѣ и, прослушавъ его разсказъ, доложили великому князю, что Крыловъ сдѣлалъ свое дѣло безукоризненно хорошо, но что Лошкаревъ испортилъ его нерѣшительностью своею и раннимъ отступленіемъ. Кому же вѣрить? На вѣсахъ правосудія на каждой чашкѣ по два довѣренныхъ голоса;—является заинтересованное лицо Тутолминъ, тоже лице вполнѣ довѣренное, который утверждаетъ, что онъ со своей бригадою въ теченіе цѣлаго дня держалъ транспортъ на мѣстѣ подъ ударомъ, но такъ какъ у насъ пѣхоты не было, а у непріятеля она была (у насъ было три полка драгунъ и 25 сотенъ казаковъ, вѣрнѣе могло быть), то кавалерія болѣе этого сдѣлать не могла.

Рѣшеніе: Крыловъ правъ, а Лошкаревъ виноватъ.—Крыловъ получаетъ назначеніе состоять при его высочествѣ, по званію Инспектора кавалеріи,—мѣсто, о которомъ онъ бредилъ и во снѣ и на-яву.—Вознагражденіе далеко не по заслугамъ;—въ Пруссіи начальника кавалеріи за дѣло 10 сентября вѣроятно предали бы суду, да и турки тоже бы сдѣлали.

Жалобы на Интенданство не умолкаютъ: съ 13 числа вотъ уже недѣля, какъ войска опредѣленной чарки водки не получаютъ, по неподвозкѣ спирта, а привезли напримѣръ нѣсколько боченковъ гипса, для будущихъ повязокъ, но привезли въ незакупоренныхъ боченкахъ, такъ что гипсъ отсырѣлъ и къ употребленію не годенъ.

На счетъ печенаго хлѣба, обѣщаннаго агентомъ Товарищества Кузминымъ, вышелъ вотъ какой казусъ.—Болѣе мѣсяца тому назадъ я ему далъ саперовъ для постройки въ Роденицѣ хлѣбопекарныхъ печей и назначилъ къ печамъ хлѣбопековъ отъ полковъ 4-го корпуса.—Что же оказывается.—Въ 37 устроенныхъ печахъ выпекается ежедневно около 200 пудовъ хлѣба, а на корпусъ нужно около 1.500 пудовъ,—да и тѣ 200 пудовъ разбирались частою конвоемъ главной квартиры, стоявшей въ Роденицѣ, частью конвоемъ государевой квартиры и принца Карла въ Порадимѣ—сколько же изъ остат-

ковъ могло достаться полкамъ 4-го корпуса, которымъ хлѣбопеки работали.

На завтракѣ у Румынъ присутствовалъ *Донъ-Карлосъ*;—говорятъ, что онъ просилъ въ командованіе отрядъ нашихъ войскъ, но, получивъ отказъ, пристроился къ Румынской главной квартирѣ.

21 сентября. Для пріема парламентера разбили палатку за цѣпью турецкихъ аванпостовъ, поставили мягкую мебель, угощеніе, кофе и отличныя папиросы.

Османъ-паша самъ не выѣхалъ, сказался больнымъ и выслалъ для переговоровъ начальника штаба своего Тефикъ-Бея съ двумя ассистентами, изъ которыхъ одинъ былъ адъютантъ военнаго министра, оффиціальный разговоръ шелъ исключительно на турецкомъ языкѣ.—Османъ прислалъ записку, гдѣ извинялся болѣзнью и поручалъ передать его чувства благоговѣйнаго высокопочитанія великому князю и почтительный поклонъ знакомцу своему Макѣеву.—Такъ какъ тайная цѣль переговоровъ (Макѣевъ, впрочемъ не секретничалъ и давалъ понять, что Османа можно купить за милліонъ серебряныхъ рублей, такъ какъ у него долговъ 2.000.000 франковъ), не удалась, то естественно, что разговоръ шелъ о правилахъ для уборки раненыхъ и убитыхъ на будущее время, при чемъ постановлено, чтобы съ окончаніемъ дѣла, выкидывался бѣлый флагъ, опредѣлялась по взаимному соглашенію демаркаціонная линія, на которой будетъ производиться обмѣнъ раненыхъ и тѣлъ убитыхъ, что же касается до примѣненія этого правила теперь же относительно труповъ, лежащихъ между Румынскими траншеями и редутомъ № 2-й, то турки не соглашались подъ предлогомъ, что Румыны слишкомъ близко подошли къ ихъ траншеямъ и могутъ высмотрѣть направленіе ихъ укрѣпленій, тогда какъ для нихъ, Турокъ, всѣ работы Румынъ, производящіяся на мѣстности имъ вполнѣ знакомой, совершенно извѣстны.—Они предлагали сами зарыть трупы, или ежели хотятъ Румыны хоронить убитыхъ по обряду церкви, то передать трупы въ ихъ траншеи. На упрекъ Татищева, что не хотѣли принять Румынскихъ парламентеровъ, Тефикъ-Бей отвѣчалъ, что они Румынъ не знаютъ, а воюютъ съ русскими, но слышали, что въ русской арміи есть нѣсколько батальоновъ Валаховъ.

Еще былъ эпизодъ: хотя приказано было батареямъ не стрѣлять въ томъ направленіи, гдѣ стояла парламентерская палатка, но храбрые Румыны не выдержали и пустили туда нѣсколько гранатъ. —*Татищевъ* считалъ долгомъ извиниться въ этомъ недоразумѣніи, но Тефикъ-бей съ лукавою улыбкою отвѣчалъ:

— Ce n'est rien, d'ailleurs ce sont les votres qui tirent sur Vous.

Всѣ разговоры, по словамъ Татищева, отличались крайнею чинностью и самою утонченною вѣжливостью.

Великій князь былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Османъ-паша самъ не выѣхалъ для переговоровъ и приказалъ снова ему написать, что его высочество требуетъ, чтобы онъ завтра выслалъ вновь парламентера въ Гривицу для продолженія переговоровъ.—Я позволилъ себѣ доложить великому князю, что требованіе должно повлечь за собою возмездіе за неисполненіе, чего мы сдѣлать не можемъ; упиралъ и на то, что наше положеніе будетъ конфузно, такъ какъ мы не можемъ устроить той обстановки для свиданія, которую устроили турки—великій князь настаивалъ на своемъ, я подумалъ, что утро вечера мудренѣе и велѣлъ Татищеву заготовить два письма, одно согласно желанію великаго князя; а другое—только съ выраженіемъ удивленія великаго князя, что Османъ лично не пріѣхалъ, тогда какъ его высочество въ Горномъ Студнѣ лично принималъ парламентера, присланнаго отъ Мегмета-Али и съ предложеніемъ распространить правила, принятыя въ принципѣ на будущее время, въ настоящемъ случаѣ для уборки труповъ противъ редута № 2-й.

Кстати, Румыны обращаются самымъ безжалостнымъ и безцеремоннымъ образомъ съ двумя ротами, ассигнованными имъ въ Гривицкій редутъ для поддержанія ихъ храбрости.—*Бѣлокопытовъ* сообщаетъ, что эти роты сажаютъ въ траншеи противъ угла, который повернутъ къ редуту № 2, и противъ котораго валяются разлагающіеся трупы; траншеи эти такъ мелки, что люди все время должны сидѣть скорчившись.—Въ 2 недѣли эти роты, перемѣняющіяся ежедневно, потеряли уже 2 офицеровъ и 81 нижнихъ чиновъ. Сами же Румыны стоятъ въ резервѣ, въ редутѣ.—Главнокомандующій прочиталъ это заявленіе, но оставилъ безъ вниманія;—мы все рыцарствуемъ, снисходимъ ко всѣмъ, а потому съ нами всѣ и позволяютъ себѣ дѣлать, что хотятъ;—вѣдь это оскорбительно.

22 сентября. Погода опять испортилась; съ ночи начался настоящій осенній, безконечный дождь.—Великій князь согласился парламентера отъ турокъ не требовать, а кончить вопросъ, относительно румынскихъ труповъ, письменно.

У него въ палаткѣ было засѣданіе: принцъ *Карлъ*, *Тотлебенъ*, *Непокойчицкій*, *Гурко*, *Имеретинскій* и я.—Разсуждали о способѣ дѣйствія противъ Плевны.—Тотлебенъ мнѣнія не высказываетъ, говоритъ, что еще не достаточно ознакомился съ мѣстностью;—Гурко будетъ командовать всею кавалеріею и пѣхотою на лѣвомъ берегу Вида.—Проситъ гвардейскую кавалерію, но великій князь не даетъ, говоритъ, что нужно ее сберечь для будущихъ дѣйствій

за Балканами, а чтобы она не застоялась, то дѣлать военныя прогулки чрезъ Тырново и Ловчу и знакомить ее съ мѣстностью.—Въ сущности ничѣмъ не кончили, только поговорили.

23 сентября. Отдавъ приказъ о новыхъ назначеніяхъ, великій князь уѣхалъ,—я перехожу къ обязанностямъ чернорабочаго.

24 сентября. Тотлебенъ собираетъ на совѣщаніе и объявляетъ, что, хотя предполагали, что онъ по прибытіи приступитъ къ осаднымъ работамъ, но онъ вполнѣ согласенъ съ нашимъ общимъ взглядомъ, что осада дѣло не подходящее, а что, по прибытіи всѣхъ обѣщанныхъ подкрѣпленій, нужно тѣснѣе обложить Плевну и усилить бомбардировку, для чего прибудетъ еще 24 осадныхъ орудія, въ томъ числѣ и мортиры, которыхъ мнѣ не давали.—Значитъ, въ сущности все дѣло остается въ прежнемъ видѣ, кромѣ новаго назначенія начальствующихъ лицъ—и представленія тѣхъ средствъ, которыхъ мнѣ не давали.—Обѣщана вся гвардія, а затѣмъ и гренадеры, т. е. будетъ прибавлено къ 61 батальону еще 77 батальоновъ, вооруженныхъ берданками и имѣющихъ одни 9 ф. батареи; осадная артиллерія будетъ удвоена; для работъ пришлется цѣлый инженерный паркъ, и сверхъ того въ Румыніи заказано 20.000 лопатъ,—но планъ остается тотъ же, мною предложенный, т. е. полное обложеніе, соединенное съ бомбардировкою и дѣйствіемъ на сообщеніе.

Инженерный вопросъ начинаетъ становиться на первый планъ; приказано строить новыя укрѣпленія и при томъ весьма сильныхъ профилей, бруствера въ 18 футовъ толщиною, траншеи всѣ передѣлать такъ, чтобы внутренняя сторона была срѣзана нанѣтомъ, а гласисъ спущенъ также нанѣтомъ; войскамъ дѣлать репетиціи занятія траншей по тревогѣ;—все дѣлается по образцу севастопольскихъ воспоминаній, хотя отъ непріятеля нашего нельзя ожидать особой предпріимчивости; — характеръ дѣйствій строго оборонительный.

25 сентября. Сегодня прощался съ принцемъ, онъ нѣсколько сконфуженъ, вѣроятно въ самомъ дѣлѣ заявлялъ о недостаткѣ съ моей стороны придворной вѣжливости, но не думаю, чтобы Тотлебенъ оказывалъ ее больше. Тотлебенъ, нося званіе помощника, отдаетъ приказы отъ своего имени.

26 сентября, въ Порадимъ прибыли 3-я гвардейская дивизія и стрѣлковая бригада, *Философовъ* (ком. 1 бр. 3 гвардейской дивизіи) разсказываетъ слѣдующій знаменательный фактъ.

Одну изъ дивизій корпуса *Раля* направили въ Кіевскій округъ, такъ что у него осталась одна дивизія, а у Меллера-Закомельскаго три. *Ралъ* оскорбился и обратился съ просьбою къ Гейдену, кото-

рый и порѣшилъ прикомандировать къ его корпусу отъ Меллера-Закомельскаго дивизію Саранчева, но какъ сказано въ предписаніи *„чтобы объ этомъ никому не объявлять“*. Чудны дѣла твои, Господи.

Погода съ 22 сентября стоитъ отвратительная, постоянные дожди въ перемежку со снѣгомъ и сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, лошади на коновязяхъ дрожатъ, люди ночью не спятъ по невозможности согрѣться, число ежедневно заболѣвающихъ перевалило за 200.

27 сентября. Опять жалобы отъ войскъ, что нѣтъ ни сухарей, ни спирту. *Аренсъ* телеграфируетъ, что завтра прибудетъ транспортъ съ 12.000 п. сухарей и 1.000 ведеръ спирту; но на долго ли это хватитъ на 35.000 людей. Мы живемъ совершенно согласно молитвѣ Господней, со дня на день; отпустятъ сухарей на одинъ или два дня и опять два дня нѣтъ. А какъ бы хорошо можно было обезпечить довольствіе арміи въ богатой Болгаріи, ежели бы по переходѣ черезъ Дунай, устроили правильную реквизицію, но объ этомъ не подумали со дня переправы; есть при главномъ Штабѣ арміи гг. губернаторы адріанопольскіе, филипопольскіе и т. д., которые съ того дня уже и содержаніе получаютъ. За сѣномъ войска посылаютъ верстъ за 50 и уже встрѣчаютъ затрудненія.

Землянки, построенныя на скорую руку, крайне плохи, промокаютъ, такъ что люди валяются въ грязи, да и проваливаются, кустарникъ и деревья исчезаютъ съ удивительною быстротою, мѣстность уже нельзя узнавать и не далеко то время, когда и за лѣсомъ придется посылать за десятки верстъ.

Къ заказаннымъ въ Румыніи лопатамъ приказано въ войскахъ заготовить ручки; на каждый полкъ данъ нарядъ по 500 штукъ.

Жизнь въ палаткѣ становится невыносимою, и я завтра перебираюсь въ Тученицу.

28 сентября. 1-я и 3-я гв. дивизіи и стрѣлковая бригада двигаются, подъ начальствомъ Воронцова-Дашкова на Видъ, а для разработки имъ дороги, направляется въ Карасулъ батальонъ Серпуховскаго полка съ ротою саперъ.

На требованіе о присылкѣ сапогъ, *Аренсъ* отвѣчаетъ, что запаса сапогъ нѣтъ; полки выписываютъ сапожный товаръ на экономическія суммы и поправляютъ обувь; безпрерывно встрѣчаются люди почти босые.

Чернатъ съ Лигницемъ и Пилодомъ подошли траншеями къ редуту № 32, на 39 метровъ, но на штурмъ не рѣшаются.

Мы все время существовали безъ транспортовъ, а двумъ гвардейскимъ дивизіямъ сейчасъ же дали 1.500 подводъ, отчего такая

несправедливость; развѣ въ арміи не тотъ же русскій солдатъ, нуждающійся во всемъ одинаково съ гвардейцемъ?

Получено донесеніе, что турки строятъ мостъ въ Силистріи и уже переправили на лѣвый берегъ 1.000 человѣкъ, которые и укрѣпились; поздно за умъ взялись, нужно это было сдѣлать гораздо раньше, напримѣръ, въ концѣ іюля и началѣ августа, когда наше положеніе было жутко.

29 сентября Тученица. Дѣятельность новаго начальства проявляется въ требованіи разныхъ свѣдѣній, ежедневныхъ, двухдневныхъ, трехдневныхъ и т. д.; какъ трудно выполнить подобныя требованія, когда адъютанты и писаря должны работать съ окоченѣлыми пальцами въ палаткахъ, черезъ которыя льетъ дождикъ, какъ сквозь рѣшето. На это положеніе Имеретинскій жаловался, когда командовалъ дивизіей, а теперь требуетъ и знать не хочетъ препятствій.

Тотлебенъ требуетъ въ возведенныхъ люнетахъ устроить горжи и обратить ихъ въ редуты, онъ вѣрно позабылъ результатъ горжи, устроенной имъ въ укрѣпленіи на Малаховомъ курганѣ, вслѣдствіе чего мы не могли отнять назадъ отъ французовъ, занятое укрѣпленіе. Вообще Тотлебенъ все опасается атаки со стороны турокъ; а этого слѣдовало бы желать. Да врядъ ли турки и помышляютъ объ атакѣ; они очень хорошо понимаютъ предстоящую имъ грозу и стараются запастись всѣмъ необходимымъ; ежедневно видно съ нашихъ позицій, что транспорты прибываютъ въ Плевну изъ-за Вида, гдѣ наша кавалерія ограничивается однимъ наблюденіемъ.

Воронцовъ требуетъ, чтобы гвардейскіе обозы поставить у Богота и дать имъ прикрытіе отъ 16 дивизіи, разумѣется, отказалъ въ подобномъ странномъ требованіи.

Прибыла первая партія въ 4-й корпусъ (около 400 человѣкъ), назначилъ въ 16 дивизію; Скобелевъ говоритъ, что прибыла почти безъ сапогъ.

Послѣднія двѣ ночи были для войскъ на бивуакахъ вполнѣ ужасны. Бѣлокопытовъ доноситъ, что въ двѣ ночи пало во 2-й артиллерійской бригадѣ 74 артиллерійскія лошади, а въ полкахъ 20 подъемныхъ; три солдата найдены утромъ замерзшими, а трехъ убило развалившимися землянками.

30 сентября. Погода начинаетъ поправляться, проглянуло солнышко, обогрѣло и обсушило; всѣ ожили, повеселѣли. Имеретинскій оказывается хорошимъ канцелярскимъ чиновникомъ и болѣе ничего;—все пишетъ и пишетъ. Тотлебенъ безконечно самолюбивъ, не терпитъ чужого мнѣнія и каждое возраженіе принимаетъ за личное оскорбленіе; общая слабость односторонникъ геніевъ, счи-

тающихъ себя всесторонними. Я напримѣръ предложилъ устранить редутъ, на бугрѣ противъ № 10, на оконечности лѣваго фланга, Тотлебенъ хотя съ этимъ и согласенъ, но велѣлъ строить не на вершинѣ, а на внутреннемъ скатѣ, такимъ образомъ впереди редута образуется большое мертвое пространство: мотивируется подобное распоряженіе тѣмъ, что турки, въ случаѣ атаки, будутъ поражены неожиданностью, поднявшись на бугоръ и открывъ съ него существованіе редута; но имъ останется всего 25 шаговъ, чтобы добѣжать до рва редута.

Несмотря на существованіе бригадныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи въ корпусахъ, учреждается новая инстанція начальника артиллеріи, стоящей на позиціи;—въ эту должность назначается полковникъ Л., имѣющій быть на дняхъ произведеннымъ въ генералы. Приказанія по инженерной части передаются прямо командирамъ саперныхъ батальоновъ, помимо командировъ корпусовъ и дивизіи, войска которыхъ стоятъ на позиціи.—Тотлебенъ говоритъ, что въ настоящее время весь успѣхъ военнаго дѣла зависитъ „отъ гармоничнаго сочетанія искусства инженернаго съ артиллерійскимъ“.

Утромъ въ 4 часа получается отъ Имеретинскаго приказаніе Тотлебена о нарядѣ рабочихъ; спрашивается, когда это приказаніе можетъ быть приведено въ исполненіе?—Вотъ образчикъ увлеченія спеціально канцелярскимъ дѣломъ безъ всякаго посторонняго соображенія.

1 октября. Двѣ гвардейскія дивизіи со стрѣлковою бригадою сосредоточены въ Эни и Эски-Баркачѣ, но чрезъ Видъ переходить не приказано, хотя подъ носомъ ихъ тянутся въ Плевно безконечные обозы;—съ Гурко сообщенія нѣтъ, и кавалерія его бездѣйствуетъ.

Телеграфомъ теперь снабдили: гвардія связана съ нами проволокой, вдоль позиціи также устроено телеграфное сообщеніе,—приказано въ разное время сутокъ производить залпы, чтобы морально потрясать непріятеля.

Начинаютъ прибывать подкрѣпленія партіями въ 200—300 человѣкъ, такъ что въ послѣдніе три дня прибыло 1.000 человѣкъ.—Одна изъ прибывшихъ партій разыскивала корпусъ подъ Рущукомъ и изъ Бѣлы уже направлена къ Плевно—это характеризуетъ существующій порядокъ въ направленіи къ арміи укомплектованія.—Еще замѣчательный фактъ: всѣ прибывающія партіи заявляютъ, что на послѣдніе три—четыре дня у нихъ не хватило порціонныхъ денегъ, и солдаты продовольствовались на собственныя средства. Удивительно, что при такихъ порядкахъ, мародерство проявляется толь-

ко въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, единичными случаями.- Что за великолѣпное, значитъ, созданіе, русскій солдатъ,—какъ твердо укрѣплена въ немъ отъ природы настоящая боевая военная дисциплина,—все онъ переноситъ безропотно и несетъ свою тяжелую безотрадную долю припѣваючи, сознавая необходимость и безвыходность изъ своего положенія.—Да, съ такимъ матеріаломъ, при разумномъ его направленіи, можно дѣйствительно дѣлать чудеса въ военномъ смыслѣ.

20 октября. Первый и неумолимый врагъ нашъ, интендантство, продолжаетъ насъ доѣдать: сапогъ, шинелей, фуфаекъ не даютъ—2-я дивизія опять была два дня безъ сухарей, а сегодня получила ихъ только на однѣ сутки.—Вотъ уже мѣсяцъ прошелъ, какъ дивизія въ 2-хъ дневномъ бою 30 и 31 августа была уничтожена и до сихъ поръ устроиться не можетъ;—полковыхъ и бригадныхъ командировъ нѣтъ; офицерами дивизія не пополнена, полки остаются въ однобатальонномъ составѣ. По словамъ новаго корпуснаго интенданта Палена, хлѣбъ, направляемый изъ Роденицы въ полки 4 корпуса, расхищается въ Порадимѣ Румынами, которые потомъ продаютъ его нашимъ солдатамъ по 25 коп. за 3 фунтовой хлѣбецъ.

Эвакуаціи больныхъ не производится; въ дивизіонныхъ лазаретахъ накопилось 130, 270—500 больныхъ, а всего 900 человѣкъ, вмѣсто положенныхъ 240; можно себѣ вообразить, какими удобствами и уходомъ больные пользуются.

Принцъ *Карлъ* прислалъ сегодня мнѣ Охотникова, съ вопросомъ: не извѣстно ли мнѣ что-нибудь о движеніи Османа съ 16.000 къ Никополю—это предполагаемое движеніе къ Никополю составляетъ, кажется, кошмаръ его румынскаго высочества;—поручилъ Охотникову успокоить принца, такъ какъ Османъ благодушествуетъ въ Плевно и запасается только провизіей, предвидя, что скоро будетъ окруженъ.

3 октября. Оба мои начальника дивизій, люди безспорно способные, но крайне неудобны, какъ подчиненные.—*Шнитниковъ* очень самолюбивъ, во всѣхъ случаяхъ желаетъ сохранить иниціативу за собою, вѣчно споритъ и хочетъ поставить на своемъ; считаетъ повидимому мѣсто начальника дивизіи ниже себя и мелочами заниматься не хочетъ; люди у него ходятъ безъ сапогъ и пища плохая, но онъ увѣренъ самъ и увѣряетъ другихъ, что это не такъ, что у него во всемъ полный порядокъ и исправность, все онъ приказалъ, всѣмъ распорядился.—О чемъ бы ни заговорили, оказывается, что все это имъ предвидѣно и уже было имъ говорено.—Духъ критики въ немъ страшно развитъ; но разсказать подробности своихъ

распоряженій 30 числа при атакѣ редута № 10, онъ не рѣшается, даже просто уклоняется и даетъ поводъ думать, что, какъ и разсказываютъ, распоряженій съ его стороны не было никакихъ,—а слѣдовательно на дѣлѣ онъ вовсе не такъ боекъ, какъ на словахъ.

Скобелевъ, какъ военный генералъ, стоитъ далеко выше Шнитникова и по распорядительности и по энергіи и по смѣлости.—Честолюбіе и самолюбіе въ немъ развиты до безконечности, до болѣзненности.—Чужого мнѣнія, хотя и полезнаго, не признаетъ.—Обидѣлся за то, что я приказалъ ему выдвинуть батарею для обстрѣливанія редута, вновь устраиваемаго на правомъ берегу Радишевскаго оврага, и только потому, что не самъ предложилъ эту мысль. Какъ человѣкъ не надеженъ, обманетъ, продастъ, оклевещетъ,—чтобы лучше самому обрисоваться.—Онъ что-то хитритъ и, кажется, стремится къ сепаратизму, уже уговорилъ меня 1-ю бригаду 16 дивизіи послать на отдыхъ въ Боготъ, теперь рѣчь заводитъ и о второй бригадѣ. Всѣми способами, дозволенными и недозволенными, стремится къ славѣ и къ пріобрѣтенію популярности. Кажется, въ моихъ отношеніяхъ съ нимъ повторяется извѣстная басня о крестьянинѣ и змѣѣ.

Турки продолжаютъ усиливать укрѣпленія на Ловчинскомъ шоссе и выдвигаютъ впередъ траншеи.

Скобелевъ все твердитъ о новомъ штурмѣ, съ юго-западной стороны, увѣряетъ, что по свѣдѣніямъ, имъ добытымъ, Османъ сдѣлалъ запасъ разнаго рода хлѣба въ 320.000. Съ такимъ запасомъ продовольствія онъ, конечно, можетъ выдержать блокаду 6 мѣсяцевъ и долѣе.—Не мало вѣроятія, что бы онъ могъ собрать такіе запасы. Мнѣ кажется, что, пользуясь приходомъ гвардіи, можно бы было попробовать усиленную рекогносцировку въ промежутокъ между Кришинскимъ редутомъ и Видомъ, ежели это пространство не загражденно укрѣпленіями, то можно было бы прорваться и вынудить Османа принять бой на мѣстности, не усиленной укрѣпленіями.—*Тотлебенъ* не соглашается ни со Скобелевымъ, ни со мною; онъ хочетъ достигнуть цѣли одною блокадою, безъ потери людей; конечно, это благоразумнѣе, но потребуетъ дольше времени, а Балканы скоро покроются снѣгомъ, и тогда переходъ черезъ нихъ будетъ стоить большихъ жертвъ.

Имѣлъ сегодня непріятное объясненіе съ Новицкимъ.—Человѣкъ очень способный, но лѣнивъ и мало работаетъ, заискиваетъ у сильныхъ міра сего и озлобленъ противъ меня за то, что я не представилъ его за 30 августа въ свиту Государя.—Судьба меня какъ нарочно все сталкиваетъ съ личностями честолюбивыми, интригую-

щими, а, слѣдовательно, по своимъ наклонностямъ, прямо мнѣ противоположными.

5 октября. Сегодня ѣздилъ съ Тотлебеномъ рекогносцировать Зеленую гору; турки не стрѣляли, изъ чего можно заключить, что на Кришинскомъ редутѣ нѣтъ артиллерійскаго вооруженія.—Тотлебенъ покуда не сдается на убѣжденія Скобелева и рѣшаетъ занять только Лысую гору.

Вслѣдствіе заявленнаго мною подозрѣнія, что Скобелевъ стрѣмится быть отдѣленнымъ отъ корпуса съ 16 дивизіей, Скобелевъ пришелъ со мною объясняться, при чемъ клялся, обнимался, цѣловался и увѣрялъ, что онъ ничего подобнаго не желалъ и не добивался.—Не вѣрю я людямъ, которые любятъ лобызаться.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ [1]).

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

Лично отправился на излеченіе въ гор. Александрополь. Рана моя была опасная и требовала хорошаго ухода. На мое счастье я попалъ въ руки отличныхъ людей: молодого и очень талантливаго врача г-на Зоммера и сестры милосердія г-жи Лебедевой. Послѣ перенесенной жестокой лихорадки, я началъ быстро оправляться, но выходилъ изъ терпѣнія, что наружные разрывы кожи долго не заживаютъ. Въ первыхъ числахъ сентября я уже всталъ съ постели и дѣлалъ по Александрополю прогулки въ экипажѣ. Тутъ я, въ первый разъ, постигъ, какую важную роль, въ жизни боевой арміи, играетъ ея правильно и хорошо устроенный тылъ. Въ Александрополѣ же все носило на себѣ характеръ случайности и поспѣшности: хозяевъ было много, но единаго управленія и мощи не было. Съ чувствомъ благодарности и изумленія надо отнестись къ дѣятельности великой княгини Ольги Ѳедоровны: у нея все дѣлалось быстро, умѣло и въ должной мѣрѣ. Попасть въ госпиталь Краснаго Креста считалось большимъ счастьемъ и будь за то на вѣки священна и благословенна ея память!

Между прочимъ я обратилъ тогда вниманіе на фабрикацію сухарей, въ наскоро устроенной печи, какого-то армянина подрядчика. Половина сухарей выходила хорошаго качества, четверть съ подгарью, а еще 1/4 совершенно горѣлыхъ. При малѣйшемъ недосмотрѣ въ кули шли всѣ сорта, а отсюда получалась та недоѣдка, которая прямо ложилась на силы солдатъ. Интендантство подряд-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. май.

чику покровительствовало, а потому ссора съ пріемщиками была ежедневная, или же улаживалась добровольными соглашеніями.

Комендантъ Александрополя, генералъ-маіоръ Эристъ, изъ себя выходилъ надъ выпроваживаніемъ офицеровъ въ войска, проживавшихъ въ Александрополѣ, безъ всякой надобности, подъ благовидными предлогами. По преимуществу это были офицеры, призванные изъ запаса, и большинство изъ нихъ числилось больными по госпиталямъ, пользуясь свидѣтельствами отъ медицинскаго персонала, очень склоннаго дѣлать поблажки въ широкихъ размѣрахъ.

Недостатка въ продуктахъ ощущаемо не было: цѣны на всѣ предметы продовольствія стояли весьма умѣренныя. Перевозочныхъ средствъ было много. Подряды же брались, уже въ это время, по весьма большимъ цѣнамъ, а въ частной торговлѣ все было, повторяю, дешево.

Въ одной со мною квартирѣ лечился мой родной братъ генералъ-лейтенантъ Дмитрій Виссаріоновичъ Комаровъ, тогда начальникъ Кавказской Гренадерской дивизіи. Онъ былъ тяжело раненъ къ ногу, въ сраженіи 13 іюня, подъ Зивиномъ. Леченіе его шло крайне медленно. Остроумный докторъ Зоммеръ для заживленія, раны, величиною въ серебряный рубль, придумалъ разъединить ее кожею взятою отъ другого живого человѣка, такъ сказать, образовать острова и этимъ положить начало заживленія. Кожу свою предложила Екатерина Николаевна Лебедева; ей было сдѣлано около 30-ти ущипленій и перенесено, въ разное время на рану моего брата. Идея оказалась правильною: хотя медленно, но рана начала заживать.

Мнѣніе моего брата о несчастномъ исходѣ для насъ сраженія подъ Зивиномъ, гдѣ мы потеряли свыше 800 человѣкъ, самаго цвѣта нашей арміи, не выполнили блистательнаго плана соединиться съ Эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова, примѣрно гдѣ-либо впереди Ардоста, и соединенными силами нанесть пораженіе арміи Мухтаръ-паши, выдвинувшейся въ то время для выручки осажденнаго нами Карса, имѣло для меня первенствующее значеніе. По его словамъ, оставить Зивинскую позицію на флангѣ нашего движенія было невозможно: Зивинъ слѣдовало брать. Рекогносцировки никакой сдѣлано не было. Основываясь на докладѣ генеральнаго штаба подполковника Воинова, объявившаго себя знатокомъ этой мѣстности, генералъ Гейманъ составилъ планъ атаки, который состоялъ въ томъ, чтобы обойти Зивинскую позицію съ востока кавалеріею, съ запада пѣхотою, а центръ атаковать въ лобъ. Кавалерія къ мѣсту боя не пришла вовсе, потому что пошла по такой дорогѣ, гдѣ встрѣтила полную невозможность взбираться на утесы.

Обходная колонна съ запада не только не приблизилась къ точкѣ приложенія удара, но еще и удалилась отъ нея, задержанная малыми турецкими отрядами. Вся тяжесть боя легла на малочисленную колонну центра, который атаковалъ отлично укрѣпленную позицію одинъ безъ всякой поддержки. Ошибка въ диспозиціи была замѣчена поздно; только къ вечеру, когда возвратилась наша обходная колонна, мы уяснили себѣ все горе, которое произошло отъ торопливости и увѣренности въ успѣхѣ.

Братъ мой никогда не порицалъ Лорисъ-Меликова, слишкомъ довѣрявшаго генералу Гейману, но послѣдняго онъ не могъ выносить и, отдавая ему дань въ личной храбрости, звалъ не иначе, какъ военною недоучкой, неимѣвшей никакихъ понятій о стратегіи и всегда игнорировавшей обстановку.

Неудача при Зивинѣ повела насъ къ отступленію на Караялъ и Эривань, а отступленіе—къ снятію осады Карса и многострадальнымъ днямъ на Караялѣ и вызову 2-хъ дивизій на подкрѣпленіе изъ Россіи.

Въ началѣ первой половины сентября стала подходить 1-я гренадерская дивизія; чтобы ускорить ея маршъ, была продѣлана прямая дорога отъ Боржома на Ахалкалаки и собраны для ея тяжестей усиленныя перевозочныя средства. Средства эти черпались изъ Духоборскихъ поселеній частью за плату, частью же добровольною посылкою самихъ жителей. Духоборы, поселенные между Ахалкалаками и Александрополемъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ родится только одинъ ячмень да картофель, занимаются скотоводствомъ, но еще болѣе извознымъ промысломъ, что̀ и даетъ имъ средства къ безбѣдному существованію. Вина не употребляютъ вовсе, забавамъ не предаются. Трудолюбивы, экономны, опрятны, заботливы какъ о своихъ домахъ, такъ и о воспитаніи дѣтей. Властямъ не сопротивляются, но выше всякой власти считаютъ власть своего старшину и подчиняются его приказамъ безропотно. Въ эту пору, старшиною была женщина, которую прозвали наши солдаты Богиней. Много добра и пользы сдѣлали нашимъ войскамъ духоборы и не упомянуть объ этомъ прямо было бы совѣстно.

Изъ Духоборья, черезъ постъ шестапинскій, полки прибывали прямою дорогою на Караялъ. Видъ людей, обмундированіе, обозъ не оставляли желать ничего лучшаго. Тѣмъ не менѣе въ первые же дни обнаружилось, что войскамъ этимъ служба будетъ не по привычкамъ, усвоеннымъ въ Москвѣ. Они начали затрудняться во всемъ: то лагерное мѣсто не удобно, то дороги невозможны для ихъ тяжелыхъ фуръ, то не могутъ сварить пищи на кизякѣ, вмѣсто дровъ, то тяжела аванпостная служба. Истые кавказскіе солдаты,

никогда не разстававшіеся съ нуждою и въ мирное время, скоро подмѣтили это свойство и подняли пришедшихъ воиновъ на смѣхъ. Установилось съ мѣста какое-то взаимное недовѣріе и колкія отношенія, которые подогрѣвались еще и тѣмъ, что высшее начальство встрѣтило пришедшихъ воиновъ не только любезно, но даже и предупредительно.

10-го сентября я былъ вызванъ изъ Александрополя въ Караяльскій лагерь. Рана моя подживала, но тѣмъ не менѣе я былъ вынужденъ носить бинты и корсетъ, который мнѣ очень любезно смастерила сестра Лебедева, передѣлавъ свой собственный.

Цѣль моего вызова состояла въ томъ, чтобы воочію удостовѣриться, способенъ ли я, по состоянію здоровья, вновь отправиться въ Ардаганъ и вступить въ командованіе войсками и страною, такъ какъ оттуда шли слухи, что между жителями турками готовится возстаніе. Экзаменъ вышелъ въ мою пользу. 12-го я возвратился въ Александрополь и въ тотъ же день, черезъ Духоборье, выѣхалъ въ Ардаганъ.

По дорогѣ я видѣлся съ нѣкоторыми вліятельными туземцами, а въ Зурзунѣ съ старшинами Чалдырскаго санджака и точно удостовѣрился, что ни о какомъ возстаніи никто и не думаетъ, и что это не болѣе какъ праздное измышленіе людей трусливаго десятка, способныхъ во всемъ сомнѣваться и изо всего дѣлать опасность. Къ Ардагану я подъѣзжалъ около 3-хъ часовъ утра и былъ пораженъ тѣмъ, что аванпосты наши начали встрѣчаться часто и густо разставленными, мѣстами въ три линіи; всего въ ночной расходъ выходило изъ 8-ми батальоновъ около 3-хъ, говоря другими словами, служба была изнурительная. И дѣйствительно, объѣхавъ, черезъ два дня, войска, я былъ пораженъ усталымъ видомъ солдатъ и немедленно сдѣлалъ сокращеніе всѣхъ ночныхъ нарядовъ. Искусство ставить аванпосты тогда было очень слабо разработано въ нашемъ уставѣ, перешло къ намъ по наслѣдству, еще со временъ Фридриха Великаго, и нисколько не приспособлено къ дальнобойному ружью. Предпріимчивый и ловкій противникъ всегда изведетъ своего неумѣлаго врага однѣми ночными тревогами, а самъ сумѣетъ охраниться и сберечь силы своихъ людей. Нельзя не сознаться, что это и нынѣ самая слабая часть нашего устава, требующая немедленной переработки.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Ардаганѣ, убѣдили меня вполнѣ, что отрядъ здѣсь стоитъ совершенно праздно и легко можетъ быть уменьшенъ до 2-хъ батальоновъ. Вслѣдствіе этого я телеграфировалъ Лорисъ-Меликову и спрашивалъ его разрѣшенія прибыть съ 6-ью батальонами на Караялъ. Разрѣшеніе было полу-

чено, и я вновь, къ 17 сентября, прибылъ въ главный лагерь. Здѣсь я встрѣтился съ генералъ-адъютантомъ Обручевымъ, не задолго до того пріѣхавшимъ и поступившимъ въ распоряженіе Главнокомандующаго. Видимо готовилось наше наступленіе на армію Мухтара-паши, но планъ атаки сохранялся въ тайнѣ.

18-го сентября вечеромъ колонныхъ начальниковъ: генералъ-лейтенанта Геймана, Роопа, меня и нѣкоторыхъ другихъ пригласили въ палатку Лорисъ-Меликова, для выслушанія диспозиціи. Генералъ Шелковниковъ не участвовалъ, такъ какъ еще наканунѣ съ весьма значительною колонною выступилъ въ обходъ горы Инахъ-Тапы, чтобы демонстрировать турецкую позицію на юго-востокъ отъ Аладжи.

Когда намъ прочли диспозицію и спросили нашего мнѣнія, всѣ молчали, я одинъ подалъ голосъ, что это та же самая диспозиція, что и 6 августа, растянутость непомѣрная; придется выступать въ ночь съ 19 на 20-е августа, пройти 25 верстъ и съ усталыми войсками вступить въ бой. „Успѣха не будетъ“, добавилъ я. Лорисъ-Меликовъ на меня разсердился и рѣзко замѣтилъ: „разсуждать поздно, надо повиноваться“! Я замолчалъ.

И такъ колонна генерала Шелковникова обходила Аладжу съ востока, генералъ Гейманъ шелъ на Субботанъ и Большіе Ягны. Генералъ Роопъ на малые Ягны и Визинкевъ, т. е. между м. Ягны и Карсомъ. Я состоялъ въ колоннѣ генерала Роопа.

Выступили изъ лагеря 19-го въ $9^1/_2$ часовъ вечера. Моя колонна шла въ авангардѣ. Около 6 часовъ на разсвѣтѣ я подходилъ къ укрѣпленному турками м. Ягны. Послѣдовалъ первый турецкій орудійный выстрѣлъ. Я развернулъ свой авангардъ, и подъ прикрытіемъ моимъ развернулась и вся колонна, выстроившись параллельно къ хребту м. Ягны, спускавшемуся къ Карсъ-Чаю.

Отъ главной колонны выдѣлился отрядъ изъ 2-хъ полковъ Тифлисскаго и Несвижскаго, для атаки м. Ягны съ Ю.-З.

Атаковать укрѣпленіе м. Ягны въ лобъ, по крутизнѣ въ 30°, а мѣстами и болѣе, не представлялось возможнымъ: артиллерійскій обстрѣлъ былъ безполезенъ: или перелетъ или недолетъ; я сдѣлалъ распоряженіе обходить м. Ягны съ сѣверо-востока, но едва отдалъ объ этомъ приказаніе, какъ прискакалъ ко мнѣ какой-то офицеръ и объяснилъ, что колонна полковника Граббе попала къ югозападу отъ м. Ягны въ трудное положеніе, и что массы войскъ выступили изъ Карса на помощь своимъ. Съ бывшимъ при мнѣ конвоемъ, изъ десятка казаковъ, я поскакалъ на нашъ правый флангъ, чтобы уяснить себѣ истинное положеніе дѣла. Здѣсь съ хребта м. Ягны было видно все совершенно ясно. Тиф-

лисскій гренадерскій полкъ уже перевалилъ черезъ гору и велъ непосильный бой съ окружившими его со всѣхъ сторонъ турецкими войсками, успѣвшими прійти на помощь отъ Визинкева и отъ Карса. Терять время было невозможно. Командовавшій здѣсь колонною, тогда еще полковникъ, графъ Михаилъ Павловичъ Граббе, охотно подчинился какъ лично мнѣ, такъ и всѣмъ сдѣланнымъ мною распоряженіямъ. Я вызвалъ всѣ четыре батареи какъ отъ своей, такъ и отъ его колонны и развернулъ ихъ на хребтѣ горы, не стѣсняясь тѣмъ, что вся эта артиллерія стала флангомъ къ турецкому укрѣпленію.

Мѣра эта оказалась дѣйствительною: Турки начали обратное движеніе. Появилась наша кавалерія, подъ командою генералъ-маіора князя Щербатова, шедшая по долинѣ Карсъ-Чая, что ускорило обратное движеніе турокъ въ Карсъ. Тифлисскій полкъ былъ освобожденъ и отступилъ, понеся потерю, въ 2 боевыхъ часа, около 240 чел. Около 12 часовъ дня изъ нашего резерва подошелъ Перновскій полкъ и залегъ на скатѣ горы въ густыхъ батальонныхъ колоннахъ. Минута штурмовать укрѣпленіе м. Ягны мнѣ представлялась удобной. Я послалъ объ этомъ приказаніе названному полку и терпѣливо ожидалъ исполненія. Полкъ разворачивался медленно, такъ какъ первый разъ былъ въ бою.

Резервъ нашъ изъ 2-хъ полковъ 1-й Гренадерской дивизіи участія въ бою не принялъ и простоялъ все утро въ ружьѣ, во второй линіи.

Въ часа по полудни стало ясно, что на всей длинной линіи нашего наступленія все дѣло ограничивается одною стрѣльбой и нигдѣ расположеніе турокъ не прорвано, что войска истомлены до невозможности и не имѣютъ силъ нанесть какой-либо рѣшающій ударъ.

Въ 3 часа пришло распоряженіе отъ Главнокомандующаго отойти правому (нашему) флангу на гору Кабахъ-Тапа, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Общая наша потеря во всѣхъ войскахъ доходила до 3.000 тысячъ человѣкъ. Причины неудачи я приписываю: 1) Длинному разстоянію, отдѣлявшему насъ отъ точекъ удара: войска всю ночь шли по безводной степи. 2) Растянутости всей линіи атаки. 3) Неясному опредѣленію цѣлей, которыхъ слѣдовало достигать.

Впослѣдствіи выяснилось, что обходная колонна генерала Шелковникова мало обезпокоила турокъ, и что выходъ ея въ флангъ назначенъ слишкомъ близко къ головѣ расположенія турецкой арміи, а потому особаго, подавляющаго вліянія на исходъ дѣла имѣть не могла.

20-го вечеромъ и 21-го днемъ войска наши частью возвратились въ лагерь на Курюкъ-Дара и Караялѣ, частью остались, въ видѣ сильныхъ авангардовъ: на Карсъ-Чаѣ, близъ и впереди Кабахъ-Тапа, а частью близъ Субботана.

Талантливый генералъ-адъютантъ Обручевъ чрезвычайно понравился кавказскимъ войскамъ тѣмъ, что въ теченіе дня безпрерывно показывался тамъ, гдѣ было больше огня. Послѣдствія дня, выразившіяся въ новой диспозиціи на 3-е октября, показали, что онъ отлично понялъ въ чемъ дѣло и какъ надо распорядиться.

Приведеніе въ порядокъ нашихъ войскъ, подготовка для перехода въ рѣшительное наступленіе и отвозъ раненыхъ въ Александрополь потребовали нѣсколькихъ дней.

22-го турки выдвинулись по направленію къ Кабахъ-Топа и завязали бой, но это видимо было не по ихъ силамъ и, послѣ довольно горячей перестрѣлки, они опять скрылись за гору Большія Ягны. При главномъ участіи Н. Н. Обручева выработался новый планъ: а) главными силами, которыя сосредоточиваются между гор.: Большою Ягны и Субботаномъ, атаковать Авліаръ и Визинкевъ. б) Обходную колонну усилить и дать ей обходъ турецкой позиціи болѣе длинный, нежели въ первый разъ. в) Удерживать на позиціи турецкія войска, расположенныя между Субботаномъ и Кизылъ-Тапою, чтобы не дать имъ возможности маневрировать, такъ сказать, привязать ихъ къ мѣсту, и г) Сгруппировать массу артиллерійскихъ орудій между Б. Ягны и Субботаномъ и тѣмъ парализовать огонь турецкихъ ружей, системы Пибоди Мартини, бившихъ отлично на 2.500 шаговъ, тогда какъ у насъ наполовину были ружья системы Бердана, работавшія хорошо не далѣе 1.200 шаговъ, а на половину системы Карля, бившія порядочно не болѣе 800 шаговъ.

Съ 25-го сентября жаркая погода смѣнилась прохладною; въ этотъ же день мы замѣтили, что турки бросили свои позиціи на Кизилъ-Тапѣ и начали стягиваться къ Авліару, что послужило уже вѣрнымъ признакомъ начала отступленія турокъ съ Аладжанскихъ горъ. Многіе въ нашемъ лагерѣ начали уже безпокоиться, что турецкая армія снимется съ позиціи и уйдетъ во-свояси безнаказанно.

30-го сентября часть нашихъ войскъ двинулась къ Субботану подъ командою генерала-лейтенанта Геймана, а особый отрядъ генералъ-маіора Шака выдвинутъ передъ гору Б. Ягны.

1-го октября турецкія войска атаковали генерала Шака, понесли большія потери и отступили къ Визинкеву. Донося объ этомъ дѣлѣ, генералъ Шакъ выяснилъ, что онъ стоитъ на отличной позиціи и положеніе свое считаетъ твердымъ.

Надобно было торопиться дать бой, но пришлось дать время об-

ходной колоннѣ генерала Лазарева выдвинуться въ извѣстномъ направленіи.

Въ эти дни я былъ совершенно свободенъ отъ всякаго командованія, такъ какъ мой Ардаганскій отрядъ разобрали по частямъ и я пристроился къ Главной квартирѣ. Погода въ ночь съ 30-го сентября на 1-ое октября смѣнилась на холодную и дождливую. Термометръ по ночамъ показывалъ не болѣе 3 градусовъ тепла.

Въ 10 часовъ вечера я былъ въ палаткѣ у Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, истопленной походною печью. Передъ нами лежала карта, и мы толковали объ нашей настоящей обстановкѣ. Увѣренность въ блистательномъ успѣхѣ дѣлала намъ хорошее расположеніе духа, хотя въ этотъ день Лорисъ-Меликовъ былъ въ лихорадкѣ и грѣлся не только топкою, но и полушубкомъ. Вошелъ его адъютантъ и подалъ записку отъ генерала-лейтенанта Геймана слѣдующаго содержанія: „положеніе моего отряда, выдвинутаго изолированно, слишкомъ впередъ, заставляетъ меня завтра отойти на сближеніе съ генераломъ Роопомъ. Тягощусь 24-хъ фунт. орудіями и долженъ ихъ бросить“. (Послѣднюю фразу надобно объяснить: дабы безпокоить турецкія позиціи за р. Субботанъ у насъ въ лагерѣ Геймана была устроена батарея изъ 4-хъ 24-хъ фунтовыхъ орудій изъ осаднаго парка, находившагося въ Александрополѣ; орудія были доставлены на быкахъ съ чрезвычайными усиліями).

Записка генерала Геймана смутила Михаила Таріеловича чрезвычайно. „Опять штуки“, сказалъ онъ, и подалъ мнѣ записку. „Въ то время, что, генералъ Шакъ, стоящій впереди и только что вынесшій тяжелый бой, чувствуетъ себя превосходно,—генералъ Гейманъ находитъ свое положеніе рискованнымъ“.—Одну минуту Лорисъ-Меликовъ думалъ и вслѣдъ за тѣмъ написалъ записку: „Прошу Васъ оставаться на позиціи и держаться на ней, во что бы то ни стало“.

Не прошло послѣ этого и получаса, какъ прискакалъ въ лагерь полковникъ Жуковъ, командиръ казачьяго полка, и подалъ вторую записку отъ Геймана, слѣдующаго содержанія: „съ разсвѣтомъ снимаюсь съ позиціи и отхожу на соединеніе съ генераломъ Роопомъ“.—„Разскажите, что у Васъ тамъ случилось?“—спросилъ Лорисъ-Меликовъ Жукова.—„Все благополучно“, отвѣчалъ Жуковъ: „но днемъ мы видѣли, что массы турецкихъ войскъ передвигаются къ Авліару и Визинкеву“. „Хорошо, обождите и закусите, черезъ часъ я самъ выѣзжаю на передовую позицію. Вы поѣдете со мною“.

Жалко было смотрѣть на уставшаго и больного Лорисъ-Меликова, но, тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ готовить конвой и сѣдлать лошадей. Черезъ часъ онъ выѣхалъ; зги не было видно. Дорогу освѣщали фонарями.

Впослѣдствіи, Михаилъ Таріеловичъ мнѣ разсказывалъ слѣдующее: „Въ 7 часовъ утра я доѣхалъ до лагеря генерала Шака и, удостовѣрившись, что онъ занимаетъ отличную позицію, я поблагодарилъ его и войска за славный бой 1-го числа и въ 9 часовъ былъ въ лагерѣ Геймана. Объѣхавъ войска, я зашелъ къ нему въ палатку и сказалъ ему всего нѣсколько словъ, а именно: „Василій Александровичъ! успѣхъ нашъ—экстраодинарныя почести; не нашъ—вы отвѣтчикъ; это опять съ вашей стороны затрудненія, вслѣдствіе того, что вамъ хочется дѣлать все по-своему. Довольно съ насъ и одного Зивина!“

2-го октября я представлялся великому князю главнокомандующему, по случаю своего отъѣзда въ Ардаганъ. На Караялѣ въ лагерѣ оставался одинъ только Л. Екатеринославскій полкъ, всѣ остальныя части войскъ уже были выдвинуты на передовыя позиціи. Его высочество былъ покоенъ и удостоилъ меня продолжительнымъ разговоромъ. Съ полною увѣренностью, я ему предсказывалъ блистательную побѣду. Да и не трудно было предсказывать, когда въ ночь мнѣ сдѣлалось доподлинно извѣстнымъ, что обходная колонна генерала Лазарева выдвинулась настолько въ обходъ съ востока, что грозила совершенно отрѣзать путь для турецкой арміи на Эрзрумъ и тѣмъ поставить армію Мухтаръ-паши вполнѣ въ отчаянное положеніе.

Въ 4 часа по полудни съ конвоемъ изъ 40 человѣкъ я выѣхалъ въ Ардаганъ прямою дорогой черезъ Чалдырскій санджакъ, по едва проѣзжей горной дорогѣ. Ночевалъ я на высотѣ $5^1/_2$ тысячъ футовъ. Около 10 часовъ утра я собирался въ дальнѣйшій путь, но еще разъ захотѣлъ посмотрѣть на Аладжинскія горы, которыя въ бинокль были видны превосходно. Вдругъ появилось облако дыма, и этотъ дымъ все шелъ впередъ и впередъ. Затѣмъ прояснило. „Авліаръ взятъ“, сказалъ я своимъ спутникамъ. „Побѣда наша!“. Окружавшіе меня: уѣздный начальникъ поручикъ Меписовъ и чалдырскіе старшины нѣсколько усумнились въ моихъ словахъ, но сдѣлали видъ, что повѣрили. Съ веселымъ сердцемъ я продолжалъ путь по берегу Чардырскаго озера. Въ 7 часовъ вечера я заночевалъ на западной окраинѣ этого озера въ большой турецкой деревнѣ, а въ 10 часовъ вечера, ко мнѣ прискакалъ нарочный съ телеграммою отъ главнокомандующаго изъ Ардагана, въ которой его императорское высочество мнѣ сообщалъ, за личною своею подписью, о полномъ пораженіи турокъ на Аладжѣ, лестно для меня упомянувъ: „предсказаніе ваше сбылось“, я былъ потрясенъ до глубины души и счастьемъ побѣды и счастьемъ лестнаго для меня особаго вниманія великаго князя. Слезы навернулись у меня

на глазахъ. Я прочиталъ депешу громко и моей свитѣ и моему конвою и собравшимся туркамъ. Радость первыхъ и изумленіе послѣднихъ описать невозможно.

Въ Ардаганѣ я засталъ полное спокойствіе, а извѣстія изъ Аджаріи шли самыя благопріятныя. Очевидно, Ардаганскій отрядъ могъ быть опять уменьшенъ въ значительной степени. Въ это время въ немъ находились полки: Пятигорскій и Кубанскій, пришедшіе сюда изъ состава Кобулетскаго отряда.

Имѣя свѣдѣніе, что послѣ погрома турецкой арміи при Аладжѣ, часть нашихъ войскъ двинута преслѣдовать армію Мухтара-паши по направленію къ Эрзруму, а большая часть осталась и обложила Карсъ, я вновь сообщилъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, что имѣю возможность явиться подъ Карсъ и привесть съ собою отрядъ въ 8 баталіоновъ пѣхоты съ горною батареей и 4 сотнями конно-иррегулярнаго Ахалцихскаго полка. Разрѣшеніе было получено. 11 октября, отрядъ этотъ двинулся къ Карсу, обходя его съ южной стороны.

Близъ Чахмаурскихъ высотъ я встрѣтилъ, расположенную лагеремъ, колонну генералъ-маіора Гурчина, отъ котораго и узналъ объ общемъ расположеніи войскъ, блокировавшихъ Карсъ. Мѣстомъ для своего расположенія я избралъ позицію къ югу отъ Шорахъ, въ виду фортовъ Лазъ и Тихъ-Тепеси, составлявшихъ южный фронтъ оборонительной линіи Карса.

Расположеніе мое было отлично прикрыто отъ выстрѣловъ изъ крѣпости небольшимъ горнымъ отрогомъ (Шорахскихъ высотъ).

Выстрѣлы изъ крѣпости мѣтко ложились какъ на сѣверной покатости этого отрога, такъ и на гребнѣ его, но затѣмъ дѣлали перелетъ, и потому лагерь мой находился въ мертвомъ пространствѣ. Съ 20-го числа я началъ безпокоить турокъ посылкою малыхъ отрядовъ, дабы отбивать у нихъ скотъ, пасшійся между моимъ и ихъ расположеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ набѣговъ турки были вынуждены угнать свои стада за линію фортовъ, чѣмъ были стѣснены до крайности, такъ какъ на высотахъ ближайшихъ къ Карсу уже не было травы.

21-го октября, я представлялся главнокомандующему въ лагерѣ подъ Тикмою. Здѣсь я узналъ отъ начальника штаба Гурчина, что, не покидая мысли дѣйствовать противъ Карса оружіемъ, ведутся переговоры о сдачѣ крѣпости на капитуляцію. „Провіанта нѣтъ“, сказалъ мнѣ Лорисъ Мелковъ: „Интендантъ не можетъ ничего дать Вашему отряду; переговорите съ Меписовымъ и устройте ваше довольствіе покупкою муки отъ курдскихъ старшинъ; платите сколько спросятъ, но оформите это дѣло, какъ можно скорѣе“. „Никакого

толку изъ переговоровъ о сдачѣ крѣпости не выйдетъ", говорилъ генералъ Лазаревъ. „Турки тянутъ дѣло до наступленія зимы и все-таки заставятъ насъ, или штурмовать Карсъ, или снять блокаду крѣпости".

Покупка муки отъ курдовъ устроилась успѣшно, при помощи небольшихъ подарковъ, которые я имъ сдѣлалъ и при искусствѣ Меписова, умѣвшаго отлично устраивать всякое дѣло. Заготовка муки стоила казнѣ въ два раза дешевле интендантской поставки. Здѣсь мѣсто упомянуть о личности этого замѣчательнаго человѣка. Уроженецъ гор. Ахалцыха, изъ семьи, промышлявшей мелкою торговлей, онъ едва грамотный, въ компанію 1854—5 года, поступилъ милиціонеромъ и скоро сдѣлался извѣстнымъ Лорисъ-Меликову, состоявшему тогда при генералѣ Муравьевѣ, какъ малый способный и отличный развѣдчикъ. Послѣ кампаніи о немъ забыли, но гражданскимъ властямъ онъ былъ какъ бѣльмо на глазу: въ немъ подозрѣвали участника, а временами и водворителя контрабанды. Состояніе Меписова было незначительное, но деньги у него всегда водились. Въ такомъ положеніи застала Меписова война 1877 года. Посѣтивъ Ахалцыхъ, Лорисъ-Меликовъ о немъ вспомнилъ и нашелъ полезнымъ рекомендовать мнѣ взять его въ переводчики и удерживать при Штабѣ Ардаганскаго отряда.

Съ тою же рекомендаціей обратился ко мнѣ и полковникъ Чеченскій, комендантъ Ахалцыхской крѣпости, о которомъ я упомянулъ въ началѣ этихъ замѣтокъ.

Съ самыхъ первыхъ дней войны свѣдѣнія, доставляемыя Меписовымъ, были точны во всѣхъ отношеніяхъ. Не могу и не желаю скрывать, что схватить въ свои руки Посховскій санджакъ я рѣшился сдѣлать только послѣ самаго точнаго доклада Меписова и понялъ, что здѣсь требовалась исключительно быстрота. Съ народомъ онъ управлялся умѣло, деликатно, энергично. Его иначе не звали какъ Михаилъ-паша; и точно этотъ Михаилъ-паша былъ умѣлымъ руководителемъ, у него все добывалось и доставлялось вдвое дешевле, чѣмъ казенными способами заготовленія. Да и могли ли эти способы практиковаться, при общемъ хаосѣ всею окружающаго.

Въ Ардаганскомъ моемъ отрядѣ въ первое время не было: ни сформированнаго штаба, ни интенданскихъ чиновниковъ, ни госпиталей, ни перевозочныхъ средствъ. Заслуги этого, дѣйствительно, выдающагося человѣка, я цѣнилъ высоко и при первомъ случаѣ просилъ его наградить чиномъ прапорщика милиціи. Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ Ардаганскаго уѣзда, а затѣмъ, при окончаніи уже кампаніи, управляющимъ Артвинскимъ уѣздомъ и дослужился до чина штабсъ-ротмистра. Послѣ войны, его, что называется,

затаскали по слѣдователямъ и, не имѣя въ чемъ обвинить, довели до того, что онъ добровольно подалъ въ отставку и нынѣ гдѣ-то проживаетъ близъ Ахалцыха. Имѣетъ ли онъ средства или перебивается, я доподлинно не знаю, но считаю, что заслуги его забыты, а самъ онъ сдѣлался жертвою клеветы, зависти и тупоумія.

Успокоившись на счетъ продовольствія своего отряда, я сдѣлалъ нѣсколько рекогносцировокъ къ югу отъ фронта укрѣпленій Карса и удостовѣрился посылкою милиціонеровъ, въ промежуткахъ между фортами, что они легко могутъ быть проходимы во всякое время дня и ночи. Атака открытою силою мнѣ представилась вполнѣ возможною, тѣмъ болѣе, что въ фортахъ находился лишь незначительный гарнизонъ, силою отъ 200 до 500 человѣкъ въ каждомъ, а главныя силы бивакировали на весьма пересѣченной мѣстности среди фортовъ, почти не имѣя возможности подавать помощь одинъ другому.

Подъ давленіемъ этой мысли, я вновь поѣхалъ въ Тикму, чтобы поговорить по этому поводу съ Иваномъ Давыдовичемъ Лазаревымъ и пустить эту идею въ ходъ. Лазаревъ принялъ мое предложеніе весьма сочувственно и посовѣтовалъ мнѣ идти къ Лорисъ-Меликову. „Вы вѣроятно рехнулись“, сказалъ Лорисъ-Меликовъ: „или забыли, какъ мы пострадали въ 1855 году на штурмѣ Карса, что пропогандируете такія идеи? Сходите къ князю Мирскому и доложите ему объ этомъ, посмотрите, что онъ скажетъ“. Я пошелъ къ князю Мирскому. Дмитрій Ивановичъ выслушалъ меня любезно и нашелъ, что я говорю дѣло. „Дѣйствительно“, сказалъ онъ: „Карскій гарнизонъ разбросанъ по укрѣпленіямъ и численность его не превосходитъ 12 т. человѣкъ. (Въ день штурма тамъ оказалось болѣе 18 т.). Мы можемъ захватить городъ и оттуда брать форты по очереди. Его Высочество теперь у себя: идите и доложите ему объ этомъ, со всѣми подробностями“. Я пошелъ. Его Императорское Высочество прогуливался около своей ставки и, замѣтивъ, что я иду, милостиво пригласилъ меня войти въ его палатку. Разговоръ нашъ былъ весьма продолжителенъ и нѣсколько печаленъ. „Ваше Императорское Высочество!“ сказалъ я: „мы теряемъ ежедневно заболѣвающихъ тифомъ около 200 человѣкъ, мы будемъ столь слабы составомъ рядовъ, что должны будемъ считать себя малоспособными для какихъ бы то ни было дѣйствій. Карсъ надобно штурмовать. Есть шансы на успѣхъ; идутъ слухи, что тамъ нужда доходитъ до крайности“. „Черезъ нѣсколько дней я Васъ вызову“, сказалъ Его Высочество: „не теряйте энергіи; положеніе наше серьезное, особенно въ виду наступающей зимы“.

Возвратясь въ свой лагерь, я сообщилъ своему отряду о побѣдѣ,

одержанной 23-го октября генераломъ Гейманомъ подъ Деве-Бойну и, не разъ, внушалъ мысль, что Карсъ взять легко: лишь бы было приказано. Съ 25 октября погода измѣнилась: тучи нависли, стало холодно, перепадали дожди, на верхушкахъ горъ появился снѣгъ.

Стоя, вечерами, и грѣясь около костровъ, солдаты тоже разсуждали на тему о штурмѣ Карса и ободренные успѣхомъ завладѣнія укрѣпленіемъ Хафизъ 24-го октября полковникомъ Фаддѣевымъ, съ 8-ю ротами Кутаисскаго полка, находили, что это дѣло легкое. Словомъ, состояніе духа войскъ было вполнѣ бодрое, веселое, предпріимчивое. 29-го октября я вновь былъ вызванъ въ Тикму. Вечеромъ въ палаткѣ Его Императорскаго Высочества, состоялся военный совѣтъ. Темою совѣщанія былъ вопросъ, прямо и твердо постановленный предсѣдателемъ: штурмовать, или не штурмовать Карсъ? На совѣтѣ были генералъ-адъютанты Мирскій, Лорисъ-Меликовъ; генералъ-лейтенанты: Лазаревъ, Роопъ, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Павловъ.—Генералъ-маіоры: Алхазовъ, Кузминскій и я. Голоса раздѣлились поровну. Его Высочество всталъ, перекрестился, и сказалъ: „какъ предсѣдатель, я имѣю 2 голоса и рѣшаю: штурмъ. Прошу Васъ Михаилъ Таріеловичъ, выработать диспозицію на 2-ое ноября, въ 9 часовъ вечера“.

29, 30 октября и 1 и 2 ноября у Аривартана я готовилъ свою колонну и рекогносцировалъ дороги, по которымъ придется идти, чтобы врѣзаться въ расположеніе турокъ между Тохманомъ и Лазъ-Тенеси. Погода становилась изо дня въ день все хуже и хуже, а 2-го ноября цѣлый день снѣгъ чередовался съ дождемъ. Нижніе чины намокли и прозябли. Почва обратилась въ липкую грязь. По ночамъ зги не было видно.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера, въ тишинѣ, войска начали строиться. Колонные начальники собрались въ мою ставку, за полученіемъ послѣднихъ приказаній. Лица были угрюмы, разговоръ не клеился. „Въ такую ночь штурмовать нельзя“,—сказалъ полковникъ Бучніевъ. „Будете штурмовать, ежели прикажутъ“, отвѣтилъ ему подполковникъ князь Меликовъ, командиръ 4 стрѣлковаго батальона. „Вамъ еще знакомиться съ Тохмасомъ“, сказалъ Бучніевъ: „а у меня съ нимъ счеты старые: въ 1855 году я получилъ тамъ двѣ пули“.—„Съ приказаніемъ это не имѣетъ ничего общаго“, отвѣчалъ князь Меликовъ. Разговоръ начиналъ принимать непріятный оборотъ, но вошелъ телеграфистъ и подалъ мнѣ депешу изъ главной квартиры, гласившую: „Штурмъ отложить до полученія приказанія“. Всѣ мы были обрадованы чрезвычайно, въ глубинѣ души у насъ было полное убѣжденіе, что удачи въ такую погоду быть не могло.

Войскамъ былъ отданъ приказъ расположиться ночевать, а нѣкоторыхъ колонныхъ начальниковъ я удержалъ при себѣ, для новаго обсужденія нашей обстановки, по исполненію диспозиціи, полученной только утромъ и имѣвшей нѣсколько неопредѣленный характеръ. Въ 11 часовъ вечера я получилъ еще телеграмму: „прибыть 3-го ноября, въ главную квартиру, за полученіемъ новыхъ приказаній“. За эти дни, въ главной квартирѣ, многое измѣнилось: идея штурма осталась та же, но способъ достиженія цѣлей и самыя цѣли получили иную окраску. Остановились на томъ, чтобы овладѣть лишь восточною половиною Карса и штурмовать укр. Сувари, Канлы и Хафизъ, а съ западной и южной стороны вести бой демонстративный, отвлекающій. Моей колоннѣ дано назначеніе идти долиною Карсъ-Чая на укр. Чимъ, и отвлечь сюда турецкія войска. 4 стрѣлковый батальонъ, князя Меликова, у меня отобрали и перевели его на правый берегъ Карсъ-Чая, съ спеціальнымъ назначеніемъ брать укр. Сувари. Штурмъ назначенъ на 5—6 ноября ночью.

Мнѣ приходилось пройдти около 12 верстъ, ночью, чтобы соприкоснуться съ турецкими аванпостами, которые предполагались выставленными на горѣ „Мухà“, лежащей къ востоку отъ Тихъ-Тепеси и Тохмаса и къ юго-востоку отъ Чима въ сферѣ артиллерійскаго огня всѣхъ трехъ фортовъ. Ни мнѣ, никому изъ моего отряда дороги извѣстны не были: легко было сбиться съ пути и во всякомъ случаѣ принять участіе въ штурмѣ не ранѣе 1 и 2-хъ ч. утра. На свою личную отвѣтственность я рѣшился дѣйствовать сообразно обстановкѣ.

Въ 8 часовъ утра 5-го ноября, я бросилъ свой лагерь и направился къ г. „Муха“. Сдѣлавъ привалъ въ 4 верстахъ отъ южныхъ укрѣпленій и обозрѣвъ всѣ направленія къ крѣпости, подошелъ къ названной горѣ около $4^1/_2$ часовъ по полудни. Здѣсь отрядъ мой, состоявшій изъ полковъ: Пятигорскаго, 4-хъ легкихъ орудій и сотни милиціи, пополнился двумя батальонами Ростовскаго гренадерскаго полка, присланными отъ колонны генералъ-лейтенанта Роопа, назначеннаго командовать войсками всей юго-восточной стороны и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи около 10-ти батальоновъ, назначенныхъ составлять резервъ. Мое мѣсто у Аравартана заняла колонна полковника Черемисинова, получившая назначеніе производить ложныя тревоги по направленію къ Лазъ-Тепесси.

Небольшія группы турокъ, составлявшіе караулъ, въ виду нашемъ отошли въ Тохмасъ и Чимъ. Всѣ промежутки между Тохмасомъ, Тихъ-Тепесси и Лазъ-Тепесси начали заполняться турецкими войсками. Очевидно, они видѣли ясно движеніе моей колонны въ теченіе цѣлаго дня и увѣровали, что главная атака назначена съ

этой стороны. Завечерѣло. Я ожидалъ сигнала, который долженъ былъ быть данъ ракетою изъ главной квартиры. Сигнала не было видно, но слышалась стрѣльба, производимая нашею осадною артиллеріею по укр. Канлы. Въ 9-ть часовъ вечера послышалась сильная пальба близъ Сувари. Я отдалъ приказаніе начать наступленіе къ Чиму; въ головѣ движенія пошелъ 151-й Пятигорскій полкъ, съ полковникомъ Бучкіевымъ. Тохмасъ открылъ артиллерійскій огонь. Вся горная возвышенность и скаты Тохмаса, мѣстами крайне обрывистые, загорѣлись ружейнымъ огнемъ. Имѣя такую массу непріятеля на флангѣ, полковникъ Бучкіевъ перемѣнилъ фронтъ и полѣзъ на Тохмасъ. Часть Кубанскаго и Ростовскаго полковъ пристроились къ нему слѣва. Недовольствуясь стрѣльбою изъ орудій и ружей, турки скатывали съ высотъ, окружающихъ Тохмасъ, видимо заранѣе заготовленныя гранаты, прежняго образца, сферической формы. Въ теченіе 3-хъ часовъ здѣсь гремѣла не только канонада, но былъ еще и фейерверкъ. Около 1 часа ночи огонь сталъ нѣсколько ослабѣвать. Взявъ свой послѣдній резервъ изъ 2-хъ батальоновъ, я все-таки двинулся на Чимъ, преслѣдуя идею выполнить диспозицію. Турки допустили меня до гласиса и затѣмъ открыли столь частый и убійственный огонь, что стало яснымъ, что здѣсь находится ихъ масса, а не 200 человѣкъ, какъ значилось по нашему росписанію. И дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что сюда отошли ихъ резервы, находившіеся на правомъ берегу Карсъ-Чая и сбитые сюда колонною князя Меликова, штурмовавшаго Сувари. Оба берега Карсъ-Чая, близъ Чима, соединялись временными мостами и связывали расположеніе турецкихъ войскъ по кордонной линіи фортовъ. Настаивать на продолженіи борьбы у Чима стало невозможнымъ; я отошелъ обратно къ мѣсту прежняго расположенія у подножія Тохмаса. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги, гдѣ съ востока на сѣвѣро-западъ течетъ Карсъ-Чай, а съ юга отвѣсный уступъ горъ, въ одномъ изъ легкихъ орудій, ввязавшихся помимо моей воли, совершенно случайно, въ эту колонну, убито двѣ лошади. Движеніе затормозилось. Какъ ни грустно, пришлось орудіе сбросить съ дороги. Приказаніе объ этомъ я отдалъ лично самъ и беру на себя всю отвѣтственность за эту мѣру.

Около 4 часовъ утра, всѣ части, ходившія въ дѣло, отошли къ подножію Тохмаса и сгруппировались около небольшого холма. Ростовскій полкъ отступилъ на соединеніе съ колонною генерала Роопа, бывшаго верстахъ въ четырехъ сзади меня. Потеря наша была громадная, хотя и неизвѣстна еще; отовсюду слышались стоны и призывъ къ помощи. Одинъ изъ батальоновъ Пятигорскаго полка (подполковника Ульянова) пропалъ безъ вѣсти.

Погода была дивная. Морозъ, при полной лунѣ, доходилъ до 7 градусовъ. Выстрѣлы замолкли, ни откуда не доходило ни единаго звука. Здѣсь я рѣшился дожидаться утра, чтобы знать, что дѣлать и что предпринять далѣе.

Солдаты повалились спать; усталость ихъ была чрезмѣрная. Я сидѣлъ въ горькомъ раздумьи, перебирая въ своихъ мысляхъ послѣдствія боя. Около 6 часовъ утра ко мнѣ подъѣхали полковники, командиръ Нижегородскаго драгунскаго—Кельнеръ и Полтавскаго казачьяго—князь Эристовъ, занимавшіе аванпосты близъ Аравартана и Татлиджи. На ихъ вопросъ, въ какомъ положеніи дѣло? я тупо отвѣчалъ,—„не знаю, заря скажетъ“. Прошло въ молчаніи около $^1/_2$ часа. Начинало свѣтать; луна поблѣднѣла. Полоса свѣта промелькнула на Тохмасѣ; всѣ вершины и горы были усѣяны турками, какъ макомъ. „Господа! поздравляю Васъ, Карсъ взятъ! сейчасъ турки двинутся на югъ, чтобы пробиться черезъ наши войска. Скачите на Ваши аванпосты и примите мѣры, чтобы этого не случилось“. Съ Тохмаса опять раздались артиллерійскіе выстрѣлы, но уже очень рѣдкіе. Въ $7^1/_2$ часовъ, ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича князь Гиго Сумбатовъ, съ приказаніемъ, ежели возможно, то двинуться и занять Тохмасъ; онъ же сообщилъ мнѣ, что городъ, цитадель, Арабъ-Табія и Зіоретская башня уже въ нашихъ рукахъ. Я пробилъ сборъ. Сильно порѣдѣвшіе мои батальоны выстроились и двинулись въ Тохмасъ. Кой-гдѣ раздавались рѣдкіе орудійные выстрѣлы. Комендантъ Тохмаса, старый турокъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу и предложилъ свою шашку. Я оставилъ ему его оружіе, но черезъ переводчика приказалъ вывесть весь Турецкій гарнизонъ изъ укрѣпленія, оставивъ въ немъ боевое имущество. Исполненіе этого приказанія послѣдовало быстро. Войска наши, тѣмъ временемъ, сгруппировались около укрѣпленія и обезоруживали тѣ турецкія части войскъ, которыя все еще подходили и подходили изъ Карса. Со стороны Аравартана вновь послышались выстрѣлы. Это наша кавалерія атаковала тѣхъ удальцовъ, которые хотѣли пробиться черезъ наши аванпосты и уйти, куда глаза глядятъ. Всего около Тохмаса сдалось въ плѣнъ до 4 тысячъ человѣкъ. Отправивъ ихъ, при незначительномъ конвоѣ въ колонну генерала Роопа, я вновь осмотрѣлъ Тохмасъ, гдѣ былъ пораженъ возмущающею душу картиной. Въ прикрытомъ пути, исходящаго угла укрѣпленія, лежали трупы: Полковника Бучкіева, рядомъ съ нимъ полкового адъютанта, штабъ горниста и 200 охотниковъ съ ними бывшихъ; на сколько возможно, турки ихъ раздѣли и обворовали. На полковникѣ Бучкіевѣ, на обѣихъ рукахъ, были бѣлыя перчатки и сохранился перстень. Тутъ же, до уборки тѣла, я выставилъ ему почетный караулъ.

Къ 5 часамъ по полудни, усталость моя доходила до обмороковъ. Напряженное состояніе и работа до штурма, тридцать часовъ, безъ отдыха, работа въ сферѣ огня, гнусная картина смерти и крови сдѣлали свое дѣло. Я едва добрался до Татлиджи, отыскалъ свою саклю, бросился на бурку и впалъ въ какое-то забытье. Это былъ не сонъ, а пароксизмъ лихорадки, съ бредомъ. Слишкомъ съ большими усиліями и потерями достался мнѣ успѣхъ. Въ одной моей колоннѣ убито и ранено около 600 человѣкъ. Временами я просыпался, дѣлалъ распоряженія, пилъ водку, чай, но ѣсть ничего не могъ. Пришелъ я въ нормальное состояніе только лишь 8-го ноября, въ 6 часовъ утра. Одѣлся и поѣхалъ верхомъ въ главную квартиру, привѣтствовать великаго князя съ побѣдой и поздравить его съ днемъ тезоименитства.

Его Императорское Высочество собирался къ въѣзду въ Карсъ, но, тѣмъ не менѣе, позвалъ меня въ палатку, обнялъ и горячо благодарилъ за штурмъ. Здѣсь я узналъ, что общая потеря наша доходила до 2.500 человѣкъ! Встрѣчные и перекрестные разсказы о томъ, кто, какъ и что дѣлалъ, во время штурма, выяснили, что данная диспозиція дѣйствовала лишь до завязки дѣла, а потомъ каждый батальонный командиръ работалъ по своему личному усмотрѣнію, не теряя изъ вида главной цѣли, подвигаться все впередъ и впередъ, захватить городъ и ворваться въ центръ этого громаднаго укрѣпленнаго лагеря, только носившаго имя Карсъ! Смѣлость полковника Фаддѣева, захватившаго Зіоретскую башню, и генералъ-маіора Рыдзевскаго, взявшаго Арабъ-Табію, понятно, выше всякой похвалы. Ихъ колонны потеряли мало, потому что турецкіе резервы еще днемъ ушли на юго-восточный фронтъ, но вѣдь они этого не знали и дѣйствовали, не справляясь, какое встрѣтится сопротивленіе. Далѣе всѣхъ держалось укрѣпленіе Канлы и сдалось только утромъ, когда защитники его ясно увидѣли, что городъ и цитадель пали. Честь взятія Карса принадлежитъ равномѣрно всѣмъ участникамъ боя, до послѣдняго фельдшера, бывшаго въ огнѣ съ своею сумкою. Тутъ выяснилась доблесть Кавказской арміи и ея превосходное воспитаніе въ мирное время; выразились боевые принципы, привитые успѣшно всѣмъ, кто носилъ имя кавказца. Солдаты обожали великаго князя и работали на него, какъ на родного отца, чтобы ему угодить. Въ общей сложности духъ арміи выражался въ томъ, чтобы добыть себѣ славу, а о наградахъ никто никогда и не думалъ. Словомъ, слава Карса принадлежитъ всѣмъ чинамъ!

Въ 9 часовъ утра на полянѣ, между Хафизомъ и каменнымъ мостомъ, черезъ Карсъ-чай, выстроились войска, бывшія на западномъ и сѣверномъ фронтахъ. Его высочество объѣхалъ войска и

*

присутствовалъ на молебнѣ. Послѣ церемоніальнаго марша, тутъ же былъ сервированъ завтракъ, къ которому приглашены всѣ штабъ и оберъ-офицеры. Ни одинъ гофмейстеръ, отъ сотворенія міра, не былъ въ такомъ затрудненіи, въ какомъ въ этотъ день находился князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, чтобы угостить приглашенныхъ. Но онъ вышелъ изъ затрудненія побѣдоносно: всѣ были сыты; за здоровье Государя Императора пили всевозможными винами и даже водкой. Шампанскаго оказалось всего нѣсколько бутылокъ. Салфетокъ не было, ножей и вилокъ многимъ недоставало. Главнаго же продукта говядины и баранины, во всѣхъ видахъ, было въ изобиліи. Погода стояла солнечная, ясная, довольно теплая. Въ 1 часъ дня состоялся въѣздъ въ Карсъ. Жители встрѣчали великаго князя болѣе нежели съ покорностью; имъ тоже хотѣлось вздохнуть, послѣ тяжкаго состоянія, продолжавшагося съ апрѣля мѣсяца. Великій князь объѣхалъ въ тотъ же день и въ слѣдующій за нимъ нѣкоторые форты и лично удостовѣрился, что истинно геройскихъ подвиговъ, въ ночь на 6 ноября, совершенно болѣе нежели много.

Кое-какъ мы начали устраиваться на зиму въ Карсѣ и его окрестностяхъ. Зима сразу пошла дружная. Морозы себя ждать не заставили. Цѣны на всѣ продукты окрѣпли; приварокъ нижнихъ чиновъ былъ хорошій: давали по фунту мяса на человѣка и ежедневно винную порцію. Тѣмъ не менѣе больныхъ было много. Появился брюшной тифъ, заразнаго свойства. Забота расквартировывать людей по окрестнымъ селеніямъ была не малая. Совершенно во время сняли мы съ карты войны Карсъ: иначе мы совершенно бы истаяли.

В. Комаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Об рядность прежняго русскаго масонства.

Данныя настоящаго очерка послужили матеріаломъ для доклада въ аудиторіи императорскаго археологическаго института 11 марта 1907 г.

Авторъ печатаемой ниже статьи—Тира Оттовна Соколовская, шведка по рожденію, получила вполнѣ русское воспитаніе въ СПб. Училищѣ Ордена св. Екатерины (Екатерининскомъ Институтѣ), гдѣ, не взирая на свое иноземное происхожденіе, обнаружила основательное знаніе русскаго языка. Черезъ нѣсколько лѣтъ Т. О. окончила курсъ, по экзамену, въ Императорскомъ археологическомъ институтѣ, послѣ чего, по предложенію профессора Н. И. Веселовскаго, занялась вопросомъ о микенской керамикѣ. Результатомъ ея трудовъ явилась монографія, напечатанная въ „Вѣстникѣ археологіи и исторіи“ и затѣмъ вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ; монографія, составленная по многочисленнымъ иностраннымъ изслѣдованіямъ и включавшая самостоятельные взгляды молодого автора, была встрѣчена сочувственно историческою библіографіею.

Однако отдаленность микенскаго вопроса отъ русской старины и желаніе изслѣдовать русское прошлое по архивнымъ первоисточникамъ въ какой-либо малоизученной области заставили г-жу Соколовскую обратиться къ изученію русскаго масонства до его оффиціальнаго запрещенія въ 1822 г. Къ этой, въ общемъ мало изслѣдованной, сторонѣ русскаго прошлаго Т. О. подошла путемъ долгихъ архивныхъ изысканій въ нашихъ лучшихъ древлехранилищахъ (въ государственномъ архивѣ, въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Московскаго Румянцевскаго музея, императорской публичной библіотеки и общества любителей древней письменности, въ архивахъ: Морскомъ, главнаго военно-суднаго управленія и Ревельскомъ провинціальномъ). За послѣдніе годы Т. О. напечатала рядъ замѣтокъ, очерковъ и документовъ какъ на страницахъ нашего журнала, такъ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ („Русскій архивъ“, „Море“, „Всемірный вѣстникъ“). Въ настоящее время, какъ намъ извѣстно, Т. О. изготовила для печати довольно обстоятельную монографію „Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія“ и сборникъ „Пѣсни русскихъ масоновъ“.

Т. О. прочитала также о масонствѣ рядъ лекцій и докладовъ въ Имп. Арх. Инст., въ Лигѣ обновл. флота и др. мѣстахъ.

В. П.

Много есть почти забытыхъ страницъ въ нашей родной старинѣ. Почти забыты и тѣ страницы, гдѣ начертана повѣсть о томъ, какъ жили въ орденѣ вольныхъ каменщиковъ наши прадѣды. Зачастую непонятно намъ значеніе пышныхъ масонскихъ титуловъ и званій въ тѣхъ грамотахъ, которыя жаловались нашимъ предкамъ и нерѣдко присылались изъ-за границы. Правда, мы хранимъ эти пергаменты съ символическими заставками, съ печатями въ большихъ золоченыхъ кустодіяхъ, съ подписями громкихъ именъ. Мы бережно хранимъ символическія масонскія звѣзды, кресты, медали, ключи, сѣкиры, мечи, кинжалы, лопаточки, молоточки, шпоры, перстни. Бережно укладываемъ мы въ шелковые выцвѣтшіе мѣшечки масонскія перчатки изъ батиста и пожелтѣлой лайки. Бережно прячемъ мы расшитыя золотомъ и каменьями шелковыя струйчатыя ленты съ масонскими знаками и легендами, ихъ замшевые и атласные запоны. Мы все это хранимъ, все бережемъ, но лишь какъ память о быломъ: намъ ничего повѣдать не могутъ блестящіе знаки и титулы, намъ непонятенъ ихъ символическій языкъ. Но знай мы его, —и эти нѣмые теперь знаки краснорѣчиво заговорили бы и разсказали бы занимательную исторію о русскомъ масонствѣ, о русскихъ масонахъ.

По преданію свѣтъ масонства въ Россіи возсіялъ при Петрѣ I-мъ, но данныя документальныя о началѣ русскаго масонства имѣются лишь съ 1731 года. Въ 1822 г. русское масонство было запрещено въ Россіи, въ 1826 г. это запрещеніе было повторено. Документы доказываютъ, что послѣ этого масоны продолжали въ тиши свои работы до тридцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ русское масонство прожило цѣлый вѣкъ.

За это время перебывали въ Россіи всѣ почти заграничныя системы: Англія, Швеція, Германія и Франція спѣшили основывать масонскія ложи по своимъ актамъ! Если принять во вниманіе, что многія системы имѣли весьма много степеней, что каждая степень имѣла свой обрядъ, то станетъ понятнымъ крайняя обширность темы о масонской обрядности. Между тѣмъ изученіе этой обрядности, всегда имѣвшей символическое значеніе, необходимо въ вопросѣ объ изслѣдованіи масонства. Въ настоящей статьѣ я остановлюсь только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ въ области масонскаго обряда.

Ложею называлось помѣщеніе, гдѣ происходили масонскія собранія. Ложами же именовались отдѣльные замкнутые союзы братьевъ, сплотившихся въ извѣстную организацію. Ложи носили обыкновенно названіе масонскаго символа (Пламенѣющей звѣзды), или нравственнаго качества съ присоединеніемъ имени (Петра къ ис-

тинѣ), или же миѳологическаго божества (Астреи, Изиды, Латоны). Должностными лицами въ ложахъ были: мастеръ стула, намѣстный мастеръ, надзиратели, секретарь, риторъ, обрядоначальникъ, казначей, попечитель о бѣдныхъ. Засѣданія въ ложахъ (поучительныя, совѣщательныя) и совершенія масонскихъ церемоній назывались масонскими работами, которыя въ Россіи велись на разныхъ языкахъ. Ложи, допускавшія только три низшія степени: ученика, товарища и мастера, назывались іоанновскими, символическими; ложи, допускавшія высшія степени, назывались андреевскими, шотландскими. По масонскому ученію, ученикъ совершенствовалъ сердце, товарищъ—умъ, мастеръ—духъ.

Свое ученіе масонство заключило въ символы и обряды. Эти символы и обряды служили тѣмъ міровымъ языкомъ, на которомъ могли понимать другъ друга масоны всего міра, „братья дружны всѣхъ племенъ“. „Уничтожить символы,—писалъ нѣмецкій реформаторъ масонства Шредеръ,—значитъ уничтожить франкмасонство; отбрасывая іероглифы и символы, вы берете у насъ нѣчто весьма важное, незамѣнимое; вы собираетесь разорвать цѣпь, связывающую насъ со многими тысячами братьевъ, разсѣянныхъ по лицу земли“.

Масонскіе символы и обряды имѣли глубокій внутренній смыслъ, выражая въ ритуальныхъ дѣйствіяхъ и вещественныхъ знакахъ масонскія идеи. „Глупецъ символами ослѣпляется,—напечатано въ свободнокаменщическомъ журналѣ 1784 г.,—нескромный любопытникъ приводится въ смущеніе, мудрый только находитъ въ нихъ со внутреннимъ удовольствіемъ выраженіе своихъ положеній и понятій“. Серьезный взглядъ на масонскій символизмъ былъ присущъ многимъ масонамъ, и въ 1814 г. русскій маіоръ масонъ Королевскій выписывалъ изъ нѣмецкой рукописи: „предки наши не установили орденъ для театральныхъ времяпрепровожденій, но для дѣятельности; пробудить людей отъ сна установленъ онъ ими“. Общность знаковъ, общность символовъ и обрядовъ была силою масонства, и едва-ли правы тѣ, кто въ масонскомъ ритуалѣ склонны видѣть одно баловство наивной старины.

Будучи понятнымъ для масоновъ, ихъ символизмъ, подъ защитою окружавшей его тайны, оставался мало извѣстнымъ для „профановъ“. Одинъ изъ руководителей московскаго масонства Руфъ Степановъ говорилъ, что языкъ въ ложахъ—іероглифическій и можетъ открыть неизвѣстное и закрыть извѣстное, указывая на двойственное значеніе символа. Правительственныя власти тоже признавали, что масонская символика имѣетъ непосредственную связь съ сущностью масонскаго ученія. Такъ, въ 1810 году вмѣстѣ съ масонскими уставами отъ масонскихъ властей были затребованы и

ритуалы; въ 1792 году, въ программу допроса масона, студента Колокольникова, Императрица Екатерина включила собственноручно вопросъ: „что за кафтанъ голубой съ золотымъ камзоломъ и черное исподнее платье и кто оное носилъ?“ Въ сохраненіи масонской тайны, тайны символовъ и обрядовъ посвящаемый въ братство обязывался приносить клятву надъ священнымъ писаніемъ, надъ обнаженнымъ мечемъ; лишь изрѣдка клятва замѣнялась честнымъ словомъ; обыкновенно и при дальнѣйшихъ повышеніяхъ въ высшія степени обязательны были все новыя и новыя клятвы вѣрности. Особенный смыслъ имѣли эти клятвы потому, что, слѣдуя основнымъ законамъ вольнокаменщическаго братства, масоны вообще обязаны были избѣгать выдачи масонской тайны какимъ бы то ни было способомъ; обряды и символика, по мѣрѣ возможности, передавались изустно, послѣ клятвы молчанія. Однако подробности масонскихъ тайностей иногда дѣлались извѣстны профанамъ изъ разоблаченій масоновъ-отступниковъ. „Я есмь, государи мои, усердный таинствъ вашихъ предатель, восклицаетъ авторъ книги „Масонъ безъ маски“, масонъ-„бѣглецъ“, поставившій себѣ цѣлью „раздрать священную ту завѣсу, которая закрываетъ тайности“. Съ теченіемъ времени, при размноженіи масонскихъ системъ и увеличеніи работавшей братіи, обрядники и уставы чаще переписываются и дѣлаются достояніемъ все большаго числа братьевъ. Вотъ почему и до насъ дошло сравнительно много даже одинаковыхъ списковъ однихъ и тѣхъ же обрядниковъ и не сокрыты тайной обряды самые сокровенные, присяги самыя заклинательныя. Послѣ запрещенія масонства въ 1826 году братья-масоны сочли необходимымъ снова возвратиться къ первоначальной строгости и ограничить доступъ къ актамъ. Во второмъ пунктѣ постановленія, начертаннаго 10 сентября 1827 года для руководства членамъ тайнаго масонскаго союза, читаемъ: „вкралось въ обычай давать всякому брату акты его степени, отчего число списковъ весьма увеличилось, и не мудрено, если они попадутъ въ руки непосвященныхъ; то для прекращенія такого скромности противнаго дѣйствія отнынѣ впредь акты списывать давать только тѣмъ братьямъ, коимъ будетъ ввѣрено руководство другихъ съ условіемъ, чтобы они отнюдь никому не давали оныхъ списывать, а желающимъ заниматься ими чаще сами бы имъ читали или при себѣ давали читать имъ. Но и симъ братьямъ давать списывать акты неполные, а самое изъ нихъ нужное, какъ-то: по іоанновскимъ степенямъ — приготовленіе къ тремъ степенямъ, уставъ свободнокаменщическій, общія учрежденія, законы“ и т. д.

Въ символахъ трехъ низшихъ масонскихъ степеней выражены истинные завѣты масонства. Поэтому іоанновскія степени, т. е.

степени ученика, товарища и мастера, именуются символическими.

Въ іоанновскомъ масонствѣ главными символическими знаками были: блистающая звѣзда, солнце, луна и звѣзды; циркуль, прямоугольникъ, перпендикуляръ, ватерпасъ, 24-дюймовый масштабъ, чертежная доска, дикій и кубическій камни, золотой шнуръ, связанный кафинскимъ узломъ, мозаиковыя украшенія, лопаточка, молотокъ, перчатки, запонъ, шляпа и шпага.

Въ объясненіи русскаго масона гр. М. Ю. Віельгорскаго, сдѣланномъ имъ для братьевъ, блистающая звѣзда „можетъ сравненіе имѣть со священнымъ огнемъ, который завсегда горѣлъ въ Соломоновомъ храмѣ“, или съ сѣверной звѣздой, освѣщающей темной ночью путь мореплавателямъ; подобно этой звѣздѣ, свѣтъ ума долженъ всегда освѣщать дѣянія масоновъ. Солнце, луна и звѣзды должны напоминать масонамъ объ ихъ должности „бдѣть надъ своими дѣйствіями во всѣ часы дня и ночи“. По другому толкованію, солнце—это сила дѣйствующая, луна—сила страждущая, блистающая звѣзда—душа, оживляющая всю природу. Циркуль знаменуетъ замкнутость масонскаго ордена; циркуль же знаменуетъ разумъ. Памятуйте, поучалъ Віельгорскій, что Великій Строитель Міра далеко распростертымъ циркулемъ размѣряетъ и розыскиваетъ вашу работу; сего ради размѣряйте сами дѣйствія свои циркулемъ разума, располагайте поступки свои по чертѣ и углу совѣсти, полагайте основаніе по отвѣсу опыта и сооружайте зданіе по перпендикуляру красоты. Угломѣръ знаменовалъ еще прямодушіе, справедливость и нравственность, линейка равенство, ватерпасъ также равноправность и равенство всѣхъ людей; 24-дюймовый масштабъ училъ всѣ мгновенія жизни, всѣ силы посвящать избранному труду. Чертежная доска указывала необходимость—неуклонно слѣдовать разъ начерченному плану, а также прекрасное воздѣйствіе на людей добраго примѣра. Дикій камень—эмблема души; камень дикій можетъ быть обчищенъ, обсѣченъ и изглаженъ—также масонъ долженъ поступать со своими склонностями. Дикій камень означалъ и грубую нравственность, и хаосъ; кубическій камень—„обработанную нравственность“; молотокъ—символъ власти; лопаточка — снисхожденіе къ слабостямъ и порокамъ брата-человѣка, всѣ инструменты—святость труда. Полъ ложи нашей мозаиковый,—говорилъ въ заключеніе Віельгорскій,—въ знакъ разнообразныхъ внѣшнихъ отношеній людей, которые по рожденію и могилѣ всѣ равны. Золотой шнуръ, рамою окружающій ложу нашу и связанный кафинскимъ узломъ, знаменуетъ тѣсное единеніе всѣхъ членовъ ордена, связанныхъ узломъ братства. Бѣлыя перчатки—чистоту нравовъ; бѣлые же кожаные за-

поны—чистосердечіе и постоянство. Круглыя шляпы—знаменье свободы, шпага—защита добродѣтели и наказаніе злодѣйства, мертвыя головы и гробъ—презрѣніе смерти. Вѣтвь акаціи—безсмертіе духа и добрыхъ дѣлъ.

Изъ этихъ знаковъ часть была такихъ, которые принадлежали всѣмъ вообще масонамъ, лопаточка, напримѣръ; часть—такихъ, которые употреблялись и для украшенія ложъ и въ видѣ нагрудныхъ знаковъ (пылающія звѣзды); были знаки „по градусамъ“, т. е. присвоенные извѣстнымъ масонскимъ степенямъ.

Ученической степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый кожаный запонъ, безъ подкладки, безъ обшивки и безъ всякаго украшенія, съ кожанными же завязками;

серебряная неполированная лопаточка.

Товарищеской степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый кожаный запонъ, съ тремя бѣлыми тафтяными розами, съ тафтяными лентами для привязыванія;

серебряная полированная лопаточка,

Мастерской степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый запонъ съ тремя голубыми розами, голубою подкладкою, обшивкою и голубыми завязками;

золотая полированная лопаточка, на голубой шейной лентѣ;

небольшой ключикъ слоновой кости, на голубой шейной лентѣ.

Знаки также служили для отличія извѣстныхъ масонскихъ степеней.

Такъ молотки были у управляющаго мастера и обоихъ надзирателей; прямоугольникъ—у мастера; отвѣсы—у надзирателей; ораторъ имѣлъ медаль съ изображеніемъ трехъ вѣтвей, маслиничной, лавровой и акаціевой, и легендой: „здѣсь миръ даемъ другъ другу и получаемъ взаимно“, секретарь имѣлъ медаль съ изображеніемъ трехъ столбовъ и легендой „здѣсь положили себѣ жилище сила, мудрость и красота“, казначей имѣлъ медаль съ изображеніями трехъ соединенныхъ сердецъ и легендою—„сердца соединяетъ любовь и благодарность сопрягла любящихъ“.

Цвѣтами іоанновскаго масонства были бѣлый, лазоревый, золотой. Въ регламентаціи своихъ орденскихъ украшеній масоны отличались большимъ постоянствомъ. Русскіе іоанновскіе мастера XIX вѣка имѣли золотую лопаточку и бѣлый съ голубымъ запонъ; двѣ низшія степени имѣли серебряныя лопаточки и совершенно бѣлые запоны. Между тѣмъ, чуть ли не за сто лѣтъ предъ этимъ, въ

1734 г., въ Англіи, было постановлено, чтобы „никто, кромѣ великаго мастера, его кандидата и надзирателя, не могъ носить на шеѣ, на голубыхъ лентахъ, ихъ золотыхъ знаковъ и бѣлыхъ кожаныхъ передниковъ съ голубымъ шелкомъ“. Голубой цвѣтъ означалъ стремленіе къ небу, т. е. идеалу, золото, какъ чистѣйшій металлъ, также знаменовало чистоту побужденій, бѣлый цвѣтъ—чистоту всѣхъ дѣяній.

Почти всѣ масонскіе знаки изображались на масонскомъ коврѣ, изученіе котораго въ силу этого имѣетъ весьма важное значеніе въ вопросѣ о масонскомъ ритуалѣ.

Каждая масонская ложа имѣла свой отдѣльный знакъ. Его носили братья этой ложи въ петлѣ кафтана, обыкновенно въ третьей. Онъ же изображался иногда въ печатяхъ этой ложи и въ ея виньеткахъ. Такъ, знакомъ ложи соединенныхъ друзей былъ золотой прорѣзной треугольникъ съ двумя соединенными другъ съ другомъ руками и легендою—Les amis réunis; знакъ ложи Петра къ истинѣ былъ золотой крестъ съ обвившейся кругомъ него змѣей и литерами P. Z. W. (Peter zur Warheit); знакомъ ложи Изиды была золотая змѣя, обвивающая треугольникъ, съ греческою надписью ΙΣΙΣ; знакомъ ложи Ищущихъ Манны былъ золотой крестъ въ золотомъ кольцѣ съ легендою: „исполняй понятное, поймешь непонятное“; знакомъ ложи Избраннаго Михаила былъ простой серебряный крестъ съ литерами И. М. и съ обвившейся кругомъ змѣей; змѣя на знакахъ ложъ имѣла видъ кольца и изображалась держащей хвостъ въ пасти.

Засѣданія въ ложахъ бывали поучительныя, пріемныя для пріема новыхъ членовъ, для повышенія въ слѣдующую степень, траурныя, столовыя (для совершенія общебратской трапезы), торжественныя (для празднованія Іоаннова дня, дня основанія ложи) и пр. Всѣ эти засѣданія были обставлены символическими обрядами.

Для примѣра я схематически изложу обрядъ принятія въ ученики, въ низшую масонскую степень.

Вступать въ Соломоновъ храмъ, т. е. въ масонство, могъ стремиться тотъ, кто почувствовалъ „духовный гладъ“ и, понявъ, что его окружалъ мракъ, искалъ свѣта. Это стремленіе къ свѣту знаменовалось всей обстановкой, при которой начинался обрядъ принятія въ ученики.

Новопринимаемаго помѣщали въ темную комнату—„въ мрачную храмину“, гдѣ слабо мерцающій изъ черепа свѣтъ едва позволялъ различить отверстую библію. Масонскія разсужденія часто касаются этого положенія новопринимаемаго въ тьмѣ: „вы не болѣе увидѣли, какъ токмо находящуюся вокругъ васъ мрачность; желающій свѣта

долженъ прежде узрѣть тьму, окружающую его, и, отличивъ ее отъ истиннаго свѣта, обратить къ нему свое вниманіе".

Не успѣвалъ еще жаждавшій свѣта освоиться съ окружавшей его обстановкой, какъ выходилъ къ нему обрядоначальникъ и, придавъ ему видъ просителя языческихъ временъ, т. е. обнаживъ ему плечо и грудь и разувъ ногу, завязывалъ ему глаза. Приставя къ его груди мечъ, онъ приглашалъ его слѣдовать за собою. „Такъ труденъ путь къ добродѣтели,—тихимъ и мѣрнымъ голосомъ говорилъ обрядоначальникъ,—такъ въ жизни мы странствуемъ, прошедшее для насъ темно, будущее неизвѣстно". Всѣ старанія употребляются, чтобы путь сдѣлать неудобнымъ, чтобы вызвать чувство жути или хотя бы волненіе. Такъ вели новопринимаемаго изъ храмины въ ложу, бросали ему подъ ноги фальшфейера, вели его коридорами, то опускаясь, то подымаясь; раздавались таинственные угрожавшіе голоса о томъ, готово ли желѣзо, достаточно ли оно разгорячено; слышался лязгъ оружія; проводили принимаемаго подъ „желѣзнымъ сводомъ", т. е. подъ скрещенными шпагами двухъ рядовъ братьевъ, стоящихъ другъ къ другу лицомъ. Путешествіе совершалось съ наложенною на глаза посвящаемаго повязкою, которая напоминала о необходимости обращенія внутрь себя, къ источнику нашей жизни, т. е. къ сердцу. Путешествіе до ложи сопровождалось такимъ образомъ испытаніемъ силы воли принимаемаго, стойкости его желанія вступить въ орденъ. Оно знаменовало, что труденъ путь къ добродѣтели и что „если бы невидимая рука не путеводительствовала нами, погибель бы наша была неизбѣжна".

Посвящаемый приближался къ ложѣ. О ея близости онъ угадывалъ по доносившемуся къ нему пѣнію: въ ложѣ, хоромъ, громко и явственно, братья пѣли ритуальную пѣснь:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмахъ нашихъ не являйтесь,
Которы правды не хранятъ!
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда,
Тому затворенъ входъ сюда. } bis.

Во двери, крѣпко затворенны,
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью привожденны,
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.
Когда-жъ изъ храма вонъ пойдутъ,
Съ собою скромность понесутъ. } bis.

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины,
Они устроятъ вамъ препятства,
Имъ двери къ намъ затворены.
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ. } bis.

Въ ложу входятъ черезъ три удара, знаменующіе „ищите и обрящете," „просите и дастся вамъ", „толцыте и отверзется", а также рожденіе, смерть и воскресенье. Совершаются, съ завязанными у посвящаемаго глазами, три путешествія вокругъ ковра, и тремя шагами, онъ приближается къ жертвеннику. Здѣсь посвящаемый, положивъ руки на жертвенникъ, „по вѣрѣ", какъ гласитъ обрядникъ, т. е. не видя, „ощущаетъ Слово Божіе и изрекаетъ священный союзъ съ орденомъ присягою" [1]). Путешествіе и шаги означали жизнь по слѣпой вѣрѣ.

Послѣ присяги повязка спадаетъ съ глазъ принимаемаго. Онъ—не въ темной храминѣ, а въ сверкающемъ бѣлизной залѣ. На возвышеніи о трехъ ступеняхъ, подъ голубымъ балдахиномъ стоитъ раззолоченное кресло, обитое голубымъ бархатомъ. Предъ кресломъ обтянутый голубымъ же бархатомъ алтарь. На алтарѣ—обнаженный мечъ и Евангеліе, открытое на первой главѣ отъ Іоанна. Въ золоченыхъ свѣтильникахъ зажжены восковыя свѣчи. Золотымъ сіяньемъ надъ тропомъ сверкаютъ раззолоченые лучи искусно сдѣланнаго солнца. Сверкаетъ пламя большой золотой звѣзды надъ алтаремъ. Бѣлый атласный коверъ, росписанный красками, разостланъ посреди зала. Лазоревый цвѣтъ тканей, бѣлизна стѣнъ, золото знаковъ и украшеній ослѣпляютъ глаза.

Посвящаемый видитъ братьевъ, держащихъ свои шпаги „устремленными" противъ него. Ему поясняется, что эти мечи готовы на его защиту, если онъ будетъ исполнять всѣ обязанности, „свойственныя рыцарямъ свободнымъ каменщикамъ", но тѣ же мечи устремятся противъ него „при нарушеніи клятвы и союза". Снова,

[1]) Текстъ страшной присяги при посвященіи въ ученики, по редакціи, приведенной въ книгѣ „Масонъ безъ маски", гласилъ: „я клянусь предъ лицомъ великаго зиждителя вселенныя, то есть Бога, что никогда не открою таинствъ масонства ни прямо, ни околичностью, ни изустно, ни на письмѣ, ни знаками, ни видомъ, ниже какимъ инымъ способомъ; въ противномъ случаѣ буди отсѣчена глава моя, выколоты очи мои, пронзена грудь моя, исторжено сердце мое и выкинуты чревы мои и буди все тѣло мое сожжено и въ прахъ обращено и развѣяно вѣтромъ по землѣ и буди память моя на вѣки истреблена отъ земли живыхъ; въ томъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое Евангеліе; аминь".

тремя шагами, направляется къ алтарю ищущій свѣта, но, ступая теперь съ открытыми глазами, онъ видитъ, что дѣлаетъ первый шагъ—на дикій камень, второй—на кубическій камень, третій—на пламенѣющую звѣзду. Склонивъ колѣна, онъ приноситъ предъ алтаремъ вторую присягу.

Раздается пѣнье:

Изъ мрака мы себя изводимъ,
Разсудкомъ, волей и умомъ,
Во храмъ премудрости приходимъ
Терпѣньемъ, мужествомъ, трудомъ,
Блаженство вышнее вкушаемъ,
Для вѣрности свою мы кровь
Со кровью братіевъ мѣшаемъ,
Хранимъ честь, братство и любовь;
Согласіе, единство, равность
Даютъ законъ священный намъ.

Великій Мастеръ приставляетъ къ лѣвой груди новопринимаемаго циркуль и тремя ударами молотка по этому циркулю принимаетъ его въ братство.

I. „Силою власти моея и сана мною управляемаго“.
(Первый ударъ).

II. „Силою благоволенія и согласія всѣхъ присутствующихъ и по всей землѣ разсѣянныхъ братій“.
(Второй ударъ).

III. „Пріемлю тебя въ свободные каменщики, ученики и сочлены сего почтеннаго ордена“.
(Третій ударъ).

Часто, желая произвести впечатлѣніе, удары наносились столь сильно, что вытекала кровь въ подставленную хрустальную чашу, наполовину наполненную красной влагой, представлявшей кровь ранѣе принятыхъ братьевъ. Иногда же это искусно симулировалось: на грудь капали-какую нибудь красную жидкость, а принимаемый, находясь въ приподнятомъ настроеніи, не замѣчалъ этой симулиціи, о которой однако записано въ нѣкоторыхъ ритуалахъ.

„Мѣняю имя ваше на имя брата, которое должно почитать за священное“,—говорилъ затѣмъ мастеръ, и новый братъ отъ всѣхъ другихъ братьевъ получалъ братское троекратное цѣлованіе. Ему вручались бѣлыя перчатки, бѣлый запонъ, серебряная лопаточка и знакъ ложи, а также дѣлалось объясненіе ученическаго ковра и сообщались ученическіе „знакъ, прикосновеніе,

слово". Ученическій знакъ—шейный, въ ознаменованіе того, что „ученикъ скорѣе долженъ пожертвовать своей головою, чѣмъ открыть тайны сея степени". Ученическое слово Іакинъ должно напоминать могущество Бога и ничтожество человѣка. Ученическое прикосновеніе дѣлается троякимъ пожиманіемъ у перваго пальца третьяго сустава.

Братъ-риторъ произноситъ поучительное слово о братствѣ и равенствѣ, призывая къ добродѣтели. „Отнынѣ ты ученикъ іоанновскій,—говоритъ риторъ,—ты одно лишнее звено въ великой цѣпи всемірнаго каменщическаго братства. Цѣль ордена вольныхъ каменщиковъ—исправленіе рода человѣческаго примѣрами благочестія и добродѣтели въ членахъ нашихъ, ибо примѣры сильнѣе всѣхъ усовѣщеваній дѣйствуютъ въ сердцѣ человѣческомъ. Если и явный злодѣй не страшится публично хвастаться правилами и подвигами своими, то неужели ты, принявшій званіе свободнаго каменщика, ученикъ іоанновскій, устыдишься показывать собою образецъ добродѣтели?"

Послѣ слова ритора слѣдовала братская трапеза, за которой пились здравицы въ честь Государя, пилось за повиновеніе законамъ, за любовь къ отечеству и процвѣтаніе ордена въ Россіи и за единеніе всего рода человѣческаго въ одну семью. Ложа заканчивалась составленіемъ братской цѣпи и пѣснью: „составимъ цѣпь, сплетясь руками, въ залогъ друзьямъ поставимъ грудь".

Таково было символическое іоанновское масонство. Таковъ былъ общій характеръ его символовъ и обрядовъ.

Тира Соколовская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго г.-а. Александра Михайловича Рылѣева.

Вѣнчаніе Государя Императора Александра Николаевича съ княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, получившей затѣмъ фамилію княгини Юрьевской, произошло въ воскресенье, 6-го іюля 1880 года, въ 3 часа 30 минутъ по-полудни въ Царскомъ Селѣ, во временной церкви, съ походнымъ иконостасомъ Императора Александра I. Эта временная церковь была устроена раньше, а именно во время болѣзни Императрицы Маріи Александровны, чтобы Ея Величество могла избѣгнуть длиннаго перехода изъ внутреннихъ покоевъ въ большую церковь.

Вѣнчалъ придворный митрофорный священникъ, сакеларій церкви Зимняго Дворца, Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій, очень долго передъ этимъ бывшій священникомъ и законоучителемъ Пажескаго Е. И. В. корпуса. Въ служеніи участвовалъ придворный протодьяконъ Поповъ; пѣлъ псаломщикъ Ловцовъ.

Шаферами были: у княжны Долгорукой—генералъ-адъютантъ Александръ Михаиловичъ Рылѣевъ, у Государя—генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Присутствовалъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ, вопреки показаніямъ Ровинскаго, не присутствовалъ, а былъ представленъ Государемъ княгинѣ Юрьевской уже впослѣдствіи.

Гр. А. Вл. Адлербергъ былъ противникомъ этой свадьбы и послѣ брака, къ интимному, вечернему чаю болѣе не приглашался.

Сообщилъ П. П.

Къ финляндскому „вопросу“.[1])

Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финлядскаго: „формы правленія“ и „сословныхъ привилегій“, выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

Въ печатаемой ниже части своего заключенія ст. секр. Э. В. Фришъ подробно разбираетъ, по статьямъ, важнѣйшій государственный актъ старошведской конституціи, а именно „Форму Правленія 21 августа 1772 года“. Актъ этотъ финляндцы полагаютъ въ основу своихъ притязаній и въ настоящее время Императорскій Финляндскій Сенатъ, во всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 1-го Іюня 1907 года, предлагая составленный имъ по собственной иниціативѣ проектъ новаго основного закона для Великаго Княжества, мотивируетъ это необходимостью замѣны старыхъ основныхъ законовъ, „Формы Правленія 1782 года и Акта соединенія 1789 года“, считая ихъ какъ-бы дѣйствующими въ Финляндіи. Между тѣмъ изъ соображеній, приведенныхъ ниже, съ полною очевидностью вытекаетъ, что не только законы эти не могутъ считаться примѣнимыми къ новому положенію Финляндіи подъ властью Россіи, послѣ 1809 года, но что съ ними и не считалось позднѣйшее законодательство по Финляндіи, установившее, въ царствованія императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, цѣлымъ рядомъ узаконеній, изданныхъ *безъ всякаго участія сейма*, весь нынѣшній особый порядокъ ея внутренняго устройства и управленія. Оказывается, что для обоснованія этого порядка на прежнемъ старо-шведскомъ законодательствѣ, финляндскимъ юристамъ приходится (какъ это и дѣлала Вейссенберговская комиссія 1885 года) дѣлать всяческія натяжки и даже входить въ явныя противорѣчія съ самими собою. Новѣйшіе законодатели (т. е. сенатъ 1907 года) поступили въ этомъ отношеніи гораздо проще. Они оставили непроизводительныя и безплодныя попытки съ цѣлью обосновать свои притязанія и стремленія на почвѣ старо-шведской конституціи, а просто составили проектъ сообразно съ требованіями своихъ нынѣшнихъ вожделѣній. Въ немъ, поэтому, не найдется болѣе повода къ какимъ-либо пререканіямъ или толкованіямъ, а прямо закрѣпляется отдѣльное финляндское государство, связанное съ Россіею только въ лицѣ общаго монарха, да еще въ томъ, что „политическія отношенія Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ зависятъ отъ отношеній къ нимъ Имперіи и одинаковы съ сими послѣдними“ (п. 3-й § 2-го проекта).

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г., октябрь.

Въ частности необходимо имѣть въ виду, относительно Формы Правленія 1772 года, что она явилась результатомъ „революціи сверху", устроенной Густавомъ III въ цѣляхъ укрѣпленія королевской власти, расшатанной и доведенной почти до ничтожества въ Швеціи долголѣтнимъ (съ 1720 г.) „періодомъ свободы" (frihetstiden). Время это отмѣчено въ исторіи полнымъ господствомъ въ государствѣ политическихъ партій, боровшихся за власть и истощавшихъ страну хуже, чѣмъ злоупотребленія временъ Карла XII, правленіе котораго носило характеръ вполнѣ деспотическій.

Густавъ III, опасаясь, что Швецію постигнетъ судьба Польши, рѣшилъ добиться усиленія своей власти и 19 августа 1772 года, послѣ обычнаго развода, опираясь на вѣрныя ему войска, окружилъ ими во дворцѣ членовъ совѣта, принялъ на улицахъ отъ народа восторженныя манифестаціи, а 21 августа, лично открывъ сеймъ, въ краснорѣчивыхъ словахъ изобразилъ печальное состояніе королевства и предложилъ возстановить порядокъ управленія временъ Густава Адольфа, по которому съ короля совершенно снималась опека Государственнаго Совѣта и устанавливалась болѣе упорядоченная система законодательства при содѣйствіи риксдага. Тѣмъ не менѣе власть короля осталась въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограниченной; новые законы могли издаваться, или старые измѣняться, только съ согласія государственныхъ чиновъ; такое же согласіе требовалось на установленіе новыхъ налоговъ и повинностей, а также на веденіе наступательной войны. Наконецъ, предоставленъ риксдагу контроль надъ финансами.

Такимъ образомъ, шведская Форма Правленія 1772 года, хотя и укрѣпляла въ значительной степени власть шведскаго короля, но все же являлась результатомъ *договора* между нимъ и представителями націи, самый фактъ существованія котораго уже свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ ограниченіи въ данномъ случаѣ королевской власти...

Несостоятельность толкованій финляндцевъ о томъ, что старо-шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 г.г. были утверждены императоромъ Александромъ I для Финляндіи въ 1809 году въ качествѣ дѣйствующихъ въ ней основныхъ законовъ, доказана съ полною очевидностью въ отзывѣ Н. А. Манассеина (см. „Русская Старина", сентябрь 1907 г.). Все послѣдующее законодательство, приведенное неоднократно Э. В. Фришемъ, согласно которому установлены такія учрежденія Финляндіи, какъ напримѣръ ея Сенатъ, Статсъ-Секретаріатъ, управленіе губерніями и проч., являлись бы *сплошнымъ нарушеніемъ* этихъ актовъ, такъ какъ всѣ эти установленія Финляндіи (не считая многаго другого) совершенно не въ порядкѣ старо-шведской конституціи, воспрещавшей, между прочимъ, имѣть генералъ-губернаторовъ; а между тѣмъ, такое высшее должностное лицо существуетъ постоянно въ Финляндіи со дня ея окончательнаго присоединенія къ Россійской Имперіи.

Несмотря на все это, финляндскій „вопросъ" и поднесь остается „вопросомъ". На финляндцевъ нимало не дѣйствуютъ даже такія Высочайшія резолюціи, какъ „*О Формѣ Правленія пора было-бы забыть*" [1]) и нынѣ, спустя восемнадцать почти лѣтъ послѣ отзывовъ Н. А. Манассеина и Э. В. Фриша, они, какъ извѣстно, повторяютъ, но только еще болѣе опредѣленно и увѣренно, совершенно тѣ же домогательства. ***Н. А. Т—нъ.***

---

[1]) См. сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру устава о военной повинности въ Финляндіи". Изд. Гл. Штаба (стр. 110-я).

II. Форма правленія 21 Августа 1772 года.

Затѣмъ вторымъ по времени и главнымъ источникомъ основныхъ законовъ Финляндіи комитетъ признаетъ форму правленія 21 Августа 1772 г., по поводу которой слѣдуетъ вообще замѣтить, что этотъ законъ, существенно измѣненный актомъ соединенія и охраненія 1789 г. и въ 1809 г. вполнѣ замѣненный въ самой Швеціи новою формою правленія 6 Іюня этого года, съ присоединеніемъ Финляндіи къ Имперіи, оказывается замѣненнымъ почти во всѣхъ его частяхъ изданными въ позднѣйшіе послѣ 1809 годы узаконеніями. Между тѣмъ комитетъ считаетъ означенный законъ, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ статей, вполнѣ примѣнимымъ къ настоящему положенію Великаго Княжества и приводитъ почти всѣ его статьи въ цитатахъ подъ статьями своего проекта. Непримѣнимыми къ Финляндіи комитетъ признаетъ только ст. 3, 7, 29 и 30, часть ст. 34, ст. 35 и 36, часть ст. 38 и ст. 53 и 56, всего восемь статей и части другихъ двухъ. Внимательное и безпристрастное разсмотрѣніе содержанія этого древняго шведскаго закона и надлежащее соображеніе его съ дѣйствующими въ Финляндіи позднѣйшими узаконеніями не подтверждаетъ однако помянутаго заключенія комитета.

Въ статьѣ 1 формы правленія 1772 г. выражено, что единство въ религіи и правильномъ богопочитаніи есть самая крѣпкая основа для достойнаго, согласнаго и прочнаго правленія и посему какъ Короли, такъ и всѣ должностныя лица и подданные въ шведскомъ государствѣ должны держаться слова Божія въ томъ видѣ, какъ оно истолковано въ катехизисѣ Лютера и въ неизмѣнномъ Аугсбургскомъ исповѣданіи и установлено на Упсальскомъ собраніи и въ прежнихъ государственныхъ постановленіяхъ и поясненіяхъ къ нимъ, такъ что права церкви должны быть поддерживаемы, безъ нарушенія, однако, какихъ-либо правъ Короля, казны и всего народа шведскаго. Комитетъ считаетъ эту статью дѣйствующею въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и заимствуетъ изъ нея три статьи проекта формы правленія (5, 7 и 9), хотя и въ мотивахъ къ нимъ (стр. 19) замѣчаетъ, что и въ средѣ бывшаго шведскаго правительства понятія о терпимости въ дѣлахъ вѣры въ разное время были не одинаковы, и что въ особенности православное населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей шведскаго королевства со времени Столбовскаго мира пользовалось правомъ безпрепятственнаго отправленія религіи. Далѣе въ мотивахъ къ проекту комитетъ признаетъ, что обязательство Монарха исповѣдывать евангелическо-лютеран-

скую вѣру утратило значеніе вслѣдствіе провозглашенія Императора Россіи Великимъ Княземъ Финляндіи. Комитетъ упоминаетъ также о Высочайшемъ постановленіи 14 Августа 1827 г., коимъ предоставлено лицамъ православнаго греко-россійскаго исповѣданія, проживающимъ въ Финляндіи или переселившимся туда, право поступать на финляндскую гражданскую и военную службу; но комитетъ не признаетъ за этимъ постановленіемъ законной силы, потому что оно состоялось безъ участія сейма (мот. къ пр. ф. пр., стр. 20), упуская изъ вида, что этотъ мотивъ одинаково примѣнимъ и къ Высочайшимъ постановленіямъ о Финляндскомъ Сенатѣ, Статсъ-Секретаріатѣ и вообще ко всѣмъ узаконеніямъ, изданнымъ въ періодъ времени съ 1809 г. по 1863 г., когда сеймы созываемы не были; между тѣмъ на законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ этого времени въ дѣйствительности основывается существующее управленіе Финляндіею, отличное отъ управленія Имперіею. Ближайшее за симъ разсмотрѣніе ст. 1 формы правленія 1772 г. показываетъ, что она не согласуется не только съ постановленіемъ 1827 г., но и съ цѣлымъ рядомъ другихъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законоположеній. По статьѣ 6 церковнаго уложенія 6 Декабря 1869 г., если какой-либо членъ евангелическо-лютеранской церкви въ Финляндіи пожелаетъ, на основаніи своего убѣжденія, отдѣлиться отъ этой церкви и перейти въ другое церковное общеніе, то церковь не должна ему въ семъ препятствовать; на этомъ основаніи статья 3 глава 1 отдѣла о преступленіяхъ въ общемъ уложеніи 1734 г., опредѣлявшая изгнаніе изъ государства за отпаденіе отъ евангелическаго вѣроученія и переходъ въ другую вѣру, показана была въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого кодекса отмѣненною. По статьѣ 14 сеймоваго устава 15 Апрѣля 1869 г. финляндецъ, даже исповѣдующій нехристіанскую вѣру, имѣетъ право участвовать въ выборахъ сеймовыхъ депутатовъ, а слѣдовательно считается, по терминологіи проекта, финляндскимъ гражданиномъ. По недавно изданному закону 11 Ноября 1889 г. всѣмъ финляндскимъ гражданамъ, исповѣдующимъ христіанскую религію, предоставлено право поступать на финляндскую службу, за исключеніемъ лишь должностей по духовному вѣдомству лютеранскаго исповѣданія и должностей преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Православныя церкви въ Финляндіи, состоящія по Именнымъ указамъ 11 Декабря 1811 г. и 2 Августа 1823 г. въ вѣдомствѣ епархіальнаго начальства подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода, пользуются и нынѣ охраною закона (Выс. пост. 1869 г. Дек. 6), при чемъ дѣла объ отпаденіи отъ православія слѣдуютъ подсудности, опредѣленной въ Именномъ указѣ 22 Іюля 1817 г.

Ввиду всѣхъ означенныхъ узаконеній, мнѣніе комитета о примѣнимости статьи 1 формы правленія 1772 г. и сдѣланные имъ отсюда выводы, будто бы, только евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе есть публичная религія Финляндіи (ст. 5 проекта), будто бы на службѣ страны могутъ быть употребляемы послѣдователи не всѣхъ христіанскихъ исповѣданій (ст. 7 проекта) и будто бы послѣдователи нехристіанской религіи не могутъ получать права гражданства въ Финляндіи (ст. 9 проекта), оказываются несоотвѣтствующими мѣстнымъ дѣйствующимъ законамъ [1]).

Статья 2 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ краткую выписку изъ главы 4 королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. на которое поэтому и сдѣлана въ ней ссылка и о которомъ упомянуто выше. По существу своему эта статья есть простое послѣдствіе установленнаго порядка судопроизводства, опредѣленнаго правилами, изложенными въ послѣднемъ отдѣлѣ дѣйствующаго нынѣ въ Финляндіи общаго уложенія 1734 г. (о судопроизводствѣ) со всѣми слѣдующими къ нему дополненіями; поэтому, вмѣсто ссылки на земское уложеніе 1442 г., въ статьѣ 2 акта соединенія и охраненія 1789 г. сдѣлана болѣе правильная ссылка на уложеніе 1734 года.

Статья 4 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ правила о государственномъ совѣтѣ шведскаго королевства, члены коего избирались Королемъ изъ урожденныхъ рыцарей и свеновъ, при чемъ ординарныхъ членовъ положено было имѣть 17, включая въ это число высшія государственныя должности и генералъ-губернатора Помераніи. Комитетъ считаетъ эту статью примѣнимою къ Великому Княжеству Финляндскому и основываетъ на ней въ своемъ проектѣ три положенія (ст. 17, 21 и 24), а именно: 1) что статсъ-секретари Великаго Княжества Финляндскаго должны быть урожденными финскими людьми; 2) что Финляндскій Сенатъ отвѣтственъ только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, и 3) что въ члены Сената призывается нужное число урожденныхъ финляндскихъ людей.

Первое изъ этихъ положеній (ст. 17 проекта) не согласуется, однако, съ позднѣйшими по сему предмету узаконеніями. По статьѣ 1 манифеста 17 Марта 1826 г. Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго назначается Государемъ Императоромъ и по указу 23 Декабря 1834 г. именуется Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго; эта должность единоличная и

[1]) Въ современномъ проектѣ проводится принципъ свободы вѣроисповѣданія, но лишь для „финляндскихъ гражданъ“, при чемъ свобода эта „не должна быть нарушаема со стороны властей или какихъ-либо церковныхъ обществъ“. *Т.*

говорить о нѣсколькихъ статсъ-секретаряхъ Финляндіи потому только, что въ государственной канцеляріи шведскаго королевства было нѣсколько статсъ-секретарей, не представляется никакого основанія; о назначеніи Министра Статсъ-Секретаря или его помощника исключительно изъ финскихъ уроженцевъ въ дѣйствующихъ нынѣ Финляндскихъ законахъ не упоминается, инструкція же Финляндской Коммиссіи отъ 26 Октября 1811 г., по которой всѣ члены коммиссіи и Статсъ-Секретарь финляндскихъ дѣлъ опредѣлялись изъ обывателей Финляндіи, отмѣнена за упраздненіемъ этой Коммисіи и учрежденіемъ взамѣнъ ея Статсъ-Секретаріата Высочайшимъ манифестомъ 17 Марта 1826 г., при чемъ этотъ законъ, опредѣляя подробно составъ и кругъ дѣйствія Статсъ-Секретаріата и порядокъ назначенія Статсъ-Секретаря, уже не содержитъ въ себѣ такого ограниченія, чтобы Статсъ-Секретарь могъ быть назначаемъ только изъ обывателей Финляндіи; равнымъ образомъ и въ изданномъ впослѣдствіи $\frac{27\text{ Марта}}{7\text{ Апрѣля}}$ 1857 г. манифестѣ объ учрежденіи при Статсъ-Секретаріатѣ комитета по финляндскимъ дѣламъ не имѣется подобнаго ограниченія, а сказано только, что Министръ Статсъ Секретарь, по званію своему, есть предсѣдатель комитета, а помощникъ его, по званію своему, членъ комитета, другіе же три члена комитета назначаются Государемъ Императоромъ каждый разъ на три года, при чемъ одинъ назначается непосредственно по усмотрѣнію Государя, а остальные два по представленію Генералъ-Губернатора и Сената, преимущественно изъ членовъ Сената, губернаторовъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ краѣ.

Что же касается второго и третьяго изъ приведенныхъ положеній (ст. 21 и 24 проекта), то примѣненіе къ Финляндскому Сенату постановленій формы правленія 1772 г., относившихся къ государственному совѣту Швеціи, не имѣетъ надлежащихъ основаній, если не считать таковыми нѣкотораго сходства прежняго именованія Сената Правительствующимъ Совѣтомъ (Regerings conseil) съ названіемъ шведскаго государственнаго совѣта (Rädkammaren), тѣмъ болѣе, что этотъ совѣтъ былъ упраздненъ въ самой Швеціи въ 1789 г. и замѣненъ верховнымъ королевскимъ судомъ и особымъ комитетомъ для подготовки государственныхъ дѣлъ къ докладу Королю. Въ дѣйствительности составъ Финляндскаго Сената и порядокъ назначенія его членовъ и учрежденныхъ указомъ 15 Іюня 1822 г. вице-предсѣдателей въ департаментахъ судебномъ и хозяйственномъ опредѣляется въ точности мѣстными узаконеніями Финляндіи: по статьѣ 5 регламента $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г. половина членовъ его избирается изъ дворянства, а другая половина изъ про-

чихъ сословій Финляндіи, при чемъ выборъ и назначеніе ихъ зависитъ отъ Государя Императора; съ присоединеніемъ Выборгской губерніи къ новой Финляндіи указомъ 23 Декабря 1811 г. назначены два новыхъ члена въ Финляндскій Сенатъ изъ обывателей этой губерніи, затѣмъ указомъ 1816 г. Февраля 9 обѣщано было избирать впредь въ члены Сената однихъ токмо коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданство пріобрѣвшихъ, а впослѣдствіи, при постепенномъ увеличеніи числа членовъ въ томъ и другомъ его департаментѣ, порядокъ періодическаго ихъ назначенія на каждые три года остался прежній (ср. Выс. пост. 1888 Іюл. 28). Всѣ эти мѣстныя узаконенія и постановленія не имѣютъ, однако, ничего общаго съ правилами 1772 г. о государственомъ совѣтѣ шведскаго королевства и, являясь постановленіями Верховной власти по дѣламъ мѣстнаго управленія, не могутъ быть почитаемы унаслѣдованными отъ Швеціи основными законами. Напротивъ того изъ регламента Правительствующему Совѣту $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г. и въ особенности изъ Манифеста $^{9}/_{21}$ Февраля 1816 г. о переименованіи онаго въ Сенатъ, въ коемъ между прочимъ выражено: „находимъ Мы.... удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Высшнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего“.... представляется болѣе правильнымъ придти къ заключенію, что образцомъ для Финляндскаго Правительствующаго Совѣта (Сената) послужило дѣйствовавшее въ началѣ нынѣшняго вѣка учрежденіе Правительствующаго Сената Имперіи, а не шведскія государственныя установленія прошлаго столѣтія.

Статья 5 формы правленія 1772 г., по которой „Король имѣетъ управлять и владѣть замками и землями и всѣми своими и казенными доходами, спасать и защищать ихъ, какъ гласитъ законъ (lag) и сія форма правленія“, содержитъ въ себѣ (за исключеніемъ послѣднихъ ссылочныхъ словъ) выписку изъ королевскаго отдѣла уложенія Христофера 1442 г., о которомъ упомянуто выше. Комитетъ приводитъ эту статью подъ статьями 10, 12, 67 и 69 своего проекта, но содержаніе этихъ статей совершенно иное и не можетъ быть выведено изъ статьи 5 формы правленія. Такъ въ статьѣ 10 проекта сказано, что Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіею способомъ, указаннымъ въ проектѣ и въ прочихъ законахъ Финляндіи, а въ статьѣ 12 проекта, что Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть защищать, спасать и оборонять страну (т. е. Финляндію). Между тѣмъ власть управлять

Финляндіею на основаніи законовъ, а равно оборонять оную никакому сомнѣнію не подлежитъ. Что же касается неотчуждаемости казенныхъ имѣній (ст. 67 проекта) и употребленія казенныхъ доходовъ (ст. 69 проекта), то право пожалованія казенныхъ имѣній и доходовъ положительно опредѣляется статьею 15 регламента $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г., а порядокъ завѣдыванія казенными имѣніями и употребленія государственныхъ доходовъ—позднѣйшими изданными послѣ 1809 г. узаконеніями.

Статья 6 формы правленія, по которой шведскій Король по вопросамъ о мирѣ и заключеніи союзовъ не вправѣ былъ измѣнять единогласное мнѣніе членовъ государственнаго совѣта, отмѣнена статьею 1 акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ въ мотивахъ къ своему проекту (стр. 108) [1]).

Статья 8 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ правила о распредѣленіи государственныхъ дѣлъ шведскаго королевства между членами государственнаго совѣта, о выслушаніи ихъ мнѣній и постановленій Королемъ рѣшенія по дѣламъ административнымъ, а также о разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ въ юстицъ-ревизіонной коллегіи (верховномъ королевскомъ судѣ по ст. 2 акта 1789 г.) изъ 7 государственныхъ совѣтниковъ въ присутствіи Короля, при чемъ послѣдній имѣетъ два голоса, а если мнѣнія членовъ раздѣлятся поровну, то рѣшающій голосъ. Комитетъ приводитъ эту статью подъ многими статьями своего проекта (ст. 11, 18, 23—26), примѣняя ее въ особенности къ Финляндскому Сенату и судебному его департаменту, къ вопросу о правѣ Генералъ-Губернатора участвовать въ разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ въ этомъ департаментѣ и о составѣ присутствія сего послѣдняго. Всѣ эти предметы, какъ признаетъ впрочемъ и комитетъ, опредѣляются ясно и положительно особыми мѣстными законами Финляндіи, а потому ссылка на статью 8 формы правленія 1772 г. представляется излишнею.

Статья 9 формы правленія 1772 г., ограничивавшая право помилованія, была повторена въ статьѣ 1 акта соединенія и охраненія 1789 г. съ исключеніемъ таковаго ограниченія, а потому должна считаться замѣненною этимъ позднѣйшимъ закономъ. Комитетъ

---

[1]) Однако, въ современный проектъ (п. 3-й § 59), оказалось-же, введена такая статья, согласно которой, при заключеніи Государемъ Императоромъ международнаго договора, „касающагося также и Финляндіи“, сенатъ (Финляндскій) „обязанъ выяснить, являются-ли опредѣленія“ этого договора „по содержанію своему такими, что они, въ силу настоящей формы правленія, не могутъ безъ согласія сейма быть изданы для руководства въ Финляндіи“ и въ утвердительномъ случаѣ обязанъ „составить проектъ сеймового предложенія по дѣлу“. *Т.*

приводитъ объ эти статьи подъ статьею 13 своего проекта, но излагаетъ оную въ смыслѣ позднѣйшаго закона, такъ что указаніе на статью 9 формы правленія оказывается излишнимъ.

Статья 10 формы правленія, ограничивавшая право шведскаго Короля назначать тѣхъ или другихъ лицъ на государственныя должности обязательнымъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ государственнаго совѣта и коллегій и установленіемъ особыхъ условій для принятія на службу иностранцевъ, замѣнена была въ Швеціи статьею 1 акта 1789 г., предоставившею Королю „постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми“. Подробныя правила о замѣщеніи должностей „не взирая на происхожденіе или особое сословіе“ изложены были въ ст. 4 того же акта 1789 г. При этомъ, однако, порядокъ замѣщенія духовныхъ должностей, согласно разъясненію 2 Марта 1789 г., остался прежній, а также сохранилось и право коллегій и другихъ начальствъ по замѣщенію низшихъ должностей. Комитетъ считаетъ статью 10 формы правленія 1772 г. дѣйствующимъ до нынѣ закономъ Финляндіи и приводитъ ее подъ ст. 17 и 39—45 своего проекта, основывая на ней: 1) правило о томъ, что Финляндскіе Статсъ-Секретари должны быть урожденными финскими людьми (ст. 17 проекта), и 2) подробныя правила о замѣщеніи должностей по Финляндской службѣ, гражданской, военной и духовной, изложенныя въ ст. 39—45 проекта, при чемъ бывшія шведскія коллегіи замѣняетъ Финляндскимъ Сенатомъ, выраженіе: „чужіе иностранные люди“ примѣняетъ и къ обывателямъ Имперіи, неимѣющимъ правъ финляндскаго гражданства, а употребленное въ актѣ 1789 г. выраженіе: „урожденные шведскіе люди“ замѣняетъ урожденными финскими людьми. Выводы, сдѣланные комитетомъ изъ статьи 10, настолько не согласуются съ нею, что въ нихъ нельзя отыскать слѣда помянутаго источника (напр. въ ст. 39 проекта). Между тѣмъ порядокъ назначенія на должности опредѣляется въ Финляндіи мѣстными законами, правда весьма разбросанными и разновременными, но примѣняемыми нынѣ безъ всякаго соотношенія со статьею 10 шведской формы правленія 1772 года [1]).

---

[1]) Такое предвзятое истолкованіе старошведскихъ законовъ отражается и на современномъ проектѣ формы правленія, по которому (п. 1-й § 77-го) „на финляндскую государственную службу могутъ быть назначаемы только финляндскіе граждане“, за особо упоминаемыми исключеніями. Исключеніями этими являются: а) генералъ-губернаторъ, каковой „высокій постъ можетъ быть ввѣренъ Государемъ Императоромъ какъ русскому, такъ *„финляндскому“* уроженцу; б) должности по технической части, преподавателей

Статья 11 формы правленія 1772 г. о правѣ шведскаго Короля возводить достойныхъ лицъ въ дворянское званіе и жаловать графскіе и баронскіе титулы упоминается въ § 2 устава рыцарскаго дома 21 Апрѣля 1869 г. Въ прежнихъ по этому предмету указахъ право сіе признавалось и безъ ссылки на указанный шведскій законъ (ср. Выс. пов. 1816 Авг. 9), содержащій въ себѣ, между прочимъ, опредѣленіе постояннаго комплекта шведскаго дворянскаго сословія числомъ, бывшимъ въ 1772 г., увеличеннымъ не болѣе 150 новыми дворянскими родами. При этомъ нельзя не замѣтить, что статья 11 формы правленія 1772 г. не имѣетъ того безусловнаго значенія, какое придаетъ ей 14 ст. проекта, такъ какъ согласіе на такое ограниченіе числа новыхъ шведскихъ дворянскихъ родовъ вполнѣ зависѣло отъ милости Королевскаго Величества.

Статью 12 формы правленія 1772 о докладѣ дѣлъ Королю въ кабинетѣ или отдѣленіяхъ совѣта комитетъ считаетъ замѣненною статьями 1 и 2 акта 1789 года.

Въ статьѣ 13 формы правленія 1772 г. выражено, что „такъ какъ государство обширно, дѣлъ слишкомъ много и они слишкомъ важны для того, чтобы Король могъ ихъ разбирать одинъ, то онъ нуждается въ должностныхъ лицахъ и начальникахъ, которые ему помогаютъ“. Статья эта имѣла въ виду тогдашній объемъ шведскаго королевства, но комитетъ счелъ нужнымъ повторить ее въ своемъ проектѣ (ст. 16) въ примѣненіи къ Финляндіи, усматривая въ ней важный принципъ, что должностныя лица не суть частные слуги Короля или Императора. Кромѣ того, комитетъ основываетъ на той же статьѣ и назначеніе Финляндскаго Сената быть учрежденіемъ, содѣйствующимъ Императору въ правительственныхъ дѣлахъ и, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, завѣдывающимъ общимъ (главнымъ) управленіемъ страны (ст. 18 проекта), а также приводитъ этотъ законъ подъ ст. 36 и 39 проекта, на основаніи коихъ Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть, „поскольку это происходитъ не въ противорѣчіе съ сею формою правленія (проектомъ) или другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ“, постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей и службъ и объ упраздненіи прежде существо-

---

въ университетѣ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ училищахъ (т. е. среднеучебныхъ и низшихъ заведеніяхъ) только преподаватели иностранныхъ (т. е.—и *русскаго*) языковъ могутъ быть замѣщаемы способными уроженцами другихъ странъ (т. е.—и *русскими*); в) русскіе уроженцы могутъ замѣщать „нѣкоторыя“ должности въ статсъ-секретаріатѣ и канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, „какъ то будетъ установлено особымъ закономъ“. *Т.*

вавшихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія, равно какъ замѣщать всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе; при чемъ Императору предоставляется поручать употребленіе сего своего права Сенату или другой финской власти.* Всѣ эти предначертанія проекта не имѣютъ, однако, ничего общаго съ ст. 13 формы правленія 1772 г. и введенныя въ нихъ ограниченія находятся въ явномъ противорѣчіи съ приведенною выше буквально статьею 1 акта соединенія и охраненія 1789 года.

По статьѣ 14 формы правленія 1772 г. для завѣдыванія государственными дѣлами шведскаго королевства по разнымъ отдѣльнымъ частямъ сохранены были учрежденныя въ разное время особыя коллегіи. Но въ Финляндіи по шведскимъ законамъ существовали только двѣ судебныя коллегіи—Абосскій и Вазасскій гофгерихты, всѣ прочія коллегіи, какъ-то: военная, адмиралтействъ-коллегія, статсъ-контора, бергъ-коллегія, коммерцъ-коллегія и камеръ-ревизіонная коллегія, находились въ столицѣ королевства Стокгольмѣ. Съ покореніемъ Финляндіи, для главнаго мѣстнаго управленія этимъ краемъ учрежденъ былъ Правительствующій Совѣтъ, переименованный впослѣдствіи въ Финляндскій Сенатъ, въ двухъ департаментахъ котораго, судебномъ и хозяйственномъ, и сосредоточены дѣла, поступавшія въ прежнее время въ шведскія коллегіи; судебный департаментъ сдѣланъ былъ высшею ревизіонною инстанціею надъ гофгерихтами, число коихъ въ 1839 г. было увеличено до трехъ, съ учрежденіемъ Выборгскаго гофгерихта; хозяйственному департаменту Сената (Прав. Совѣта) предоставлено было завѣдывать дѣлами бывшихъ административныхъ коллегій (ст. 14 регл. 1809 г. Авг. $^{6}/_{18}$) и съ этою цѣлью онъ раздѣленъ былъ на экспедиціи, число коихъ постепенно увеличено до 8 (не считая статсъ-архива) и занятія коихъ, а также мѣста, имъ подвѣдомственныя, подробно исчислены въ Именномъ указѣ 9 Августа 1888 г. Всѣ эти мѣста, подвѣдомственныя хозяйственному департаменту Сената, учреждены и дѣйствуютъ, за весьма немногими исключеніями, на основаніи не шведскихъ, а мѣстныхъ финляндскихъ законовъ, большею частью недавно изданныхъ и пересмотрѣнныхъ, а именно:

1) *Гражданской* экспедиціи подвѣдомственны: *губернскія правленія*, переименованныя изъ бывшихъ ландсгевдингскихъ правленій указомъ 10 Апрѣля 1837 г. и *губернскія власти*, изъ коихъ нѣкоторыя (кромѣ ландсгевдинговъ, переименованныхъ тѣмъ же указомъ въ губернаторовъ), хотя и сохранили свои прежнія шведскія

названія, но кругъ дѣятельности, права и обязанности всѣхъ ихъ опредѣляются мѣстными финляндскими законами, изъ древнихъ же шведскихъ законовъ практическое значеніе для нихъ имѣетъ теперь, преимущественно, общее уложеніе 1734 г. съ дополнительными къ нему постановленіями шведскаго и русскаго правительства [1]); далѣе *магистраты*, составъ и кругъ дѣйствія коихъ опредѣляется частію закономъ о городскомъ общинномъ управленіи 8 Декабря 1873 г., частію особыми узаконеніями объ устройствѣ ихъ въ отдѣльныхъ городахъ и другими мѣстными постановленіями; *полицейскія управы*, учрежденныя и дѣйствующія также на основаніи особыхъ узаконеній для отдѣльныхъ городовъ (Гельсингфорса, Або, Выборга и др.) и общихъ по полицейской части постановленій края; принадлежавшее же имъ въ прежнее время право суда по маловажнымъ проступкамъ отмѣнено закономъ 4 Августа 1869 г.; *главное управленіе по дѣламъ печати*, учрежденное и дѣйствующее на основаніи закона о печати 31 Мая 1867 г. и дополнительныхъ къ нему узаконеній; *медицинское управленіе и медицинское вѣдомство*, составъ и кругъ дѣйствія коихъ опредѣляется новымъ закономъ о медицинскомъ управленіи 29 Января 1878 г.; санитарнымъ уставомъ 22 Декабря 1879 г.; уставомъ для повивальныхъ бабокъ 6 Мая 1879 г.; уставомъ объ оспопрививаніи 15 Января 1884 г.; инструкціею провинціальнымъ врачамъ 17 Января 1832 г. съ послѣдовавшими къ ней дополненіями, законами о больницахъ, аптекахъ и ветеринарной части, а также *статистическое центральное бюро*.

2) *Канцелярской* экспедиціи подвѣдомственны: *тюремное управленіе и тюремныя дирекціи*; *главное управленіе публичныхъ зданій*, дѣйствующее на основаніи данной ему инструкціи 1865 Окт. 27 и другихъ новыхъ узаконеній; для этихъ управленій изъ шведскихъ законовъ остаются въ силѣ лишь нѣкоторыя правила общаго уложенія 1734 г. съ ихъ послѣдующими измѣненіями и дополненіями.

3) *Финансовой* экспедиціи подвѣдомственны: *финляндскій банкъ*, учрежденный 12 Декабря 1811 г. и дѣйствующій нынѣ по уставу 27 Іюня 1878 г.; *статсъ-контора*; *таможенное управленіе и таженное вѣдомство*; *контора заготовленія гербовой бумаги* и *монетный дворъ*.

4) *Камерной* экспедиціи подвѣдомственны: *общій ревизіонный судъ и ревизіонная контора*; *главное межевое управленіе, межe-*

[1]) Въ сборникѣ финляндскихъ постановленій, изданномъ Сенатомъ въ 1869 г. для руководства лэнсмановъ, постановленія шведскихъ временъ составляютъ большею частью лишь историческій матеріалъ. (Примѣч. къ заключенію).

вое вѣдомство и коммиссія вывѣрки мѣръ и вѣсовъ; лѣсное управленіе и лѣсное вѣдомство и *бостельные инспекторы.*

5) *Милиціонной* экспедиціи подвѣдомственны: *финскія войска,* составъ и дислокація коихъ опредѣляются новыми законами; *кадетскій корпусъ*; кригсъ-коммиссаріатъ; *губернскія и призывныя по воинской повинности присутствія.*

6) *Духовной* экспедиціи подвѣдомственны: *духовныя консисторіи и духовное вѣдомство*; *главное управленіе училищнаго вѣдомства*; *элементарныя учебныя заведенія*; *народныя учительскія семинаріи* и *народныя школы.*

7) Экспедиціи *земледѣлія* подвѣдомственны: *главное управленіе дорожныхъ и водяныхъ сооруженій съ личнымъ составомъ инженеровъ*; *управленіе желѣзныхъ дорогъ; инспекторъ рыбныхъ ловель; статсъ-агрономы и губернскіе агрономы*; *инженеры земледѣлія; правительственные наставники молочнаго хозяйства, земледѣльческій институтъ и земледѣльческія училища; экономическія и сельско-хозяйственныя общества.*

8) Экспедиціи *торговли и промышленности* подвѣдомственны: *главное управленіе лоцманскаго и маячнаго вѣдомства съ личнымъ составомъ онаго*; *управленіе промышленности*; *политехническій институтъ*; *промышленныя учебныя заведенія; мореходныя школы; коммерческія училища* и *торговые стряпчіе.*

Такимъ образомъ кругъ дѣятельности какъ самого хозяйственнаго департамента Сената и каждой его экспедиціи, такъ и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, опредѣляется теперь главнѣйше не древними шведскими законами о коллегіяхъ, а цѣлымъ рядомъ новыхъ узаконеній, изданныхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Поэтому представляется совершенно неумѣстнымъ въ настоящее время, вмѣсто изученія и примѣненія этихъ дѣйствующихъ узаконеній, опредѣлять по формѣ правленія 1772 г. и другимъ постановленіямъ XVIII столѣтія, чѣмъ именно и въ какой мѣрѣ завѣдывала каждая изъ административныхъ коллегій шведскаго королевства, тѣмъ болѣе, что положеніе этихъ коллегій ко времени завоеванія Финляндіи было переходное, ихъ дѣятельность послѣ переворота 1789 г. была въ значительной мѣрѣ замѣнена упомянутымъ выше комитетомъ для подготовки дѣлъ къ докладу Королю, а вслѣдъ затѣмъ, еще до Фридрихсгамскаго мира, по новой формѣ правленія, принятой Швеціею 6 Іюня 1809 г., всѣ административныя коллегіи были замѣнены министерствами.

Предметы вѣдомства судебнаго департамента Сената и порядокъ производства въ немъ дѣлъ, еще при первоначальномъ его учре-

жденіи въ 1809 г., были опредѣлены независимо отъ законовъ о шведскихъ коллегіяхъ такъ, что къ его вѣдомству отнесены и многія такія дѣла, которыя въ Швеціи поступали въ разныя административныя коллегіи (регл. 1809 г. Авг. $^{6}/_{18}$, ст. 33 и слѣд.). Съ теченіемъ времени подвѣдомственныя этому департаменту судебныя мѣста были преобразованы; многія изъ нихъ упразднены (лагманскіе, кемнерскіе и шлосскіе суды и суды рыцарскихъ осмотровъ), число гофгерихтовъ увеличено, составъ судебныхъ мѣстъ подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ, содержаніе ихъ построено также на новыхъ основаніяхъ, привилегированная подсудность дворянства отмѣнена и послѣдовали разныя другія измѣненія въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, въ порядкѣ судопроизводства и обжалованія. Изъ шведскихъ законовъ остается и здѣсь, главнымъ образомъ, общее уложеніе 1734 г. (отдѣлъ о судопроизводствѣ) съ нѣкоторыми дополнительными къ нему постановленіями, къ числу коихъ можно отнести и уцѣлѣвшія отрывочныя правила изъ статьи 15 формы правленія 1772 г. о составѣ и обязанностяхъ гофгерихтовъ.

Комитетъ, напротивъ, считаетъ почти всѣ статьи формы правленія 1772 г. о шведскихъ коллегіяхъ сохранившими обязательную силу для Финляндіи и примѣняетъ ихъ, прежде всего къ Финляндскому Сенату, а затѣмъ къ гофгерихтамъ и „правительственнымъ вѣдомствамъ“ Финляндіи.

Изъ *статьи 14* формы правленія 1772 г. комитетъ выводитъ назначеніе Сената завѣдывать главнымъ управленіемъ Финляндіи (прямо указанные въ ст. 1 регламента $^{6}/_{18}$ Авг. 1809 г.), и отчетность его предъ Государемъ Императоромъ (въ точности опредѣленную мѣстными законами Финляндіи) и таковую же отчетность гофгерихтовъ (подчиненныхъ по законамъ Сенату), а также власть разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ (ст. 18, 21, 32 и 37 проекта), хотя въ дѣйствительности власть ихъ основывается,—какъ упомянуто выше,—не на шведской формѣ правленія, а главнымъ образомъ на законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ для каждаго вѣдомства изданныхъ Верховною властью.

Статью 15 формы правленія 1772 г., въ которой упоминается о составѣ и обязанностяхъ гофгерихтовъ, фискаловъ и канцлера юстиціи, комитетъ относитъ, прежде всего, къ Верховной власти (ст. 10 и 11 проекта), а далѣе относитъ часть статьи о канцлерѣ юстиціи къ прокурору Финляндскаго Сената (ст. 29 проекта), обязанности коего въ дѣйствительности опредѣляются точными мѣстными законами и постановленіями (1809 Августа $^{6}/_{18}$, ст. 6, 31; инстр. 1812 $\frac{\text{Января } 31}{\text{Февраля } 12}$; 1859 Ноября 28; 1861 Декабря 9, ст. 2

и др.). Остальныя части статьи 15 приведены комитетомъ въ статьяхъ 30, 31 и 33 проекта, при чемъ временное правило 1809 г. о передачѣ въ вѣдѣніе гофгерихтовъ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ прежнее время въ разныхъ административныхъ коллегіяхъ, комитетъ полагаетъ обратить въ основной законъ (ст. 30, ч. 2, проекта), равно какъ и прежнія узаконенія о сборѣ на содержаніе судовъ, преобразованныя Высочайшимъ постановленіемъ 25 Января 1886 г. (ст. 33 проекта), хотя на практикѣ, какъ видно изъ указа Сената отъ 21 Декабря 1887 г., сбора на этотъ предметъ натурою уже не производится, такъ какъ никто изъ занимающихъ должности уѣздныхъ судей не заявилъ въ установленный срокъ о желаніи взимать сказанный сборъ натурою.

Изъ *статьи 16* формы правленія 1772 г. комитетъ составилъ двѣ статьи проекта, изъ коихъ первая запрещаетъ учрежденіе экстраординарныхъ судовъ (ст. 11, ч. 2, проекта), а вторая предполагаетъ ввести въ Финляндіи никогда не существовавшій въ ней особый государственный судъ, соотвѣтствующій верховному суду, Имперіи (ст. 34 проекта). Но статья 16 шведской формы правленія, имѣя въ виду упраздненіе лишь тѣхъ коммиссій, депутацій или экстраординарныхъ судилищъ, которыя въ прежнее время учреждались какъ средства, способствующія самовластію, провозглашаетъ, что каждый шведъ долженъ быть судимъ въ томъ судѣ, которому онъ по закону подсуденъ, каковое правило ближайшимъ образомъ относится къ постановленіямъ судопроизводственнымъ. Что же касается государственнаго суда, то, за неимѣніемъ въ Финляндіи ни членовъ государственнаго совѣта, ни фельдмаршала, ни президентовъ королевскихъ коллегій, ни адмираловъ, ни трехъ статсъ-секретарей, ни канцлера юстиціи, ни секретаря ревизіи, статья 16 шведскаго закона оказывается очевидно не примѣнимою въ Финляндіи.

Изъ *ст. 17* формы правленія 1772 г., въ которой упоминается о военной шведской коллегіи, комитетъ выводитъ надзоръ Финляндскаго Сената за дѣлами финскихъ войскъ (ст. 27 проекта), а также право Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената (ст. 28 проекта), и ограниченіе сего права въ отношеніи изданія инструкцій, регламентовъ и предписаній для должностныхъ и служащихъ лицъ или постановленій о должностяхъ и службахъ, въ противорѣчіе съ проектируемою формою правленія или другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ (ст. 36 проекта). Подъ всѣми означенными предначертаніями проекта ст. 17 шведскаго закона приведена совершенно неумѣстно, потому что въ ней подобныхъ правилъ не содержится.

Ст. 18 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о присягѣ войскъ на вѣрность Королю, государству и государственнымъ чинамъ и о поселенной системѣ содержанія войскъ. Присяга военнослужащихъ изъ финскихъ обывателей приносится на вѣрность службы согласно ст. 88 финляндскаго устава о воинской повинности [1]), въ которой выражено, что „по прибытіи опредѣленныхъ на дѣйствительную службу въ ту часть, въ которую они зачислены, начальникъ оной тотчасъ приводитъ ихъ къ присягѣ, соображаясь съ § 18 формы правленія“ и что „то же самое соблюдается при поступленіи въ части войскъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ“. Комитетъ приводитъ ст. 18 формы правленія 1772 г. подъ двумя статьями своего проекта (47 и 49), изъ коихъ въ первой сказано, что „военныя силы Финляндіи учиняютъ присягу на вѣрность Императору и Великому Князю и странѣ“. Эта статья проекта (47) оказывается однако излишнею, такъ какъ правило о присягѣ воинскихъ чиновъ содержится уже въ ст. 88 устава о воинской повинности, которая къ числу законовъ основныхъ не отнесена манифестомъ $^{6}/_{18}$ Декабря 1878 г., перечисляющимъ статьи устава о воинской повинности, признаваемыя основными законами. Что же касается ст. 49 проекта, то комитетъ помѣстилъ въ оной правила о поселенной системѣ, которую онъ считаетъ и понынѣ дѣйствующею въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ на томъ основаніи, что она при введеніи устава о воинской повинности 1878 г. не была отмѣнена навсегда, хотя въ мотивахъ къ проекту (стр. 74) комитетъ замѣчаетъ, что законы 5 Августа 1886 г. содержатъ въ себѣ окончательную отмѣну этого учрежденія. Изъ статьи 18 формы правленія 1772 г. комитетъ вноситъ въ проектъ правило о томъ, что поселенная система и контракты, заключенные населеніемъ финляндскихъ губерній съ шведскимъ правительствомъ при Карлѣ XI въ концѣ XVII столѣтія о поставкѣ солдатъ и матросовъ, остаются неотмѣненными до тѣхъ поръ, пока Императоръ и Великій Князь и земскіе чины не рѣшатъ сообща объ измѣненіи ихъ. Но упомянутые контракты естественно утратили обязательную силу вслѣдствіе завоеванія Финляндіи и присоединенія ея къ Имперіи. Съ пріостановленіемъ отбыванія натуральной повинности по поселенной системѣ (ман. 1810 г. Март. $^{15}/_{27}$), манифестомъ $\frac{\text{20 Іюля}}{\text{1 Августа}}$ 1810 г. введена была, взамѣнъ этой повинности, вакантная подать, исчисленная по $2^{2}/_{3}$ бочки хлѣба и 1 бочкѣ овса съ каждой руты пѣхотныхъ полковъ, по 8 бочекъ хлѣба и $2^{1}/_{2}$ бочки овса съ каждаго цѣлаго рустгальта и по $3^{1}/_{2}$

[1]) Уставъ этотъ съ 1901 года отмѣненъ.

бочки хлѣба и 1½ бочки овса съ каждой боцманской руты, при чемъ сохранена была и прежде существовавшая пассеволансная подать, исчисленная въ 4 р. 80 к. съ руты пѣхотныхъ полковъ, въ 12 р. съ руты лейбъ и Нюландскаго драгунскихъ полковъ, въ 11 р. 28 к. съ руты Карельскаго драгунскаго эскадрона и въ 3 р. 84 к. съ боцманскихъ рутъ. Въ этомъ обложеніи особыми податями сохранилось старинное дѣленіе имѣній, существовавшее при дѣйствіи поселенной системы, но съ теченіемъ времени произведены были новыя раскладки этихъ податей, на основаніи указа 27 Апрѣля 1849 г., съ привлеченіемъ къ платежу оныхъ и такихъ имѣній, кои прежде не платили, и, наоборотъ, съ освобожденіемъ отъ платежа ихъ нѣкоторыхъ мѣстностей, отбывавшихъ оныя въ прежнее время. По случаю Крымской войны, указами 23 Іюня, 16 Октября и 13 Ноября 1854 г. и 13 Декабря 1855 г. отбываніе натуральной воинской повинности по поселенной системѣ было временно возстановлено съ отмѣною вакантной подати и съ принятіемъ на себя правительствомъ расходовъ по обмундированію, вооруженію и содержанію поставленныхъ финляндскими губерніями баталіоновъ; но указами 25 Октября 1867 г. и 21 Апрѣля 1868 г. финскіе стрѣлковые баталіоны были упразднены и введена снова вакантная подать. Уставомъ о воинской повинности 18 Декабря 1878 г. всѣ рустгальты и руты освобождены отъ поставки войска по поселенной системѣ на все время, пока военныя силы края будутъ организованы на основаніи общей воинской повинности; наконецъ, законами 5 Августа 1886 г. отмѣнены какъ вакантная, такъ и пассеволансная подати съ рустгальтовъ и рутовыхъ и боцманскихъ гейматовъ и тѣмъ самымъ прекращено всякое практичексое значеніе и дѣйствіе поселенной системы. Поэтому вносить въ проектъ правила объ этой системѣ и упоминать, что она, равно какъ заключенные по ней контракты еще впредь могутъ быть измѣнены по соглашенію Императора съ земскими чинами, представляется совершенно излишнимъ [1]).

[1]) Точно также, казалось-бы, излишне теперь вводить въ законопроекты статьи, касающіяся финскихъ войскъ, разъ войска эти окончательно упразднены. Тѣмъ не менѣе составители нынѣшняго проекта формы правленія вводятъ туда цѣлый отдѣлъ XII, „Войско“, въ который вводятся постановленія, подразумѣвающія существованіе особыхъ финскихъ войскъ, а въ мотивахъ къ этимъ статьямъ объ уставѣ 1878 года о воинской повинности въ Финляндіи говорится, какъ о законѣ *дѣйствующемъ*; между тѣмъ, при отмѣнѣ (Манифестомъ 22 октября 1905 года) въ числѣ прочихъ узаконеній, устава о воинской повинности 1901 года, ни единымъ словомъ не упоминалось о возстановленіи силы дѣйствія *отмѣненнаго* 29 Іюня 1905 года устава 1878 года. *Т.*

Въ *статьѣ 19* формы правленія 1772 г. запрещалось шведскимъ военнымъ начальникамъ созывать нижнихъ чиновъ въ сборъ и походъ безъ повелѣнія Короля, коему принадлежало по этой статьѣ главное начальство надъ всѣми военными силами, сухопутными и морскими, „какъ то было всегда въ обычаѣ въ прежнія и для государства наиболѣе блестящія и счастливыя времена“. Комитетъ выводитъ изъ этой статьи правило о томъ, что Императоръ имѣетъ верховную власть надъ военными силами и укрѣпленіями Финляндіи (ст. 12 проекта), считая впрочемъ самую статью, въ остальныхъ ея частяхъ, замѣненною уставомъ о воинской повинности 1878 г. По этому поводу нельзя не замѣтить, что финскихъ укрѣпленій, занятыхъ финскими войсками, въ дѣйствительности не существуетъ, а есть только крѣпости, занятыя расположенными въ Финляндіи русскими войсками [1]). Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что верховная власть Императора надъ военными силами Финляндіи основывается на фактѣ присоединенія этого края по трактату 1809 г. къ Имперіи, а вовсе не на томъ отношеніи, въ какомъ состоялъ шведскій Король къ военнымъ силамъ Швеціи; если бы предстояла надобность подкрѣпить эту власть цитатами изъ законовъ, то ихъ можно было бы заимствовать изъ цѣлаго ряда изданныхъ по военной части узаконеній въ самой Финляндіи.

Ст. 20 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о шведской адмиралтействъ-коллегіи. Комитетъ приводитъ эту статью подъ ст. 27, 28 и 36 своего проекта и такимъ образомъ основываетъ на ней правила о томъ: 1) что въ Финляндскомъ Сенатѣ по хозяйственному департаменту сосредоточивается попеченіе о надлежащемъ управленіи лоцманскимъ и маячнымъ вѣдомствомъ [2]), а также надзоръ и попеченіе о завѣдываніи такими дѣлами, касающимися финскихъ войскъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію военныхъ властей (ст. 27); 2) что отъ Императора и Великаго Князя зависитъ постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената (ст. 28), и 3) что Императоръ имѣетъ власть, поскольку это не противорѣчитъ формѣ правленія (проекту) или другому закону, изданному при содѣйствіи земскихъ чиновъ, постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей

---

[1]) Претензія, весьма характерная для финляндцевъ! Правда, теперь они ее предусмотрительно не повторяютъ, но появленіе ея еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ связи съ современнымъ положеніемъ вопроса о финляндскихъ крѣпостяхъ, служитъ поучительнымъ указаніемъ на то, что предугадать размѣры финляндскихъ аппетитовъ едва-ли можетъ даже самое пылкое воображеніе! *Т.*

[2]) Не даромъ вѣдомство это нѣкоторые считаютъ зародышемъ финляндскаго военнаго флота! *Т.*

и службъ и объ упраздненіи прежде существовавшихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія (ст. 36 проекта). Но подъ всѣми этими предначертаніями комитета ст. 20 формы правленія 1772 г. приведена совершенно неумѣстно, потому что даже и первое изъ означенныхъ правилъ о надзорѣ Сената за лоцманскимъ и маячнымъ вѣдомствомъ основывается въ дѣйствительности вовсе не на шведской формѣ правленія, а на точныхъ и ясныхъ мѣстныхъ законахъ Финляндіи; второе же и третье, предначертанныя комитетомъ, правила не имѣютъ ничего общаго съ ст. 20 формы правленія.

Въ *ст. 21* формы правленія 1772 г. изложены положенія о шведской государственной канцеляріи, ея составѣ и предметахъ вѣдомства, а именно, что въ ней предсѣдательствуетъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, членами же состоятъ государственные совѣтники, канцлеръ двора, статсъ-секретари и канцелярскіе совѣтники и что въ сей коллегіи сочиняются всѣ постановленія, уставы и все, что выпускается за подписью и именемъ Королевскаго Величества. Эту статью комитетъ приводитъ въ цитатахъ подъ тѣми же двумя статьями (28 и 36), какъ и ст. 20, именно о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и объ ограниченіи правительственной власти формою правленія (проектомъ) и законами, изданными при содѣйствіи земскихъ чиновъ, хотя ст. 21 шведскаго закона 1772 г. не содержитъ въ себѣ подобныхъ правилъ. Далѣе комитетъ приводитъ означенную статью подъ ст. 27 проекта въ доказательство того, что Сенату въ хозяйственномъ департаментѣ слѣдуетъ имѣть попеченіе о надлежащемъ управленіи почтовымъ вѣдомствомъ, но это правило въ дѣйствительности основывается не на ст. 21 шведской формы правленія 1772 г., а на точномъ смыслѣ мѣстныхъ законовъ Финляндіи. Наконецъ ту же статью комитетъ приводитъ подъ ст. 17 проекта въ подтвержденіе того, что дѣла, зависящія отъ собственнаго рѣшенія Императора, докладываются ему статсъ-секретарями, которые должны быть урожденными финскими людьми. Между тѣмъ по законамъ Финляндіи, какъ замѣчено выше, существуетъ лишь единоличная должность Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и нѣтъ поэтому никакого основанія упоминать о нѣсколькихъ статсъ-секретаряхъ Финляндіи. Нельзя не замѣтить по поводу ст. 17 проекта, что дальнѣйшую ея часть, нѣсколько напоминающую ст. 21 шведской формы правленія, комитетъ основываетъ, по цитатамъ, не на этомъ шведскомъ источникѣ, а на существующей практикѣ, при чемъ излагая правило о недѣйствительности Высочайшихъ указовъ, неснабженныхъ надлежащею контра-

сигнаціею, комитетъ выпустилъ имѣющуюся въ шведскомъ источникѣ оговорку: „за исключеніемъ военныхъ дѣлъ“. Въ дѣйствительности, однако, существующія нынѣ правила о скрѣпѣ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи основываются не на шведской формѣ правленія, не на простомъ обычаѣ или канцелярской практикѣ, а на точномъ и ясномъ законѣ, именно на Высочайшемъ манифестѣ 17 Марта 1826 г. и приложенной къ нему инструкціи для Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго (отд. II, ст. 7—9).

Статья 22 формы правленія о порядкѣ назначенія на высшія государственныя должности шведскаго королевства въ засѣданіи совѣта отмѣнена статьями 1, 2 и 4 акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ.

Статья 23 шведской формы правленія 1772 г. упоминаетъ о камеръ-коллегіи, ея правахъ и обязанностяхъ, а также о шведскихъ таможняхъ и акцизѣ. Комитетъ приводитъ, безъ всякихъ основаній, эту статью подъ ст. 28 и 36 своего проекта (о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената и объ ограниченіи власти Великаго Князя проектируемою формою правленія и другими законами сейма). Кромѣ того, ст. 23 цитирована подъ ст. 27 проекта, и здѣсь комитетъ основываетъ на ней обязанность Сената по хозяйственному департаменту имѣть попеченіе о доходахъ и расходахъ казны; но эта обязанность Сената въ дѣйствительности опредѣляется точными и ясными законами, изданными въ Финляндіи, какъ о составѣ и предметахъ вѣдомства Сената, его хозяйственнаго департамента и разныхъ его экспедицій, въ особенности финансовой и камерной, такъ и объ отношеніяхъ его къ отдѣльнымъ управленіямъ по финансовой части, статсъ-конторѣ, таможенному управленію, общему ревизіонному суду и ревизіонной конторѣ и т. д., а равно законами, подробно опредѣляющими каждую отдѣльную отрасль финансоваго управленія.

Статью 24 формы правленія 1772 г. о шведской статсъ-конторѣ, о бюджетѣ примѣнительно къ росписи 1696 г. и о назначеніи карманныхъ денегъ Королю и извѣстной суммы на экстраординарные его расходы комитетъ приводитъ подъ тѣми же двумя ст. 28 и 36 своего проекта (о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и объ ограниченіи власти Великаго Князя проектомъ формы правленія и другими законами земскихъ чиновъ), изъ коихъ первая (28) статья вовсе не требуетъ доказательствъ, а послѣдняя (36) нисколько не подтверждается этимъ цитатомъ. Засимъ комитетъ приводитъ означенную статью также подъ ст. 27 проекта въ подтвержденіе обязанности хозяй-

ственнаго департамента Сената составлять и посылать на разсмотрѣніе и утвержденіе Императора и Великаго Князя ежегодную роспись казенныхъ доходовъ и расходовъ страны и завѣдывать употребленіемъ и назначеніемъ казенныхъ средствъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они ассигнованы, каковыя обязанности Сената, именно по хозяйственному его департаменту, указаны съ ясностью и точностью въ изданныхъ для него законоположеніяхъ, а потому представляются совершенно излишними ссылки на существовавшія въ прошломъ [1]) столѣтіи обязанности бывшей шведской статсъ-конторы. Наконецъ правила статьи 24 шведскаго закона о государственной росписи и о назначеніи Королю карманныхъ денегъ и суммы на экстраординарные расходы внесены комитетомъ въ ст. 72 проекта. При этомъ въ виду совершенно ясныхъ законовъ Финляндіи, на основаніи коихъ бюджетъ составляется хозяйственнымъ департаментомъ Сената, чрезъ Генерала-Губернатора представляется на Высочайшее утвержденіе и по статьѣ 8 отдѣла II инструкціи Статсъ-Секретаріату 17 Марта 1826 г. утверждается Собственноручнымъ подписаніемъ Императора за скрѣпою Статсъ-Секретаря,— комитетъ не рѣшился прямо установить иной порядокъ утвержденія бюджета, но въ мотивахъ къ проекту счелъ нужнымъ войти въ историческое изслѣдованіе бюджетныхъ порядковъ старой Швеціи, начиная съ земскаго уложенія Христофера 1442 г., и на основаніи этихъ ученыхъ розысканій, а также отрывочныхъ, ничего впрочемъ не доказывающихъ статей сеймоваго устава 1869 г., стремится изложить правила о бюджетѣ такъ, чтобы утвержденіе доходныхъ и расходныхъ его статей зависѣло на практикѣ отъ земскихъ чиновъ. Между тѣмъ приведенные подъ ст. 72 проекта цитаты вовсе не оправдываютъ такой постановки дѣла.

Статья 25 формы правленія 1772 г. о порядкѣ назначенія президента шведской статсъ-конторы и коммиссаровъ отмѣнена актомъ соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ въ мотивахъ къ своему проекту.

Статья 26 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о шведской бергъ-коллегіи, которая обязана была имѣть попеченіе о горныхъ заводахъ и состояла изъ президента, горныхъ совѣтниковъ и ассесоровъ. Комитетъ приводитъ эту статью подъ ст. 27 проекта въ доказательство того, что Финляндскому Сенату въ хозяйственномъ департаментѣ надлежитъ заботиться объ успѣхахъ земледѣлія, торговли и прочихъ промысловъ. Но обязанность Сената имѣть „попеченіе о землепашествѣ, торговлѣ, мореплаваніи, мануфактурахъ,

[1]) Т. е. XVIII-мъ.

желѣзныхъ заводахъ и другихъ отрасляхъ народной промышленности" выражена съ совершенною ясностію еще въ регламентѣ 1809 г. (ст. 42, II, 6) и затѣмъ многократно была подтверждена и разъяснена позднѣйшими узаконеніями, а потому указаніе на положеніе шведской бергъ-коллегіи прошлаго столѣтія представляется совершенно излишнимъ и ничего не доказывающимъ.

Статья 27 формы правленія 1772 г. о шведской коммерцъ-коллегіи, комитетъ приводитъ подъ тою же ст. 27 и, сверхъ того, подъ упомянутыми выше ст. 28 и 36, въ коихъ выражено, что отъ Императора зависитъ постановить объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и что правительственная по отношенію къ служебнымъ должностямъ власть ограничивается проектируемою формою правленія и законами, изданными съ участіемъ земскихъ чиновъ. Между тѣмъ упомянутая статья закона 1772 г. о шведской коммерцъ-коллегіи не содержитъ въ себѣ изложенныхъ выше правилъ.

Статья 28 формы правленія 1772 г. о шведской камеръ-ревизіонной коллегіи приведена комитетомъ въ цитатахъ къ ст. 27 проекта въ подтвержденіе обязанности Финляндскаго Сената по хозяйственному департаменту имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы казенные счеты высылались въ Сенатъ и затѣмъ подвергались провѣркѣ въ предписанномъ порядкѣ, но обязанность эта, какъ видно изъ дальнѣйшихъ цитатовъ проекта, въ дѣйствительности основана комитетомъ на регламентѣ $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г. (§ 42 гл. III) и должна быть соображена съ учрежденіемъ впослѣдствіи, по регламенту 16 Декабря 1824 г., особаго контрольнаго установленія подъ названіемъ общаго ревизіоннаго суда. Сверхъ того, комитетъ цитуетъ и эту статью подъ упомянутыми выше статьями 28 и 36 проекта, но безъ надлежащихъ къ тому основаній.

Статья 31 формы правленія 1772 г. о порядкѣ назначенія на такъ называемыя довѣренныя должности въ шведскомъ королевствѣ была отмѣнена въ самой Швеціи актомъ 1789 года.

Въ *статьѣ 32* формы правленія 1772 г. изложены общія правила о взаимномъ содѣйствіи коллегій, о правахъ предсѣдателей ихъ, отчетности и отвѣтственности ихъ предъ Королемъ. Изъ этой статьи комитетъ образовалъ въ своемъ проектѣ четыре статьи 21, 32, 37 ч. 2 и 38. По статьямъ 21 и 32 Сенатъ и гофгерихты обязаны давать отчетъ Императору и Великому Князю въ своихъ мѣропріятіяхъ, сообразно Его требованію и за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей они отвѣтственны только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ. Отчетность, смотря по требованію, установлена въ проектѣ примѣнительно къ тому, какъ шведскія

коллегіи обязаны были давать Королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, „когда Онъ того потребуетъ“. Но отчетность Финляндскаго Сената предъ Государемъ Императоромъ, какъ замѣчено выше, опредѣляется Высочайшими указами (1812 Янв. 31, инстр. ген. губ. §§ 16, 25; Имен. ук. 1883 Іюн. 6), независимо отъ того, какіе въ семъ отношеніи порядки существовали въ шведскихъ коллегіяхъ; что же касается гофгерихтовъ, то они подчинены судебному департаменту Сената и порядокъ обжалованія ихъ рѣшеній опредѣляется правилами, изложенными въ главѣ 30 отдѣла о судопроизводствѣ общаго уложенія, съ разными дополненіями и измѣненіями, основанными на регламентѣ $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г., указѣ 5 Мая 1810 г., законѣ 27 Апрѣля 1868 г. и другихъ мѣстныхъ финляндскихъ узаконеніяхъ; отчетность гофгерихтовъ по денежнымъ суммамъ и разныя вѣдомости о дѣлахъ и списки, представляемые ими Прокурору Сената, а отъ него Генералъ-Губернатору для всеподданнѣйшаго доклада, опредѣляются также мѣстными законами, указами и инструкціями, независимо отъ шведскихъ законовъ о коллегіяхъ. Далѣе правила о взаимномъ содѣйствіи шведскихъ коллегій и о правахъ ихъ предсѣдателей комитетъ примѣняетъ къ финляндскимъ гофгерихтамъ и правительственнымъ вѣдомствамъ и къ президентамъ гофгерихтовъ или предсѣдателямъ коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ (ст. 37 и 38 проекта). Насколько эти правила вытекаютъ изъ значенія всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ вѣдомствъ и установленій, какъ органовъ Верховной власти и изъ самаго понятія о коллегіальномъ присутственномъ мѣстѣ съ его предсѣдателемъ, трудно противъ нихъ что-либо возразить; однако по вопросу о правахъ предсѣдателей присутственныхъ мѣстъ слѣдуетъ руководствоваться точнымъ смысломъ законовъ, изданныхъ для каждаго вѣдомства въ самой Финляндіи, потому что отвлеченный типъ предсѣдателя коллегіи не всегда совпадаетъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ должности предсѣдателя, коему законъ предоставляетъ нерѣдко и самостоятельныя права, независящія отъ коллегіальной его дѣятельности; напримѣръ Финляндскій Генералъ-Губернаторъ есть по званію своему президентъ Сената, но въ то же время есть органъ власти самостоятельной.

Ст. 34 формы правленія 1772 г. опредѣляетъ порядокъ областнаго управленія шведскаго королевства, которое по этой статьѣ должно состоять изъ обыкновенныхъ ландсгевдингскихъ областей, распредѣленныхъ какъ было въ старину по формѣ правленія 1720 г., и запрещаетъ учреждать въ странѣ генералъ-губернаторства, раздавать удѣлы, земли и лены или области. Комитетъ считаетъ эту статью примѣнимою къ Великому Княжеству и приводитъ ее подъ

ст. 4, 35 и 67 проекта, но излагаетъ въ этихъ статьяхъ совсѣмъ не то, что содержится въ ст. 33 шведскаго закона. „Для завѣдыванія областнымъ управленіемъ", говоритъ комитетъ (ст. 35 проекта), „Финляндіи остается раздѣленной на губерніи, управленіе которыхъ должно быть устроиваемо на тѣхъ же основаніяхъ, какія до сихъ поръ дѣйствовали; не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ Генералъ-Губернатора, съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній, иначе какъ при особенныхъ обстоятельствахъ и на извѣстное время". Между тѣмъ въ законѣ 1772 г. сказано, что „впредь не должно быть никакого Генералъ-Губернатора внутри государства" (по проекту не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ Генералъ-Губернатора) и что „области должны оставаться распредѣленными въ томъ порядкѣ, какой онѣ имѣютъ нынѣ (въ 1772 г.) и по формѣ правленія 1720 г." (по проекту управленіе губерній должно устроиваться на тѣхъ основаніяхъ, какія дѣйствовали до сихъ поръ, т. е. до 1889 г., со включеніемъ такимъ образомъ всѣхъ постановленій по губернскому управленію, состоявшихся послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи до настоящаго времени). Не подлежитъ сомнѣнію, что шведскія узаконенія XVIII столѣтія невозможно считать примѣнимыми и обязательными для Финляндіи, какъ явно несовмѣстныя съ позднѣйшими законами края. Далѣе комитетъ выводитъ изъ ст. 33 шведскаго закона правило о томъ, что никакая часть страны не можетъ быть пожалована въ помѣстье (ст. 4); что казенные оброки, налоги или другія доходныя статьи не могутъ быть жалуемы или инымъ способомъ отчуждаемы отъ казны и что то же самое примѣняется къ казенной землѣ, съ тѣми однако исключеніями, какія обусловливаются правомъ шкатоваго выкупа (ст. 67). Хотя въ ст. 33 шведскаго закона сказано было, что „нельзя раздавать (въ Швеціи) никакихъ удѣловъ (Lif-Gedinge), земель и леновъ или областей (Län)", но послѣ покоренія Финляндіи это запрещеніе утратило всякое значеніе и однимъ изъ самыхъ первыхъ финляндскихъ законовъ—регламентомъ Правительствующаго Совѣта 1809 г.—положительно было опредѣлено, что непосредственно Высочайшей власти принадлежитъ пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, а равно дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ (ст. 15).

Ст. 34—36 формы правленія 1772 г., насколько онѣ касаются содержанія по штату, назначеннаго наслѣднику шведскаго престола и другимъ принцамъ королевскаго дома, комитетъ считаетъ непримѣнимыми къ Финляндіи. Но въ ст. 34 сказано между прочимъ, что шведскіе принцы не могутъ имѣть никакого удѣла или генералъ-губернаторства и, хотя можно давать имъ для почести титулы

герцогствъ и княжествъ, но безъ всякихъ правъ на тѣ провинціи, названія которыхъ они носятъ и которыя всегда должны оставаться безъ уменьшенія и раздробленія соединенными подъ властью одного главы или правителя [1]). Эту часть статьи комитетъ считаетъ примѣнимою къ Финляндіи и выводитъ отсюда недѣлимость нынѣшней территоріи Великаго Княжества (ст. 4 проекта) и неотчуждаемость казенныхъ земель и доходовъ Финляндіи (ст. 67). Но, какъ выше замѣчено, неотчуждаемость казенныхъ земель и доходовъ прямо противорѣчитъ ст. 15 регламента 18 Августа 1809 г.; правило же, изложенное въ ст. 4 проекта, по которому „никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣляема и провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ подъ властью одного Государя", опредѣляетъ отношеніе Великаго Княжества Финляндскаго, въ его настоящемъ составѣ, къ Имперіи Россійской, т. е. опредѣляетъ очевидно не тотъ предметъ, о коемъ говорится въ ст. 34 шведскаго закона 1772 г., и не можетъ быть доказано этою статьею или выведено изъ нея. Если считать эту статью дѣйствующимъ основнымъ закономъ, то логическимъ выводомъ изъ нея было бы сокращеніе Финляндіи до того объема, какой она имѣла во время уступки ея Швеціею по Фридрихсгамскому трактату въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, хотя и въ этомъ выводѣ было бы явное внутреннее противорѣчіе, потому что, когда завоеванная область передана по законному трактату въ собственность и державное обладаніе Россійскаго государства, Верховная власть имѣетъ несомнѣнное право присоединить къ Финляндіи, какъ это и было съ Выборгскою губерніею, для удобства управленія, извѣстную мѣстность и затѣмъ отъ времени до времени измѣнять это дѣленіе по мѣрѣ надобности и по ближайшему усмотрѣнію [2]).

Статья 37 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о составѣ и правахъ временнаго правительства, учреждавшагося въ случаѣ болѣзни или дальняго путешествія Короля или же смерти его и несовершеннолѣтія наслѣдника престола; временное правительство,

[1]) Въ Швеціи эта статья имѣла глубокій смыслъ, показывая, какое истинное значеніе имѣли тамъ титулы, вродѣ „Великій Князь Финляндскій".

[2]) Забота о недѣлимости и неизмѣнности „территоріи финлядскаго государства" не упущена и теперь. Параграфъ 7-й современнаго проекта опредѣленно гласитъ: „границы Финляндіи остаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ установлены, и могутъ быть измѣнены не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Сейма". Этимъ навѣки закрѣпляется за Финляндіей Выборгская губернія, присоединенная къ ней въ 1811 году, „для удобства управленія", безъ всякаго участія сейма! *Т.*

отправляющее власть Короля, по этому закону должно было состоять изъ государственныхъ совѣтниковъ, назначенныхъ къ тому Королемъ, а если онъ не успѣлъ назначить, то изъ четырехъ старшихъ государственныхъ совѣтниковъ и президента государственной канцеляріи. Эта статья актомъ 1789 г. и послѣдовавшимъ въ то же время упраздненіемъ государственнаго совѣта Швеціи была измѣнена въ томъ смыслѣ, что въ указанныхъ въ ней случаяхъ назначеніе членовъ временнаго правительства изъ тѣхъ или другихъ урожденныхъ шведскихъ людей представлено было усмотрѣнію Короля, впослѣдствіи по формѣ правленія 1809 г. временное правительство въ этихъ случаяхъ должно было быть ввѣрено одному изъ принцевъ Королевскаго дома или государственному совѣту (швед. ф. пр. 1809 г., § 39). Всѣ эти правила, послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, очевидно, не могутъ имѣть примѣненія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Комитетъ усматриваетъ въ этой статьѣ общій принципъ шведскаго государственнаго права, по которому Король обязанъ былъ пребывать въ странѣ и лично завѣдывать правленіемъ, въ случаѣ же отсутствія или отъѣзда изъ страны долженъ былъ ввѣрить свою власть мѣстному верховному правительству. На этомъ принципѣ комитетъ основываетъ верховную правительственную власть Финляндскаго Сената, какъ постояннаго государственнаго установленія, пребывающаго въ предѣлахъ страны, потому что то, что въ шведскомъ государствѣ было исключеніемъ (т. е. отсутствіе Монарха, пребываніе его внѣ предѣловъ страны), въ Финляндіи обратилось въ общее правило. По заключенію комитета, такое правительство необходимо учредить и содержать съ того времени какъ Императоръ Александръ I далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили Его (мотивы къ пр. ф. пр., стр. 43). Сообразно съ такимъ мнѣніемъ, комитетъ приводитъ статью 37 формы правленія въ цитатахъ подъ разными статьями проекта, опредѣляющими значеніе, составъ, мѣстопребываніе и власть Финляндскаго Сената (ст. 18, 22, 24, 39 и 62 проекта). Изъ этой статьи, по соображеніи ея съ статьями 13 и 14 формы правленія, комитетъ извлекаетъ характеристику Сената, какъ учрежденія содѣйствующаго Императору и Великому Князю въ правительственныхъ дѣлахъ (ст. 18), хотя по статьѣ 13 „помогаютъ“, содѣйствуютъ Императору и Великому Князю въ правительственныхъ дѣлахъ и всѣ прочія должностныя и служащія лица и учрежденія, какую бы степень въ служебной іерархіи они ни занимали (ст. 16 проекта); въ статьѣ же 37 говорится уже не о содѣйствіи, а объ отправленіи власти Короля, о временной его замѣнѣ и потому въ мотивахъ къ проекту комитетъ прямо называетъ Сенатъ учрежденіемъ, предста-

вляющимъ (representerande) Императора и Великаго Князя (стр. 52). Далѣе изъ статьи 37 комитетъ выводитъ заключеніе, что Сенатъ долженъ имѣть свое мѣстопребыванія внутри стравы, т. е. въ Финляндіи (ст. 22 проекта), потому что по статьѣ 37, если шведскій Король отправился въ дальнее путешествіе, то власть его отправляется верховнымъ правительствомъ, въ Швеціи пребывающимъ. Изъясненнымъ аргументомъ вовсе не доказывается однаковышеизложенное заключеніе комитета: правила шведскихъ законовъ объ управленіи государствомъ во время отсутствія Короля ни мало не касаются ни Финляндіи, ни Россіи, и не имѣютъ никакого отношенія ни къ Особѣ Государя Императора и Великаго Князя, ни къ Финляндскому Сенату. Если бы Финляндскій Сенатъ былъ особымъ верховнымъ правительствомъ, замѣняющимъ отсутствующаго Монарха, то каждый разъ, когда Государь Императоръ изволитъ прибыть въ Финляндію, дѣятельность Сената должна была бы прекращаться. На самомъ дѣлѣ Финляндскій Сенатъ учрежденъ и дѣйствуетъ на основаніи Высочайшихъ указовъ, ему данныхъ, коими ввѣрено ему главное или общее управленіе Финляндіею (l'administration générale de la Finlande, Finlands allmänna styrelse) и хотя въ прежнее время онъ назывался „Правительствующимъ Совѣтомъ“ (Regerings Conseil, Conseil de Régence), который во введеніи къ учрежденію 1809 г. характеризованъ какъ верховное правительственное мѣсто (Ofwerstyrelse, une administration générale), но Высочайшимъ Манифестомъ $^{9}/_{21}$ Февраля 1816 г., согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ.... и въ присоединенномъ къ оному Царствѣ Польскомъ“, дано и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Императорскаго Финляндскаго Сената. Мѣстомъ пребыванія его, какъ и прежняго Совѣта, въ началѣ былъ назначенъ городъ Або, но по указамъ 9 Іюля 1817 г. и 14 Іюня 1819 г. онъ переведенъ былъ съ 1 Октября 1819 года въ Гельсингфорсъ. Составъ Сената опредѣляется въ проектѣ комитета на основаніи статьи 5 регламента для Правительствующаго Совѣта 1809 г. и статей 4 и 37 формы правленія 1772 г. въ такомъ смыслѣ, что въ члены Сената Императоръ и Великій Князь призываетъ нужное число урожденныхъ финскихъ людей (ст. 24 проекта). Но означенныя статьи не оправдываютъ этого вывода: статья 4 формы правленія говоритъ о государственномъ совѣтѣ Швеціи, упраздненномъ въ 1789 г., а статья 37 о временномъ правительствѣ на случай болѣзни или путешествія шведскаго Короля или малолѣтства наслѣдника шведскаго престола. Составъ Финляндскаго Сената въ дѣйствительности опредѣляется, кромѣ упомянутой статьи 5 регламента 1809 г., и позднѣйшими Высочайшими указами. Если

не принимать въ соображеніе означенныхъ позднѣйшихъ законовъ и въ особенности манифеста 9/21 Февраля 1816 г., „изъ коренныхъ финляндцевъ или водворившихся и финляндское гражданство пріобрѣвшихъ“, то изъ статьи 1 шведскаго акта 1789 года, обязывавшей Короля назначать на государственныя должности шведскихъ людей, въ связи съ отказомъ шведскаго правительства въ просьбѣ финляндцевъ о назначеніи мѣстныхъ должностныхъ лицъ изъ финскихъ уроженцевъ, а также въ связи съ статьею 4 Фридрихсгамскаго трактата о передачѣ финляндскихъ губерній въ собственность Россійской Имперіи, возможно сдѣлать и такой выводъ, что упомянутая статья закона 1789 г. примѣнима къ Финляндіи лишь съ замѣною въ ней шведскаго Короля Императоромъ и шведскихъ людей русскими [1]). Комитетъ приводитъ означенную статью, вмѣстѣ съ статьями 10, 13 и 37 формы правленія подъ ст. 39 проекта, по коей „Императоръ и Великій Князь замѣщаетъ всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе, при чемъ Императору и Великому Князю предоставляется поручать употребленіе сего своего права Сенату или другой финской власти“. Но ни одна изъ приведенныхъ статей не подтверждаетъ этихъ предначертаній комитета. Въ особенности ст. 37 формы правленія, опредѣляющая временное правительство на случай болѣзни или дальняго путешествія шведскаго Короля, приведена тутъ совершенно неумѣстно. Порядокъ назначенія на должности въ Финляндіи опредѣляется Высочайшими указами, которые и должны быть соблюдаемы въ точности дотолѣ, доколѣ они не будутъ отмѣнены или измѣнены; обязательное же участіе земскихъ чиновъ въ обсужденіи законопроектовъ допущено и существуетъ въ отношеніи законовъ основныхъ, а равно касающихся сословныхъ привилегій.

Сообщилъ Н. А. Т.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Такой естественный выводъ обязывалъ бы финляндцевъ, на точномъ основаніи формы правленія, имѣть должностными лицами *только* русскихъ, такъ какъ съ переходомъ Финляндіи въ собственность Россіи къ послѣдней перешли всѣ функціи Швеціи въ отношеніи Финляндіи и, признавая форму правленія 1772 года сохраняющею силу въ Финляндіи, слѣдуетъ въ ней, на основаніи простой логики, вездѣ вмѣсто „Швеція“ подставить „Россія“, а вмѣсто Король—„Русскій Императоръ“. Послѣднее и дѣлается финляндцами, но, какъ видно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такая подстановка оказывается въ ихъ пользу, а не—наоборотъ. *Т.*

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

VI.

Къ каждымъ днемъ возстаніе („рухавка“) утихало и экспедиціи были уже рѣдки, но обыски въ сосѣднихъ имѣніяхъ и мелкія поимки повстанцевъ продолжались. Появились въ окрестностяхъ такъ называемые—жандармы-вѣшатели, наводившіе страхъ на жителей тѣхъ деревень и мѣстечекъ, гдѣ не имѣли стоянокъ войсковыя части. Поздней осенью одного изъ такихъ злодѣевъ жандармовъ съ двумя его пособниками удалось поймать [2]). Они доставлены были въ Островъ и преданы военно-полевому суду, однимъ изъ членовъ коего былъ и я.—Изъ полученныхъ свѣдѣній и разспросовъ вызванныхъ свидѣтелей оказалось, что главный изъ нихъ, отставной солдатъ Л.-Гв. Волынскаго полка Амбражинскій, самолично повѣсилъ болѣе 10 человѣкъ и вообще надѣлалъ много бѣдъ. Послѣ короткаго засѣданія, въ виду вѣскихъ и вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ, судъ приговорилъ Амбражинскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а двухъ его товарищей-сподвижниковъ—къ каторжнымъ работамъ, безъ срока.—Исполненіе приговора отложено было на нѣсколько дней въ ожиданіи палача („хѝцля“), ожидавшагося изъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

[2]) 12 декабря 1863 года, небольшимъ казачьимъ отрядомъ, высланнымъ изъ Острова, переловлено было еще 14 жандармовъ-вѣшателей.

Остроленки, но такъ какъ къ назначенному дню онъ не прибылъ, рѣшено было все же исполнить приговоръ, тѣмъ болѣе, что о днѣ казни было оповѣщено по окрестнымъ деревнямъ. На выгонѣ за мѣстечкомъ, у шоссе на Остроленку, устроена была полковыми мастеровыми висѣлица. 23 декабря, въ 9 часовъ, утра двинулась процессія съ приговоренными къ мѣсту казни, сопровождаемая ксендзомъ. Стоялъ порядочный морозъ. На выгонѣ выстроены были нѣсколько ротъ и часть казаковъ. По прочтеніи полковымъ адъютантомъ приговора, Амбражинскій былъ повѣшенъ при помощи одного полковаго фурштата. Добавлю къ этому, что высшими властями поставлено было непремѣннымъ условіемъ, чтобы казнь исполнена была отнюдь не въ Остроленкѣ, гдѣ имѣлся палачъ, а именно въ Островѣ, въ окрестностяхъ коего орудовалъ послѣднее время казненный [1]).

Наступила зима и сравнительное затишье. Припоминаю лишь одинъ случай высылки зимою экспедиціоннаго отряда изъ нѣсколькихъ ротъ съ полусотнею казаковъ по дорогѣ на Остроленку, въ виду полученнаго донесенія о нападеніи банды инсургентовъ на обозъ съ мукою, слѣдовавшій изъ этого города подъ прикрытіемъ весьма небольшого конвоя. Отрядъ однако не нашелъ ни повстанцевъ, ни провіанта и вернулся въ Островъ [2]).

Миновало нѣсколько мѣсяцевъ, и настала весна 1864 года. Распоряженіемъ намѣстника царства Польскаго, коимъ былъ тогда уже

---

[1]) Нѣсколько ранѣе, 24 іюня, по приговору полевого суда, былъ повѣшенъ въ Островѣ на выгонѣ за Варшавскою заставою, бѣжавшій изъ полка и въ одной изъ стычекъ взятый въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, юнкеръ Бонифацій Бѣлицкій.

[2]) Хотя мятежъ („рухавка“) уже близился къ концу, но въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ Остроленскаго уѣзда и, въ особенности, въ окрестностяхъ м. м. Замброва, Вышкова, Острова и Брокъ еще продолжали бродить пресловутые жандармы-вѣшатели, одиночные повстанцы и незначительныя банды ихъ, грабившія для своего пропитанія помѣщичьи усадьбы и деревни, тѣмъ не менѣе, офицерами Либавскаго полка иногда устраивались охоты на кабановъ и лисицъ, но конечно съ должными предосторожностями. На одной изъ такихъ охотъ въ окрестностяхъ м. Брокъ, даже съ участіемъ нѣсколькихъ полковыхъ дамъ, нарочно прибывшихъ изъ Острова, —привелось быть и мнѣ, при чемъ загонщиками, кромѣ нѣсколькихъ лѣсниковъ и мѣстныхъ крестьянъ, хорошо знакомыхъ съ окрестными лѣсами, были и квартировавшія въ м. Брокъ двѣ стрѣлковыя роты названнаго полка въ полномъ составѣ, съ ружьями и боевыми патронами.—На этой охотѣ убиты были нѣсколько лисицъ и кабановъ, при чемъ изъ послѣднихъ одного, особенно крупнаго, спустя нѣсколько дней отправили въ Варшаву, въ подарокъ отъ охотниковъ полка, кажется, начальнику штаба намѣстника генералу Минквицу.

генералъ-адъютантъ графъ Бергъ, наложена была на всѣхъ жителей губерній края контрибуція, въ размѣрѣ 10% сбора, при чемъ сборщиками, въ сопровожденіи казачьяго конвоя, собственно въ окрестностяхъ Острова, были и нѣсколько офицеровъ Либавскаго полка; собранныя суммы отправлялись съ конвоемъ въ Остроленское казначейство.

7 сентября 1863 года въ Варшавѣ на графа Берга произведено было покушеніе, а именно изъ дома графа Замойскаго на улицѣ „Новый Свѣтъ", при проѣздѣ намѣстника въ коляскѣ съ своимъ адъютантомъ, кажется, ротмистромъ Валемъ, брошено было нѣсколько бомбъ, разорвавшихся на улицѣ. Пострадавшихъ было, какъ разсказывали, много, и даже коляска мѣстами разбита, но графъ Бергъ и его адъютантъ остались невредимы. Тотчасъ же домъ Замойскаго былъ обысканъ, частью внутри разрушенъ, конфискованъ въ казну и занятъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Путемъ подписки между офицерами всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, собрана была значительная сумма и заказана художнику Шарлеманю изображающая это событіе картина, нынѣ находящаяся или въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ или въ семьѣ покойнаго генерала. Картина эта поднесена была графу Бергу, а всѣмъ офицерамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, высланы были фотографическіе снимки съ нея.

Въ августѣ 1864 года получено было изъ Сѣдлеца приглашеніе нѣсколькихъ офицеровъ Либавскаго полка на балъ къ начальнику дивизіи генералу Манюкину, на который и отправились 5 офицеровъ [1]). До Варшавы мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, а оттуда 83 версты въ Сѣдлецъ лошадьми на перекладныхъ. На балъ, состоявшійся 30 августа, по приглашенію прибыло много лицъ польскаго дворянства съ семьями и нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, далеко не съ охотою. Нѣсколько военныхъ прибыли изъ Варшавы, и въ числѣ ихъ весьма тучный генеральнаго штаба генералъ Черницкій. Было много офицеровъ мѣстнаго и сосѣднихъ гарнизоновъ, а также Смоленскихъ уланъ съ ихъ командиромъ полковникомъ Папафанасопуло и артиллеристовъ, коими былъ устроенъ фейерверкъ, сожженный передъ ужиномъ. Балъ былъ блестящимъ и закончился въ 8-мъ часу утра. Въ тотъ же день офицеры Либавскаго полка такимъ же путемъ выѣхали обратно черезъ Варшаву въ Островъ [2]). 20

---

[1]) Въ числѣ ихъ командиръ полка и я.

[2]) Балъ этотъ, на которомъ, какъ выше сказано, присутствовали съ семьями представители мѣстной польской интеллигенціи (родовитой шляхты) и вѣроятно многіе изъ нихъ съ неохотою, а лишь въ силу необходимости,

іюня 1864 года я былъ назначенъ командиромъ 5 линейной роты, расположенной у станціи Лапы, и выѣхалъ туда.

Принявъ роту отъ поручика Туюлина, переведеннаго въ Або-Бьернеборгскій финскій поселенный баталіонъ, нынѣ не существующій, я устроился въ баракѣ. Въ это время начальникомъ всей охраны желѣзно-дорожной линіи отъ Бѣлостока до Варшавы былъ генералъ фонъ-Мензенкампфъ. О повстанцахъ въ раіонѣ этой линіи уже не было слышно, но мѣры охраны все же не уменьшались.— Настали скучные томительные дни и почти полная бездѣятельность [1]). Ежедневно на площадкѣ у бараковъ производились строевыя ученья и гимнастика. Въ сосѣдней деревнѣ Ухово-Лапы расквартирована была 5-ая сотня сводnаго Оренбургскаго казачьяго полка подъ командою есаула Невѣрова. Рота была полнаго состава,—въ 190 человѣкъ съ унтеръ-офицерами, при чемъ большинство нижнихъ чиновъ было значительно старше меня возрастомъ.

Приведу небольшую выдержку изъ сохранившагося письма моего, отправленнаго со ст. Лапы 8 августа 1864 года и рисующаго до нѣкоторой степени частности жизни на этой станціи и службы тамъ: „станція Лапы находится въ довольно пустынной мѣстности; кругомъ болота, а въ $1^1/_2$ верстахъ, въ направленіи къ Бѣлостоку мостъ черезъ р. Наревъ, охраняемый полуротою Софійскаго пѣхотнаго полка. По росписанію, на станціи Лапы около 2 ч. дня встрѣ-

---

не обошелся безъ легкаго скандала. Такъ, одинъ изъ кавалерійскихъ офицеровъ, „нагрузившись“ какъ слѣдуетъ въ буфетѣ, нѣсколько разъ появлялся въ залѣ среди танцующихъ, пытаясь дижирировать танцами и прерывая ихъ; наконецъ онъ былъ уведенъ товарищами снова въ буфетъ и тамъ уже окончательно наспиртованъ до степени абсолютнаго покоя. Затѣмъ, по окончаніи бала, во время ужина, въ столовомъ залѣ отъ какой-то причины загорѣлась большая деревянная люстра, висѣвшая какъ разъ надъ серединою громаднаго сервированнаго стола, при чемъ естественно произошла паника, особенно среди дамъ и дѣвицъ, изъ коихъ нѣсколько попадало въ обморокъ; начавшійся пожаръ былъ однако быстро прекращенъ, всѣ успокоились, и ужинъ закончился какъ слѣдуетъ. Въ Сѣдльце (нынѣ Сѣдлецъ) тогда циркулировалъ слухъ, будто бы всѣ расходы по устройству этого бала были покрыты изъ суммъ 10% контрибуціоннаго сбора по Сѣдлецкому военному отдѣлу и если слухъ этотъ дѣйствительно имѣлъ основаніе, то балъ съ ужиномъ обошелся конечно болѣе чѣмъ дешево, но за то и расходъ на это изъ указанной суммы былъ вполнѣ незаконенъ, хотя бы на производство его и была санкція высшей власти въ Варшавѣ.

[1]) Повсемѣстно учреждены были особые сельскіе караулы въ помощь войсковымъ частямъ, командировавшимся отъ времени до времени для разсѣянія мелкихъ бандъ повстанцевъ и поимки жандармовъ-вѣшателей.

чаются пассажирскіе поѣзда изъ Вильны и Варшавы, имѣя 20-минутную остановку. Въ ротѣ два офицера—поручикъ Меншуткинъ и прапорщикъ Бородинъ, а также два юнкера, исключенные изъ кадетскаго корпуса. Продукты очень дешевы, напр. фунтъ говядины —5 копѣекъ [1]). Квартира ротнаго командира въ баракѣ состоитъ изъ одной комнаты безъ обоевъ и съ однимъ окномъ. Бараковъ для роты два и кромѣ боковыхъ выходовъ, въ каждомъ баракѣ устроенъ еще выходъ со стороны полотна желѣзной дороги. Продовольствіе людей роты хорошее; приварочныхъ денегъ по 5 1/2 копѣекъ на человѣка. Хлѣбъ выпекается въ ротѣ“ [2]).

Жизнь у ст. Лапы, какъ замѣчено выше, была монотонная и скучная; лишь нѣкоторое оживленіе вносили рѣдкіе пассажирскіе поѣзда, и изрѣдка проходили экстренные поѣзда; такъ, 24 августа, въ 4 часа утра, ввиду проѣзда намѣстника графа Берга, возвращавшагося изъ Петербурга въ Варшаву, приняты были по линіи особыя предосторожности и находившіяся на станціяхъ роты выстроены были на платформахъ вокзаловъ; экстренный поѣздъ съ намѣстникомъ и его свитою конвоировала рота С.-Петербургскаго гренадерскаго полка съ полусотнею Кубанскихъ казаковъ.

Возстаніе окончилось, и объявлена была амнистія тѣмъ, кто добровольно сложитъ оружіе и явится къ мѣстнымъ военнымъ властямъ. Постепенно, по одиночкѣ и группами, прибывали въ Островъ съ повинною повстанцы, но большею частью безъ оружія;

---

[1]) Жизненные припасы вообще тогда были недороги въ раіонѣ расположенія полка. Такъ, когда я жилъ въ Островѣ, то съ нѣсколькими офицерами столовался у командира 1 роты, при чемъ обѣдъ изъ 2 блюдъ, а по воскресеньямъ изъ трехъ и ужинъ изъ одного блюда, стоилъ каждому изъ насъ только по 5 рублей въ мѣсяцъ, хотя, правда, почти все изготовлялось на салѣ, а не на маслѣ, тѣмъ не менѣе все же было весьма дешево.

[1]) Офицерскія потребности были тогда скромны и неприхотливы; по этому поводу я приведу дословную выдержку изъ сохранившагося письма моего, отправленнаго со станціи Ухово-Лапы 8 августа 1864 года: „буфетъ тутъ хорошъ, но я въ него не заглядываю, такъ какъ все очень дорого; напримѣръ, обѣдъ съ ужиномъ стоитъ тутъ 18 рублей въ мѣсяцъ, ну а это далеко не по карману. Я взялъ изъ своей роты солдатика, который съ грѣхомъ пополамъ варитъ намъ незатѣйливыя армейскія кушанья; изъ посуды я раньше (еще изъ Вильны) имѣлъ ножъ, вилку и ложку, чугунный горшокъ для варки супа и сковороду, а здѣсь уже купилъ у моего предшественника по командованію ротою (поручика Тюлина)—6 тарелокъ, два чугунныхъ горшка, сковороду, суповую чашку и нѣсколько поварскихъ ножей, заплативъ за все это удовольствіе 3 р. 20 коп“.

Нынѣ г.г. ротные командиры такимъ скромнымъ ассортиментомъ посуды конечно не удовольствовались бы.

послѣ присяги въ костелѣ, ихъ отпускали домой. Обычный сборъ податей шелъ успѣшно, безъ принужденія. Въ концѣ ноября, генералъ баронъ Корфъ, осматривавшій всѣ войска по линіи отъ Варшавы, прибылъ на станцію Лапы, гдѣ, къ его пріѣзду, выстроена была въ походномъ снаряженіи 5-ая рота Либавскаго полка; произведя наружный осмотръ роты, опросивъ претензіи и поблагодаривъ отъ имени намѣстника офицеровъ и нижнихъ чиновъ за службу, генералъ выѣхалъ въ направленіи на Бѣлостокъ. Образованы были военные округа и 2-ая пѣхотная дивизія,—а слѣдовательно и Либавскій полкъ,—включена была въ составъ войскъ Варшавскаго военнаго округа.

Сообщилъ Л. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полная неожиданность.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ редакторомъ газеты „Русскій Инвалидъ“ состоялъ полковникъ П. П. Л—въ, очень замѣтный профессоръ Николаевской Академіи генеральнаго штаба и довольно извѣстный военный авторитетъ. Какъ многіе изъ представителей военной науки того времени, онъ отличался, по-тогдашнему, большой дозой красноты взглядовъ, нерѣдко это высказывалъ, мало заботясь объ осторожности, а иногда и прямо щеголяя этимъ.

Едва-ли не за это, онъ впослѣдствіи былъ вытѣсненъ изъ академіи и принужденъ былъ перейти въ строй: въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ, онъ командовалъ одною изъ пѣхотныхъ дивизій, кажется, седьмою, стоявшею тогда, какъ впрочемъ и теперь, въ предѣлахъ Варшавскаго военнаго округа.

Во время редактированія Л—мъ „Русскаго Инвалида“, эта газета была военная, литературная и чуть ли не политическая; въ ней помѣщались всевозможныя статьи, а не только спеціально военныя; ее выписывали очень многія лица, не имѣвшія ничего общаго ни съ военнымъ міромъ, ни съ военнымъ дѣломъ.

Въ тѣ времена (до изданія въ 1865 году новыхъ законовъ о печати) всѣ газеты, журналы и книги выходили на общихъ основаніяхъ подцензурными.

Какъ могло случаться, что при цензурныхъ строгостяхъ, въ газету проскальзывали иногда такія замѣтки, которыя вызывали строгое вниманіе администраціи и кару, налагавшуюся отъ времени до времени на авторовъ—сказать трудно. Извѣстны случаи, когда со стороны высшихъ представителей власти въ редакцію присылалось особое лицо для выясненія имени и званія автора извѣстной статьи или какого-либо сообщенія и за этимъ слѣдовало наложеніе взысканія на автора.

Въ большей части случаевъ авторомъ являлся самъ Л., онъ всегда былъ непрочь пошалить перомъ—авось де пройдетъ незамѣченнымъ; подвергаться же взысканіямъ онъ не желалъ и, какъ человѣкъ хитрый,—чтобы не сказать болѣе,—живо приспособился къ обстоятельствамъ.—У него помощникомъ по должности редактора

состоялъ пресимпатичный, въ высшей степени скромный, благородный, сильно глуховатый Я—въ Н—чъ Т.; Л., приглядѣвшись къ нему и освоившись съ нимъ, рѣшилъ сваливать на него вину помѣщенія такихъ статей, которыя вызывали грозное вниманіе верховъ. Нѣсколько разъ Я—ву Н—чу случилось вынести на себѣ легкія взысканія, въ родѣ замѣчанія, указанія, выговора, а раза два довелось и посидѣть на гауптвахтѣ.

Однажды на страницахъ „Русскаго Инвалида“ появились записки о пребываніи вдовствовавшей Императрицы Александры Ѳеодоровны за границей. Государыня Императрица—матушка Государя Императора Александра Николаевича, вступившаго въ 1855 году на престолъ, уѣхала, вслѣдствіе болѣзни, за границу вскорѣ послѣ кончины супруга своего Государя Николая Павловича; прогостивши нѣкоторое время у своего родного брата принца Прусскаго Фридриха Вильгельма (съ 1861 года король Прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ IV, а впослѣдствіи, съ начала 1871 года, Императоръ Германскій Вильгельмъ I), Государыня переѣхала въ Ниццу, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ и скончалась въ 1861 году.

Записки, появившіяся на страницахъ „Русскаго Инвалида“, обратили на себя всеобщее вниманіе; онѣ читались съ большимъ интересомъ во всѣхъ кружкахъ пробуждавшагося тогда русскаго общества. Въ одинъ прекрасный день редакцію посѣтило какое-то лицо придворнаго званія или чуть ли не флигель-адъютантъ Его В—ва—узнать имя автора,—на этотъ разъ для доклада Его Величеству.

Л. спокойно и, можно сказать, безжалостно, назвалъ того же своего помощника и коллегу, Я. Н. Т.,—всякій день ожидавшаго грозы и свыкшагося съ тѣмъ, что ему вообще нужно „претерпѣвать“.

Каково же было его—Т., радостное удивленіе и что почувствовалъ Л., когда черезъ два-три дня то же лицо доставило въ редакцію великолѣпную золотую табакерку съ украшеннымъ брилліантами портретомъ Государя Императора, для передачи Я. Н. Т. въ подарокъ отъ Его Императорскаго Величества!

Сообщ. А. Е. К.

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1]).

(Окончаніе).

XVI.

Возвращеніе Сигизмунда въ Варшаву.—Обсужденіе московскихъ дѣлъ на сеймѣ.—Послѣднее выступленіе Юрія Мнишекъ.—Новое московское посольство въ Варшавѣ.—Ходкевичъ подъ Москвою.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ вынуждаетъ поляковъ отойти отъ столицы.—Польское войско объявляетъ конфедерацію.—Сигизмундъ отправляется наконецъ въ Москву.

Вѣсть о паденіи Смоленска вызвала въ Польшѣ большую радость и была отпразднована повсюду подобающимъ образомъ.

16 сентября король совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Варшаву. Нѣсколько дней спустя открылся сеймъ, созванный для обсужденія дальнѣйшей политики по отношенію къ Москвѣ. Сигизмунду нужно было оправдать въ глазахъ народа войну, начатую безъ согласія сейма. Съ этой цѣлью, въ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, и въ инструкціяхъ, данныхъ сеймикамъ, онъ особенно настаивалъ на томъ, что война велась имъ „для расширенія границъ Польши и возвращенія отторгнутыхъ отъ нея областей“, и что поспѣшное вступленіе въ предѣлы Московскаго государства было необходимо для того, чтобы „предупредить непріятеля, который, будучи раздраженъ появленіемъ въ свитѣ самозванца поляковъ, намѣревался, прогнавъ его, идти на Польшу“.

Выслушавъ объясненія, данныя подканцлеромъ, многіе требовали, чтобы всѣ тѣ, кои поддерживали тайныя сношенія съ Димитріемъ и помогали ему въ выполненія его плановъ, были строго наказаны; безчисленныя обвиненія посыпались на Юрія Мнишека, который

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь, 1907 года.

поддержавъ самозванца изъ своекорыстныхъ цѣлей, не только былъ, косвенно, причиною войны съ Москвою, но всячески мѣшалъ королю, когда тотъ захотѣлъ воспользоваться обстоятельствами для выгоды рѣчи Посполитой.

Воевода Сендомірскій пытался оправдаться, но его длинная рѣчь, полная лжи и недомолвокъ, не произвела никакого впечатлѣнія.

Въ то время какъ засѣдалъ сеймъ, въ Варшаву должно было прибыть московское посольство, для заключенія мирнаго договора и установленія добрососѣдскихъ отношеній между Москвою и Польшею.

Послы, выѣхавъ изъ Москвы 21 сентября, верстъ тридцать не доѣзжая Можайска, встрѣтили гетмана Ходкевича, который посовѣтывалъ имъ ѣхать обратно. „Гетманъ литовскій“, пишетъ Мархоцкій, „узнавъ, что посламъ велѣно было еще разъ предложить корону Владиславу, посовѣтовалъ имъ возвратиться въ Москву и просить иныхъ полномочій“.

Какъ мы знаемъ, Сигизмундъ хотѣлъ самъ возсѣсть на московскій престолъ и поэтому конечно былъ бы недоволенъ, если бы корона была предложена не ему, а его сыну, но его такъ ненавидѣли въ Москвѣ, что поддерживать его избраніе не согласились бы даже тѣ, кои относились къ нему наиболѣе сочувственно. На этомъ основаніи послы отвѣтили Ходкевичу, что хотя они „были бы рады снискать благоволеніе короля, но должны подтвердить, что народъ присягнулъ королевичу, и не хочетъ имѣть царемъ никого иного; объ этомъ уже извѣстно во всѣхъ московскихъ земляхъ и если бы въ то время, когда рѣчь зашла впервые объ избраніи Владислава, Ходкевичъ потребовалъ, чтобы народъ присягнулъ королю, а не его сыну, то это повело бы къ еще болѣе ожесточенному кровопролитію, либо къ тому, что на престолъ посадили бы тушинскаго вора, къ которому у многихъ лежало сердце“.

Всѣ убѣжденія Ходкевича остались безуспѣшны.

Въ Москвѣ также рѣшительно отказались дать посламъ новыя полномочія; бояре даже заявили, что „хотя бы имъ пришлось животъ свой положить, но иного посольства отъ нихъ не добьются“ [1]). Двѣ недѣли спустя, послы отправились въ Польшу съ прежними полномочіями.

---

[1]) Костомаровъ, не зная, для чего Ходкевичъ „настаивалъ на томъ, чтобы посламъ были даны новыя полномочія“, толкуетъ въ этомъ случаѣ поведеніе боярской думы ошибочно. (Истор. Монографіи, т. VI, стр. 224).
Примѣч. автора

Во главѣ посольства стояло два князя: Юрій Трубецкой и Михаилъ Салтыковъ - Морозовъ, и думный дьякъ Василій Осиповичъ Яновъ.

18 декабря послы имѣли аудіенцію у короля. Сигизмундъ принялъ ихъ торжественно, окруженный сенаторами. Согласно обычаю, всѣ три посла говорили по очереди; прежде всего они говорили о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ, затѣмъ объяснили, почему они не могли исполнить требованія литовскаго гетмана, просили Сигизмунда какъ можно скорѣй пріѣхать вмѣстѣ съ королевичемъ въ Москву, и наконецъ просили дозволенія „взглянуть на ясныя очи государя, царя и великаго князя всея Руси Владислава Сигизмундовича“ и вручить ему грамоту отъ бояръ.

Два дня спустя они были допущены къ королевичу, котораго „просили какъ можно скорѣй возсѣсть на свой царскій престолъ“ въ Москвѣ. Когда были окончены привѣтственныя рѣчи, Салтыковъ передалъ Владиславу „боярскую грамоту“ а королевичъ, освѣдомившись о здоровьи пословъ, предложилъ имъ сѣсть. Немного погодя послы и польскіе сенаторы перешли въ другое зало, гдѣ началось совѣщаніе.

Русскіе жаловались въ особенности на то, что король не выполнилъ присяги, данной гетманомъ Жолкевскимъ, и не прислалъ въ Москву своего сына, что̀ и было главною причиною того страшнаго кровопролитія, какое происходило въ Московскомъ государствѣ, на что̀ канцлеръ литовскій отвѣтилъ, что король не могъ, въ столь важномъ дѣлѣ, ничего рѣшить безъ сейма, и что юнаго королевича нельзя было отпустить въ страну, объятую мятежомъ.

Мѣсяцъ спустя происходило новое совѣщаніе, на которомъ подканцлеръ сообщилъ посламъ, что Сигизмундъ рѣшилъ отпустить къ нимъ своего сына и отправиться вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву.

Однако, тяжелый на подъемъ и нерѣшительный Сигизмундъ не скоро сдержалъ свое слово.

Тѣмъ временемъ положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ ухудшилось и хотя ему удалось, при помощи сапѣжинцевъ отбить штурмъ, но осаждающіе подожгли Китай-городъ, который сгорѣлъ до тла, и во время этого пожара, помимо разныхъ драгоцѣнностей, сгорѣли запасы съѣстныхъ припасовъ, что̀ увеличило бѣдствія гарнизона.

Вскорѣ подошелъ къ Москвѣ Ходкевичъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи только одну конницу, онъ не могъ атаковать укрѣпленный лагерь русскихъ, тѣмъ болѣе, что польское войско, стоявшее подъ Москвою, было изнурено и въ добавокъ, до того доморализовано, что водворить въ немъ порядокъ и повиновеніе было крайне трудно

и когда гетманъ сталъ строго взыскивать съ виновныхъ, то онъ этимъ только „многихъ озлобилъ и возстановилъ противъ себя“.

Между тѣмъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ поляковъ отойти отъ столицы; гетманъ литовскій также оставилъ свой обозъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ; вслѣдъ за нимъ ушла значительная часть московскаго гарнизона. Въ Москвѣ осталось всего 3.000 поляковъ, „которымъ, кромѣ обычнаго жалованья, положено было выдавать особое вознагражденіе, чтобы заохотить ихъ къ дальнѣйшей энергичной оборонѣ“, а такъ какъ, пишетъ Мархоцкій, „наличныхъ денегъ не было, то бояре дали намъ въ залогъ нѣкоторыя вещи, которыя они обѣщали въ скоромъ времени выкупить, а именно: двѣ царскія короны, одна принадлежавшая Годунову, а другая Димитрію, мужу Марины Мнишекъ, два или три рога отъ единорога, посохъ (т. е. скипетръ) царскій изъ единорога, въ золотой оправѣ, осыпанный брилліантами на концахъ, и гусарское сѣдло того же Димитрія, украшенное каменьями и жемчугомъ“. „Полкъ Сапѣги получилъ въ залогъ двѣ шитыя золотомъ и осыпанныя каменьями шапки, въ какихъ коронуются московскіе цари, и золотые скипетръ и державу“, также осыпанные драгоцѣнными камнями.

1 ноября, т. е. на четвертый день по уходѣ изъ Москвы, Ходкевичъ прибылъ въ Рогачевъ. Поляки шли медленно, съ большимъ трудомъ, такъ какъ оголодавшія лошади не въ силахъ были вытянуть возовъ по разгрязшей дорогѣ.

Изъ Рогачева поляки послали обозную прислугу за Волгу за съѣстными припасами, которыхъ тѣ привезли въ изобиліи. Въ Москвѣ же ощущался въ то время большой недостатокъ во всемъ и „была такая дороговизна, что за теленка платили 600 злотыхъ, за кварту (мѣра равная двумъ кружкамъ) масла 4 злотыхъ, за курицу 7 злотыхъ, за сороку или ворону полтора злотыхъ, за воробья 15 грошей. Однажды къ пану референдарію (т. е. Александру Госѣвскому) и къ пану Зборовскому собрались гости; приказавъ накрыть на столъ, они попросили ихъ откушать и угостили ихъ заплѣсневѣлыми сухарями съ хрѣномъ, кашей съ перцемъ, и квасомъ или водой вмѣсто вина“. „Такъ велика была нужда у самыхъ важныхъ особъ; иные буквально умирали съ голода; ѣли все, что попадалось: собакъ, кошекъ, крысъ, сухую кожу, даже людей“; однажды „къ войсковому судьѣ, Александру Равиницкому пришли нѣмцы, жалуясь на голодъ. Не имѣя ничего дать имъ, онъ по настоятельной ихъ просьбѣ далъ имъ сначала двухъ, а затѣмъ трехъ плѣнныхъ. Во время вылазокъ, какъ нѣмцы, такъ и молодые поляки уносили убитыхъ и съѣдали ихъ“.

Ходкевичу удалось, въ половинѣ декабря, собрать въ Рогачевѣ большіе запасы; часть ихъ была послана въ Москву. 18 декабря,—пишетъ Маскевичъ—„мы отправились со съѣстными припасами въ столицу. Въ ту пору стоялъ сильный морозъ; такъ какъ намъ не было дозволено зажигать костровъ, чтобы не обращать вниманія непріятеля, то по пути у насъ замерзло до 360 человѣкъ нашихъ, а москалей еще больше. Руки примерзали у насъ къ саблямъ; многіе отморозили себѣ пальцы на рукахъ и ногахъ“. Подъ самой столицей „напали на насъ московиты и отбили у насъ нѣсколько возовъ съ съѣстными припасами, у меня у самого забрали пять возовъ“.

Среди войска, находившагося въ столицѣ, неудовольствіе въ это время было такъ велико, по словамъ Маскевича, что „о службѣ“ никто не думалъ, „всѣ помышляли только о конфедераціи“.

Въ исходѣ сентября войско отправило къ королю новое посольство, чтобы изобразить ему свое бѣдственное положеніе, и указавъ на понесенные труды, „просить о скорѣйшей уплатѣ жалованія“ и заявить рѣшительно, „что они не станутъ служить его королевскому величеству далѣе какъ до 6 января“.

Дѣйствительно, 6 января собрались войсковыя коло и стали обсуждать этотъ вопросъ. „Мы обо всемъ сговорились“—разсказываетъ Маскевичъ,—и пошли къ столицѣ; гетманъ (Ходкевичъ) со своимъ войскомъ слѣдовалъ за нами“. Въ Москвѣ „14 января (1612 г.) мы образовали конфедерацію; маршалкомъ ея избрали Іосифа Чеклинскаго. Отдавъ столицу въ руки гетмана, мы хотѣли тотчасъ уйти, но видя, какъ мало у него было войска, сдались на его просьбу оставить часть войска до 14 марта, въ каковой день гетманъ обѣщалъ ихъ отпустить“.

Объявивъ конфедерацію, предводители поляковъ издали универсалъ, въ коемъ, жалуясь на поведеніе Сигизмунда, удостовѣряли, что „они были бы готовы и долѣе сражаться, если бы у нихъ были на это силы“, „но терпя во всемъ недостатокъ“, и „такъ долго не получая никакого подкрѣпленія, имъ приходилось помышлять уже не объ оборонѣ, а о покоѣ“. Поэтому, если имъ не будетъ уплачено жалованье, то они уйдутъ изъ Москвы, вступятъ въ Варшаву и останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ то, что имъ слѣдуетъ.

Конфедератами были посланы къ королю гонцы съ увѣдомленіемъ о состоявшемся рѣшеніи, но это не повело ни къ какому результату.

Въ виду обострившагося положенія, Ходкевичъ, не имѣя возможности принудить „столичное“ войско нести дальнѣйшую службу, очутился въ самомъ критическомъ положеніи.Ославъ въ Ростовъ за съѣстными припасами, онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о присылкѣ полутора тысячъ солдатъ, которые замѣнили бы гарнизонъ. Въ первый моментъ Сапѣга во всемъ отказалъ ему, но затѣмъ, обдумавъ, что „если бы столица досталась въ руки непріятеля, то вся вина за это пала бы на его полкъ, послалъ къ Ходкевичу Будзилу съ провіантомъ, давъ ему изъ каждой роты по нѣсколько человѣкъ“. Этотъ отрядъ прибылъ въ Москву 27 января, но большинство солдатъ вскорѣ также объявили конфедерацію и „еще по санному пути“ уѣхали въ Литву.

Въ февралѣ, „столичное“ войско ушло, для лучшаго продовольствованія за Волгу, а Ходкевичъ остался въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ столицы, гдѣ онъ разсчитывалъ выждать подкрѣпленія изъ Польши. И дѣйствительно, въ началѣ марта ему было послано изъ Смоленска на подмогу 1.200 чел. подъ командою Струся.

Зная о столь критическомъ положеніи поляковъ, Сигизмундъ все же не спѣшилъ отъѣздомъ въ Москву.

Въ письмѣ отъ 22 марта Задзикъ писалъ Рудницкому: „Относительно поѣздки короля въ Вильно, почти рѣшено, что онъ уѣдетъ вскорѣ послѣ Пасхи, хотя незамѣтно, чтобы къ этому дѣлались какія бы то ни было приготовленія“, а два мѣсяца спустя онъ сообщалъ епископу варминскому: „Отъѣздъ е. к. в. откладывался до сихъ поръ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Но теперь благодаря Бога всѣ препятствія устранены; королева благополучно разрѣшилась 25 мая, въ девятомъ часу вечера, отъ бремени сыномъ, и теперь вѣроятно мы уже скоро выѣдемъ; когда я спрашивалъ объ этомъ вчера вечеромъ е. в. отъ имени канцлера, то онъ отвѣтилъ, что хотѣлъ бы выѣхать во вторникъ, послѣ Троицына дня, т. е. 12 іюня, если ничто особенное не помѣшаетъ. Многіе боятся, чтобы король снова не отложилъ своего отъѣзда; положеніе дѣлъ въ Москвѣ этого не позволяетъ.

„Пришло письмо отъ бояръ изъ Москвы, которые просятъ, чтобы король съ королевичемъ пріѣхали какъ можно скорѣй, ибо отъ этого все зависитъ, такъ какъ къ Заруцкому идутъ со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія“.

Но и это извѣстіе не заставило Сигизмунда поспѣшить. „Московскія дѣла“, писалъ Станиславъ Лубенскій, 14 іюня, „требуютъ, чтобы король ѣхалъ какъ можно скорѣе въ Москву, мы же со дня на

день откладываемъ отъѣздъ. Если я не ошибаюсь, е. к. в. намѣренъ ждать до тѣхъ поръ, пока королева не будетъ въ состояніи поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Уже прошло около трехъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ она разрѣшилась отъ бремени; не знаю, какъ скоро могла бы она пуститься въ путь".

XVII.

Заруцкій.—Новое движеніе въ Московскомъ государствѣ.—Ходкевичъ пытается снабдить столицу провіантомъ.—Сигизмундъ въ Ѳедоровскомъ.—Страшный голодъ въ Москвѣ.—Сдача польскаго гарнизона.—Сигизмундъ пытается завязать переговоры.—Смѣлые замыслы и послѣднее сраженіе Заруцкаго.—Характеристика Марины.

Въ то время какъ Сигизмундъ медлилъ, положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ осложнялось съ каждымъ днемъ.

Въ то время видную роль въ русскомъ войскѣ игралъ Заруцкій, человѣкъ, который былъ близокъ ко второму самозванцу.

Необыкновенно способный, по словамъ Мархоцкаго „очень красивый и прекрасно сложенный", онъ быстро выдѣлился благодаря этимъ качествамъ; сдѣлался атаманомъ донскихъ казаковъ и сражался во главѣ ихъ сперва подъ знаменами перваго самозванца, а затѣмъ примкнулъ къ Тушинскому вору и „оказалъ ему большія услуги, участвуя во всѣхъ подвигахъ, которыми такъ прославился второй Димитрій, чѣмъ и заслужилъ его особое благоволеніе. Если нужно было кого-нибудь убить, утопить или отрубить кому-нибудь голову, онъ исполнялъ это со своими донцами скоро и исправно". Впрочемъ, онъ оказывалъ второму самозванцу и иныя услуги. „Онъ зорко за всѣмъ слѣдилъ въ Тушинскомъ обозѣ, и такъ какъ князь Рожинскій почти всегда былъ пьянъ, то онъ самъ распредѣлялъ стражу, часовыхъ и завѣдывалъ развѣдочной службою".

Когда былъ убитъ Димитрій, его сторонники совсѣмъ растерялись, Заруцкій хотѣлъ бѣжать въ Калугу, но донцы не выпустили его изъ города и „объявили себя на сторонѣ царицы".

Съ этого момента между нимъ и Мариною установились самыя близкія отношенія; говорили даже, будто онъ сталъ ея мужемъ или любовникомъ. „Къ сожалѣнію", говоритъ Гиршбергъ, „нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, насколько справедливы эти слухи; но несомнѣнно, что Заруцкій былъ съ той поры самымъ преданнымъ, самымъ вѣрнымъ сторонникомъ Марины".

Въ началѣ 1611 г., когда вспыхнулъ мятежъ противъ Сигизмунда, предводители его заручились содѣйствіемъ Заруцкаго, обѣщавъ ему, что если удастся прогнать поляковъ, то они изберутъ на престолъ

Ивана, сына Марины, родившагося по смерти Димитрія. По слухамъ, дошедшимъ тогда въ Смоленскъ, „этотъ царевичъ былъ увезенъ въ Калугу, куда вмѣстѣ съ нимъ выѣхала Марина, и откуда они отправились въ Коломну, гдѣ прожили довольно долго“.

Въ исходѣ марта 1611 г. къ Москвѣ подошелъ Заруцкій, во главѣ 3.000 донцовъ; съ ними пришло и другое войско, и силы Заруцкаго вскорѣ такъ увеличились, что онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ лицомъ въ русскомъ обозѣ и когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мятежники рѣшили избрать начальниковъ, „которымъ всѣ бы повиновались“, то вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ избрали и Заруцкаго; между ними недолго царило согласіе; послѣ того какъ былъ убитъ Ляпуновъ, а Трубецкой оказался человѣкомъ неспособнымъ, вся власть сосредоточилась въ рукахъ Заруцкаго.

Такимъ образомъ дѣла приняли оборотъ весьма благопріятный для Марины. Она могла снова питать надежду, что ей, какъ коронованной царицѣ, матери и опекуншѣ малолѣтняго царевича, скоро возможно будетъ возсѣсть снова на московскій престолъ, но ея сторонники во главѣ съ Заруцкимъ творили такія вопіющія безчинства, что вооружили противъ себя рѣшительно всѣхъ, и надежды Марины разлетѣлись скоро прахомъ.

Среди всеобщей неурядицы и бѣдствій, царившихъ въ то время въ Московскомъ государствѣ, „казацкія расправы“, которыя совершались войскомъ Заруцкаго, были однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ явленій, и оно вызвало въ народѣ огромное движеніе не только противъ поляковъ, но главнымъ образомъ противъ „казачества и казацкихъ предводителей“.

Первый сигналъ къ этому движенію былъ данъ патріархомъ Гермогеномъ, который содержался въ то время въ заточеніи и тѣмъ не менѣе поддерживалъ тайныя сношенія съ врагами Сигизмунда. Ему удалось, еще въ исходѣ августа 1611 г., послать новую грамоту къ нижегородцамъ, въ которой онъ приказывалъ имъ кликнуть кличъ по городамъ, чтобы они продолжали войну съ поляками и не допускали „избрать на царство проклятаго имъ и св. соборомъ“ сына Марины.

Нижній-Новгородъ сдѣлался центромъ мятежнаго движенія, во главѣ котораго стали Кузьма Мининъ и князь Дмитрій Пожарскій.

Заруцкій прекрасно понималъ угрожавшую съ этой стороны опасность и, желая затруднить противникамъ сношенія съ сѣверными областями, рѣшилъ овладѣть Ярославлемъ и Заволжскими городами, но его опередилъ Пожарскій, который, прибывъ въ половинѣ апрѣля въ Ярославль, собралъ тамъ земскій соборъ. Съ этого момента представителями законной власти въ государствѣ были

уже, въ глазахъ народа, не Заруцкій и Трубецкой, а Пожарскій „со своими боярами“.

Вскорѣ дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія; войска Пожарскаго вездѣ одолѣвали противника, и когда передовой отрядъ его ополченія дошелъ до Москвы, въ казацкомъ лагерѣ началось волненіе, часть войска перешла на сторону Пожарскаго, а 7 іюня „Заруцкій ушелъ съ остальными казаками въ Коломну“. Тогда никто уже не сомнѣвался въ побѣдѣ той партіи, во главѣ которой стали „дворяне и дѣти боярскія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились окончательно всѣ планы честолюбивой Марины; въ то же время положеніе польскаго гарнизона въ столицѣ становилось съ каждымъ днемъ труднѣе.

Послѣ того какъ столица была занята Струсемъ, Ходкевичъ отошелъ къ Волоку (нынѣ Волоколамскъ), полагая, что тамъ ему легче будетъ продовольствовать войско, но окрестная мѣстность была такъ разорена, что это оказалось дѣломъ очень труднымъ.

Въ начала августа къ Москвѣ стали подходить войска Пожарскаго; 30 числа онъ прибылъ самъ и въ тотъ же день овладѣлъ Бѣлой стѣною и Алексѣевскимъ бастіономъ. Узнавъ о томъ, Ходкевичъ поспѣшилъ къ столицѣ.

„Литовскій гетманъ“, пишетъ Будзило, „не дождавшись большаго подкрѣпленія, не побоялся превосходства непріятельскихъ силъ и подошелъ (1 сентября) къ столицѣ, желая выручить осажденныхъ и снабдить ихъ съѣстными припасами. Русскіе, спрятавъ пѣхоту во рвахъ, поджидали его у своихъ обозовъ. Хотя польская конница была несравненно слабѣе московской, но она атаковала непріятеля и, будучи поддержана пѣхотою, оттѣснила русскихъ къ самой рѣкѣ. Въ то же время осажденные, желая прорвать московское войско, сдѣлали вылазку до Александровскаго бастіона, но понесли значительный уронъ и были отбиты русскими, которые не только превосходили ихъ силами, но были сыты и не утомлены, тогда какъ наши едва держались на ногахъ“. „Когда наши были сыты“, говоритъ Будзило, „имъ нестрашны были московиты, они всегда дѣлали вылазки и отбивали ихъ. Но когда у нихъ не стало хватать хлѣба, то они очень ослабѣли отъ голода; не только ноги, но и руки не слушались ихъ болѣе“.

Два дня спустя, 3 сентября, Ходкевичъ попытался еще разъ ввести въ столицу привезенные имъ съѣстные припасы.

„Польское войско“—читаемъ въ томъ же дневникѣ, „долго билось съ непріятелемъ, но наконецъ одержало надъ нимъ верхъ. Московиты, отступивъ за рѣку и опустивъ руки, смотрѣли на то, какъ гетманъ не теряя времени провозилъ въ крѣпость съѣстные

припасы. Но когда воза въѣхали на деревянный мостъ, подлѣ котораго засѣла во рвѣ московская пѣхота съ двумя орудіями, то она открыла пальбу и не пропустила возовъ въ крѣпость.

Убѣдясь въ томъ, что съ такими слабыми силами не удастся ни подкрѣпить осажденныхъ, ни снабдить ихъ съѣстными припасами, Ходкевичъ снова отошелъ отъ столицы, предварительно „ославъ сказать осажденнымъ, чтобы они потерпѣли еще немного, что недѣли черезъ двѣ онъ придетъ съ болѣе сильнымъ подкрѣпленіемъ". Онъ разсчитывалъ на поддержку со стороны королевскаго войска, но Сигизмундъ все еще не спѣшилъ къ Москвѣ и хотя онъ выѣхалъ въ началѣ іюля изъ Варшавы, но замѣшкался почти до конца августа въ Вильнѣ, а затѣмъ ему пришлось довольно долго пробыть въ Смоленскѣ, откуда войско не хотѣло идти съ нимъ, требуя прежде всего уплаты жалованія, и измѣнило свое рѣшеніе, только внявъ усиленной просьбѣ королевича, который „придя въ ихъ коло, убѣдительно просилъ ихъ не оставлять его и короля".

На эти переговоры съ смоленскимъ „рыцарствомъ" ушло двѣ недѣли; Сигизмундъ двинулся далѣе только 16 августа, и въ половинѣ ноября сталъ обозомъ подъ Ѳедоровскимъ, но въ это самое время польскій гарнизонъ былъ вынужденъ голодомъ сдаться непріятелю.

Послѣдніе мѣсяцы дороговизна всѣхъ припасовъ и нужда дошли въ Москвѣ до крайнихъ предѣловъ.

Богданъ Балыка, кіевскій купецъ, жившій въ то время въ Кремлѣ, разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что за четверть ржи платили 100 злотыхъ, четверть овса стоила 40 зл., кварта крупъ 20 зл., кварта водки 40 зл., за корову давали 600 зл.; Рачинскій заплатилъ за кота 8 зл., товарищъ Будзилы далъ за собаку 15 зл. Вскорѣ насталъ такой страшный голодъ, что пѣхота и нѣмцы потихоньку убивали людей и съѣдали ихъ. „Мы первые убѣдились въ этомъ, говоритъ Балыка; однажды возвращаясь изъ соборной церкви пресвятой Богородицы, мы нашли въ ямѣ спрятанную въ мѣшкѣ человѣческую голову и ноги".

„Когда пѣхотѣ выдали однажды нѣсколько московскихъ плѣнныхъ, солдаты тотчасъ убили ихъ и съѣли. Нѣсколько дней спустя случилось, что когда русскіе несли рабочимъ, работавшимъ близъ Никольскихъ воротъ, уголь, то нѣсколько человѣкъ, выскочивъ изъза стѣны, убили одного изъ нихъ и тутъ же съѣли".

Разсказами о подобныхъ ужасахъ полны дневники очевидцовъ, но не смотря на столь отчаянное положеніе осажденные и по уходѣ Ходкевича продолжали храбро обороняться, отбили три атаки русскихъ, гордо отвергли предложеніе Пожарскаго сдаться ему, и только въ ноябрѣ, потерявъ всякую надежду на помощь и оконча-

тельно обезсилѣвъ, они начали переговоры о сдачѣ крѣпости и сдались только тогда, когда московскіе воеводы „подъ присягою обѣщали имъ, что жизнь и имущество будутъ пощажены“, но между прочимъ они слова своего не сдержали.

Въ тотъ самый день, когда войско Пожарскаго вступило въ Кремль, Сигизмундъ отправилъ въ Москву торжественное посольство съ увѣдомленіемъ, что онъ, вмѣстѣ съ королевичемъ, приближается къ столицѣ. Съ этой вѣстью были посланы Александръ Зборовскій и Андрей Млоцкій и двое московскихъ людей, князь Данило Мезецкій и Иванъ Грамотинъ.

Пріѣхавъ въ Рузу, 29 ноября, они послали въ Москву двухъ гонцовъ, которые были тамъ задержаны; когда же послы, не дождавшись ихъ обратно, поѣхали дальше и остановившись въ Тушинѣ, еще разъ послали сказать боярамъ, чтобы они прислали уполномоченныхъ для переговоровъ,—то на это не было получено никакого отвѣта, и московиты вступили въ бой съ польской конницей, подошедшей одновременно съ послами къ столицѣ. Во время одной изъ этихъ стычекъ былъ взятъ въ плѣнъ „смолянинъ, боярскій сынъ Иванъ Философовъ“, который, отвѣчая на разспросы польскихъ пословъ, разсказалъ, что „бояре, служившіе до тѣхъ поръ польскому королю и вообще „лучшіе люди“ хотятъ возвести на престолъ королевича Владислава, но, опасаясь казаковъ, не смѣютъ открыто дѣйствовать въ его пользу, а только говорятъ, что на престолъ „слѣдовало бы избрать иноземца“; казаки же хотятъ избрать кого-нибудь изъ русскихъ бояръ, напр. Михаила Романова, либо „сына Калужскаго вора“. „Они дѣлаютъ въ Москвѣ, что хотятъ, такъ какъ много дворянъ и дѣтей боярскихъ разъѣхалось, ихъ осталось въ Москвѣ всего двѣ тысячи, а казаковъ четыре съ половиною тысячи“.

„Князя Ѳедора Мстиславскаго“, разсказывалъ далѣе Философовъ, „и его товарищей чернь не подпускаетъ къ думѣ. Писано также и въ другіе города, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ всѣми дѣлами заправляютъ Димитрій Трубецкой, князь Пожарскій и Кузьма Мининъ. Поляковъ разослали по городамъ, а въ Москвѣ оставили только знатнѣйшихъ полковниковъ и ротмистровъ, пана Струся и иныхъ“.

Получивъ эти извѣстія, послы немедленно донесли обо всемъ королю [1]), который находился тѣмъ временемъ въ обозѣ подъ Ѳе-

---

[1]) Всѣ подробности касательно этого посольства заимствованы изъ письма князя Месецкаго къ Ивану Грамотину, сохранившагося въ дневникѣ московскихъ пословъ, посланныхъ въ Варшаву въ 1611 г. Эта любо-

доровскомъ, въ ожиданіи результата переговоровъ съ послами. До него еще раньше дошла вѣсть о сдачѣ польскаго гарнизона. Подъ вліяніемъ этихъ событій положеніе Сигизмунда было крайне затруднительное. О настроеніи приближенныхъ короля лучше всего можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ письма Льва Сапѣги, писаннаго изъ обоза 30 ноября того года:

„Когда Москва была взята“, писалъ литовскій канцлеръ, „всякая надежда была нами потеряна. Мы потеряли попусту столицу, а вмѣстѣ съ нею и все Московское государство. Мы терпимъ тутъ во всемъ недостатокъ, нѣмцы страдаютъ отъ голода и холода, лошади околѣваютъ отъ недостатка сѣна, овса и соломы. И у насъ самихъ едва осталось съѣстнаго“.

Оставаться при такихъ обстоятельствахъ далѣе въ непріятельской, опустошенной странѣ, зимою, съ такимъ малочисленнымъ войскомъ было не только трудно, но совершенно безцѣльно. Поэтому 7 декабря король оставилъ свой обозъ на Ѳедоровскомъ и ушелъ въ Польшу.

Три мѣсяца спустя на московскій престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ „и такимъ образомъ“, говоритъ Гиршбергъ, „искусно задуманные планы гетмана Жолкевскаго не удались благодаря апатіи Симизмунда и его полному неумѣнію воспользоваться обстоятельствами“.

7 августа 1612 г. „Заруцкій ушелъ въ Коломну и, взявъ оттуда царицу, отправился въ Михайлово“, откуда онъ дѣлалъ частыя вылазки и всю зиму и лѣто „имѣлъ стычки съ русскими“. Но это не были обычные казацкіе набѣги, дѣлаемые съ цѣлью грабежа, либо для захвата съѣстныхъ припасовъ; его поступками руководила очень смѣлая политическая мысль.

Послѣднія событія убѣдили его въ томъ, что ему не удастся долѣе остаться во главѣ московскаго правительства и не удастся также посадить на престолъ Ивана, сына Димитрія. Поэтому онъ рѣшилъ образовать на нижнемъ теченіи Дона и Волги изъ казаковъ отдѣльное государство и управлять имъ, какъ мужъ или любовникъ Марины.

Задавшись этой мыслію, осенью 1612 г., Заруцкій опустошилъ мѣстности, признавшія власть Пожарскаго, а затѣмъ Михаила, разграбилъ Коломну и землю рязанскую, „и сжегъ многіе города“.

Это движеніе угрожало опасностью цѣлости Московскаго госу-

пытная и вполнѣ достовѣрная реляція свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что у Соловьева (тамъ же, стр. 441) и Костомарова (тамъ же, стр. 288—289) показанія Философова приведены не вѣрно. *Примѣч. автора.*

дарства, поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ, ѣдучи короноваться, отдалъ приказъ немедленно начать противъ Заруцкаго военныя дѣйствія. Порученіе это было возложено на князя Ивана Одоевскаго и нѣкоторыхъ воеводъ.

Мѣсяца черезъ два собрались войска изъ Зарайска, Владиміра, Тулы и Суздаля.

Въ исходѣ сентября произошла двухдневная битва подъ Воронежомъ, въ которой ни Одоевскій, ни Заруцкій не одержали побѣды. „Въ этомъ сраженіи“,—жалуется лѣтописецъ,—„Заруцкому не причинили никакого вреда, а онъ положилъ на мѣстѣ много воронежцовъ, а затѣмъ перешелъ черезъ Донъ и вмѣстѣ съ Мариной пошелъ на Астрахань“.

Всю зиму обѣ стороны готовились къ дальнѣйшей борьбѣ. Заруцкій привлекъ на свою сторону ногайскаго князя Иттерена и намѣревался весною вмѣстѣ съ нимъ идти на Казань и Самару; онъ старался также поднять противъ Москвы персидскаго шаха Аббаса, послалъ къ нему съ этой цѣлью двухъ пословъ и предлагалъ ему, взамѣнъ за помощь съ его стороны, уступить ему Астрахань. Шахъ готовъ былъ придти на помощь Заруцкому, но одинъ персидскій купецъ Муртоза объяснилъ ему истинное положеніе вещей, и шахъ измѣнилъ свое намѣреніе.

Между тѣмъ изъ Москвы были разосланы грамоты къ астраханцамъ, въ ногайскую орду, къ казакамъ на Донъ и Волгу съ призывомъ остаться вѣрными вновь избранному царю Михаилу Ѳеодоровичу. Казакамъ были посланы деньги, сукна, съѣстные припасы и вино, а Одоевскій, между тѣмъ сосредоточивалъ войско подъ Казанью. Но прежде чѣмъ, это войско двинулось навстрѣчу Заруцкому, жители Астрахани взбунтовались противъ него и перешли, также какъ и ногайскіе татары, на сторону Михаила.

Заруцкій, запершійся было въ астраханскомъ кремлѣ, испугавшись того, что ему не удастся защититься въ немъ, когда подойдутъ войска Одоевскаго, бѣжалъ въ ночь на 22 мая, вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ. Сперва онъ хотѣлъ уйти со своими казаками за Волгу, но, передумавъ, искалъ спасенія въ морѣ; когда же, возвращаясь, онъ плылъ около Астрахани, то на него напалъ предводитель терскихъ казаковъ Хохловъ и на голову разбилъ его. Только Заруцкому съ царицею и ея сыномъ и небольшой кучкѣ казаковъ удалось уйти въ море.

За ними была послана во всѣ стороны погоня; долго объ нихъ не было ни слуха, ни духа; наконецъ, 4 іюля отрядъ стрѣльцовъ нагналъ ихъ на р. Уралѣ, на Медвѣжьемъ островѣ. Хотя у казаковъ была сооружена тамъ крѣпостца, но застигнутые врасплохъ,

они на другой же день выдали Заруцкаго, Марину и ея сына, а сами присягнули на вѣрность Михаилу.

16 іюля плѣнныхъ привезли въ Астрахань, откуда Марину и Заруцкаго, закованныхъ въ кандалы, съ величайшими предосторожностями отправили въ Москву. Тутъ ихъ ожидала страшная участь. Заруцкій, послѣ допроса царемъ и боярами, былъ посаженъ на колъ, трехлѣтній сынъ Димитрія повѣшенъ, а Марина сослана въ заточеніе въ Коломну, гдѣ она также вскорѣ окончила жизнь. Между польскими бернардинами сохранилось преданіе, что Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ, который находился при ней въ качествѣ духовнаго отца. Но это опровергнуто Кобержицкимъ, который утверждаетъ, на основаніи вѣскихъ доказательствъ, что она была задушена. О томъ, что она была убита, упоминаетъ также архіепископъ еласонскій Арсеній, не говоря однако, какимъ образомъ послѣдовала ея смерть. Наконецъ о. Пирлингъ нашелъ въ „испанскихъ источникахъ“ извѣстіе о томъ, что Марина была сожжена на кострѣ [1]). Самая разнорѣчивость и неопредѣленность этихъ слуховъ свидѣтельствуетъ о томъ, что изъ современниковъ мало кто зналъ, какимъ образомъ окончила жизнь супруга двухъ самозванцевъ, и что вышеупомянутые авторы, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній высказываютъ лишь свои собственныя догадки и предположенія. Что касается А. Гиршберга, автора цитируемаго нами изслѣдованія о Маринѣ Мнишекъ, то, по его мнѣнію, гораздо ближе къ истинѣ свѣдѣніе, сообщаемое московскимъ посломъ Ѳедоромъ Желябужскимъ, прибывшимъ въ Польшу въ исходѣ 1614 г., а именно, что—несчастная Марина скончалась въ томъ же году, въ заточеніи, „отъ горя и болѣзни“.

Возникалъ также споръ о мѣстѣ ея заточенія. Гиршбергъ присоединяется къ мнѣнію, что она была сослана въ Коломну, такъ какъ въ пользу этого говорятъ мѣстныя преданія, и тотъ фактъ, что эта крѣпость служила издавна мѣстомъ заточенія знатныхъ особъ; отъ нея сохранилась лишь одна башня, въ которой,—по словамъ жителей Коломны „томилась“ Марина Мнишекъ, и которая доселѣ называется ея именемъ.

Каковъ бы ни былъ конецъ Марины, несомнѣнно, что полная тревогъ и необычайныхъ приключеній жизнь этой честолюбивой молодой женщины окончилась въ заточеніи.

„Заслужила ли она такую жизнь и такую смерть?“—задаетъ вопросъ Гиршбергъ, „была ли она въ самомъ дѣлѣ только игрушкою жестокой судьбы“, какъ она жаловалась въ одномъ изъ своихъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1903, т. CXIII, стр. 285.

писемъ, или же она была въ значительной степени сама виновна въ постигшихъ ее несчастіяхъ?“

Воспитанная въ преувеличенномъ понятіи о знатности своего рода, она была съ дѣтства горда и тщеславна. Весьма любопытенъ для ея характеристики слѣдующій разсказъ Немоевскаго.

Когда во время ея свадьбы въ Москвѣ, польская челядь пыталась однажды заглянуть въ избу, гдѣ пировали гости, то разгнѣванная этимъ царица закричала:

— Скажите имъ, что если кто-либо изъ нихъ войдетъ сюда, то я прикажу угостить его кнутомъ, и не разъ, а раза два-три.

Гордость и преувеличенное мнѣніе о своемъ необыкновенномъ превосходствѣ проглядываетъ и въ ея перепискѣ. Она писала, напр., что „предпочла бы смерть тому, что свѣтъ могъ радоваться ея несчастіямъ“, что „бывши властительницей народовъ, московской царицей, не хочетъ и не можетъ быть снова чьей-нибудь подданной, стать вновь польской шляхтянкой“. Она сравниваетъ себя съ солнцемъ, „которое все же не перестаетъ свѣтить, хотя временами его застилаютъ темныя тучи“.

Марина была одарена необычайной отвагой, рѣшительностью и твердостью характера. Доказательства этого она обнаружила особенно въ Тушинскомъ лагерѣ и въ Дмитровѣ. Когда въ началѣ 1610 года поляки, служившіе подъ знаменами самозванца, вознамѣрились перейти на сторону Сигизмунда, „царица обходила ихъ жилища и своими убѣжденіями отвлекла многихъ изъ нихъ отъ короля и утвердила въ вѣрности своему супругу“. Точно также и въ Дмитровѣ, въ гусарской одеждѣ, она вошла въ воинскій кругъ, гдѣ прочувствованными своими рѣчами произвела большое впечатлѣніе, а между тѣмъ тогда возстала значительная часть войска. Ей свойственна была не женская храбрость. Убѣгая въ Калугу, она взяла съ собою только небольшой отрядъ донцовъ, а въ Дмитровѣ, —какъ выражается Мархоцкій—сила ея духа сказалась еще рѣшительнѣе. Когда испуганные солдаты заколебались, и оборонялись вяло, она появилась на окопахъ и громко кричала:

„Что вы дѣлаете, солдаты? Я женщина, но не знаю страху, не дрожу и не боюсь какъ вы!“

„Изъ всего этого видно, что какъ женщина, она обладала необыкновенной энергіей и отвагой, и слѣдовательно“, говоритъ Гиршбергъ, „если бы захотѣла, то она безъ сомнѣнія могла бы воспротивиться отцу, когда, будучи подкупленъ вторымъ самозванцемъ, онъ склонялъ ее признать Димитрія своимъ мужемъ. Но несомнѣнно, что ея побужденіями руководило въ этомъ случаѣ честолюбіе и безумная жажда власти.

„Преобладающею чертою ея характера было властолюбіе, оно заставило ее быть по очереди женою двухъ самозванцевъ, а подъ конецъ любовницею или быть можетъ женою казацкаго атамана".

А. Гиршбергъ не согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ о. Пирлингомъ, будто „воспитаніе, полученное Мариною въ набожномъ Самборѣ, наложило на нее неизгладимую печать ревностной католички [1]). Можно ли утверждать что-либо подобное, говоритъ Гиршбергъ, когда мы имѣемъ такіе факты: 1) что во время своей коронаціи въ Москвѣ Марина приняла причастіе изъ рукъ московскаго патріарха, не получивъ на то никакого разрѣшенія отъ папы, 2) въ началѣ 1609 г., стараясь заручиться поддежкою папскаго престола, она съ этой цѣлью, вмѣстѣ съ Рожинскимъ, старалась ввести папу въ обманъ, говоря ему, что война съ Москвою велась въ интересахъ католической церкви и, наконецъ, 3) что въ 1611 г. она отдала сына своего калужанамъ, съ тѣмъ, чтобы они окрестили его въ свою вѣру и по-своему воспитали".

Могла ли бы такъ поступать ревностная католичка?

Нѣтъ, не игрушкою судьбы была Марина,—какъ она жаловалась въ своихъ письмахъ,—а больше всего и прежде всего „она была жертвою своего ненасытнаго честолюбія".

В. Тимощукъ.

---

[1]) Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома. („Русская Старина", 1903 г. т. CXIII, 257).

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія [1]).

Еще до заключенія Ништадтскаго мира, голштинская партія имѣла основанія возлагать свои надежды на императорскій дворъ, и къ 1720 г. Вѣна сдѣлалась однимъ изъ центровъ голштинскихъ дипломатическихъ происковъ. Послѣ заключенія Ништадтскаго мира герцогъ голштинскій, будучи уже въ Петербургѣ, по-прежнему искалъ заступничества у императора и обратился къ послѣднему съ новымъ письмомъ въ ноябрѣ 1721 г. Сообщая, что царь рѣшилъ поддерживать его претензіи на Шлезвигъ, и выражая свое удовлетвореніе по поводу того, что Кинскій сочувственно относится къ его дѣлу, онъ заканчивалъ это письмо просьбою снабдить Кинскаго соотвѣтствующими полномочіями, что̀ дало бы возможность воспользоваться благопріятною минутою и извлечь изъ нея какую-нибудь выгоду [2]). Хотя въ послѣдующихъ инструкціяхъ Кинскому предписывалось воздерживаться отъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ обязательствъ по шлезвигскому вопросу, общій тонъ этихъ инструк-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

[2]) Письмо герцога голштинскаго къ императору Карлу VI отъ 13 (24) ноября 1721 г.—Вѣна, R. XI. 1721. „Es kommt aber, allergnädigst Kayser u. Herr, nun hauptsächlich darauff an dass E. Kays. Mt. annoch die Gnade vor mich haben, und Ihm (т. е. гр. Кинскому) auch specialiter insonderheit über diesem Vorfalle derzutreffenden Convention dermassen rechdürftig authorisiren und bevollmächtigen, damit selbige sich daran wenigstens nicht stossen, und etwas daher wohl gar Anlass möge genommen werden, sich alhier bei E. K. Mt. vor mich hegenden höchste Wohlwollen und Gewogenheit einiger Scrupel zu machen, welches sodann nicht mein grössten Unglück sein würde“.

ціи былъ, однако, скорѣе благопріятенъ для герцога. Это, повидимому, не ускользнуло и отъ вниманія русскихъ министровъ, неоднократно напоминавшихъ Кинскому о голштинскомъ дѣлѣ и выражавшихъ надежду, что герцогъ найдетъ у императора авторитетную поддержку [1]).

Съ 1721 по 1724 г., по мѣрѣ того, какъ русская дипломатія сближалась въ Стокгольмѣ съ голштинской партіей, установились болѣе близкія отношенія и между австрійской дипломатіей и шведскими приверженцами герцога. Австрійскій посолъ въ Стокгольмѣ гр. Фрейтагъ игралъ, повидимому, въ данномъ случаѣ не послѣднюю, хотя и не совсѣмъ ясную для насъ роль [2]). Когда союзъ съ Россіей былъ близокъ къ заключенію, представители голштинской партіи первые заговорили о желательности включить въ этотъ союзъ и германскаго императора. Мотивы, стоявшіе въ связи съ упомянутымъ выше охлажденіемъ, происшедшимъ около этого времени между Вѣною и Ганновером на имперскомъ сеймѣ по дѣлу о протестантахъ, заставляли, повидимому, императора, въ своихъ собственныхъ интересахъ, поддерживать въ данномъ вопросѣ герцога. Эти интересы создавали до извѣстной степени солидарность между вѣнскимъ кабинетомъ и петербургскимъ по вопросу, который выдвигался теперь на очередь балтійскою политикою Россіи. Русско-французскіе переговоры о союзѣ выдвинули къ исходу 1723 г.

---

[1]) „Weiter aber hast du dich über den Restitutions-Punct nicht auch viel weniger in einiges Impegno oder Verwicklung einzulassen, sondern die mit dir derenthalben führende Gespräche in Terminis Generalibus zu beantworten, unter den Hand aber wohl noch zu forschen, wo sowohl des Herzg. v. Holst. und des Czaarn, als des Königs in Schweden und allerseitiger Ministren mitten auch anderer dieser Restitutions-Sache zu oder abgeneigter im oder auswärtiger Potenzen Absicht eigentlich gerichtet oder gemacht werden; dem Herzog jedoch Instructionsmässig bei möglich Dingen und gelegenheiten ferner vorzuscheiben".—Импер. рескр. Кинскому отъ 30 апр. 1722 г. Разговоры съ Кинскимъ по голштинскому дѣлу русскихъ министровъ (Шафирова и Ягужинскаго)—въ его реляц. отъ 30 янв. 1722 и въ его же письмѣ къ гр. Шенборну отъ 26 янв. 1722.

[2]) Въ 1722 г. гр. Фрейтагъ поддерживалъ переписку съ герцогомъ голштинскимъ. Во время сессіи шведскаго сейма 1723 г. шведскій король считалъ уже гр. Фрейтага однимъ изъ своихъ главныхъ противниковъ и дѣлалъ тщетныя усилія привлечь его на свою сторону. Близкое отношеніе гр. Фрейтага въ это время къ шведскимъ политическимъ партіямъ и его вмѣшательство въ партійную борьбу было причиною, заставившею его оставить свой постъ (Malmström I, 347 и 378). Опираясь на голштинскую партію, гр. Фрейтагъ, съ другой стороны, повидимому очень осторожно относился ко всѣмъ крайнимъ проектамъ голштинской дипломатіи, которые могли бы черезъ-чуръ осложнить положеніе дѣлъ въ Имперіи, какъ, напримѣръ, къ проекту Бассевица о вознагражденіи герцога за Шлезвигъ Бременомъ и Верденомъ (рескр. Ланчинскому 13 дек. 1723 г.).

на очередь вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей. Въ Германіи къ этому времени создавалось, повидимому, благопріятное въ этомъ отношеніи для Россіи равновѣсіе силъ. Приходилось только еще слѣдить, чтобы это равновѣсіе не было нарушено какимъ-либо рѣзкимъ поворотомъ въ ту или другую сторону политики Пруссіи.

Въ Берлинѣ русской дипломатіи предстояло дѣйствовать въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, старанія Саксоніи взять въ свои руки примиреніе Пруссіи съ императоромъ, въ случаѣ успѣшнаго исхода, могли привести къ тому или другому нежелательному для Россіи соглашенію между Пруссіей, Саксоніей и Австріей по польскому, а въ связи съ этимъ и по курляндскому вопросу. Результатомъ, съ другой стороны, ганноверскихъ и англійскихъ происковъ въ Берлинѣ, помимо общихъ осложненій въ Сѣверной Германіи, могла явиться прусская гарантія шлезвигскихъ владѣній Даніи, что было бы особенно нежелательно въ данный моментъ, когда ставился на очередь вопросъ объ устраненіи прежней англо-французской гарантіи [1]). Въ случаѣ, наконецъ, взаимнаго соглашенія старанія англо-ганноверской и саксонской дипломатіи въ Берлинѣ привели бы фактически къ возрожденію, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, Вѣнскаго союза 1719 года. Предупредить всѣ эти старанія было возможно лишь путемъ соглашенія по курляндскому вопросу, ставшему за послѣднее время однимъ изъ наиболѣе деликатныхъ пунктовъ въ русско-прусскихъ отношеніяхъ. Объ этомъ вопросѣ, поскольку онъ опредѣлялъ въ это время общій характеръ русско-прусскихъ отношеній, и приходится теперь сказать нѣсколько словъ.

Курляндскій вопросъ, какъ извѣстно, выдвинулся на очередь точно также во вторую половину Сѣверной войны. По мѣрѣ того какъ Россія утверждалась въ Эстляндіи и Лифляндіи, росли тревоги Пруссіи за будущую судьбу Курляндіи, единственной области, раздѣлявшей теперь оба эти государства. Присоединеніе Курляндіи хотя бы какъ конечная цѣль въ отдаленномъ будущемъ, безъ сомнѣнія, входило въ разсчеты и русскаго, и прусскаго правительства. Формально Россія, не вскрывая вполнѣ своихъ намѣреній, оправдывала свои притязанія ссылкою на бракъ покойнаго курляндскаго герцога, Фридриха-Вильгельма съ племянницею царя Анною Іоанновною и на то, что приданое, выговоренное по этому брачному

---

[1]) Этого во всякомъ случаѣ боялось русское правительство.—Рескр. А. Головкину 2 декабря 1723 года. (Дѣла Прусскія 1723 № 3).

договору, не было выплачено вполнѣ. Ссылаясь на это послѣднее, русское правительство еще въ послѣдніе годы Сѣверной войны настаивало на своемъ правѣ выкупить за свой счетъ заложенные частнымъ лицамъ герцогскіе домены въ Курляндіи и вскорѣ послѣ заключенія Ништадтскаго мира начало производить эту операцію. Пруссія, съ своей стороны, основывала свои аналогичныя притязанія на второмъ бракѣ отца герцога Фридриха-Вильгельма, герцога Фридриха-Казиміра съ сестрою прусскаго короля Елизаветою-Сафіею.

Въ 1718 г. стараясь заручиться поддержкою Пруссіи, въ виду начавшихся мирныхъ переговоровъ со Швеціей, русское правительство, для соглашенія русскихъ и прусскихъ интересовъ въ Курляндіи, согласилось на заключеніе конвенціи о бракѣ герцогини Анны Іоанновны, вдовы герцога Фридриха-Вильгельма, съ племянникомъ герцогини Елизаветы-Софіи, и слѣдовательно двоюроднымъ братомъ прусскаго короля, маркграфомъ бранденбургъ-шведскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Вопросъ о будущемъ устройствѣ Курляндіи и ея самостоятельности этою конвенціею прямо не предрѣшался; обѣ договаривающіяся стороны, однако, обязались содѣйствовать въ будущемъ переходу курляндскаго герцогскаго достоинства на особу маркграфа Фридриха-Вильгельма.

Когда послѣ Ништадскаго мира русское правительство начало выкупъ доменовъ, эта операція скоро приняла очень широкіе размѣры и въ будущемъ обѣщала привести къ фактическому переходу значительной части Курляндской территоріи въ руки русскаго правительства. Это не могло не встревожить Польшу, въ вассальной зависимости отъ которой находилась Курляндія. Эта тревога должна была быть тѣмъ сильнѣе, что польское правительство само старалось въ это время о полной „инкорпораціи“ Курляндіи, чѣмъ и вызвало противъ себя сильную оппозицію. На эту-то оппозицію, партію курляндскихъ „доброжелательныхъ“, и опиралось въ своей курляндской политикѣ русское правительство. Съ другой стороны, выкупная операція, происки въ Курляндіи Польши и вообще внутреннія замѣшательства въ герцогствѣ заставляли, однако, тревожиться и Пруссію.

Въ концѣ 1721 г. прусское правительство попыталось сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ условій договора 1718 г. Постоянно оставаясь на той точкѣ зрѣнія, что бракъ вдовствующей герцогини съ однимъ изъ родственниковъ прусскаго короля имѣетъ значеніе, лишь какъ средство упрочить курляндское герцогское достоинство за домомъ Гогенцоллерновъ, оно начинаетъ теперь настаивать на замѣнѣ въ нератификованномъ еще трактатѣ имени маркграфа Фри-

дриха-Вильгельма бранденбургъ-шведскаго именемъ маркграфа Карла бранденбургскаго.

Болѣе близкое родство маркграфа Карла съ домомъ Кетлеровъ позволяло, по мнѣнію прусскихъ министровъ, разсчитывать, что его кандидатура въ женихи вдовствующей герцогини будетъ встрѣчена болѣе сочувственно въ самой Курляндіи. Что же касается маркграфа бранденбургъ-шведтскаго, то какъ ближайшій кандидатъ на королевскій прусскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія главной линіи, онъ своею кандидатурою въ герцоги могъ бы, пожалуй, возбудить подозрѣніе, что Пруссія сама имѣетъ виды на Курляндію [1]). Одновременно съ этимъ, прусское правительство начинаетъ все чаще и чаще напоминать о необходимости удовлетворить прусскія долговыя претензіи въ Курляндіи и, повидимому, только при такомъ условіи соглашается признать законность выкупа герцогскихъ доменовъ на имя вдовствующей герцогини. Для Петра Великаго выкупъ доменовъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ упроченія русскаго вліянія въ Курляндіи; поддерживая притязанія курляндскаго дворянства на право сукцессіи, т. е. на назначеніе преемника престарѣлому герцогу Фердинанду, въ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ объ „инкорпораціи“, онъ точно также прежде всего старался предупредить какое-либо нежелательное для него самого чуждое вмѣшательство въ курляндскія отношенія. Удовлетвореніе прусскихъ долговыхъ обязательствъ, особенно тѣми способами, какіе предлагались теперь прусскимъ правительствомъ, само по себѣ превращалось въ фактическій переходъ герцогскаго достоинства къ маркграфу Карлу. По разсчету, произведенному прусскимъ правительствомъ, 200.000 рублей, обѣщанные какъ приданое за герцогинею Анною Іоанновною и являющіеся, такимъ образомъ, собственностью ея жениха, будучи обращены на выкупъ доменовъ, увеличивали долговыя претензіи маркграфа Карла до стоимости, превосходящей цѣнность всего герцогства. Исходя изъ такого разсчета, Пруссія въ апрѣлѣ 1722 года предложила обратить эти деньги теперь же до

[1]) Конференція Мардефельда съ русскими министрами въ декабрѣ 1721 г. и его разговоръ съ Остерманомъ на дому у послѣдняго 25 января 1722 г. —Дѣла Курляндскія 1721 г., № 9 и 1722 г., № 6. Также—реляц. Ал. Головкина 30 декабря 1721 года. „Die blossen Heyrath zwischen Printz Carlen und eine Czaarischen Printzessinen ist für nichts zu achten, wann nicht die Succession in Curland mit dabei ist.“—Рескр. Мардефельду 30 янв. 1725 г. (Берлинъ, Russland XI, 25). Родителями маркграфа Карла были: маркграфъ Альбрехтъ-Фридрихъ, сынъ великаго курфюрста отъ его второго брака, и Марія-Доротея, дочь курляндскаго герцога Фридриха-Казиміра.—Ottokar Lorenz, Genealogisches Handbuch d. europaischen Staatengeschichte (Berlin 1895) Taf. 31 и Cruse, Curland unter der Herzögen, Beil. №6 (Stammtafel des Hauses Kettler).

начала предстоящаго польскаго сейма на выкупъ заложенныхъ доменовъ, а затѣмъ, предъявивъ долговыя обязательства маркграфа, предложить сейму уступить взамѣнъ этого кредитору курляндское герцогское достоинство. Въ случаѣ отказа, Пруссія и Россія должны были оружіемъ поддержать предложеніе маркграфа Карла и помочь ему занять Курляндію [1]). Русскому правительству предлагалось, такимъ образомъ, совершенно игнорировать пожеланія расположеннаго къ нему курляндскаго населенія, а фактическое утвержденіе Курляндіи за Пруссіей должно было быть произведено не только съ согласія Россіи, но и съ помощью русскаго оружія и за счетъ русскаго казначейства. Въ своихъ послѣдующихъ предложеніяхъ нетерпѣливый король Фридрихъ-Вильгельмъ шелъ еще дальше и предлагалъ прямо начать разрѣшеніе курляндскаго вопроса съ немедленнаго учрежденія въ Курляндіи военной экзекуціи, находя, что лучшій способъ дѣйствія по отношенію къ Польшѣ—это сперва выполнить свой собственный планъ, а потомъ уже извиниться [2]). Въ 1722 г. удалось довольно благополучно отклонить всѣ эти предложенія. Мотивируя свой отказъ тѣмъ, что всякія рѣзкія мѣры могутъ только усилить въ Курляндіи саксонско-польскую партію, русское правительство не сочло возможнымъ согласиться не только на немедленное примѣненіе экзекуціи, но даже и на требованіе объ инвеститурѣ. Въ январѣ 1723 г. Мардефельдъ снова сдѣлалъ предложеніе о перепискѣ брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, присовокупивъ къ своему предложенію готовый разработанный проектъ новаго договора. Этотъ проектъ не только отличался отъ текста 1718 г. именемъ жениха, но и заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ новыхъ пунктовъ, касавшихся, главнымъ образомъ, все того же вопроса о долговыхъ претензіяхъ и о способахъ ихъ удовлетворенія въ связи съ упроченіемъ герцогскаго достоинства за маркграфомъ Карломъ и его потомствомъ. Маркграфъ, по этому проекту, долженъ былъ тотчасъ же вступить вмѣстѣ съ герцогинею во владѣніе дворцовыми маетностями, для чего со стороны Россіи и Пруссіи назначались особые коммиссары. Русскій императоръ и Прусскій король взаимно обязывались охранить ненарушимость владѣній новобрачной четы и *ихъ потомства* всѣми средствами, „и ежели нужда востребуетъ, самымъ оружіемъ противъ всякаго, кто бы таковъ ни былъ“. Для этого въ Курляндіи должно было быть оставлено соотвѣтствующее количество *русскихъ* войскъ, которое, въ случаѣ

---

[1]) Конференція русскихъ министровъ съ бар. Мардефельдомъ 2 апр. 1722 г. Дѣла Прусскія 1722 г. № 6.

[2]) Конференція 30 іюня 1722 г.—ibid.

надобности, могло быть увеличено совмѣстно Пруссіей и Россіей. Въ Польшѣ предполагалось заявить о русскихъ и прусскихъ долговыхъ претензіяхъ и, кромѣ того, поставить на видъ, что значительная часть курляндскихъ доменовъ не принадлежитъ непосредственно къ курляндскому лену, но пріобрѣтена герцогами отдѣльно, а потому, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи, должна быть отдѣлена отъ лена и отдана „аллодіальнымъ наслѣдникамъ“. Только въ случаѣ удовлетворенія всѣхъ означенныхъ претензій и выполненія послѣдняго требованія, Россія и Пруссія признавали за польскою короною право возстановленія курляндской инвеституры. Одновременно съ этимъ предлагалось составить болѣе подробную „дедукцію“ всѣмъ русскимъ и прусскимъ претензіямъ и предложить королю и Рѣчи Посполитой польскимъ взамѣнъ удовлетворенія этихъ претензій передать курляндскую инвеституру маркграфу и его супругѣ. Герцогу Фердинанду выговаривалось при этомъ опредѣленное пожизненное содержаніе, а курляндскому дворянству должно было быть предложено не противиться выполненію русско-прусскаго плана подъ угрозою наказанія со стороны Россіи. До разрѣшенія вопроса о сукцессіи земское устройство Курляндіи должно было оставаться безъ перемѣнъ, исключая доменіальныхъ земель, относительно которыхъ маркграфу предоставлялась „свободная диспозиція... оныя по наилучшему своему вѣдѣнію употребить и учредить“ [1]).

Въ настоящемъ проектѣ не заключалось, такимъ образомъ, по существу чего-либо дѣйствительно новаго, и прусскія предложенія по-прежнему сводились къ разрѣшенію курляндскаго вопроса путемъ аггрессивныхъ мѣропріятій и военной экзекуціи. Отвѣчать на нихъ прежними контръ-предложеніями—выжидать болѣе благопріятнаго момента и согласиться о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія—было, однако, теперь труднѣе. Въ Даніи и Швеціи русская политика принимала къ этому времени, какъ мы уже знаемъ, все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Русско-англійскія отношенія выдвигались на первую очередь; возрожденіе въ той или другой формѣ Вѣнскаго союза 1719 г. было теперь особенно нежелательнымъ. Именно Пруссія была теперь особенно нужна русской дипломатіи, а какъ разъ къ этому времени, исходя изъ различныхъ побужденій, Саксонія, Англія и Ганноверъ прилагаютъ особенныя усилія привлечь ее каждая на свою сторону и заручиться ея расположеніемъ. Въ интересахъ болѣе широкихъ задачъ балтійской политики, Россіи приходилось

[1]) Promemoria Мардефельда 20 янв. 1723 г. и приложенный къ ней проектъ новаго договора.—Дѣла Прусскія 1723 г., № 7. Этотъ проектъ состоитъ изъ 13 пунктовъ. Окончательная редакція новаго договора 1723 г.—Мартенсъ, V, 206 слѣд.

идти на уступки по курляндскому вопросу, принявъ лишь, по возможности, во вниманіе, чтобы эти уступки не предрѣшили окончательно неблагопріятнаго для нея исхода этого вопроса въ болѣе отдаленномъ будущемъ.

Вынужденное согласиться на переписку брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, русское правительство ставитъ себѣ съ этого момента цѣлью, по крайней мѣрѣ, отклонить Пруссію отъ какихъ-либо рѣшительныхъ шаговъ въ Курляндіи и старается задобрить ее частичными уступками во второстепенныхъ пунктахъ. Это удавалось, однако, плохо.

Въ Берлинѣ начинали безпокоиться все сильнѣе и сильнѣе. Сношенія русскаго правительства съ „доброжелательными“ такими же противниками Пруссіи, какъ и Польши, казались подозрительными; медлительность русскаго правительства—вдвойнѣ рискованною: на ряду со стремленіемъ Рѣчи Посполитой инкорпорировать Курляндію саксонскій дворъ, повидимому, не оставлялъ своихъ собственныхъ видовъ на это герцогство [1]). Разсчеты берлинскаго двора на русскую помощь въ Курляндіи въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ оправдывались плохо. Противники Россіи въ Берлинѣ, при всемъ различіи ихъ собственныхъ стремленій, не упускали случая воспользоваться ревнивымъ отношеніемъ короля Фридриха-Вильгельма къ курляндскому вопросу и зародить въ немъ на этой почвѣ недовѣріе къ его восточному сосѣду. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ король Георгъ въ частныхъ разговорахъ выражалъ свое искреннее пожеланіе, чтобы Пруссіи удалось утвердиться въ Курляндіи, но не скрывалъ при этомъ сомнѣнія, что русскій царь врядъ ли дѣйствительно захочетъ уступить кому бы то ни было эту область [2]). Саксонскіе и австрійскіе дипломаты въ Берлинѣ—ген. Секендорфъ, самъ гр. Флеммингъ и постоянный представитель саксонскаго двора при прусскомъ, Зумъ—большого успѣха въ своихъ стараніяхъ примирить прусскаго короля съ императоромъ и тѣмъ отвлечь послѣдняго отъ Англіи и Ганновера, правда, не имѣли. Каждый разъ, однако, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ передъ представителемъ Россіи подчеркнуть свое неудовольствіе по поводу Курляндіи, это выражалось обыкновенно въ преувеличенно любезномъ отношенія къ сак-

---

[1]) Еще въ концѣ 1723 г. Лефортъ зондировалъ въ Петербургѣ почву о возможности брака вдовствующей герцогини съ однимъ изъ саксонскихъ принцевъ.—Его письма къ Флеммингу 14 октября и 17 ноября 1723 г. (Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1723 г.). На желаніе саксонскаго двора въ это время провести кандидатуру саксонскаго принца въ Курляндіи указывали А. Головкину и въ Берлинѣ—его реляц. отъ 24 февр. 1724 г.

[2]) Реляц. М. Головкина 26 окт. 1723 г. (Дѣла Прусскія 1723 г. № 5).

сонскому посланнику, при чемъ не всегда легко было разграничить, гдѣ кончалась демонстративная любезность, и гдѣ начиналась, хотя бы и мимолетная, но дѣйствительная уступчивость. Затруднительное положеніе осложнялось еще однимъ обстоятельствомъ, которое при другихъ условіяхъ могло бы показаться второстепеннымъ, но которое при дворѣ Фридриха-Вильгельма, вносившаго такъ много личнаго въ свои дипломатическія отношенія, получало особое значеніе. Въ срединѣ 1723 г. русскій представитель въ Берлинѣ гр. Александръ Гавриловичъ Головкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, что̀ стояло въ связи съ событіями въ Швеціи, и на его мѣсто временно былъ назначенъ его младшій братъ, Михаилъ Гавриловичъ [1]). Лично очень расположенный къ графу Александру Гавриловичу, Фридрихъ-Вильгельмъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу его долгаго отсутствія и выражалъ крайне мало расположенія вести съ его замѣстителемъ какіе-либо переговоры по существу [2]). А между тѣмъ для Россіи теперь въ особенности важно было имѣть представителемъ въ Берлинѣ лицо, пользующееся довѣріемъ короля. Военныя приготовленія Россіи на Балтійскомъ морѣ встревожили Англію и Ганноверъ и заставляли ихъ правительства энергичнѣе прежняго искать дружбы Пруссіи. Имѣя въ виду примкнуть къ предполагаемому новому англо-прусскому союзу, Данія разсчитывала найти въ немъ защиту отъ грядущей русской опасности. Радѣя о саксонскихъ интересахъ въ Польшѣ и, быть можетъ, не вполнѣ учитывая слагавшіяся новыя комбинаціи, гр. Флеммингъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ союзъ, въ случаѣ его осуществленія, какъ на первый шагъ къ возрожденію союза 1719 г. Осенью 1723 г. король Георгъ посѣтилъ Берлинъ, и 10 октября новаго стиля между Англіей и Пруссіей состоялось оборонительное союзное соглашеніе, извѣстное подъ именемъ Шарлоттенбургскаго трактата. По сепаратному пункту этого трактата его условія распространялись и на германскія владѣнія англійскаго короля—оговорка, явно имѣвшая въ виду русскую политику этого времени въ Германіи и на Балтійскомъ морѣ [3]). Днемъ позже въ Петербургѣ брачный договоръ 1718 г. былъ переписанъ на имя маркграфа Карла. Пришлось такимъ образомъ уступить, чтобы цѣною такой уступки предотвратить, по крайней мѣрѣ, возможность какихъ бы то ни было рѣшительныхъ мѣръ со стороны Пруссіи въ Курляндіи. До извѣстной степени это было достигнуто.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ... IV, 45 и 46.
[2]) Реляц. М. Головкина 27 іюля и 6 авг. 1723 г.
[3]) Droysen IV, 2; 355.

Договоръ 1723 года въ своей окончательной редакціи, какъ и хотѣло, повидимому, того русское правительство, являлся по-прежнему почти исключительно *брачною конвенціею* на имя вдовствующей герцогини и маркграфа Карла и только [1]). Всѣ параграфы предложеннаго въ январѣ Мардефельдомъ проекта, имѣвшіе своимъ содержаніемъ немедленное осуществленіе герцогскихъ и домеціальныхъ правъ жениха, удалось замѣнить въ окончательной редакціи двумя болѣе краткими параграфами, §§ 4-й и 5-й, по которымъ признавались долговыя претензіи въ Курляндіи, и обѣ договаривающіяся стороны оставляли за собою право дополнить настоящій трактатъ другимъ, касающимся будущаго земскаго устройства герцогства [2]). Вопросъ объ „экзекуціи“ былъ, такимъ образомъ, обойденъ совершенно. Съ другой стороны, 6-му пункту трактата, по которому Россія и Пруссія взаимно обязывались поддерживать въ Курляндіи герцогскую кандидатуру маркграфа Карла, сравнительно съ первоначальной редакціей былъ приданъ болѣе эвентуальный характеръ. А нѣсколько позднѣе удалось добиться отъ прусскаго короля прямого согласія ждать очереднаго польскаго сейма и сообразовать съ его исходомъ свою собственную политику въ Курляндіи [3]).

Самъ по себѣ, такимъ образомъ, уступка, приведшая, однако, къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ по курляндскому вопросу,—договоръ 1723 г. опредѣлилъ собою до извѣстной степени и ближайшіе результаты русской политики въ Германіи. Промедливъ съ его заключеніемъ, русское правительство лишено было возможности предупредить Шарлоттенбургскій трактатъ и сближеніе Пруссіи съ Англіей. Заключеніе, хотя и запоздалое, этого договора опредѣлило собою, до извѣстной степени, послѣдующую судьбу самаго Шарлоттенбургскаго трактата и помѣшало какому-либо его дальнѣйшему распространенію. Только убѣдившись окончательно въ томъ, что Данія не будетъ включена въ этотъ трактатъ, и что Пруссія сама принципіально противъ такого включенія, русское правительство нашло возможнымъ размѣняться текстомъ конвенціи [4]). Брачный договоръ 1723 г. оказался небезполезнымъ и для борьбы въ Берлинѣ съ саксонской дипломатіей. Заручившись имъ и успокоенный насчетъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ начинаетъ съ этого времени снова болѣе сдержанно относиться къ саксонскимъ предложеніямъ. Состоявшееся передъ этимъ примиреніе между Пруссіей и императоромъ при посредничествѣ Саксоніи не привело, какъ о томъ меч-

[1]) Текстъ договора—Мартенсъ V, 208—212.
[2]) Рескр. А. Головкину 1 февр. 1724 г.
[3]) Prometoria Мардефельда 29 января 1724 года.
[4]) Реляц. А. Головкина 7 и 21 декабря 1723 г. (срав. Мартенсъ V, 208).

талъ гр. Флеммингъ, къ какому-либо болѣе тѣсному соглашенію между тремя державами. Австрія по-прежнему оставалась изолированною; въ ближайшемъ будущемъ это могло, въ свою очередь, облегчить ея привлеченіе къ русско-шведскому союзу.

Не менѣе изолированною начала, однако, скоро чувствовать себя и сама Пруссія. Шарлоттенбургскій трактатъ, какъ это скоро выяснилось, не создавалъ для нея прочнаго соглашенія ни съ Англіей, ни тѣмъ болѣе съ Ганноверомъ. Въ то же время отовсюду приходили извѣстія о новыхъ подготовлявшихся въ Европѣ политическихъ комбинаціяхъ. На конгрессѣ въ Камбрэ императоръ примирился съ Испаніей. Франція тѣснѣе прежняго сближалась съ Англіей. Россія была наканунѣ заключенія союза со Швеціей и старалась привлечь къ этому соглашенію Францію; гольштинская партія въ Швеціи хлопотала о включеніи въ него Австріи. Заранѣе можно было предугадать, что шлезвигскій вопросъ будетъ затронутъ этимъ соглашеніемъ. Это выдвигало на очередь вопросъ объ англійской гарантіи Шлезвига Даніи, создавался casus foederis для самаго Шарлоттенбургскаго трактата. Вѣрный своему принципу поддерживать добрыя отношенія и съ Россіей и съ Англіей, и ради этого предотвращать возможность всякаго между ними столкновенія, Фридрихъ-Вильгельмъ, вполнѣ естественно, тотчасъ послѣ заключенія Шарлоттенбургскаго трактата и переписки брачнаго договора, сталъ убѣждать русское правительство въ необходимости примириться съ королемъ [1]). Подготовивъ болѣе широкую постановку балтійскаго вопроса и предотвративъ до извѣстной степени возможность возрожденія союза 1719 г. и какого-либо соглашенія между главными германскими державами, русская политика въ Пруссіи подошла, такимъ образомъ, къ исходу 1723 г., опять-таки къ тому же вопросу, какой сталъ къ этому времени на очередь въ переговорахъ Россіи съ Франціей—къ вопросу о примиреніи съ Англіей.

Такъ складывались отношенія Россіи къ ея сосѣдямъ въ Европѣ къ тому моменту, когда въ Стокгольмѣ былъ заключенъ оборонительный союзъ со Швеціей. Необходимость примиренія съ Англіей не только въ интересахъ исключительно балтійской политики, но и ради созданія общихъ условій, болѣе благопріятствующихъ борьбѣ

---

[1]) Релиц. А. Головкина 7 декабря 1723 г. Срав. Droysen IV², 2, 359. Предложенія о посредничествѣ со стороны Пруссіи были сдѣланы значительно ранѣе того срока, къ которому ихъ, повидимому, относитъ Дройзенъ (іюль 1724 г.) и во всякомъ случаѣ предшествовали заключенію русско-шведскаго союзнаго договора.

съ тѣмъ же англійскимъ вліяніемъ, вотъ то положеніе, къ какому должна была прійти къ этому времени русская дипломатія. Ненормальность русско-англійскихъ отношеній давала себя чувствовать и въ вопросѣ о соглашеніи съ Франціей, и въ переговорахъ съ „трудно поддающимся учету“ прусскимъ королемъ [1]), желавшимъ сохранить доброе согласіе съ Россіей, но сокрушавшимся по поводу размолвки между царемъ и королемъ Георгомъ и потому успѣвшимъ уже, во охраненіе своихъ собственныхъ интересовъ, заключить съ послѣднимъ союзный договоръ въ Шарлоттенбургѣ. Путь примиренія при такихъ условіяхъ, очевидно, долженъ былъ стать цѣлью; путь угрозы сохранить значеніе лишь средства.

Выполненіе новой политической программы, намѣтившейся на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадскаго мира, во всемъ ея объемѣ, при такихъ условіяхъ, конечно, значительно усложнялось. То, что въ началѣ представлялось, какъ непосредственная очередная задача—освобожденіе русскихъ кораблей отъ зундской пошлины могло быть понимаемо теперь, лишь какъ далекая конечная цѣль. Гольштинскія притязанія, съ другой стороны, получая постепенно въ русской политикѣ значеніе традиціи, не только заслоняли собою порою эту цѣль, но и осложняли самый вопросъ о примиреніи съ Англіей. Въ виду сдержаннаго отношенія къ гольштинскому вопросу Франціи, естественно было искать поддержки для герцога у „гаранта“ Травендальскаго мира, германскаго императора, и ради этого вступить на путь сближенія съ Австріей, путь, по которому давно уже шла гольштинская дипломатія. При существующихъ отношеніяхъ между Австріей и Англіей, между германскимъ императоромъ и ганноверскимъ курфюрстомъ, въ виду тѣхъ замысловъ, надъ которыми начинала уже совмѣстно работать австрійская и испанская дипломатія, и того сочувствія, какое къ этому времени все болѣе и болѣе начинаетъ пріобрѣтать въ гольштинскихъ кругахъ мысль о вознагражденіи герцога за счетъ Бремена и Вердена, этотъ путь легко могъ вовлечь Россію въ политику приключеній и создавалъ для нея новыя осложненія въ вопросѣ о примиреніи съ Англіей. Соглашенію съ Австріей—и по соображеніямъ общаго характера, и въ виду того положенія, какое создавалось къ данному моменту,—сочувствовалъ и Остерманъ, главный вдохновитель въ настоящее время русскаго правительства въ области внѣшнихъ отношеній, издавно уже близкостоявшій къ вопросамъ балтійской политики и не раздѣлявшій, ви-

---

[1]) „Le Roi de Prusse, difficill à déterminer“, какъ его мѣтко характеризовалъ бар. Шлейницъ въ своемъ упомянутомъ выше меморіалѣ (Recueil... VIII, 249).

димо, безусловно мысли о необходимости для Россіи сближенія съ Франціей. Ранѣе и отчетливѣе другихъ оцѣнившій значеніе зарождавшагося англо-русскаго соперничества, Остерманъ и теперь, какъ мы сейчасъ видѣли, отнесся крайне осторожно къ вопросу о самомъ примиреніи съ Англіей и о томъ, въ какія формы это примиреніе могло бы отлиться. Онъ не былъ противъ подобнаго примиренія въ принципѣ. Строгое пониманіе государственнаго блага—руководящее начало его дѣятельности—никогда не позволило бы ему сознательно превратить русскую политику въ орудіе политической авантюры. Воспользоваться въ интересахъ примиренія съ Англіей соглашеніемъ съ Австріей—такая мысль, несмотря на ея трудную выполнимость, могла найти себѣ мѣсто въ программѣ Остермана. Опасность служить голштинскимъ династическимъ и вотчиннымъ интересамъ, поскольку ходъ дѣлъ зависѣлъ отъ самого вице-канцлера и другихъ лучшихъ сотрудниковъ Петра Великаго—Бестужевыхъ, Б. Куракина, В. Л. Долгорукаго—русской политикѣ не грозила. Гораздо больше опасенія должны были возбуждать тѣ закулисные происки, которые вели въ придворныхъ сферахъ сторонники и покровители герцога голштинскаго и которые, находя сочувствіе среди лицъ, наиболѣе близкихъ къ государю, не оставались безъ вліянія и на направленіе русской политики.

М. Поліевктовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо П. В. Лопухина бар. Остенъ-Сакену.

Секретно.

Милостивый Государь мой!

Его Императорское Величество, по рапорту къ Вашему Превосходительству полковника Гана, о задержанномъ въ Ковнѣ дворянинѣ Каразинѣ Высочайше повелѣть соизволилъ: взять его ко мнѣ въ С.-Петербургъ, вслѣдствіе чего благоволите, Милостивый Государь мой, приказать онаго Каразина, жену и человѣка его со всѣмъ, что при нихъ находится, отдать вручителямъ сего, —сенатскимъ курьерамъ—для доставленія ко мнѣ.

Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ,

Милостивый Государь мой,
Вашего Превосходительства
покорный слуга.
Петръ Лопухинъ.

С.-Петербургъ,
9 сентября
1798 года.

Его Превосходительству
барону Сакену [1]).

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

[1]) Этотъ любопытный документъ относится къ знаменитому основателю Харьковскаго университета, Василію Назаровичу Каразину (1773—1842), дѣду извѣстнаго современнаго художника. Желая поступить слушателемъ въ одинъ изъ иностранныхъ университетовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣжать тогдашняго суроваго правительственнаго режима, молодой Каразинъ хотѣлъ тайкомъ пробраться за границу, но былъ арестованъ. Каразину удалось однако выпутаться изъ бѣды. Прежде чѣмъ власти донесли въ Петербургъ объ его арестѣ, онъ отправилъ прошеніе императору Павлу и добился помилованія.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Революція въ Константинополѣ 1807—1808 г.г.

Я думаю, что моимъ читателямъ будетъ интересно узнать нѣкоторыя подробности о необыкновенныхъ [2]) событіяхъ революціи, бывшихъ въ Константинополѣ въ 1807—1808 г.г. Въ это время смѣнилось нѣсколько повелителей, но вновь возведенные на престолъ были изъ той же династіи. Мои замѣтки дадутъ нѣкоторое представленіе о безсмысленномъ управленіи въ Турціи, которое было такъ деспотично, такъ жестоко и въ то же время такъ шатко, что легко могло быть низвергнуто.

Результатомъ такой жестокости бываетъ обыкновенно возстаніе народа, который, выведенный изъ терпѣнія, съ оружіемъ подымается на своихъ тирановъ, чтобы умертвить ихъ и, такимъ образомъ, освободиться отъ ихъ ига [3]). Селимъ 3-й, сынъ Мустафы 3-яго, вступилъ на Оттоманскій престолъ въ 1788 г., послѣ смерти дяди своего Абдулъ-Гамида. По вступленіи на престолъ, онъ сейчасъ же велѣлъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., октябрь.

[2]) 1827 г. Лица желающія узнать болѣе обстоятельныя подробности этихъ трехъ революцій, могутъ найти въ сочиненіяхъ полк. французскаго генеральнаго штаба, M. Degocherode St Denis „Revolution de Constantinople; г. Дегошеръ находился въ Константинополѣ въ эпоху этихъ событій, которыя онъ описалъ съ большимъ безпристрастіемъ и точностью. Его труды представляютъ очень интересное и прекрасно написанное сочиненіе.

[3]) Эти подробности я нашелъ у Петра Фонтана, а здѣсь я только сократилъ его разсказъ.

казнить нѣсколькихъ фаворитовъ своего дяди, которыхъ онъ обвинилъ въ томъ, что его дурно содержали во время тюремнаго заключенія, а также онъ считалъ ихъ виновными въ формальномъ заговорѣ на его жизнь, чтобы корону передать сыновьямъ Абдулъ-Гамида: Мустафѣ и Махмуту.

Эти жестокости предвѣщали суровое и тиранническое правленіе, но оказалось совсѣмъ иначе. Селимъ; отомстивъ нѣкоторымъ лицамъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ заговорѣ, сталъ добрымъ, снисходительнымъ и даже слабымъ правителемъ. Эта-то слабость и была причиной всѣхъ несчастій какъ его, такъ и Имперіи. У него никогда не было дѣтей, и эта безплодность, въ глазахъ мусульманъ, была дурнымъ знакомъ. Къ женщинамъ Селимъ питалъ отвращеніе.

Воспитанный, какъ и всѣ оттоманскіе принцы крови, въ Сералѣ, называемомъ Кафесъ (клѣтка), гдѣ всѣ они находятся въ заключеніи, подъ безконечнымъ присмотромъ, онъ инстинктивно началъ чувствовать все невѣжество своего народа. Ему захотѣлось цивилизовать свою страну и измѣнить образъ правленія. Онъ полюбилъ христіанъ, сталъ покровительствовать имъ и старался установить сношенія съ европейскими державами, но никакъ не могъ добиться желаемаго мира и спокойствія. Онъ вступилъ на престолъ, когда началась война съ русскими и австрійцами, окончившаяся лишь въ 1791 г. Черезъ нѣкоторое время французы завладѣли Египтомъ, но послѣ заключеннаго между ними мира, мамелюки захотѣли возстановить свое прежнее владычество въ этой странѣ.

Селимъ послалъ албанцевъ усмирять ихъ, истребить бунтовщиковъ и разрушить Египетъ, но водворить тамъ свою власть ему не удалось. Однако паши оказались непокорными его приказаніямъ; разбойники и мятежники составляли партіи, начальники которыхъ овладѣли нѣсколькими крѣпостями и начали войну съ нимъ, продолжительную и безпокойную, особенно въ Болгаріи (какъ мы это видимъ въ журналѣ кампаніи 1807 г.) Сербы также подняли мятежъ. Ни при одномъ еще султанѣ Оттоманская Имперія не волновалась, такъ внутренними раздорами и внѣшними войнами. При немъ правительство совсѣмъ потеряло свою силу, уваженіе и авторитетъ. Въ свое правленіе Селимъ ничего не добился, несмотря на то, что имѣлъ въ виду сдѣлать много хорошаго и полезнаго для своей Имперіи, ему пришлось бороться съ двумя ужасными препятствіями—суевѣріемъ и предразсудками, которыхъ было достаточно, чтобы помѣшать всякому прогрессу. Селимъ старался, беря примѣръ съ европейскихъ народовъ, ввести у себя и распространить науки и цивилизацію. Онъ вызвалъ въ свою страну иностранныхъ артистовъ и рабочихъ для обученія разнымъ ремесламъ, затѣмъ

онъ очень покровительствовалъ иностранной литературѣ и при немъ много сочиненій было переведено, издано и напечатано на турецкомъ языкѣ. Онъ велѣлъ выгравировать географическія карты, и онѣ тогда быстро пошли въ ходъ; также онъ выстроилъ фабрики и заводы и учредилъ школы математическія, инженерныя и медицинскія. Грекамъ онъ позволилъ завести свои учебныя заведенія въ Константинополѣ.

Турецкая артиллерія была тоже не забыта, для нея было построено: казармы, литейныя мастерскія и т. д. И дѣйствительно, конная артиллерія отличилась въ войну 1808 г., а пушки, вылитыя по англійскому образцу, могли служить моделью. Армія улучшилась во многихъ отношеніяхъ вслѣдствіе стараній англійскихъ, французскихъ и шведскихъ офицеровъ, которые были приглашены Селимомъ для обученія войскъ. Наконецъ, этотъ энергичный султанъ рѣшился на смѣлое предпріятіе, онъ захотѣлъ разрушить чудовищную милицію *„янычаръ“*, которая была столь многочисленна и опасна для султановъ и въ которой насчитываютъ столько же грабителей и убійцъ, сколько и находившихся тамъ лицъ [1]). Онъ хотѣлъ достигнуть этого сформированіемъ регулярной арміи, и если бы ему это удалось, то армія, могла бы быть весьма страшной, такъ какъ храбрость, дѣятельность и усидчивость, присущія туркамъ, прекрасныя данныя для составленія хорошей арміи.

Но если Селимъ былъ одаренъ геніемъ преобразовать отечество, то у него никакъ не хватало энергіи выполнить это. Принужденный сдѣлать значительныя затраты для всѣхъ своихъ новыхъ учрежденій, онъ увеличилъ налоги и установилъ новую финансовую систему, создавъ совѣтъ, члены котораго слѣдили также за всѣми текущими дѣлами. Такимъ образомъ, авторитетъ визиря сдѣлался значительно ограниченнѣе, и онъ сталъ только исполнителемъ постановленій совѣта. Юсуфъ-Ага былъ самымъ преданнымъ другомъ Селима, онъ былъ управляющимъ дворцомъ матери султана, султанши Валиде, къ которой онъ чувствовалъ глубокое уваженіе и безусловную преданность.

---

[1]) 1827 г. Правитель страны только тогда можетъ добиться желаемыхъ преобразованій, когда онъ истребитъ своихъ противниковъ, перемѣну же въ жизни и привычкахъ народа можно ввести только съ помощью силы. Такъ дѣлалъ Петръ Великій и также дѣлаетъ и нынѣшній султанъ Махмудъ. Онъ уничтожилъ янычарскую милицію, повелѣлъ казнить массу народа, затѣмъ образовалъ регулярную армію, и мы увидимъ дальше, что съ ней сталось. Живущіе въ Константинополѣ не сочувствовали ему и полагали, что армія не можетъ быть опасной для враговъ, но я не раздѣляю ихъ мнѣній и увѣренъ, что со временемъ она усовершенствуется и принесетъ большую пользу.

Эта новая милиція, извѣстная подъ названіемъ Низамъ-Джедида (новые полки), препятствовала фанатизму, честолюбію и интересамъ многихъ турокъ, а формированіе ея шло въ разрѣзъ ихъ предразсудкамъ, что и было причиной недовольства среди фанатиковъ. Недовольство перешло въ ропотъ, а ропотъ—въ революцію. Янычары, предвидѣвшіе свое паденіе, естественно хотѣли избѣжать его и начали бунтъ; но ихъ скоро усмирили; только въ Румеліи и въ Валахіи еще продолжались волненія. За ними поднялся и простой народъ, а начальники разбойничьихъ шаекъ воспользовались происшедшими смутами и начали разорять страну. Многіе жители эмигрировали въ Азію и Валахію, а разбойничьи шайки дошли дотого, что даже подступали къ самому Константинополю. Начальники этихъ бандъ съумѣли заставить Селима отдать имъ въ ленную зависимость города, которые они занимали. Эта слабость со стороны султана остановила на нѣкоторое время разбой, но затѣмъ они снова принялись за старое, тѣмъ болѣе, что они прекрасно понимали, что своей силой могутъ многое сдѣлать. Тогда во главѣ движенія стали *Гасанъ-Оглы* [1]), Мустафа-Байрактаръ *Эмикъ-Оглу* [2]) и еще пятьдесятъ другихъ злодѣевъ, которые овладѣли нѣсколькими селеніями между Дунаемъ и Балканами, крѣпостями, находящимися на берегу Дуная и городами во внутренней Болгаріи. Такимъ образомъ, эти богатыя, прекрасныя провинціи перестали принадлежать султану. Желая поселить вражду между ними, султанъ старался вооружить однихъ противъ другихъ, но онъ не добился желаемыхъ результатовъ; напротивъ, они все болѣе и болѣе продолжали бунтовать, и шайки ихъ все увеличивались.

Несчастные болгаре сдѣлались жертвой этихъ бродягъ и часто должны были съ ними воевать.

Каждая деревня, каждый маленькій городокъ былъ огороженъ, что впослѣдствіи, во время нашего похода въ Болгарію, значительно затрудняло наши переходы.

---

[1]) Одинъ турокъ, по имени *Гасанъ-Оглы*, собралъ себѣ партію въ Видинской крѣпости и прогналъ оттуда пашу. Вскорѣ онъ объявилъ себя независимымъ; ему помогли въ этомъ его средства, нажитыя имъ торговлей и грабежами. Онъ два раза разорялъ Малую Валахію и поджигалъ Краіову (Krayova). Въ Портѣ не могли его усмирить. Кинчукъ-Гуссеинъ-паша, генералъ-адмиралъ и фаворитъ Селима III, осадилъ Видинъ, но не могъ его взять. Въ концѣ концовъ султанъ былъ принужденъ уступить мятежнику и сдѣлалъ его Видинскимъ пашою, не дождавшись отъ него вѣрности.

[2]) Я уже говорилъ о *Мустафѣ-Байрактарѣ* и о Пегливанѣ, а дальше я буду имѣть случай говорить о Боснякъ-Агѣ и о Емикъ-Оглы; послѣдній не равнялся съ другими по смѣлости и находчивости, но онъ былъ менѣе жестокъ и не внушалъ столько ужаса болгарамъ.

Всякій изъ начальниковъ этихъ мятежниковъ имѣлъ въ Константинополѣ подкупленнаго покровителя изъ министровъ или изъ любимцевъ Селима; благодаря имъ, они всегда были увѣдомлены о рѣшеніяхъ Дивана. Пегливану даже покровительствовала мать Селима. Странное управленіе!

Вскорѣ мятежъ вспыхнулъ и въ другихъ провинціяхъ Имперіи, и большая часть султанскихъ владѣній сдѣлалась добычей разбойнической партіи. Селимъ же, оскорбленный и поруганный непокорными пашами, только тогда добился ихъ усмиренія, когда снова примирился съ ними.

Эта эпоха напоминаетъ намъ то время, когда болгаре при греческихъ императорахъ являлись подъ стѣны Византа, оскорбляли ихъ, а города обкладывали контрибуціями.

По этому можно судить о положеніи этой несчастной страны: торговля потеряла свою прежнюю дѣятельность, доставка жизненныхъ припасовъ сдѣлалась крайне затруднительна, лихоимство и воровства практиковались безнаказанно. Всѣ эти бѣдствія народъ приписалъ Низамъ-Джедиду и верховный совѣтъ сдѣлался предметомъ всеобщей ненависти. Султану Селиму, конечно, было извѣстно недовольство народа, но не будучи основательно знакомымъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ своей Имперіи, онъ тѣмъ менѣе зналъ о причинахъ, породившихъ эти бѣдствія. Главные его министры и любимцы были заинтересованы въ учрежденіи Низамъ-Джедида, чтобы сохранить свое вліяніе и могущество; поэтому они скрывали отъ правительства мнѣніе народа объ этомъ учрежденіи и совѣтовали все сносить, не обращая особаго вниманія. Всѣ дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія были въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, что представляло большія опасенія въ виду воинственнаго настроенія всей Европы. Селимъ и его дворъ могли бы побороть всѣ эти волненія, если бы султанша Валиде прожила дольше, но она умерла въ 1805 г. и, такимъ образомъ, лишила Селима своихъ совѣтовъ, или, вѣрнѣе сказать, совѣтовъ Юсуфа-Аги, который, потерявъ свою покровительницу, перенесъ массу непріятностей и интригъ отъ Несимъ-Ибрагима - ефенди, занимавшаго одну изъ главныхъ должностей при дворѣ и съумѣвшаго добиться милости Селима.

Несмотря на то, что послѣ смерти султанши, Юсуфъ-Ага рѣшительно отказался отъ занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей и хотѣлъ заставить другихъ забыть о себѣ, но Ибрагимъ не удовлетворился этимъ, ибо надѣялся возвыситься только по удаленіи своего соперника изъ столицы.

Послѣ смерти Валиде, Селимомъ окончательно овладѣла его сестра, султанша Билгамъ, съ которой изъ всей семьи онъ былъ

въ лучшихъ отношеніяхъ. Несимъ-Ибрагимъ пользовался у нея большимъ довѣріемъ. Прислуживаясь къ султаншѣ насколько хватало силъ, онъ старался всегда поступать согласно ея мнѣнію, исполнялъ всѣ ея капризы и желанія, а когда ей надо было уплачивать по счетамъ за свои огромныя затраты, онъ всегда умѣлъ снабжать ее большими суммами. Удаленіе Юсуфа-Аги, столь желанное для Ибрагима, совершилось, онъ уѣхалъ въ Мекку. Слабохарактерный Селимъ, подпавшій подъ вліяніе тѣхъ, которые были противъ его любимца, нарушилъ клятву, данную имъ матери, когда она была уже на смертномъ одрѣ. Она просила его, чтобы онъ въ память ея оставилъ при себѣ этого уважаемаго человѣка. Султанъ поклялся исполнить ея желаніе, а немного спустя, самъ совѣтовалъ Юсуфу уѣхать на поклоненіе святымъ мѣстамъ, куда тотъ и отправился въ августѣ 1806 г.

Несимъ-Ибрагимъ пріобрѣлъ огромнѣйшую власть, что имѣло гибельныя послѣдствія и для двора и для султана. Внутренніе безпорядки и положеніе Дивана, дѣла котораго велись столь нерѣшительно, были причиной войны съ Россіей и Англіей. Русскій посланникъ уѣхалъ изъ Константинополя въ декабрѣ 1806 г., а англійскій въ январѣ 1807 г.

Во время войны съ Россіей янычары должны были также стать въ ряды арміи. Министры и другія государственныя лица, не сопровождавшіе великаго визиря въ армію, думали, что во время этой войны Низамъ-Джедидъ можетъ очень возвыситься и получить еще большее значеніе. Великимъ визиремъ былъ тогда Мустафа Челибей, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Уллемасы [1]), роптавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на положеніе дѣлъ и на могущество совѣта, задумали, зная настроеніе народа, свергнуть этотъ Низамъ-Джедидъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его партизановъ. Какъ открылось потомъ, тайнымъ начальникомъ этого заговора въ 1807 г. былъ *Муфтій* [2]), его помощникъ, визирскій намѣстникъ Муса-Паша, посвятилъ въ эту тайну Агаларъ-Агасси и *Сейменъ-Баши* [3]). Вспыхнувшее въ маѣ мѣсяцѣ 1807 г., возму-

---

[1]) *Улемасы* (Uleimas)—въ переводѣ значитъ: „люди закона“ справедливости и религіи; это могущественнѣйшая каста въ имперіи, вліяніе и власть которой возбуждали общую зависть.

[2]) *Муфти*, какъ начальникъ Улемасовъ и человѣкъ религіозный, имѣлъ огромное вліяніе.

[3]) *Сейменъ-Баши*—1-ый офицеръ въ корпусѣ янычаръ послѣ Ага, онъ его замѣнялъ, когда тотъ бывалъ на войнѣ; Агаларь-Агасси—это бунтовщикъ, назначенный начальствовать надъ прочими ага и быть шефомъ янычаръ.

щеніе *Ямаксовъ* [1]) было сигналомъ бунта въ Фонораки [2]), и предлогомъ для сего послужилъ султанскій фирманъ, которымъ Селимъ предписывалъ гарнизонамъ Босфора принять на себя обмундированіе регулярныхъ войскъ [3]); это было 15-го мая.

Ямаксы уже нѣсколько лѣтъ какъ были обучены европейскимъ пріемамъ и вооружены ружьями со штыками, но, несмотря на это, все-таки сохранили свою прежнюю форму и не принадлежали къ партіи совѣта Низамъ-Джедидъ; они были страшно недовольны, когда получили приказаніе перемѣнить форму.

Махмудъ-Еффенди [4]) въ качествѣ хранителя ключей, въ этотъ день находился въ Фонораки, гдѣ ему и былъ переданъ султанскій фирманъ, офицеромъ *Хассеки* [5]), который получилъ приказаніе немедленно привести приказъ въ исполненіе. Ямаксы, не желавшіе повиноваться, взялись за оружіе, и Хассеки палъ ихъ первой жертвой. Махмудъ, чтобы избѣжать ихъ ярости, бѣжалъ въ Фонораки, но враги преслѣдовали его и онъ погибъ въ Буюкъ-дере [6]).

Съ этихъ поръ поведеніе Фонораkійскихъ ямаксовъ приняло характеръ полнаго возмущенія, а ямаксы другихъ пунктовъ и гарнизоны всѣхъ батарей, расположенныхъ по эту сторону пролива, какъ на Европейскомъ берегу, такъ и на Азіатскомъ, приняли участіе въ бунтѣ. Это совершилось въ Буюкдерской долинѣ, гдѣ жители соединились съ войсками Кавакшъ-Оглы, человѣка съ довольно темнымъ прошлымъ, несмотря на что, онъ былъ найденъ достойнымъ стать начальникомъ мятежной партіи, и рѣшеніе идти въ столицу послѣдовало тотчасъ же послѣ избранія его въ начальники. Быстро подвигаясь впередъ и прибывъ вооруженными въ

---

[1]) *Ямаксы*—войско, составляющее гарнизоны въ хорошо укрѣпленныхъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ.

[2]) *Фонораки*—это греческая деревня, расположенная у канала, проведеннаго изъ Чернаго моря; тамъ находится маякъ для входа въ Босфоръ.

[3]) Головной уборъ *Бостанджисовъ* (des Bostangis) сдѣланъ изъ краснаго сукна и весьма недурно.

Бостанджисы—это садовники, которымъ поручены сады дворца великаго повелителя, надзоръ за внутренностью этого дворца, казенными домами и дворцомъ въ Босфорѣ.

Начальникъ Бостанджисовъ назывался Бостанджи-Баши; онъ считался большою персоной. Когда султанъ ѣздилъ кататься на лодкѣ, то онъ былъ его рулевымъ.

[4]) *Махмудъ-Эффенди*— былъ посланникомъ въ Лондонѣ; его замѣстилъ Рейсъ-Эффенди.

[5]) *Хассеки*—одинъ изъ офицеровъ Бостанджисовъ.

[6]) *Буюкъ-дере*, деревня въ 8-ми верстахъ отъ Фонораки, въ 18-ти вер. отъ Константинополя; иностранные министры имѣютъ тамъ свои дачи, а иные и дворцы.

Тофано [1]), революціонеры безъ всякаго труда принудили возстать *Топчисовъ* [2]) и заставили ихъ идти вмѣстѣ въ Константинополь, куда раньше ихъ доставили *мармитъ*—(знамя) [3]).

По дорогѣ къ Константинополю къ нимъ присоединилось еще много недовольныхъ, такъ что бунтующіе все увеличивались, а въ городѣ они еще усилились примкнувшими къ нимъ янычарами. Мятежъ сдѣлался общимъ; мятежники остановились въ *Этмейдо* [4]). Тутъ они дали волю своимъ буйствамъ; общее спокойствіе, уваженіе чужой собственности — все было попрано. Призвавъ къ себѣ муфтія, они потребовали отъ него руководства, которое онъ охотно и принялъ. Этотъ представитель закона, одинъ изъ главныхъ тайныхъ зачинщиковъ революціи, приказалъ въ силу закона *Фества* [5]), поддерживаемый *Казіаскерами* [6]), умертвить главныхъ правительствующихъ лицъ страны. Султанъ Селимъ, увѣдомленный объ этомъ движеніи, вмѣсто того, чтобы подумать о средствахъ положить конецъ бунту и воспользоваться услугами тѣхъ, которые бы могли спасти его своимъ мужествомъ и энергіей, думая такимъ образомъ усмирить мятежъ, — послалъ бунтовщикамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, и, между ними, Бостанжи-Баши (который умолялъ султана позволить ему пожертвовать своею жизнью, надѣясь этимъ спасти отъ смерти своего повелителя), обѣщая отмѣну Низамъ-Джедида и возстановленія нѣкоторыхъ правъ янычаръ. Слабость Селима увеличивала, какъ это и слѣдовало ожидать, смѣлость мятежниковъ. Различныя приказанія, даваемыя султаномъ, не производили никакого дѣйствія, напротивъ, они скорѣе—только вооружали ихъ противъ него.

Начальствующія лица, измѣняя интересамъ султана, а можетъ быть и изъ страха, переходили на сторону янычаръ, сближались съ мятежниками и даже сами управляли народнымъ движеніемъ,

---

[1]) *Тофана*—мѣстечко, расположенное противъ Константинополя на берегу моря; тамъ находятся главное артиллерійское управленіе и литейные заводы.

[2]) *Топчисы* (Les Topschis) артиллеристы.

[3]) *Казанъ*, *Мармитъ* (Cazan, Marmite) для турокъ то же, что для европейскихъ войскъ—знамя, къ нему относятся съ большимъ благоговѣніемъ. Когда оно выносится на какую-нибудь церемонію, ему отдаются такія же почести, какъ и султану.

[4]) *Этмейдо*—это часть г. Константинополя, въ которой находится главная казарма янычаръ.

[5]) *Фества*—постановленіе изъ Корана, переведенное Муфтіемъ.

[6]) *Казіаскеры*—главные судьи, ихъ два: одинъ изъ Румеліи, а другой изъ Анатоліи; такое назначеніе влечетъ за собою право на повышеніе въ Муфтіи.

въ то время какъ Селимъ, въ надеждѣ избѣгнуть угрожающей ему участи, пожертвовалъ нѣсколькими своими фаворитами. Бунтовщики сами судили чиновниковъ; жертвы избирались Кавакши-Оглаемъ.

Нелимъ-Ибрагимъ-Эффенди былъ поставленъ во главѣ конскрипціоннаго списка. Однажды онъ былъ схваченъ, свезенъ въ Этмейдо и тамъ растерзанъ на части. Останки его тѣла и клочья одежды съ тріумфомъ были отправлены въ городъ. *Хаджи-Ибрагимъ-Эффенди* [1]), одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ Селима и самый почтительный изъ его министровъ, думалъ спрятаться, но былъ найденъ, выведенъ изъ своей засады и затѣмъ избитъ до смерти. Другія извѣстныя личности, будучи предметомъ ненависти янычаръ, были также умерщвлены въ этотъ день. *Сиркіатиби* [2]) — секретарь великаго повелителя, преслѣдуемый въ своемъ домѣ, искалъ спасенія на крышѣ, но упалъ на улицу и расшибся до смерти.

Челебей-Мустафа-Эффенди [3]), министръ—долженъ былъ быть одной изъ первыхъ жертвъ, но его смѣлость и хладнокровіе спасли его. Едва узнавъ о народномъ движеніи, онъ предупредилъ опасность. Вмѣсто того, чтобы искать спасеніе въ бѣгствѣ, — онъ предалъ себя янычарамъ и просилъ ихъ, чтобы они взяли его подъ свое покровительство. Эта уловка ему прекрасно удалась. Ни кровавыя казни, ни обѣщанія султана, ни жертвы, которыя онъ принужденъ былъ совершать, не могли удовлетворить янычаръ, они хотѣли докончить совершенно свое дѣло, т. е. свергнуть Селима съ престола.

Собравшись въ Этмейдо, они объявили, что въ продолженіе нѣ-

---

[1]) *Хаджи-Ибрагимъ-Эффенди:* хаджи—значитъ пилигримъ. Ибрагимъ, получилъ это званіе потому, что онъ ходилъ въ Мекку. Послѣдовательно онъ занималъ всѣ главныя должности въ Портѣ, за исключеніемъ должности великаго визиря, которую онъ никогда не хотѣлъ согласиться принять. Это былъ человѣкъ твердый, неподкупный и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Низамъ-Джедида; онъ предчувствовалъ послѣдствія мятежа и спрятался далеко отъ своего дома. Одинъ изъ его слугъ, знавшій о томъ, гдѣ онъ находится, предалъ его. Янычары отыскали его и перерѣзали ему горло, но и съ предавшимъ его они поступили очень жестоко.

[2]) Этого *Сиркіатиби* звали Ибрагимомъ; это былъ человѣкъ ума, съ большими связями; онъ былъ очень преданъ Селиму и раздѣлялъ всѣ его идеи относительно реформы. Предвидя революцію, онъ давно просилъ отставки, которой однако не получилъ.

[3]) *Челебей-Эффенди* (не великій визирь, но носившій, по курьезному совпаденію, одинаковое имя) занималъ крупную должность и былъ даже Рейсъ-Эффенди. Постоянный поклонникъ Низамъ-Джедида, онъ былъ однимъ изъ представителей ненавидящихъ янычаръ.

сколькихъ лѣтъ, поведеніе Селима было постояннымъ нарушеніемъ закона пророка и спрашивали муфтія: былъ ли султанъ достойнымъ царствовать? Отвѣтъ муфтія, какъ и должно было ожидать, вполнѣ удовлетворилъ мятежниковъ, онъ далъ имъ право свергнуть султана и они, тотчасъ же вооружившись, направились къ сералю султана и объявили съ шумомъ и крикомъ, что они не признаютъ его болѣе своимъ повелителемъ, а на его мѣсто провозгласили Мустафу 4-го, его двоюроднаго брата, сына Абдулъ-Гамида.

Селимъ не выказалъ никакого сопротивленія ихъ волѣ, которую ему объявилъ муфтій [1]) и, предоставивъ корону Мустафѣ, заперся у себя. Мятежники остались вѣрными своему слову: общественная тишина была возстановлена, также какъ и уваженіе къ чужой собственности. Ни одинъ домъ съ тѣхъ поръ не былъ разграбленъ, а когда одинъ янычаръ позволилъ себѣ какую-то жестокость по отношенію отмѣнно честнаго человѣка, онъ былъ тотчасъ же умерщвленъ своими товарищами. Это великое событіе произошло въ 1807 г., между 18—30 мая мѣсяца.

Султанъ Мустафа, возведенный на престолъ, уничтожилъ Низамъ-Джидидъ, слѣдствіемъ чего явились распущенность и отсутствіе дисциплины въ регулярномъ войскѣ. Всѣ поступки новаго повелителя, казалось, были направлены къ тому, чтобы утвердить мусульманъ въ варварствѣ и невѣжествѣ, которыя Селимъ старался уничтожить.

Юсуфъ-Ага, выѣхавъ изъ Мекки, гдѣ былъ для поклоненія св. мѣстамъ, находился во время революціи въ Бруссѣ, гдѣ получилъ изданный новымъ султаномъ приказъ о его смерти. Онъ принялъ его съ рѣдкимъ спокойствіемъ и просилъ только своихъ палачей дать ему время для совершенія омовенія и послѣдней молитвы. Его имѣнія и имѣнія всѣхъ остальныхъ жертвъ народной ярости были конфискованы въ собственность государственныхъ имуществъ. Кавакши-Оглы былъ назначенъ смотрителемъ дворцовъ Фонораки и начальникомъ батарей.

Возведенный на престолъ, султанъ Мустафа не имѣлъ никакой возможности выказать свою власть. Вся власть долго еще оставалась въ рукахъ мятежниковъ, а султанъ вынужденъ былъ имъ только повиноваться, вмѣсто того, чтобы повелѣвать самому. Нѣсколько разъ онъ старался было возвысить свой авторитетъ, но всѣ его попытки были напрасны. Оставленный муф-

[1]) 1807 г. Въ трудахъ г. Инпереара можно прочесть о лицемѣрномъ и безчестномъ разговорѣ муфтія съ султаномъ.

тій возложилъ на него корону, но не передалъ власти. Предводители волновавшагося народа, сами, часто, должны были уступать волѣ муфтія, выражавшейся въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ.

Кавакши-Оглы, не будучи въ состояніи управлять всѣми своими солдатами, которые собственно и возвели его въ свои начальники, вскорѣ предался чрезмѣрной невоздержанности и распутству.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пожалованіе въ чинъ до рожденія.

Гавріилъ Ивановичъ Вишневскій, какъ значится во II томѣ „Сборника біографій кавалергардовъ“, родился *8 іюня 1777 г., а еще до рожденія, 5 сентября 1776 г.*, былъ зачисленъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

Феерическій XVIII вѣкъ пріучилъ насъ ко всякимъ неожиданностямъ, достигшимъ своего апогея въ царствованіе Павла Петровича, когда были производимы въ генералъ-адъютанты юноши, а заслуженные генералы увольнялись въ отставку за незнаніе службы. Но случай пожалованія въ подпрапорщики человѣка, еще не родившагося, является феноменальнымъ даже и для Россіи XVIII вѣка.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Къ воспоминаніямъ о графѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Бергѣ.

Предлагаемыя вниманію читателей записки эти не были въ свое время ведены спеціально какъ замѣтки о графѣ Бергѣ; онѣ представляютъ собой „извлеченіе“ изъ общихъ записокъ, въ которыя сорокъ лѣтъ тому назадъ авторомъ, тогда совсѣмъ молодымъ офицеромъ,—вносилось рѣшительно все, что ему казалось достойнымъ его юнаго вниманія.—Изъ общихъ записокъ выбрано теперь то, что кажется подходящимъ къ помѣщенію на страницахъ „Русской Старины“ и своевременнымъ для выпуска въ свѣтъ; изъ нихъ многое признано неудобнымъ ко внесенію въ эти „извлеченія“.

Само собою разумѣется, что записки эти представляются голосомъ изъ публики. Юный офицеръ имѣлъ очень мало общаго съ тѣми кружками, которые стояли болѣе или менѣе близко къ фельдмаршалу-намѣстнику, заносилъ лишь то, что могло въ тѣ времена дѣлаться достояніемъ общимъ или, вѣрнѣе, что было доступно всѣмъ.—Авторъ и тогда, ведя замѣтки, не имѣлъ намѣренія записывать рѣшительно все, что могло служить характеристикой графа и теперь, дѣлая извлеченія, далекъ былъ отъ предположенія изобразить весь крайне сложный типъ покойнаго—столь виднаго дѣятеля; еще меньше, конечно, у автора могла явиться мысль дать что-либо похожее на полную біографію этого замѣчательнаго государственнаго человѣка.

Здѣсь въ этихъ черточкахъ явилось нанизаннымъ о графѣ лишь то, что могло оказаться занесеннымъ въ замѣтки человѣка, стоявшаго въ тѣни и не задавшагося какою-либо спеціальной задачей; человѣкъ этотъ думалъ лишь о томъ, о чѣмъ въ подобныхъ случаяхъ обязательно думать: удаляться отъ субъективности и придерживаться безпристрастности.

Е. А.

I.

Много было писано о графѣ Бергѣ.—Этотъ умный нѣмецъ съ обширнымъ образованіемъ, съ большой эрудиціей, еще въ очень ранней молодости—въ 1812 году, служа офицеромъ въ корпусѣ колоновожатыхъ, обратилъ на себя вниманіе знаменитаго графа Толя, какъ выдающійся офицеръ.

Въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ Ѳ. Ѳ. Бергъ—уже молодой, блестящій генералъ былъ отличаемъ начальникомъ штаба арміи тѣмъ же гр. Толемъ, который привлекъ на него вниманіе главнокомандующаго гр. Дибича; въ эту кампанію Бергу довелось продолжать вселять въ высшихъ начальствующихъ лицахъ убѣжденіе въ томъ, что онъ обладаетъ знаніями и способностями недюжинными; вообще его карьера двигалась впередъ твердымъ, вѣрнымъ и скорымъ шагомъ.

Правда, это было время „масляницы нѣмцевъ“; это было время, въ которое ходилъ по всей Россіи извѣстный разсказъ объ отвѣтѣ, будто бы данномъ знаменитымъ генераломъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ (б. намѣстникомъ на Кавказѣ) императору Николаю Павловичу, на вопросъ Государя: „какъ мнѣ тебя наградить за твои чрезвычайныя заслуги, Алексѣй Петровичъ“? Ермоловъ будто бы отвѣтилъ: „если будетъ милость ваша, Государь, произведите меня въ нѣмцы, а дальше я уже самъ „протолкаюсь на хорошую дорогу въ люди“.

Появленіе этого разсказа совпало со временемъ устраненія А. П. Ермолова отъ активной дѣятельности: въ 1827 году онъ былъ отставленъ и до своей кончины, послѣдовавшей въ 1861 году въ Москвѣ, оставался безъ дѣлъ;—такимъ образомъ этотъ выдававшійся умомъ и знаніями генералъ, о которомъ Наполеонъ I съ завистью отзывался, какъ о генералѣ, служившемъ украшеніемъ русской арміи и пригодномъ для какой угодно арміи,—оставался въ полной бездѣятельности 35 лѣтъ; кампаніи турецкая 1828 г., польская 1831, венгерская 1849 и турецкая 1853—г.г. прошли безъ участія въ нихъ этого по истинѣ боевого, энергичнаго генерала и умнаго человѣка.

Сохранился разсказъ о томъ, что императоръ Александръ Николаевичъ, вступивъ на престолъ, призывалъ А. П. Ермолова къ

дѣятельности, но послѣдній, съ полною откровенностью и добросовѣстностью, отвѣтилъ, что время его прошло—онъ не признавался годнымъ, когда находился въ полной силѣ, а теперь не можетъ рѣшиться взять на себя отвѣтственное дѣло, ибо всякая его дѣятельность можетъ лишь обнаружить полнѣйшую его непригодность—совсѣмъ старъ сталъ.—Дѣйствительно въ 1855 году, когда государь, вызывая многихъ изъ опальныхъ, могъ предложить и Ермолову взяться за дѣло,—ему было не менѣе 82 лѣтъ. По разсказамъ, государь Александръ Николаевичъ, въ бытность цесаревичемъ, посѣтилъ маститаго героя раза два въ Москвѣ и охотно велъ съ нимъ бесѣду, какъ съ человѣкомъ, всю жизнь отличавшимся здравостью ума и вполнѣ сохранившимъ ее въ глубокой старости.

Если разсказъ объ отвѣтѣ, будто бы данномъ Ермоловымъ императору Николаю Павловичу и вымышленъ, то во всякомъ случаѣ этотъ анекдотъ ярко характеризуетъ то именно время,—повсемѣстнаго на Руси ходкаго движенія нѣмцевъ на всѣхъ разнородныхъ путяхъ служебныхъ карьеръ. Прочитывая исторію кампаніи 1828 года, нельзя не обратить вниманія на фамиліи огромнаго большинства генераловъ высшаго командованія нашей арміи, во главѣ которой былъ поставленъ гр. Дибичъ: Толь, Шильдеръ, Ротъ, Ридигеръ, Крейцъ, Паленъ, Арнольди, Бергъ, Левенштернъ, Набель, Коцебу.

Въ ту войну, между прочимъ, по личному выбору и приказанію Дибича, генералъ Бергъ молодецкимъ набѣгомъ съ передовыми войсками завершилъ обложеніе Силистріи; затѣмъ почти все время онъ оставался начальникомъ передовыхъ войскъ, а въ исполненіи замѣчательной, на весь міръ прославившейся операціи, создавшей побѣдоносный Кулевчинскій бой,—Бергъ сыгралъ очень видную роль, давшую ему имя и справедливо награжденную очень щедро боевымъ отличіемъ.—Оставаясь начальникомъ передовыхъ войскъ, онъ проявлялъ въ дѣйствіяхъ своихъ, кромѣ храбрости, энергичную предпріимчивость и необыкновенную находчивость.

Когда Силистрія сдалась безъ боя, главнокомандующій Дибичъ намѣтилъ оставить одинъ корпусъ для наблюденія за Шумлой, а съ тремя корпусами перейти Балканы; на военномъ совѣтѣ почти всѣ генералы высказались противъ этого отважнаго шага; энергичнѣе другихъ поддерживалъ проектъ Дибича молодой ген. Бергъ.—Генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ рѣшительно противился исполненію этого плана дѣйствій, ссылаясь на то, что назначавшимся къ тому небольшимъ силамъ легко могъ быть отрѣзанъ путь отступленія.—Дибичъ запальчиво отвѣтилъ, что объ отступленіи не можетъ быть рѣчи,—мы или побѣдимъ или всѣ не вернемся! Бутурлинъ сказалъ, что всѣ опасности онъ радъ дѣлить, но не можетъ нести отвѣт-

ственность за такое опасное предпріятіе, котораго онъ не одобряетъ.—Вслѣдствіе этого онъ сдалъ должность и былъ замѣненъ Бергомъ. Успѣшное окончаніе войны въ сильной степени приписывали тому, что держались благихъ и просвѣщенныхъ совѣтовъ Берга.

II.

Многіе склонны были приписывать всѣ служебные успѣхи Берга и его карьеру нѣмецкому родству. Происхожденія онъ былъ не Богъ вѣсть какого „гогенцоллернскаго“; родство же его, какъ въ шутку говорили, состояло въ томъ, что всякій нѣмецъ, стоявшій выше его по службѣ, охотно называлъ его „брудэръ Бергъ“; родства такого, которое открывало ему доступъ въ высшее общество или давало связи—не было. Словомъ вступившій въ корпусъ колоновожатыхъ въ 1811 году, молодой Ѳ. Ѳ. Бергъ, хотя имѣлъ родовое имѣніе, былъ не особенно богатый, почти одинокій, небольшой, но сметливый, знавшій языки, воспитанный, въ высшей степени тактичный и образованный человѣкъ.—Если и есть доля правды въ томъ, что онъ вышелъ въ люди благодаря нѣмецкому происхожденію, то лишь въ той мѣрѣ, что это происхожденіе, несомнѣнно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, много помогло ему; оно облегчило ему возможность „протолкаться на хорошую дорогу въ люди“.

Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніемъ, знаніемъ языковъ, способностями, а также образованіемъ, закончившимся окончаніемъ курса академіи ген. штаба, больше всего молодой офицеръ могъ выйти на тотъ путь, на которомъ нѣмецкое происхожденіе должно было явиться могучимъ двигателемъ. По всеобщимъ отзывамъ Бергъ, былъ талантливый, живой, энергичный и трудолюбивый или, какъ нынче говорятъ,—работоспособный офицеръ.

Въ 1831 году онъ играетъ видную роль въ арміи, въ особенности въ эпизодѣ взятія Варшавы со стороны предмѣстья, называемаго „Воля“.

Затѣмъ извѣстенъ его крайне успѣшный, талантливо-выполненный рекогносцировочный походъ въ глубь оренбургско-киргизской, тогда невѣдомой, степи—въ 1839 году во время похода гр. Перовскаго на Хиву.

Съ тѣхъ поръ ни по военной, ни по гражданской,—въ особенности, по дипломатической части,—не было дѣла, на которое, не попалъ бы въ той или иной, всегда видной, роли генералъ Бергъ.

Какъ онъ былъ пристегнутъ къ венгерской 1849 года кампаніи и къ веденію переговоровъ „по замиренію Венгріи и Трансильваніи“—объ этомъ писали много, точно также какъ и о томъ, будто „нѣмецъ сей“, желая отличиться, въ чемъ-то перехитрилъ себя.—Крайне поучительнымъ является разсказъ о томъ, какъ Бергъ вдругъ на высотѣ своей блестящей, сіявшей свѣтлѣе солнца, карьеры, попалъ въ немилость, и какъ императоръ Николай Павловичъ, по выраженію очевидцевъ и „лѣтописцевъ“, а отчасти и просто зубоскаловъ-фельетонистовъ, прогналъ его съ Красносельскаго военнаго поля въ ту минуту, когда онъ, довѣрившись кому-то изъ пріятелей, надѣялся и готовился быть принятымъ въ особомъ царскомъ пріемѣ.

Извѣстны рѣзкія, крайне нелестныя для Берга, слова, которыя императоръ бросилъ въ его присутствіи во всеуслышаніе, отказывая въ пріемѣ этого генерала, не видѣвшаго до тѣхъ поръ отъ царей ничего кромѣ самой высокой милости и заботливой ласки.

Съ тѣхъ поръ молодой, блестящій генералъ Бергъ исчезъ съ высоты своего карьернаго пути и, какъ говорятъ, скитался нѣсколько лѣтъ за границей, конечно, не теряя времени въ дѣлѣ усовершенствованія себя и урегулированія своихъ дѣлъ.

Передаютъ, что въ этомъ, надѣлавшемъ громаднаго шума, дѣлѣ Бергъ пострадалъ невинно; онъ былъ оборванъ совершенно напрасно; выставляютъ его испытавшимъ на себѣ сильную интригу кого-то изъ мощныхъ людей, стоявшихъ на верху. Хотѣлось бы вѣрить этому по той причинѣ, что императоръ Александръ II, вскорѣ по вступленіи своемъ на прародительскій престолъ, вспомнилъ объ этомъ способномъ человѣкѣ и не только призвалъ его къ дѣятельной службѣ, но и наградилъ, видимо оцѣнивъ прежнія его неотъемлемыя заслуги: 26 августа 1856 года, въ день коронованія императора Александра Николаевича, Бергъ былъ возведенъ, въ числѣ прочихъ, въ графское достоинство, кажется, Вел. Княжества Финляндскаго. Говорятъ, что вообще и имп. Николай I до нѣкоторой степени раскаялся въ своей рѣзкости противъ Берга. Во время коронаціи Бергъ (съ начала 1855 г.) состоялъ въ должности финляндскаго генералъ-губернатора и своей энергіей, а также разумной крутостью, далеко не оставилъ по себѣ въ краѣ воспоминаній, кои давали бы почву къ такимъ неудовольствіямъ, какія переживаются въ этой странѣ теперь.

III.

Лѣтомъ 1863 года генералъ-адъютантъ графъ Бергъ былъ назначенъ Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества въ царствѣ Польскомъ. Сенсацію это произвело большую: несмотря на доказательный прецедентъ въ Финляндіи, одни говорили, что этотъ нѣмецъ продастъ Россію, другіе кричали, что, какъ женатый на католичкѣ, онъ будетъ играть всецѣло въ руку полякамъ.

Пріѣздъ свой въ Варшаву гр. Бергъ, какъ извѣстно, ознаменовалъ тѣмъ, что, утвердивъ приговоры о повѣшеніи пятерыхъ наиболѣе важныхъ преступниковъ, велѣлъ повѣсить ихъ въ одинъ день и въ одинъ часъ на пяти площадяхъ Варшавы.

Это произвело громадное впечатлѣніе, такъ какъ поляки успѣли избаловаться тѣмъ, что видѣли, какъ отчаяннѣйшихъ преступниковъ-измѣнниковъ при его предшественныхъ, а въ особенности при графѣ Ламбертѣ, жалѣли и ради того миловали, а если кого изрѣдка вѣшали или вообще казнили, то, опять таки жалѣя „паньство“, дѣлали это келейно, гдѣ-нибудь въ закоулкахъ. Отрезвляюще подѣйствовалъ принятый графомъ Бергомъ пріемъ и долго послѣ того „панове поляцы“, какъ говорится, не рѣшались пикнуть.

Разсказывали тогда, что поляки, принявъ, конечно, очень близко къ сердцу этотъ случай, ставили ежедневно у статуи Божіей Матери въ маленькомъ скверѣ на Краковскомъ предмѣстьи по пяти лампадъ за упокой душъ пяти повѣшенныхъ „мучениковъ“. Когда полиція объ этомъ доложила графу, давая этому то значеніе, что народъ собирается, волнуется, а ксендзы дѣлаютъ изъ этого нѣчто такое, изъ-за чего, съ одной стороны, извлекаютъ выгоду, а съ другой—производятъ сенсацію на почвѣ политической,—графъ Бергъ спокойно сказалъ: „ну, вотъ-вотъ, вы попробуйте (онъ вообще говорилъ очень отрывисто) къ пяти лампадамъ ежедневно приставлять отъ себя двѣ, три,—будетъ тогда ихъ не пять, будетъ семь-восемь и дѣло потеряетъ тотъ смыслъ, который поляки, по указанію ксендзовъ, силятся ему давать“. Полиція стала такъ дѣлать и увидѣла, что разсчетъ графа вполнѣ оправдался.

IV.

7-го сентября, того года, послѣ нѣкотораго почти мимолетнаго затишья, въ Варшавѣ въ гр. Берга, при возвращеніи его въ открытой коляскѣ съ Мокотовскаго поля, было брошено нѣсколько орсиніевскихъ бомбъ изъ верхняго этажа дома гр. Замойскаго на

соединеніи улицъ Краковскаго предмѣстья (Krakoskie pazedmiescie) съ Новымъ Свѣтомъ (Nowy Swiat). Графъ остался невредимъ; ѣхавшій съ нимъ адъютантъ поручикъ Смоленскаго уланскаго полка (впослѣдствіи лейбъ-гв. улан. Его Вел. полка) В. В. фонъ-Валь былъ сильно контуженъ въ голову; въ сопровождавшемъ графа конвоѣ одинъ казакъ былъ тяжело раненъ, а двѣ лошади убиты. Вскорѣ послѣ того появилась прекрасно исполненная, повсемѣстно продававшаяся въ фотографической копіи, картина, на которой графъ изображенъ спокойно сидящимъ въ коляскѣ и обратившимся вопрошающе къ адъютанту; адъютантъ, приложивъ руку къ козырьку, какъ бы рапортуетъ догадки или предположенія свои о происшедшемъ. Копія картины той во множествѣ экземпляровъ расходилась въ продажѣ, а въ настоящее время экземпляръ копіи трудно найти.

Случай этотъ какъ бы развязалъ графу руки и указалъ на необходимость еще болѣе усилить повсемѣстно въ краѣ чрезвычайныя мѣры строгости. Домъ гр. Замойскаго былъ конфискованъ; было ускорено движеніе дѣлъ въ военно-полевомъ аудиторіатѣ; увеличилось число высылавшихся въ Сибирь, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилилось въ геометрической пропорціи число нападокъ на графа Берга. Поляки рвали его на части; иностранныя, особенно французскія, газеты не отставали въ этомъ отъ пановъ.

Скоро однако удалось графу умиротворить край. Послѣ усиленныхъ дружныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ на пути преслѣдованія повстанцевъ, мятежниковъ и бунтовщиковъ,—графъ вскорѣ получилъ возможность заняться мирнымъ устройствомъ края.

Много разсказовъ ходило въ тѣ времена о томъ, какъ онъ, будучи непобѣдимымъ дипломатомъ, ловко отвоевывалъ или вѣрнѣе отстаивалъ себѣ въ роли намѣстника совершенно самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, независившее отъ министерствъ и подчиненное исключительно Верховной власти. Лица, непріязненно относившіяся къ графу и лично и какъ къ представителю, если не нѣмецкой партіи, то нѣмецкаго элемента, старались видѣть въ этомъ, или заставить другихъ видѣть, желаніе его, изъ-за личныхъ выгодъ, играть въ руку полякамъ созданіемъ обособленности царства Польскаго (królestwa Polskiego). Графъ чувствовалъ и твердо зналъ, съ кѣмъ ему слѣдуетъ на верху, въ Петербургѣ считаться и черезъ кого надлежитъ, при полной своей приближенности къ государю, устраивать свои дѣла передъ Его Величествомъ по управленію краемъ. Онъ, и по своей натурѣ, и по дорого стоившему ему случаю, помнилъ, и ни при какихъ обстоятельствахъ ни на минуту не забывалъ древнюю рус-

скую поговорку: „милуетъ царь да не жалуетъ псарь“.—Недаромъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова тонкій дипломатъ и тонкій человѣкъ.

V.

Въ то время ходило въ обществѣ по рукамъ очень много запрещенныхъ книжекъ; съ одной стороны, сказать правду, молодежь очень была падка на эту литературу, она читала ее съ упоеніемъ; то была пора наплыва герценскихъ произведеній; но въ общемъ проникали къ намъ книги неважныя—„ниже среднихъ“—и въ этомъ было спасеніе, потому что, прочтешь бывало двѣ три пустенькихъ книжки,—бросишь ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ полной ихъ негодности и несостоятельности.

Помнится, особенно истрепанною передавалась изъ рукъ въ руки книга подъ заглавіемъ „Видные генералы русской арміи“. Это былъ родъ сборника низкаго сорта Лейпцигскаго изданія, въ которомъ было помѣщено 10 или 15 біографій различныхъ лицъ—Адлерберга-отца, Адлерберга-сына, Муравьева, гр. Строганова, кн. Долгорукова, гр. Чернышева, гр. Клейнмихеля, кн. Барятинскаго, Хрулева, Хрущева, графа Берга и другихъ. Всѣхъ, разумѣется, честили во всю; графу Бергу особенно досталось; враги его съ особымъ удовольствіемъ подчеркивали и старались распространять все, что тамъ было на него наговорено: книжка эта представляла графа и фальшивымъ шаркуномъ, и человѣкомъ заискивавшимъ, низкопоклоннымъ, отличившимся тѣмъ, что при неудачѣ въ жизни сѣлъ безобидно подъ начальство бывшаго своего подчиненнаго и много-много другаго, по большей части голословно выставленнаго въ видѣ перечня; долго и много эта книга читалась, держали ее подолгу на рукахъ и старъ и младъ. Однако скоро репутація графа Берга, какъ начальника, какъ администратора, дѣльца и какъ человѣка, установилась; вездѣ во всѣхъ сферахъ имъ были, какъ говорится, довольны; и чѣмъ съ большей озлобленностью честили его поляки, тѣмъ болѣе цѣнился онъ въ глазахъ русскихъ.

Относительно трудовъ, которыми онъ былъ занятъ по составленію разнообразныхъ положеній гражданскаго и военнаго управленія въ краѣ,—во всѣхъ вѣдомствахъ, на всѣхъ ступеняхъ разсказывали очень много объ его удивительной энергіи, неутомимости и особой способности, быстро схватывая, ходко работать.

Всѣмъ былъ тогда извѣстенъ случай, какъ при одномъ изъ докладовъ по крайне важному и сложному, подготовлявшемуся для комиссій вопросу, докладчикъ—какой-то тайный совѣтникъ, видя, что

графъ заснулъ, преспокойно перевернулъ нѣсколько страницъ, чѣмъ думалъ пропустить для скорости добрую четверть доклада, и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ читать.

— Нѣтъ,-нѣтъ, вдругъ перебилъ его графъ въ ту самую минуту, когда онъ, прочтя страницы двѣ, занесся въ дальнѣйшемъ чтеніи;—вотъ-вотъ, тутъ нѣтъ связи, тутъ что-то не такъ". Затѣмъ графъ, разсказалъ подробно и обстоятельно, о чемъ докладчикъ читалъ, на чемъ прервалась связь, попросилъ открыть это мѣсто; вотъ это мнѣ показалось неоконченнымъ; Вы какъ-то потеряли связь, пропустили, не замѣтили; какъ это могло случиться... бормоталъ графъ, будто самъ сконфуженный; вотъ-вотъ, теперь продолжайте.

Случилось это въ присутствіи молодого адъютанта.

Съ тѣхъ поръ, конечно, ни одинъ докладчикъ не рѣшался позволить себѣ ничего подобнаго; этого докладчика графъ Бергъ на службѣ оставилъ, но къ представленію докладовъ никогда не допускалъ; хотя онъ больше никогда ничего тайному совѣтнику на счетъ этого факта не высказывалъ, но и наградъ этотъ сановникъ до конца дней своихъ не получалъ.

Впослѣдствіи на охотѣ, которую графъ страстно любилъ, и на которой держалъ себя нѣсколько свободнѣе, многіе слышали отъ него, что онъ, слѣдуя совѣту какого-то знаменитаго Веронскаго (гор. Верона, въ Сѣверной Италіи) врача, взялъ привычку постоянно въ свободное время „когда глаза ему не нужны,—держать ихъ закрытыми"; это чрезвычайно укрѣпляетъ весь организмъ; да, да, добавлялъ графъ, укрѣпляетъ весь организмъ; именно когда глаза отдыхаютъ,—тогда весь организмъ находится въ отдыхѣ,—онъ не разсѣивается, не напрягается воспринимать впечатлѣнія, даваемыя зрѣніемъ, а потому не утомляется. Оказывается простое закрытіе глазъ сановникъ принялъ за сонъ; вотъ какъ веронская медицинская знаменитость невольно поддѣла тайнаго совѣтника, быть можетъ очень солиднаго человѣка.

VI.

Въ арміи, т. е. вообще въ войскахъ, взглядъ на графа Берга установился всецѣло въ его пользу, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, установившееся болѣе и болѣе укрѣплялось.—Прежде всего цѣнилось то, что въ военномъ дѣлѣ, разъ высказавъ свой взглядъ и свои главнѣйшія требованія, онъ предоставлялъ полную свободу иниціативѣ высшихъ, непосредственно ему подчиненныхъ начальниковъ частей и лишь дѣлалъ указанія въ крайнихъ случаяхъ,—когда находилъ нужнымъ поправить что-либо, вовсе не отвѣчав-

шее его мнѣніямъ и его требованіямъ. Затѣмъ его рѣшительный характеръ, проявившійся такъ ясно въ дѣлѣ умиротворенія края, энергія, спокойное, ровное, какъ бы кроткое, обращеніе со всѣми, справедливое отношеніе ко всѣмъ и полнѣйшее отсутствіе даже намека на мелочность,—все это не могло не расположить къ нему подчиненныхъ и не вызвать уваженія къ нему; онъ слылъ среди военныхъ не только за умнаго, но и за мудраго человѣка; этому нисколько не мѣшало то обстоятельство, что мало кто зналъ его близко.—Надо замѣтить, что онъ, не проявляя ни въ чемъ высокомѣрія, все-таки держалъ себя далеко отъ всѣхъ, почти недоступно.

При такомъ обширномъ, разнообразномъ и разностороннемъ управленіи, несомнѣнно лучше начальнику, стоя близко къ дѣлу, держать себя далеко отъ всѣхъ,—вѣрнѣе, ибо рѣже является предлогъ къ пустымъ пересудамъ. Справедливое отношеніе графа Берга ко всѣмъ болѣе всего проявилось на первыхъ же порахъ при разнаго рода назначеніяхъ: зная его нѣмецкое происхожденіе и полагая въ немъ нѣмецкія тенденціи наиболѣе укрѣпившимися, ближайшіе помощники его, въ особенности лица тевтонскаго происхожденія, какъ будто предпочитали представлять нѣмцевъ на должности высшихъ командировъ частей. — Можетъ быть, впрочемъ, они дѣлали это и безъ всякаго умысла, но молва непремѣнно создавала имъ упрекъ, нерѣдко вполнѣ справедливый. — При такихъ представленіяхъ графъ Бергъ очень часто старался выискать какого-либо кандидата изъ русскихъ и, какъ бы демонстративно, приказывалъ представить его.—Поступалъ онъ такъ благодаря, конечно, большому уму своему: не все ли ему равно, кого назначить; но онъ зналъ, что если нѣмцевъ такъ всюду втискивать, то можно возбудить ропотъ; съ другой стороны, онъ, конечно, понималъ, что извѣстіе о сдѣланномъ имъ лично выборѣ русскаго, хорошаго строевого, вполнѣ достойнаго офицера взамѣнъ нѣмца,—распространится въ средѣ арміи и несомнѣнно удовлетворитъ массу; пять-шесть такихъ случаевъ сдѣлали то, что въ войскахъ это поставили графу въ строку, какъ заслугу; нѣмцевъ, конечно, ему тоже не приходилось всегда обходить,—они, независимо отъ этого, свое брали.

Извѣстно было, что графъ Бергъ иногда даже подтрунивалъ въ этомъ отношеніи надъ другими лицами нѣмецкаго происхожденія, а особенно надъ своимъ помощникомъ ген.-ад. бар. Корфомъ, который всегда и вездѣ выставлялъ нѣмцевъ; съ добрѣйшимъ, чуднымъ человѣкомъ этимъ онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ и, конечно, шутилъ безобидно для него.—Такъ однажды на большой облавѣ, обратившись къ командиру 3-ей батареи гв. конной артил. полк. Магнусу

Ивановичу Бреверну [1]), къ которому онъ относился очень хорошо и который, по большей части, устраивалъ облавы для графской и для царской охоты,—сказалъ по-нѣмецки:

— Все ли у Васъ готово?

— Готово все, Ваше Сіятельство, сейчасъ донесли съ линіи.

— Да, но любезный Бревернъ (lieber Brewern), не забыли ли Вы, что сосѣдями около барона Корфа должны быть непремѣнно нѣмцы; впрочемъ, онъ самъ въ этомъ отношеніи не забудетъ себя,—добавилъ графъ улыбаясь.

VII.

Услышавъ нѣсколько разъ изъ устъ графа такія и подобныя безобидныя шутки, М. И. Бревернъ однажды при закускѣ разсказалъ ему анекдотъ, который ходилъ тогда въ войскахъ о баронѣ.

Вскорѣ послѣ окончанія повстанья, одинъ изъ командировъ задумалъ поѣхать въ отпускъ и явился къ барону съ цѣлью обратиться съ просьбой о разрѣшеніи такового.

Баронъ вообще въ то время старался отпусковъ не разрѣшать, находя, что, во 1-хъ, время военное еще не было вполнѣ окончено и что, во 2-хъ, послѣ походовъ и боевъ надлежало усиленно заниматься приведеніемъ своихъ несомнѣнно разстроенныхъ частей въ полный порядокъ.

Къ приходившимъ съ просьбами онъ даже относился какъ бы враждебно и очень строго имъ выговаривалъ неумѣстность возбужденія ходатайства.

Объ этомъ командирѣ докладываетъ ему вѣстовой.

— Ваше высокопревосходительство, полковникъ Ершовъ явился, представиться; баронъ молчитъ, точно не слышитъ.

— Какъ прикажете, ваше высокопревосходительство? Г. полковникъ приказалъ доложить.

— Молчитъ.

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ гвард. конноартиллерійскій бригады (1873) свиты Е. В. генералъ-маіоръ, а во время войны 187⁷/₈ г.г. начальникъ артиллеріи гвард. корпуса. За особую распорядительность въ дѣлѣ подъ Телишемъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, такъ какъ укрѣпленная позиція та была взята исключительно убійственнымъ дѣйствіемъ артиллеріи (16 октября 1877 года), которою онъ начальствовалъ. Вернувшись во главѣ гвардейской артиллеріи изъ Санъ-Стефано въ Россію, генералъ Бревернъ въ серединѣ августа 1878 г. представлялъ ввѣренныя ему части государю въ Севастополѣ, а 23 августа скончался въ Одессѣ.

Вѣстовой помялся, кашлянулъ.

— Ершовъ?—спрашиваетъ наконецъ баронъ.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство, Ершовъ, обрадовался вѣстовой.

— Ты говоришь: полковникъ?

— Точно такъ, полковникъ, ваше высокопревосходительство.

— А какой онъ полковникъ?

— Вѣстовой откашлялся.—Высокій, бравый, ваше высокопревосходительство.

— Гм.; я не о томъ спрашиваю;—хочу знать, какихъ войскъ?

— Антерлистъ, ваше высокопревосходительство.

— Пѣшій или конный?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— Что такъ точно, что такъ точно, что ты говоришь, подумать надо, я спрашиваю пѣшій или конный?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство.

— Ну вотъ это другое дѣло... какъ же ты не можешь знать?

— Должно, пѣшій, ваше высокопревосходительство, во дворъ пѣшо́ вошелъ.

Баронъ улыбнулся и приказалъ „просить“.

Вошелъ бравый полковникъ въ полной парадной формѣ, поклонился и вытянулся.

— Здравствуйте; по какому случаю?

— Прошу разрѣшить мнѣ 28-дневный отпускъ, ваше высокопревосходительство.

Баронъ такъ и отступилъ: въ отпускъ? теперь въ отпускъ? какіе же теперь отпуски; да развѣ Вы не знаете, что отпусковъ теперь нѣтъ? не въ отпускъ теперь ѣхать, а бригаду, милостивый государь, бригаду въ порядокъ приводить (полковникъ командовалъ батареей); да-съ бригаду, г. полковникъ, я знаю, она у Васъ въ разстройствѣ, я знаю, надо заниматься, служить, а Вы по отпускамъ...

— Ваше высокопревосходительство, извините, я бригадой не командую, я батарейный командиръ...

— Все равно-съ, все равно и батарею надо въ порядкѣ держать; я знаю, я знаю; а почему Вы пришли проситься, развѣ Вы не знали, что отпуски не разрѣшаются, не знаете, что въ отпуски проситься нельзя, пока не все у васъ въ порядкѣ, почему Вы позволили себѣ придти проситься?

— У меня, ваше высокопревосходительство, насколько я понимаю, все въ порядкѣ въ батареѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, значитъ, Вы не хотите понимать, не хотите знать...

— А вотъ я еще тверже знаю, когда вижу, что мнѣ изъ имѣнія ни съ одного ара земли гроша не присылаютъ; жить тяжело, надо непремѣнно поѣхать навести порядокъ, а дѣла батарейныя я никогда не упускалъ, и они не уйдутъ,—уже началъ немного выходить изъ себя полковникъ...

— Какъ ни съ одного ара [1])? въ какой губерніи у Васъ, полковникъ Ершовъ, имѣніе, что Вы получаете доходы съ ара?

— Въ Курляндской...

— Какъ въ Курляндской, отчего въ Курляндской, какъ могла попасть фамилія Ершова въ Курляндскую губернію?

— Я не Ершовъ, ваше высокопревосходительство, я Гершàу.

— Что? что такое? вѣстовой! вѣстовой!

Вошелъ вѣстовой.

— Ты какъ мнѣ назвалъ полковника? какъ ты назвалъ, какъ ты доложилъ? говори, повтори.

— Ихнее высокоблагородіе полковникъ Ершовъ.

— Ну, ну ступай прочь, ступай.

— Ахъ что же это вышло; я Васъ взялъ за Ершова, lieber Гершàу, bitte sehr, setzen Sie sich...

Сейчасъ же отпускъ былъ разрѣшенъ, и все кончилось къ общему благополучію; даже перевравшій вѣстовой тутъ же былъ прощенъ добрымъ и снисходительнымъ барономъ.

Этотъ разсказъ представляетъ собою несомнѣнный анекдотъ; разныя мелочи о томъ свидѣтельствуютъ: не могъ баронъ Корфъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ въ должности начальника гвардейскаго отряда въ Варшавѣ, не знать командира единственной въ округѣ гвардейской конной батареи; ужъ не говоря о томъ, что, кажется, у барона Гершàу никакого имѣнія въ Курляндіи не было. — Этотъ анекдотъ можно припомнить только, какъ ясно иллюстрирующій извѣстныя отношенія того времени,—отношенія къ нѣмцамъ.

Графъ Бергъ, при всей своей серьезности, очень по-своему смѣялся, выслушавъ этотъ разсказъ и, какъ передавали, пошутилъ впослѣдствіи съ барономъ Корфомъ на эту тему очень добродушно и остроумно.

Баронъ Александръ Петровичъ Гершàу былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ; онъ командовалъ все время повстанья 3-ей батареей гвардейской конной артиллеріи и сдалъ ее въ 1864 году

[1]) Мѣра площади; по метрической системѣ, которая въ тѣ времена была въ ходу въ остзейскихъ провинціяхъ.

полковнику Магнусу Ивановичу Бреверну, когда самъ получилъ назначеніе на должность начальника гвардейской конной артиллеріи. Впослѣдствіи онъ, состоя въ чинѣ генералъ-маіора свиты Его Величества, командовалъ 2-ою кавалерійскою дивизіею, а затѣмъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; въ этой должности онъ скончался въ 1904 году въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

VIII.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на страницахъ „Руской Старины“ въ небольшомъ разсказѣ появилось чье-то воспоминаніе о томъ, какъ во времена, далеко предшествовавшія тому времени, какой-то генералъ, посѣтивъ одну изъ подвѣдомственныхъ ему частей, изумился массѣ нѣмцевъ, находившихся въ наличномъ составѣ офицеровъ той части; разсказъ передавалъ, что, пріѣхавъ производить инспекторскій смотръ, генералъ спросилъ фамиліи двухъ-трехъ офицеровъ; оказалось, что то были Петерсъ, Цитерсъ и Гротенфельдъ (разсказъ передается по памяти приблизительно), тогда онъ началъ знакомиться съ офицерами по порядку. „А какъ зовутъ Васъ? (спросилъ будто бы генералъ, вѣроятно самъ не особенно претендовавшій ни на русское происхожденіе, ни на основательное знаніе русскаго языка): на вопросъ какъ зовутъ Васъ?—послѣдовалъ отвѣтъ Адеркасъ. — А его? Иргендво. — Ну, а онъ? Михельсонъ. — А вотъ тотъ? Альдершотъ.—А вотъ тамъ? Фелькерзамъ. — А вотъ ихъ-съ? Дитерихсъ.

Въ изумленіи генералъ воскликнулъ: „Um Gottes will“, а на это будто бы слѣдующій офицеръ назвалъ себя: Гуттеншпиль. Ахъ, Gott, nun wer noch?—Кнохъ и т. д. безъ конца.

Этотъ разсказъ будто бы тогда же на охотѣ или на обѣдѣ въ охотничьемъ клубѣ, который графъ очень любилъ посѣщать, былъ ему приподнесенъ съ варіантомъ, быть можетъ, еще болѣе пространнымъ, чѣмъ тотъ, который допущенъ здѣсь.—А затѣмъ, въ связи съ этимъ, кто-то, кстати, или не кстати, разсказалъ о ходившей среди офицеровъ чьей-то остротѣ, касавшейся тогдашняго состава офицеровъ уланскаго Его Величества полка, имѣвшаго стоянку въ Варшавѣ въ Лазенкахъ.—Какой-то острякъ увѣрялъ, будто бы всѣ офицеры въ уланскомъ полку нѣмцы за исключеніемъ двухъ—Штутцера и Дерфельдена; тотъ же острякъ передавалъ однажды, что онъ на концертѣ знаменитаго Бильзе или Штрауса въ „швейцарской долинѣ“ очень весело провелъ время съ „монтаньярами“;

съ какими монтаньярами? что за монтаньяры? Оказывается, что онъ сидѣлъ на концертѣ, а потомъ ужиналъ въ компаніи съ офицерами уланскаго полка: Оффенбергомъ, Сюнербергомъ, Будбергомъ, Бергомъ и т. д. (бергъ—гора—montagne).

На все это графъ смѣялся, а разсказъ о личномъ составѣ офицеровъ уланскаго полка, однажды смѣясь передалъ въ дружелюбно-шуточномъ тонѣ командиру полка князю Шаховскому.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Шаховской—участникъ крымской кампаніи; онъ былъ въ ней тяжело раненъ въ глазъ при отраженіи ночной вылазки сильнаго турецкаго отряда изъ Силистріи. Служилъ онъ л.-гв. въ гусарскомъ Его Величества полку; въ чинѣ генералъ-маіора свиты Его Величества, командовалъ уланскимъ Его Величества полкомъ. Въ 1875 году онъ, въ бытность командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу, былъ назначенъ начальникомъ штаба округа. Затѣмъ командовалъ съ 1881 года 1-ою гвардейской кавалерійской дивизіей, съ 1888-го одиннадцатымъ армейскимъ корпусомъ; состоя въ должности корпуснаго командира, въ 1897 году скончался въ Кіевѣ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта; похороненъ на Аскольдовой могилѣ.

IX.

Кстати, никто никогда не видѣлъ графа Берга смѣявшимся тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣются вообще люди; когда онъ находилъ что-либо смѣшнымъ, у него только слегка появлялось смарщиваніе лица у глазъ, губы очень мало раздвигались, а глаза немного прояснялись—и только. Тогда шутили, что зубовъ графа Берга никто никогда не видѣлъ. Точно также графъ Бергъ ни при какихъ обстоятельствахъ не выражалъ своего гнѣва: разсердившимся, вышедшимъ изъ себя или тѣмъ болѣе раскричавшимся его никто не видѣлъ и не слышалъ.

Разсказываютъ, что по этому поводу графъ Бергъ не разъ говаривалъ: вотъ-вотъ зачѣмъ я буду сердиться вообще, въ особенности же какъ можно сердиться на подчиненнаго,—это даже не пристойно; довольно того, что я сознаю возможность разразиться противъ него силой власти; это сознаніе должно удерживать меня отъ проявленія гнѣва; а подчиненный знаетъ и чувствуетъ, что я безъ этого силенъ; злоба, гнѣвъ всегда безсильны.

Оставшіеся портреты графа Берга всѣ очень на него и похожи, представляютъ его какъ живого; затѣмъ онъ былъ ростомъ выше средняго, въ плечахъ плотный, но вообще худой; носилъ усы, ко-

торые, какъ и волосы на головѣ, остались до 84 лѣтъ совершенно черными, несомнѣнно при помощи парикмахера и при услугахъ химіи; къ тому же на головѣ онъ носилъ парикъ; бакенбарды и бороду онъ брилъ; усиленно во всѣхъ кругахъ разсказывали, будто бы онъ носилъ на шеѣ какую-то машинку, которая подтягивала все лицо такъ, что морщины на немъ совершенно сглаживались; правда ли это или нѣтъ, но дѣйствительно лицо его въ этомъ отношеніи было удивительно моложаво.—Этой машинки никто не отвергалъ и ей приписывали ту неподвижность, которою лицо графа отличалось; при усмѣшкѣ, видимо, машинка очень мало отпускала кожу и дозволяла ей немного сморщиться. Глядя на его лицо, всегда можно было припомнить Мефистофеля.—Это было крайне типичное лицо, носъ орлиный, а глаза, при всей своей старческой вялости, бросали взглядъ пронизывавшій.

Поляки рѣшительно трепетали передъ графомъ, въ особенности передъ его спокойной, тихой, невозмутимой рѣшительностью.—Они трепетали, несмотря на то, что въ личномъ обращеніи съ ними онъ былъ мягокъ и суровымъ никогда себя не выказывалъ.

Графъ представлялъ собою человѣка очень серьезнаго, сдержаннаго, остроумнаго; въ его бесѣдѣ всегда проявлялось много юмора, что̀, при крайне серьезномъ выраженіи лица, производило неотразимое впечатлѣніе; это былъ человѣкъ непреклонной воли, желѣзнаго характера; со стороны онъ всегда казался добрымъ, кроткимъ.

X.

Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ дѣла̀ управленія краемъ и командованія арміей шли у графа настолько блестяще во всѣхъ отношеніяхъ, что при памятномъ Россіи бракосочетаніи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ принцессой Датской Дагмарой — (нынѣ Императрица Марія Ѳеодоровна) 22 октября 1866 года, Государь Императоръ, желая наградить графа отличіемъ выходящимъ изъ ряду, пожаловалъ ему фельдмаршальскій жезлъ.

Армія находила, что новый фельдмаршалъ, графъ Бергъ съ достоинствомъ будетъ держать этотъ жезлъ въ своихъ твердыхъ рукахъ. Много носилось слуховъ о томъ,—какая масса высокопоставленныхъ особъ въ Петербургѣ озлилась, узнавъ объ этомъ завидномъ повышеніи. Но во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ Царствѣ Польскомъ награжденіе это признавалось вполнѣ заслуженнымъ.

Новый 1867 годъ принесъ массу важныхъ преобразованій въ управленіи Царствомъ Польскимъ; не приходится въ этомъ крат-

комъ очеркѣ представлять картину всѣхъ тогдашнихъ реформъ въ краѣ. Упоминается объ этомъ лишь къ тому, чтобы указать, какъ вѣренъ оставался себѣ графъ, задавшись разъ задачей вообще не распускаться въ стремленіяхъ заполнять вновь открывавшіяся должности нѣмцами; между прочимъ отъ него, какъ начальника края, много зависѣло назначеніе личнаго состава, и всѣ видѣли, что край въ то время наводнился новыми людьми—чисто русскими.

Царство Польское съ 1-го января 1867 года было раздѣлено на 10 губерній, вмѣсто пяти (къ губерніямъ Варшавской, Люблинской, Плоцкой, Радомской и Августовской,—прибавлены были Сѣдлецкая, Петроковская, Калишская, Келецкая и Ломжинская); всѣ новые губернаторы выбраны были лично графомъ изъ русскихъ; то были: *сѣдлецкій* Степанъ Степановичъ Громека (дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій жандармскій полковникъ и литераторъ—умеръ въ концѣ семидесятыхъ годовъ); *петроковскій* гвардейской пѣшей артиллеріи полковникъ Иванъ Семеновичъ Кахановъ (бывшій командиръ 3-ей гв. гренад. артилл. бригады, впослѣдствіи виленскій, ковенскій, гродненскій генералъ-губернаторъ, нынѣ членъ государств. совѣта, проживаетъ въ Бордигерѣ); *келецкій* генер. штаба поковникъ Д. Г. Анучинъ (впослѣдствіи радомскій губернаторъ, затѣмъ генералъ-губернаторъ восточной Сибири, наконецъ, сенаторъ, чл. госуд. совѣта, умеръ въ 1893 г.); *ломжинскій* ген. штаба полковникъ князь Щербатовъ (впослѣдствіи начальникъ кавказской кавалерійской дивизіи, принимавшей дѣятельное участіе въ наиболѣе важныхъ операціяхъ кампаніи 1877—78 гг., между прочимъ во взятіи крѣп. Карса подъ начальствомъ генер.-адъют. М. Т. Лорисъ-Меликова) и *калишскій* инженерныхъ войскъ полковникъ Конст. Дм. Хлѣбниковъ (нынѣ инженеръ-генералъ, членъ военнаго совѣта, проживаетъ въ Царскомъ Селѣ).

Этотъ фактъ былъ тогда очень и очень отмѣченъ всѣми. Личные адъютанты у него были, кажется, наполовину нѣмцы и русскіе. Словомъ, графъ Бергъ прослылъ за человѣка справедливаго; стремленіе его не забывать русскихъ людей при назначеніяхъ и отнюдь не давать нѣмцамъ предпочтенія было ему въ то время очень подчеркнуто.

Съ тѣмъ вмѣстѣ видно было, что онъ и въ отношеніи православной церкви держалъ себя корректно до безукоризненности. Тогдашній архіепископъ варшавскій и холмскій Леонидъ, не разъ говаривалъ, что онъ мало видѣлъ государственныхъ людей, кои въ такой сильной мѣрѣ блюли бы интересы православной церкви, какъ фельдмаршалъ графъ Бергъ; въ дѣлахъ православной церкви, при высказы-

ваніяхъ о нихъ, онъ казался гораздо болѣе православнымъ, чѣмъ очень многіе православные изъ сильныхъ міра сего.

Вѣроятно, еще въ низшихъ чинахъ онъ много насмотрѣлся на то, насколько неестественнымъ представлялось пристрастное, а главное въ ущербъ русскимъ, возвышеніе нѣмцевъ; онъ этого возвышенія не одобрялъ; нападки на это со стороны русскихъ тогда же вѣроятно признавалъ справедливыми и понялъ, что, устраняя пристрастное въ пользу нѣмцевъ отношеніе, онъ могъ сослужить большую службу русскимъ, а можетъ быть еще бо̀льшую себѣ, т. е. своей репутаціи.

Для всѣхъ было ясно, что насколько графъ Бергъ, когда вывозилъ русскихъ предпочтительно передъ нѣмцами, дѣлалъ это не сердцемъ, а умомъ, настолько же, безъ сомнѣнія, въ дѣлѣ обереганія и охраненія интересовъ церкви православной, имъ не руководила вѣра, или религіозность,—вліялъ въ этомъ тотъ же его свѣтлый, здравый умъ.

Е. Андреевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Писалъ ли Гоголь Пушкину о „Ревизорѣ“?

„Ревизоръ“ сыгранъ,—и на душѣ у меня такъ смутно...“ Этими словами начинается гоголевскій „Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“ [1]). Строки эти, по словамъ самого Гоголя [2]), были предназначены для Пушкина, который на первомъ представленіи „Ревизора“ быть не могъ, такъ какъ находился тогда (19 апрѣля 1836 г.) въ своей псковской деревнѣ, и просилъ Гоголя сообщить, какъ прошло первое представленіе его комедіи [3]). Этотъ „Отрывокъ“—письмо къ Пушкину—датированъ 25 мая 1836 г. Н. С. Тихонравовъ [4]) призналъ дату „произвольной“ и не захотѣлъ вѣрить словамъ Гоголя о его письмѣ къ Пушкину, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

Судя по содержанію „Отрывка изъ письма“, окончательная обработка его относится къ „январю и февралю 1841 года“. Изъ словъ Гоголя, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, 5 марта 1841 г.: „письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ [5]) скоро пріѣхалъ самъ“, Тихонравовъ не рѣшился вывести заключеніе, что Гоголь потому не отправилъ Пушкину письма, что передалъ ему на словахъ содержаніе написаннаго,—не рѣшился на томъ основаніи, что въ занимающемъ насъ письмѣ Гоголь, собиравшійся тогда въ заграничную поѣздку, пишетъ Пушкину: „я не

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, изд. X, подъ редакціей Н. Тихонравова, т. II, М. 1890 г., стр. 285 —290.

[2]) Цитиров. соч., стр. 672.

[3]) В. И. Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III, М. 1895 г., стр. 24, 37.

[4]) Сочин. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 640, 674—676, 680—681.

[5]) Пушкинъ.

поѣду не простившись съ вами“, а черезъ три недѣли, 16 іюня, пишетъ В. А. Жуковскому уже изъ-за границы: „съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься“. Рѣшительное же доказательство, что „Отрывокъ“ не извлеченъ изъ письма къ Пушкину и написанъ послѣ смерти поэта, Тихонравовъ видѣлъ въ черновыхъ наброскахъ Гоголя, относящихся къ этому письму, тогда какъ самъ же усмотрѣлъ въ первомъ, четвертомъ и пятомъ наброскахъ „Отрывка“ содержаніе и выраженія, напоминающія письма Гоголя къ М. С. Щепкину *29 апрѣля* и *10 мая 1836 г.*

Доводы Тихонравова не выдерживаютъ критики. Если „Отрывокъ изъ письма“, по совершенно вѣрному опредѣленію Тихонравова, *окончательно обработанъ* въ 1841 г., то изъ этого еще не слѣдуетъ, что самое письмо не было *написано въ 1836 г.* Слова Гоголя: „съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься“ не доказываютъ, что они не видѣлись, и, можетъ быть, даже не одинъ разъ, по пріѣздѣ Пушкина, 23 мая, въ Петербургъ [1]); они могли видѣться, Гоголь могъ на словахъ передать ему свои мысли о „Ревизорѣ“, а затѣмъ уѣхать *не простившись* съ нимъ (Гоголь уѣхалъ за границу [2]) 6 іюня 1836 г.). Что это именно такъ и было, слѣдуетъ изъ словъ Гоголя: „письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ“; не поговори они о „Ревизорѣ“ въ Петербургѣ, Гоголь отправилъ бы Пушкину свое письмо позднѣе. Что касается до черновыхъ набросковъ, то и они не доказываютъ, что письма Гоголя къ Пушкину отъ 25 мая 1836 г. вовсе не существовало, такъ какъ въ этихъ наброскахъ, какъ сказано выше, самъ же Тихонравовъ нашелъ слѣды писемъ Гоголя къ Щепкину *1836 г.*, и, значитъ, въ основу „Отрывка“ могло быть положено написанное тогда же письмо къ Пушкину. Такимъ образомъ, показаніе Гоголя, въ цитированномъ выше письмѣ къ С. Т. Аксакову, что онъ писалъ о „Ревизорѣ“ именно Пушкину, и поставленная подъ „Отрывкомъ“ дата: 25 мая 1836 г. нисколько не поколеблены академикомъ Тихонравовымъ, и г. Шенрокъ [3]) также напрасно находитъ, что Гоголь не видѣлся съ Пушкинымъ между представленіемъ „Ревизора“ и своимъ отъѣздомъ за границу и „не могъ бесѣдой съ нимъ облегчить свое тяжелое положеніе“ [4]).

Несомнѣнно, Гоголь писалъ Пушкину, и письмо это относится

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. литер. фонда, т. VII, стр. 405.

[2]) В. И. Шенрокъ, цитир. соч., т. III, стр. 112; А. И. Кирпичниковъ, „Опытъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя“, М., 1902 г., стр. XXVIII.

[3]) Въ изданныхъ г. Шенрокомъ „Письмахъ Гоголя“ нѣтъ даже упоминанія о занимающемъ насъ письмѣ.

[4]) В. И. Шенрокъ, „Матер. для, біогр. Гоголя‘, т. III, стр. 57.

дѣйствительно къ указанному имъ времени. Дошло же оно до насъ, конечно, не въ первоначальномъ видѣ, а передѣланное и обращенное авторомъ въ статью о его безсмертной комедіи. А. И. Кирпичниковъ, справедливо находя, что „отдѣльныя мысли, вошедшія въ этотъ „Отрывокъ“, могли быть набросаны Гоголемъ весною 1836 г. для сообщенія Пушкину“, и что впослѣдствіи „Отрывокъ“ былъ обработанъ [1]), тѣмъ не менѣе говоритъ: „Тихонравовъ доказалъ (sic!), что это письмо датировано 25 мая 1836 г. совершенно произвольно“ [2]), и такимъ образомъ раздѣляетъ ошибку двухъ другихъ изслѣдователей. Передѣлка письма была, повидимому, незначительна, и главная, основная его часть была сохранена: —„изъ этого письма“—писалъ Гоголь Аксакову—„я выключилъ то, что собственно могло быть интересно для меня и для него“. Гоголь былъ „выдумщикъ“, какъ назвалъ его С. Т. Аксаковъ, но не все же походя выдумывалъ безъ всякой надобности, и въ данномъ случаѣ нѣтъ причины не вѣрить Гоголю, и его простому, ясному показанію, касающемуся его отношеній къ человѣку, котораго онъ такъ горячо любилъ, гибель котораго такъ горько оплакивалъ, о которомъ вспоминалъ всю жизнь съ благодарностью и любовью, предпочесть ничѣмъ не вызываемую и ничѣмъ не оправдываемую, произвольную и ненужную гипотезу біографовъ, ведущую только къ затемненію истины.

Н. Лернеръ.

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій Гоголя“, изд. И. Д. Сытина, въ трехъ томахъ, т. II, стр. 188.

[2]) Тамъ же, стр. 608, прим. 3.

*

Воспоминанія Н. Левашовскаго [1]).

Пришелъ августъ мѣсяцъ. Однажды утромъ, совершенно неожиданно, отецъ велѣлъ надѣть мнѣ новую курточку, заявилъ, что онъ ведетъ меня въ гимназію. Будь, что будетъ! подумалъ я, немедленно исполнивъ приказаніе, и мы отправились.

Домъ нашъ былъ на Петербургской сторонѣ, а потому употребивши цѣлый часъ на ходьбу, мы достигли, наконецъ, Ларинской гимназіи. Не имѣя понятія о томъ, что мнѣ предстоитъ вступительный экзаменъ, я смѣло вошелъ, слѣдуя за отцомъ, въ большой залъ, гдѣ увидѣлъ множество подобныхъ себѣ мальчиковъ, изъ которыхъ одни сидѣли, другіе писали что-то на доскѣ, третьи—отвѣчали, стоя предъ спрашивавшими ихъ учителями. Я разсудилъ, что мнѣ лучше всего присоединиться къ сидящимъ, что я тотъ-часъ и сдѣлалъ, какъ только отецъ отошелъ отъ меня, чтобы подать прошеніе директору, бывшему тутъ же въ залѣ.

Принявши бумагу, директоръ что-то сказалъ отцу; тотъ, поклонившись ему, подошелъ ко мнѣ и лаконически сказалъ: „пойдемъ!“ Я послѣдовалъ за нимъ и, шедши по дорогѣ, думалъ: ну, невеликій же трудъ быть въ гимназіи! Но когда мы пришли домой и на вопросъ матери: „приняли ли меня въ гимназію“, отецъ отвѣчалъ, что завтра приказано придти на экзаменъ, я сообразилъ, что одного сидѣнья на гимназической скамьѣ еще не достаточно, и что еще будетъ какой-то экзаменъ. Что будутъ у меня спрашивать, я рѣшительно не имѣлъ понятія! На слѣдующее утро послѣдовало то же распоряженіе отца „надѣть курточку“. Когда я облекся въ этотъ костюмъ, отецъ объявилъ, что я сегодня, какъ уже знающій, куда

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

идти, могу отправиться одинъ. Сказано—сдѣлано! Я явился въ гимназію, сѣлъ, по-вчерашнему, на скамью; гляжу: продолжается та же немудреная, какъ мнѣ казалось, процедура, съ которой я познакомился вчера. Но тутъ я замѣтилъ, что въ залѣ, кромѣ мальчиковъ и учителей, много дамъ и мужчинъ, заинтересованныхъ, какъ мнѣ показалось, происходящей немудреной процедурой. Одни изъ нихъ подходили къ мальчикамъ, пишущимъ на доскѣ, другіе внимательно вслушивались, что говорилъ какой-нибудь мальчикъ, стоящій предъ учителемъ, третьи, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, цѣловали мальчика, тетрадку котораго только-что просматривалъ учитель. Я рѣшительно увлекся всѣмъ происходившимъ вокругъ меня. Вдругъ, къ тому столу, за которымъ я сидѣлъ вмѣстѣ съ другими мальчиками, также, повидимому, чего-то ожидавшими, подходитъ одинъ изъ учителей съ книжкой въ рукахъ, даетъ каждому изъ сидящихъ по листу бумаги и велитъ, чтобы мы писали то, что онъ будетъ диктовать; взялъ и я перо въ руки; но, къ удивленію моему, услышалъ, что учитель произноситъ какія-то непонятныя для меня слова. Я попробовалъ было записать нѣкоторыя изъ нихъ по-русски, вышло что-то ужасное! Какъ я ни старался, не могъ уловить ни одного понятнаго для меня слова.

Продиктовавши, такимъ образомъ, нѣсколько словъ, учитель велѣлъ намъ подписать свои фамиліи. Я написалъ свою на чистой четвертушкѣ и когда учитель, взявши тетрадки, удалился, я спросилъ у сидѣвшаго рядомъ со мной: что такое говорилъ учитель?

— Да развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ тотъ, это была французская диктовка!

Покончивши, такимъ образомъ, совершенно безсознательно, съ французскимъ экзаменомъ, я спокойно продолжалъ свои наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ кругомъ меня; какъ, вдругъ, слышу, называютъ по фамиліи; я откликнулся; меня вызвали на середину комнаты къ группѣ, гдѣ стояли учителя. Одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ раскрытую книгу и предложилъ что-то прочесть; я исполнилъ и притомъ удовлетворительно, такъ какъ я читалъ вообще хорошо. Тотъ же учитель предложилъ мнѣ далѣе написать какую-то фразу на доскѣ мѣломъ; я исполнилъ и это, но вѣроятно менѣе удовлетворительно, судя по выраженію лица экзаментора и потому, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ написаннаго онъ перемѣнилъ *ъ* на *е* и наоборотъ. Въ концѣ концовъ, сказавши „довольно“, онъ отошелъ въ сторону и предложилъ ту же книгу другому мальчику. Меня же подозвалъ къ себѣ сидѣвшій тутъ же священникъ и предложилъ какой-то вопросъ изъ „Священной Исторіи“.

Такъ какъ это былъ единственный предметъ, съ которымъ я

познакомился во время пребыванія въ училищѣ и при томъ познакомился не по книжкѣ, а по разсказамъ, то и отвѣтилъ на вопросъ толково, сознательно. Священнику понравился мой отвѣтъ. Онъ спросилъ, въ заключеніе: „не братъ ли я тому Л, что у насъ въ гимназіи?“ Я отвѣтилъ утвердительно. Священникъ разсыпался въ комплиментахъ брату и, выразивъ надежду, что и я, вѣроятно, буду „такимъ же умницей“, благословилъ меня и отпустилъ.

Послѣ этого, меня подозвалъ къ себѣ какой-то молодой учитель и предложилъ мнѣ вопросъ.

— Что Вы знаете изъ ариѳметики?

Я отвѣтилъ, что четыре правила. И дѣйствительно. Я зналъ механическую процедуру четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, но продѣлывалъ ихъ чисто машинально.

— Скажите, что сдѣлается съ частнымъ, если дѣлимое увеличится?

Подобнаго вопроса я никогда не слыхалъ, и онъ меня на первый разъ озадачилъ.

Подумавши немного, я отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, увеличится.

— А если дѣлитель увеличится, что сдѣлается съ частнымъ?— продолжалъ неугомонный учитель.

Сообразивши, я отвѣтилъ:

— Я думаю, что уменьшится.

— Почему Вы говорите не прямо, а прибавляете: „я думаю“, „мнѣ кажется“?

— Да потому, что я этого не знаю, а мнѣ кажется, что такъ должно быть. Учитель рѣшительно заинтересовался.

Заставилъ меня отвѣтить на всѣ вопросы касательно увеличенія и уменьшенія дѣлимаго и дѣлителя и въ концѣ экзамена сказалъ:— Хорошо!

Видя, что болѣе, повидимому, никто не желаетъ предлагать мнѣ никакихъ вопросовъ, я постоялъ еще нѣсколько времени возлѣ экзаменаторовъ и рѣшился опять сѣсть на прежнюю скамью. Долго я сидѣлъ, такимъ образомъ, безъ всякаго дѣла, мальчики и пришедшіе съ ними постепенно уходили; я все сидѣлъ. Наконецъ, слышу, опять меня вызываютъ по фамиліи и на этотъ разъ директоръ. Я подошелъ.

— Г.г. учителя говорятъ, такъ началъ онъ свою рѣчь ко мнѣ, что ты очень плохо подготовленъ, но что ты умѣешь думать, соображать! Если ты будешь прилеженъ, ты догонишь другихъ и будешь хорошимъ ученикомъ. Я знаю твоего брата; онъ отлично учится; попроси его, чтобы онъ помогалъ тебѣ работать; привыкнешь къ дѣлу и оно пойдетъ легко! Обѣщаешь стараться?

— Обѣщаю, отвѣчалъ я съ полной увѣренностью, что исполню обѣщанное.

— Теперь иди домой, скажи, чтобы тебѣ сдѣлали форменное платье и чрезъ недѣлю приходи въ гимназію.

Услышавши это, я не чувствовалъ, какъ говорится, подъ собой ногъ; я чуть не бросился бѣгомъ изъ зала; я не шелъ, а летѣлъ по улицамъ и, явившись домой, объявилъ, что директоръ велѣлъ сшить форменный сюртукъ. Распоряженіе это мнѣ дѣйствительно чрезвычайно нравилось! Да и не удивительно: послѣ курточки надѣть сюртукъ съ блестящими пуговицами и ярко-краснымъ воротникомъ; фуражку съ такимъ же околышемъ! Да это просто прелесть!

Отецъ и мать равнодушно приняли сообщенное мною извѣстіе и далѣе не разспрашивали, братъ же поинтересовался узнать и объ экзаменѣ. Я разсказалъ ему все, какъ было. Когда я сообщилъ ему о вопросахъ, предложенныхъ изъ ариѳметики, то онъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, воображаю, что ты отвѣтилъ!

Я повторилъ, слово въ слово, мои отвѣты, и братъ одобрилъ ихъ.

На другой же день былъ призванъ нашъ портной Григорій, перешивавшій сюртуки отца намъ на курточки, и ему было заказано форменное платье для меня изъ *новаго* сукна. (Первый разъ въ жизни!). Сюртукъ скоро былъ сшитъ, я надѣлъ его и не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости. Я посмотрѣлъ въ зеркало и самъ себѣ понравился. Меня смущали только два вихра, торчавшіе у меня по сторонамъ и образовавшіе какъ бы двѣ бесѣдки. Сколько я ни пробовалъ ихъ приглаживать, все напрасно; самый толстый слой помады не въ состояніи былъ заставить ихъ лечь. Я былъ въ отчаяніи; но, спасибо, вывела меня изъ этого затрудненія старуха-няня, жившая у насъ въ роли кухарки, посовѣтовавши разжевать кусочекъ сахара и примазать этимъ вихры.

Я исполнилъ этотъ совѣтъ, и непокорныя бесѣдки прилегли.

Такимъ образомъ, я поступилъ въ Ларинскую гимназію, вышелъ, какъ говорится, на дорогу, вышелъ—единственно, благодаря счастливому случаю, да теплому участію къ дѣлу директора гимназіи, незабвеннаго для меня д-ра Фишера! Отнесись онъ къ дѣлу моего принятія по формѣ, по-чиновничьи, по пунктамъ инструкціи, я не былъ бы принятъ въ гимназію и продолжалъ бы заниматься придумываніемъ средствъ для того, чтобы поймать, наконецъ, ворону, и врядъ ли когда-нибудь была бы предпринята вторичная попытка отдачи меня въ учебное заведеніе. Для этого не было, во-1-хъ, средствъ для приготовленія, а во-2-хъ, отецъ только и думалъ о

томъ, какъ дѣти бы поскорѣе выучились покрасивѣе писать, чтобы могли, такимъ образомъ, поступить на службу и заработывать хотя нѣчто.

Вотъ почему я всегда вспоминаю съ чувствомъ живѣйшей, глубочайшей благодарности человѣка—директора, принявшаго во мнѣ, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ, теплое участіе и давшаго, такимъ образомъ, возможность и мнѣ принять человѣческій образъ! Миръ праху твоему честный, истинный (а не формальный) педагогъ, тебѣ я обязанъ тѣмъ, что я есть!

Въ назначенное время я явился въ гимназію и началъ аккуратно посѣщать классы. Благодаря толковому, умѣлому веденію дѣла преподавателями, ученіе пошло легко и успѣшно; я самъ не узналъ себя и скоро сталъ считаться въ числѣ хорошихъ учениковъ въ классѣ. Одно меня крайне затрудняло: это окончательное незнакомство съ французскимъ языкомъ, въ то время, когда товарищи мои поступили уже съ нѣкоторымъ запасомъ знанія этого языка.

Я лѣзъ, какъ говорится изъ кожи, но все не могъ сравняться съ товарищами.

Кромѣ вполнѣ новаго для меня веденія дѣла обученія наставниками (сравнительно съ тѣмъ, какое я видѣлъ въ училищѣ) на меня производило въ высшей степени пріятное впечатлѣніе гуманное обращеніе учителей съ учениками; не только не было сѣченій, отъ которыхъ я убѣжалъ изъ училища, но за все время пребыванія моего въ гимназіи я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ учителей сказалъ грубое слово тому или другому мальчику, а дѣло шло лучше, нежели при ежедневныхъ наказаніяхъ за существующія и несуществующія провинности.

Къ несчастью, въ началѣ зимы, я долженъ былъ оставить Ларинскую гимназію, такъ какъ отецъ получилъ мѣсто въ Харьковѣ, куда и переселился со всей семьей. По пріѣздѣ, я былъ отданъ въ 1-й классъ 1-й Харьковской гимназіи.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Государственный фонд
Московской обл. библиотеки

Опечатка. На 420-й страницѣ августовской книги (т. CXXXI) напечатана фамилія Ламке. Слѣдуетъ читать: Лемке. Это былъ офицеръ 2-го кадетскаго корпуса, потомъ баталіонный командиръ тамъ. Его внукъ—извѣстный литераторъ М. К. Лемке.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Открыта подписка на 1908 годъ

(XIX годъ изданія).

(Подписной годъ начинается съ 1-го ноября).

ПРИРОДА и ЛЮДИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРН. И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

52 № ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ЖУРНАЛА, СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ. Романы и повѣсти. № зы изъ путешествій по всѣмъ частямъ свѣта. Необычайныя приключенія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Описанія чудесъ и великихъ явленій природы. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Бесѣды о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеч. Разные виды спорта. Задачи на преміи и т. д.

40 КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ Свыше 6000 стран. убористаго шрифта. *Первое полное изданіе на русскомъ языкѣ.* **МАЙНЪ-РИДА.**

6 КНИГЪ больш. формата **ПОСМЕРТНАГО СОЧИНЕНІЯ** знаменитаго географа-ученаго

Элизэ Реклю

«ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ».

съ массою фотографій, рисунковъ, картъ и виньетокъ.

6 КНИГЪ нашего изданія „ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ“ заключаютъ въ себѣ художественныя описанія жизни народовъ *отъ происхожденія человѣка до новѣйшихъ временъ.* По глубинѣ мысли и интересу содержанія, заключающаго въ себѣ и дивныя драмы, какихъ не можетъ измыслить самое пылкое воображеніе, и величественныя по красотѣ сцены жизни народовъ древняго и новаго міра, „Чѣловѣкъ и Земля“, безспорно, лучшее сочиненіе по исторической географіи, подобно тому, какъ прежній трудъ Э. Реклю—„Земля и Люди“—лучшее сочиненіе по описательной географіи.

КРОМѢ ТОГО, всѣмъ гг. подписчикамъ, уплатившимъ сполна подписныя деньги за годъ, хотя бы и въ разсрочку, будетъ выданъ.

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

къ романамъ **МАЙНЪ-РИДА,**

воспроизведенныхъ по оригиналамъ извѣстныхъ заграничныхъ художниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ЖУРН. „ПРИРОДА и ЛЮДИ“ со всѣми прилож. на годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **7** РУБ.

Безъ дост. въ СПБ. **6** руб., въ Москвѣ у Н. Печковской **6** р. **50** к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **3** р., къ 1 апрѣля **2** р. и къ 1 іюля остальные.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. домъ. Изд. П. П. Сойкинъ.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за двѣ семикоп. марки.

Открыта подписка на 1908 г. (изд. XXIII г.)

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издается съ 1885 г. — Одобренъ всѣми вѣдомствами.

„Р. ПАЛОМНИКЪ"—*единственный* въ Россіи журналъ для правосл. русск. семьи, который при самой широкой и разнообразной программѣ, обнимающей всѣ отдѣлы рел.-нравств. чтенія—даетъ въ приложеніяхъ *капитальнѣйшія сочиненія.*

„Р. ПАЛОМНИКЪ"—*единственный* въ Россіи духовный журналъ, который иллюстрируетъ свои статьи снимками съ *картинъ извѣстныхъ художниковъ* на мотивы библейск., церковн., историч. и современно-бытовые, а также *фотографическ. снимками* видовъ, событій и лицъ, о которыхъ сообщается въ журналѣ.

„Р. ПАЛОМНИКЪ"—*единственный* въ Россіи духовн. журналъ, который не ограничивается статьями богословскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ *увлекательные иллюстрированные очерки и разсказы* изъ общецерковн. и русской исторіи и изъ современ. жизни, чтобы не только удовлетворять интересамъ тѣхъ, кто ищетъ чтенія строго-церковнаго, но и быть *другомъ* правосл. русск. *семьи и школы* въ часы досуга.

„Русскій Паломникъ" въ 1908 г. дастъ подписчикамъ:

52 №№ литературно-художественнаго и роскошно иллюстрированнаго журнала, до 2.000 столбц. текста и до 300 иллюстрацій.

12 КНИГЪ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ **ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ**

большого формата до 2.000 страницъ. подъ редакц. и при ближайш. участіи *Е. Поселянина.*

Литературно-художественныя повѣствованія на всѣ 12 мѣсяцевъ года по **„Четьимъ-Минеямъ"** Святителя Димитрія Ростовскаго и по новѣйшимъ трудамъ въ области исторіи и житійной литературы.

Полное изданіе въ теченіе одного 1908 года

Нисколько не уступая по полнотѣ другимъ полнымъ собраніямъ „ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ", стоящимъ въ розничной продажѣ отъ 12 до 15 р. и дороже (какъ еще не законченное изданіе Моск. Синод. Типографіи),— настоящее изданіе, какъ приложеніе безъ дополнительной платы, является первымъ и единственнымъ общедоступнымъ для всякаго читателя.

6 КНИГЪ до 1.000 страницъ больш. формата 2-я полов. издан. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ **СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.**

Лица, не состоявшія подписчиками въ 1907 году и желающія получить первыя 8 книгъ полнаго собранія Твореній Св. Тихона, прилагаютъ при подпискѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 45 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ безъ доставки въ Спб. **пять** руб., съ дост. и перес. по всей Россіи **шесть** руб.,

Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. къ 1 іюля остальн.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. д.

Открыта подписка на **1908** годъ на журналы:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“

(„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“),

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Сороковой годъ изданія.

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ
4 р. 50 к.
безъ пересылки.
5 р. съ пересылкой.

Въ 1908 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала.

Безплатныя приложенія: 1) **Л. Н. Толстой.**—Избранные разсказы для школы и семьи. 2) **Бретъ-Гартъ.**—Избранные разсказы для школы и семьи. 3) **Оскаръ Уальдъ.**—Сказки. 4) **Проф. А. Л. Погодинъ.**—Очеркъ исторіи Польши. Со многими рисунками.

„Юная Россія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 кн.). Безъ доставки, на годъ **5** р. Съ доставкой и перес., на годъ **6** р.

Допускается разсрочка.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 г.г. по 4 р. безъ пересылки.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

1 р. 75 к.
безъ пересылки.
2 р. съ пересылкой.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія РАЗРѢШЕНЪ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: **Москва**, Б. Молчановка, д. № 24.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За страницу **40** руб. За 1/2 страницы **20** руб.

Издательница Е. Ж. Тихомирова.
Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ **„ЮНАЯ РОССІЯ“** и **„Педагогическій Листокъ“** организованъ **книжный складъ** изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

XXXII ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

XXXII ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1907 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей
МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 8 до 9 лѣтъ) получатъ
52 №№ и 42 ПРЕМІИ.

Въ числѣ послѣднихъ: двѣ большія КАРТИНЫ-ПАННО въ краскахъ: „ДРУЗЬЯ-КРЯНУШКИ" и „ЗА МОТЫЛЬКОМЪ"; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черн. листахъ; 12 вып. „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ ИСТОРИКЪ"; 6 кн. „БИБЛІОТЕКИ МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ"; 12 вып. „ЖУРНАЛА МУРЗИЛКИ" и мн. др.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей
СТАРШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ
52 №№ и 37 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: АКВАРЕЛЬНУЮ КАРТИНУ — „ЖЕРТВА ПИРАТОВЪ"; историческ. повѣсть Л. А. Чарской „ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ" съ илл.; худ. изд. „ГОГОЛЬ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ"; 12 иллюстр. кн. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества, „КАЛЕНДАРЬ" съ записной книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕЧКА" и „ДѢТСКІЯ МОДЫ".

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

ИЗУЧЕНІЯ

Древней Русской Скорописи

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

РУКОПИСЕЙ XV—XVIII СТОЛѢТІЙ

И. С. Бѣляева.

Со снимками устава, полуустава, азбуки скорописи, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, вязнаго и бѣлорусскаго письма.

Цѣна 1 руб. Веленевые экземпляры **2 руб.** Любительскіе на самой плотной мѣловой бумагѣ **5 руб.**

Складъ изданія въ Москвѣ, Моховая, въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**. Книгопродавцамъ обычная скидка.

Отдѣльные экземпляры можно получать отъ автора И. С. Бѣляева: Москва, Дѣвичье поле, Архивъ Министерства Юстиціи; выписывающіе отъ него за пересылку не платятъ.

XXXII ГОДЪ ИЗДАНІЯ